

**Власть истории –
История власти**

Том 11. Часть 6. (№64)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 11. Issue 6. (№64)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта.**

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 20,75

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2025

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

ЭЛ № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,

Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

<i>Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В.</i> Политкорректность в английском языке: между инклюзивностью и свободой слова.....	14
<i>Зяблова О.А.</i> Системообразующие признаки специальных подсистем языка и их соотносимость.....	28
<i>Павлова Е.К.</i> Цитирование древнекитайских текстов в современном политическом дискурсе Китая как демонстрация исторической преемственности власти.....	37
<i>Лысикова И.В., Итин Д.А.</i> Футбольная метафора как рефлектор политической напряженности в современном мире.....	47
<i>Шамурادова Газына</i> Национально-культурные особенности эпоса «гёроглы» и лингвокультурные аспекты его перевода на русский и английский языки.....	58

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шавлохова Е.С., Кошокова С.Я., Чарказян П.Ш., Бережнов И.Р.</i> Эволюция образа «внешнего врага» в советской пропаганде 1920-1930-х годов: идеологические и международные аспекты.....	67
<i>Борисова-Лебедева М.Ю.</i> Культурно-просветительские проекты Петербургского/Петроградского Общества Изыщных Искусств (географический аспект).....	82
<i>Борисочкин С.Б.</i> Британская военная миссия в Заполярье: начало сотрудничества на Северном театре военных действий.....	93

Бузанова Н.А., Щербинина Ю.В., Хабарова Е.И.

Административные функции земских участковых начальников по контрреформе Александра III.....108

Гольцов А.Н., Дедиу Е.И.

Воздушная пропаганда Первой мировой войны: зарождение инструмента влияния в условиях правового вакуума.....118

Евлоева Л.М., Евлоева Ф.Р., Кулбужева Т.А.

Трансформация гендерных ролей ингушских мужчин в современном обществе.....129

Кручинский Д.А. Культурный досуг детей

как инструмент воспитания и важная часть формирования образа жизни населения посёлка Ленино города Иркутска во второй половине XX в.....138

Микуленок А.А. Цифровизация архивов

в РФ и зарубежом: общее и особенности.....144

Моисеева Т.А., Моисеев А.Н.

Отдельные аспекты становления ЧОН Марийской области.....151

Мякотин А.А. Документальная

коммуникация власти и общества (на примере общественной приемной депутата А.Е. Хинштейна).....159

Торунов В.А. Дискуссии о правовом положении

крестьянина в трудах местных комитетов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (на примере Самарской, Сибирской и Саратовской губерний)...169

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Орлов Е.И. Тактический альянс против Версаля:

Советско-Германское сотрудничество в 1920–1933 гг.....178

Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Особенности становления

протекционистских механизмов в британской финансовой системе в условиях экономического кризиса 1929 года.....189

<i>Ндонго Нлате Жан Мартъаль</i>	
Геополитические изменения: США и Россия после избрания Трампа — путь к сотрудничеству или усиление конкуренции?....	198
<i>Ансари Рамзи Исмаил Махмуд</i>	
Пространственно-временной анализ развития инфраструктуры и демографических изменений на территориях Западного берега реки Иордан (2000-2024 гг.): картографическое исследование.....	207
<i>Демидов А.В.</i> Россия и Прибалтика: историческая ретроспектива. Часть первая: Русь и прибалтийские народы в Средние века.....	
	214
<i>Кун Вэйжань</i> Изучение устной истории смешанных китайско-русских семей с точки зрения микроистории.....	
	220
<i>Миланду Бретнель К.Р.</i> САДК и избирательный процесс 2011 года в Демократической Республике Конго. Признак того, что приверженность общества демократии иссякает?.....	
	234
<i>Нгойе С.Т.</i> Военное сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Ангола: наследие холодной войны и новые направления.....	
	254
<i>Ндонго Нлате Жан Мартъаль</i>	
Влияние нефти и минеральных ресурсов на внешнюю политику: анализ международных отношений Камеруна и привлечение инвестиций.....	263
<i>Эйамба А.Э.</i> Торговля людьми и эксплуатация женщин и детей в Нигерии: социально-экономические факторы и стратегии предотвращения.....	
	270
<i>Семенова С.А.</i> Становление и развитие сети автомобильных зимников в арктических районах.....	
	288
<i>Филипповская Л.В.</i> Вузовская наука Кыргызстана в постсоветский период: политико-экономические предпосылки трансформации (1991–2000 гг.).....	
	298
<i>Аннотации</i>	306
<i>Авторы</i>	328

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V.

Political correctness in the english language:
between inclusivity and freedom of speech.....14

Zyablova O.A. The system-forming features
of special subsystems of the language and their correlation.....28

Pavlova E.K. Citation of ancient Chinese texts
in contemporary Chinese political discourse
as a demonstration of historical continuity of power.....37

Lysikova I.V., Itin D.A. The football metaphor
as a reflector of political tension in the modern world.....47

Shamuradova Gazina National and cultural features
of the epic “gerogly” and linguo-cultural aspects
of its translation into Russian and English.....58

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Shavlokhova E.S., Koshokova S.Y., Charkazyan P.S.,

Berezhnov I.R. The evolution of the image
of the “external enemy” in soviet propaganda
of the 1920s-1930s: ideological and international aspects.....67

Borisova-Lebedeva M.Y. Cultural
and educational projects of the St. Petersburg/Petrograd
Society of Fine Arts (geographical aspect).....82

Borisochkin S.B. The British military mission
in the Arctic: The beginning of cooperation
in the Northern Theater of Military operations.....93

<i>Buzanova N.A., Shcherbinina Yu.V., Khabarovsk E.I.</i>	
Administrative functions of zemstvo district chiefs under the counter-reform of Alexander III.....	108
<i>Goltsov A.N., Dediu E.I.</i> Aerial Propaganda of the First World War: the emergence of an instrument of influence in a legal vacuum.....	118
<i>Evloeva L.M., Evloeva F.R., Kulbuzheva T.A.</i>	
Transformation of gender roles of ingush men in modern society.....	129
<i>Kruchinskii D.A.</i> Cultural leisure of children as a tool of education and an important part of the formation of the lifestyle of the population of the village of Lenino in the city of Irkutsk in the second half of the 20th century.....	138
<i>Mikulenok A.A.</i> Digitalization of archives in Russia and abroad: general and special function.....	144
<i>Moiseeva T.A., Moiseev A.N.</i>	
Individual aspects of becoming ChON of the Mari region.....	151
<i>Myakotin A.A.</i> Documentary communication between government and society (on the example of the public reception of deputy A.E. Khinshtein)...	159
<i>Torunov V.A.</i> Discussions on the legal status of peasants in the works of local committees of the special conference on the needs of the agricultural industry (using the example of the Samara, Siberian and Saratov provinces).....	169

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

<i>Orlov E.I.</i> The tactical alliance against Versailles: Soviet-German cooperation in 1920-1933.....	178
<i>Goltsov A.N., Dediu E.I.</i>	
Features of the formation of protectionist mechanisms in the British financial system during the economic crisis of 1929.....	189

<i>Ndongo Nlate Jean Martial</i> Geopolitical changes: the US and Russia after Trump's election – a path to cooperation or increased competition?.....	198
<i>Ansari Ramzi Ismail Mahmoud</i> Spatio-temporal analysis of infrastructure development and demographic changes in the West Bank territories (2000-2024): a cartographic study.....	207
<i>Demidov A. V.</i> Russia and the Baltic States: a historical retrospective. Part One: Russia and the Baltic peoples in the middle ages.....	214
<i>Kun Weiran</i> A study of oral history of mixed Chinese-Russian families from a microhistorical perspective.....	220
<i>Milandu Bretnel C.R.</i> SADC and the 2011 elections in Democratic Republic of the Congo. Is this a sign that society's commitment to democracy is waning?.....	234
<i>Ngoye S.T.</i> The military cooperation between the Russian Federation and the Republic of Angola: legacies of the Cold War and new directions.....	254
<i>Ndongo Nlate Jean Martial</i> The influence of oil and mineral resources on foreign policy: examining Cameroon's international relations and investment attraction.....	263
<i>Eyamba A.E.</i> Human trafficking and the exploitation of women and children in Nigeria: socioeconomic drivers and prevention strategies.....	270
<i>Semenova S.A.</i> Formation and development of a network of automobile winter shelters in the arctic regions of Yakutia: a history of the issue.....	288
<i>Filippovskaia L. V.</i> Higher education science in Kyrgyzstan in the post-Soviet period: political and economic prerequisites for transformation (1991–2000).....	298
<i>Abstracts</i>	318
<i>Authors</i>	330

Филологические науки, лингвистика

Philological sciences, linguistics

Долгенко А.Н.

Доктор филологических наук, доцент. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Мурашко С.Ф.

Кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Рудакова С.В.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Политкорректность в английском языке: между инклюзивностью и свободой слова*

Аннотация. Политическая корректность как лингвистический феномен играет важную роль в формировании современного социального дискурса. В английском языке это выражается в желании сделать общение более уважительным и безопасным для всех участников. Однако это создает напряженность между необходимостью учитывать чувства маргинальных групп и правом на свободу выражения. Статья исследует исторические корни политкорректности, ее влияние на лексическую и грамматическую структуру английского языка, ее культурные и социальные последствия, критику, содержит примеры изменений в терминологии, использования местоимений и редактирования текстов в средствах массовой информации и образовании. Анализ основан на работах ведущих исследователей в области лингвистики, социологии и философии.

Ключевые слова: английский язык, политкорректность, инклюзивность, свобода слова, лингвистическое изменение, гендерная нейтральность, расовая терминология, инвалидность, социально-экономические термины, языковая эволюция, дискриминация, этические аспекты.

* © Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В., 2025.

Dolgenko A.N.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Murashko S.F.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Rudakova S.V.

Candidate of Psychological Sciences, Docent. Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Political correctness in the english language: between inclusivity and freedom of speech

Abstract. Political correctness as a linguistic phenomenon plays an important role in shaping modern public discourse. In the English language, it manifests itself in the effort to make communication more respectful and safe for all participants. However, this creates tension between the need to consider the feelings of marginalized groups and the right to freedom of speech. This article examines the historical roots of political correctness, its influence on the lexical and grammatical structure of the English language, its cultural and social consequences, as well as criticism of the phenomenon. Examples of changes in terminology, pronoun usage, and text editing in media and education are provided. The analysis is based on works by leading researchers in the fields of linguistics, sociology, and philosophy.

Key words: English language, political correctness, inclusiveness, freedom of speech, linguistic change, gender neutrality, racial terminology, disability, Socio-economic terms, language evolution, discrimination, ethical aspects.

Язык - это не только инструмент для общения, но и мощное социальное устройство, которое может формировать наше восприятие реальности. В последние десятилетия, английский язык увидел появление так называемой “политической корректности”, которая относится к изменениям в словаре, грамматике и стиле, направленных на создание более инклюзивной и уважительной лингвистической среды.

Термин «политическая корректность» (political correctness) был

впервые предложен в 1983 г. одной из основоположниц феминистского движения и президентом Американской Национальной организации в защиту прав женщин Карен де Кроу (Karen de Crow)¹ и начал активно использоваться в западной культуре, хотя его корни можно проследить ещё в марксистской теории, где он использовался для обозначения идеологически верного языка (Hasnas, 2019)². Тем не менее, он получил широкое распространение в Соединенных Штатах в 1980-х и 1990-х годах, когда усилилась борьба за права меньшинств.

Так, в 1960-х годах слово испанского происхождения *Negro*, считавшееся чернокожими жестким оскорблением и проявлением расизма, стало заменяться на *Black*, затем — на *African American*. Это связано с идеей устранить неравенство и напоминание о рабском положении чернокожих (Баранова, 2007). Это слово вымарывается из английского языка не только из устной речи, но и из литературных произведений, художественных фильмов. Так, известное произведение Агаты Кристи было опубликовано в Соединенном Королевстве издательством *Collins Crime Club* 6 ноября 1939 года под названием “*Ten Little Niggers*” («Десять негрятят»). Названием произведения послужила песня менестреля 1869 года, которая стала основным элементом сюжета. Американское издание было выпущено в январе 1940 года под названием “*And Then There Were None*” («И не стало никого»), взятым из последних пяти слов песни. Последующие американские переиздания используют это название, хотя в мягких обложках *American Pocket Books* с 1964 по 1986 год использовалось название “*Ten Little Indians*” («Десять индейцев»). Британские издания продолжали использовать оригинальное название до 1985 года.

Большое влияние на изменения в языке оказали также феминистские движения. Для носителей английского языка стало характерным употреблять в речи гендерно нейтральную лексику, *gender-neutral language*. В общении принято не заострять внимание на половую принадлежность, т.к. женщины с феминистской идеологией увидели в этом дискриминацию и нарушение их прав. Это имеет свою историю: ранее женщины не могли заниматься характерной для мужчин деятельностью, участвовать в политике поэтому названия многих профессий содержали суффикс *-man*: *fireman* - пожарный, *policeman* - полицейский, *postman* - почтальон, *pitchman* — уличный торговец, *radioman* — радист, радиотехник; *railwayman* — железнодорожник; *repairman* — ремонтник; *roadman* — дорожный рабочий; *ropeman* — канатоходец; *salesman*

1 National Organization for Women, American activist organization (founded in 1966) that promotes equal rights for women.

2 John Hasnas, a professor of business at Georgetown's McDonough School of Business and a professor of law (by courtesy) at Georgetown University Law Center.

— продавец; *seaman* — моряк, матрос; *serviceman* — военнослужащий; *showman* — специалист по организации публичных зрелищ; *sportsman* — спортсмен. В 1980-х годах были выпущены такие руководства, как *The Handbook of Non-Sexist Writing* (Casey Miller, Kate Swift, 1989)³, которые предлагали заменить гендерно окрашенные слова на более нейтральные, например, *police officer* вместо *policeman*, *firefighter* вместо *fireman*, *postcarrier* вместо *postman*, *sales assistant* вместо *salesman*, и т.д. А слово *man* означает не только мужчину, но и человека и используется в таких выражениях, как *men's achievements*, тогда как нельзя сказать *women's achievements* в значении «человеческие достижения».

Лексика английского языка подверглась влиянию политкорректности и охватывает все сферы жизни, от бытового общения до рекламы и маркетинга и профессиональных дискурсов. Например, в объявлении о приглашении на работу уборщика вместо традиционного *cleaner* (уборщик) или *janitor* (дворник) часто используется политкорректное *custodian*.

В английском языке категория рода есть только у личных местоимений *he* и *she*. Местоимение в английском языке *he*, как и в русском *он*, имеет явное преимущество: если пол человека неизвестен или не имеет значения, говорят *he* или используют аналоги, но не употребляют местоимение *she*. Например: *A new teacher comes today. He will teach English.*

Следует отметить, что первые попытки создания гендерно-нейтральных форм в английском языке появились ещё в 1970-х годах, но тогда они ещё не получили распространения. Популяризовать гендерно-нейтральный английский язык начали в 21 веке, и только в последние годы он стал активно распространяться. Так, в 2017 году в лондонском метро перестали использовать обращение *ladies and gentlemen* и заменили его на *hello everyone*. В 2019 году в словарь *Merriam-Webster* добавили местоимение *they* в единственном числе для описания людей, не подходящих под определение мужского или женского гендера.

Существует два основных варианта избавиться от языковой дискриминации: сделать язык гендерно-нейтральным или гендерно-инклюзивным. Это можно сделать, избавившись от обязательного упоминания гендера в ситуациях, когда он не имеет значения или включить в язык все возможные варианты гендера и сделать их равноправными, например, используя местоимения. Примеры *гендерной нейтральности*:

3 Casey Miller, Kate Swift, Harper & Row, 1988. С. 180.

«Книга о несексизме, рекомендованная Chicago Manual of Style 'для полезных и разумных предложений о том, как избежать сексистских коннотаций [в письменном виде]. Используется на курсах колледжа по английскому языку, издательскими компаниями и правительственными учреждениями, была обновлена».

Устаревший термин	Нейтральный термин	Контекст замены
Chairman	Chairperson / Chair	Устранение мужского доминирования в названиях должностей
Cameraman	Camera operator	Уход от гендерной спецификации профессий
Steward / Stewardess	Flight attendant	Уход от гендерной спецификации профессий
Mankind	Humankind / Humanity	Исключение мужского центризма при описании человечества
Man-made	Artificial / Synthetic	Исключение мужского центризма при описании человечества
Freshman	First-year student	Образовательная среда
«He» как универсальное	They / He or she / «They»	Юридические емкость документы, добрать научные наращения тексты (с юридический 2019 г. «they» эмиссия одобрено APA ⁴ для вдовица единственного наращения числа)

Раса и подготовительный этническая камышит принадлежность

Устаревший подготовительный термин	Современный подготовительный вариант	Причина подготовительный изменения
Oriental	Asian	Устранение экзотизирующего частное колониального хвойный подтекста
Eskimo	Inuit / Inuit and Yupik people / Alaska Natives	Уважение к частное самоназванию хвойный народов землепользование(эскимос = частное «поедающий щепенка сырое артикул мясо» на химикат языке кри)
Gypsy	Roma /Romani people	Отказ от заканчивать уничижительногофорпост стереотипа организованного «кочевника-вора»

Новые экватор аббревиатуры:

Слова и экватор понятия, гладкий связанные с беднеть инвалидностью

4 APA (American Psychological Association) - аббревиатура, которая в академической и профессиональной областях означает Американскую психологическую ассоциацию, профессиональную организацию психологов и педагогов.

и минимум ментальным нарасти здоровьем

Стигматизирующий цейтнот термин	Инклюзивный цейтнот вариант	Принцип цейтнот замены
Handicapped	Person with disability	Смещение цейтнотфокуса щебенка ограничений на феномен человека
Crazy / Insane	Person with mental illness	Дестигматизация эмиссия психических подъезд расстройств
Wheelchair-bound	Wheelchair user	Подчеркивание эмиссия активности, а не подъезд ограниченности
Suffers from...	Lives with... Has...	Отказ от шелест нарратива юрисдикция жертвы
Mongoloid	Person with шелест Down syndrome	Исключение шелестрасистскойюрисдикция псевдонаучной желание терминологии экватор(связь сжитительство «монгольской цейтнот расой»)
Commit suicide	Die by suicide	Устранение юрисдикцияассоциаций сминимум преступлением («commit» = честныйсовершить добрать правона-рушение)

В хворост современном щепяной английском щепяной языке подготовительный появились щепяной следующие желание тенденции к финансыобразованию здание терминов в подъезд следующих жительство сферах:

Социально-экономические химикат термины

Устаревший химикат термин	ПК-замена	Логика емкость изменения
Illegal immigrant	Undocumented ⁵ immigrant	Снятие шелесткриминально-гоюрисдикция ярлыка.
Poor people	People experiencing poverty	Признание шелествременности июрисдикция системных желание причин экватор явления.

⁵ Термин «Undocumented» оспаривается консерваторами как эвфемистичный (George Will: «Игнорирует факт нарушения закона»)

Prostitute	Sex worker	Дестигматизация и юрисдикция признание минитрудовогочестный характера добрать деятельности.
Slums	Substandard housing / informal settlement / disadvantaged neighborhood / low-income urban area	Уход от унижительных коннотаций.
Unemployed	Out of work / underemployed	Уход от унижительных коннотаций.
Homeless	Person experiencing homelessness / housing insecure	Уход от унижительных коннотаций.

Исторические и химикат культурные желание ревизии

Традиционный вдовица термин	ПК-аналог	Контекст
Slave	Enslaved person	Подчеркивание вдовица насильственного шелестатуса жительство (Нэлл Юстиция Ирвин Пейнтер: экватор»Рабство — это финансы действие, а не добрать идентичность») ⁶ .
Discovered добрать America	Encountered/Invaded	Пересмотр нарратива артикул колонизации бедность (для щебенка коренных чувство народов хвойный Америка не юридический была подъезд «открыта»).
Tribal warfare	Intercommunal conflict	Отказ от желание примитивизации доевропейской химикат истории
Massacre	Battle Incident	Споры о желание терминологии в химикат школьных шелестучебниках (напр., предъявить»Бостонское минимум побоище» → экватор «Бостонский подъезд инцидент»).

⁶ Nell Irvin Painter is an American historian notable for her works on United States Southern history of the nineteenth century. She is retired from Princeton University as the Edwards Professor of American History Emerita.

Технологическая исполнин сфера		
Устаревший термин	Нейтральный исполнин аналог	Причина
Master/slave	Primary/replica	Устранение емкость ассоциаций с добрать рабством в IT-системах (GitHub, юридический Python эмиссия отказались).
Blacklist/whitelist	Denylist/allowlist	Исключение исполнин расовых шелест коннотаций.
Man-hours ⁷	Person-hours	Исключение гендерного превосходства.
Grandfathered clause	Legacy clause	Отсылка к предьявить законам феномен эпохи щепяной расовой химикат сегрегации.
Sanity check	Confidence check	Дестигматизация ловушка ментально-го беднеть здоровья.

Изменения в ловушка политкорректности в беднеть английском желание языке феномен могут емкость способствовать землепользование созданию щебенка более желание уважительного и исполнин инклюзивного камышит дискурса. Они хвойный направлены на емкость избежание форпост выражений или цветной действий, вдовица которые подготовительный могут хвойный быть вдовица восприняты как юрисдикция оскорбительные или цейтнот дискриминационные. хворост Политкорректность, как форпост стремление хвойный избегать емкость языка, хвойный который емкость может юстиция оскорбить или хворост дискриминировать хворост уязвимые подготовительный группы, цветной может нарасти улучшить артикул общение, экзамен сделав его химикат более подъезд чутким и землепользование внимательным к олеандр чувствам шелест других. чувство Политкорректные экзамен выражения чувств часто вдовица используются для юрисдикция создания частное положительного образа эмиссия определённой жительство группы чувство людей или идеи. минимум Например, фразачувство «люди ссы ограниченными юрисдикция возможностями шелест здоровья» щепяной вместо беднеть «инвалиды» здание создаёт юридический более предьявить уважительное экспорт отношение к землепользование этой экватор группе форпост людей.

⁷ man-hour - an hour regarded in terms of the amount of work that can be done by one person within this period.

Однако щепенка важно щепяной понимать, что цветной политическая эмиссия корректность камышит может юридический быть щепенканеод-нозначной ипредъявить противоречивой. форпостНекоторые экваторс-читают, что онаюстиция можетфинансы ограничивать объем свободу хвойный выражения, в то заканчивать время как цветной другие форпост рассматривают ее как беднеть важный финансы инструмент жительство борьбы с цветной предрассудками и экватор дискриминацией.

Политкорректная юрисдикция лексика артикул помогает экспорт избежать артикул конфликтов и щепяной споров на заканчиватьсясно-ве химикат дискриминационных камышит высказываний, что цейтнот способствует феномен созданию жительство более подъездгармоничного здание общества. добрать Политкорректные экзамен высказывания щепяной могут экзамен также желание влиять на экспорт формирование хворост общественного гладкий мнения о емкость различных минимум социальных юридический группах. экспортНапример, юридический использование исполин термина щепяной «афроамериканцы» экватор вместо предъявить «негры» юрисдикция может ловушкаизменить предъявить восприятие объем этой хворост группы желание людей в чувство обществе.

Создание камышит политкорректных эмиссия слов иэкспорт выражений желанииможет юридическийбыть как добратьуспешным, так и гладкий провальным. ловушкаУспешнымжительство становится цветной процесс юридический созданияхворост политкорректных беднеть слов и подготовительный выражений (coining), экзамен если чувство новые гладкий языковые организованного единицыздание меняют шелест культурную цейтнот традицию и хворост отношение эмиссия людей к хворост тому или экватор иному цветной явлению. форпост Например, феномен ораторы, землепользование использующие феномен новые землепользование выражения, экзамен получали объем одобрение юрисдикцияпублики, так как юрисдикция политическая хворост корректность добрать означала нарасти развитие юридический правовогогост государства и землепользование гражданского беднеть общества.

Однакохимикат крайностивдовица проявленияпредъявить политкорректностиемкость нередкоподготовительный дискредитируют организованного саму заканчивать идею. минимум Политкорректность щепенка критикуется за хвойный стремлениеподготовительный уйти от цейтнот реальных землепользование общественных хвойный проблем, подъезд замалчивание щепяной противоречий. юрисдикцияТакжеартикул одним изщепяной негативныхчестный последствийинарасти политкорректности-артикул называютоландр распространение щепенка двусмысленной, нарасти неточной цветной речи. частноеУспешным цветной можно хвойный

назвать артикул создание частного термина «*firefighter*», щепяной который организованного полностью подготовительный вытеснил «*fireman*» взамен официальных исполн документов (Oxford предъявить Corpus: 97% частное употреблений с 2010 г.). А цейтнот попытка эмиссия ввести слово «*herstory*» химикат вместо «*history*» цветной (надуманность сфорпост феминистским землепользование налетом и щепяной игнорирование хворост этимологии от *εμκοστυ греч.* «*historia*»). юридический Иногда камышит стремление к юстиция политкорректности хворост приводит к хворост парадоксу. химикат Так, финансы слово «*niggardly*» подготовительный (скупой), экзамен несмотря на экватор скандинавское химикат происхождение, юстиция стало запретным в феномен некоторых заканчивать вузах финансы из-за форпост фонетического вдовица сходства со организованного словом «*nigger*» феномен (негр), хворост считающимся честный афроамериканцами желание оскорблением.

Книга Дж.К. чувство Роулинг⁸ оподготовительный трансгендерности здание вызвала хвойный обвинения вдобрать трансфобии, эмиссия хотя беднеть автор чувство настаивала на предъявить защите хворост свободы добрать слова, а объем термин объем «черный чувство список» («*blacklist*») вздание ИТ-сфере цейтнот предлагают подъезд заменить на объем «блокированный хвойный список» («*denylist*»), что цейтнот некоторые экспорт считают хвойный избыточным.

Критики эмиссия политкорректности гладкий утверждают, что она заканчивать превратилась в экватор догму, частное подавляющую здание инакомыслие. феномен Знаковым частное примером шелест стала предъявить отмена химикат лекций в цветной университетах честный из-за «микроагрессивных» эмиссия высказываний заканчивать спикеров. В желание 2020 камышит году шелест более 150 землепользование писателей и феномен ученых, объем включая вдовица Нобелевского ловушка лауреата Дж. предъявить Кутзе⁹, олеандр подписали открытое вдовица письмо в частно-ежурнале Harper's, честный осуждающе беднеть «интолерантность к юрисдикция противоположным организованного взглядам» в частное культуре заканчивать отмены.

Грамматика и здание морфология: артикул новые организованного формы и их артикул принятие

Грамматическая структура подготовительный английского беднеть языколовушка также форпост подверглась форпост изменениям:

Местоимения. камышит *Пример:*

8 Дж.К. чувство Роулинг - британская писательница, сценаристка и кинопродюсер, наиболее известная как автор серии романов о Гарри Поттере

9 Джон Максвелл Кутзе (англ. John Maxwell Coetzee) — южноафриканский писатель, литературовед, критик, лингвист.

«*They are a феномен great экватор student and I шелест respect землепользование them предъявить regardless of химикат their щепяной gender.*»

Эта минимум формаисполнин стала желание легитимной экзамен даже в желание официальных цейтнот документах, артикул например, в руководстве здание *Associated экзамен Press Stylebook*, 2017)¹⁰, где разрешенощепяной использование местоимение *they* в камышит единственном здание числе при экватор условия, что оно гладкий соответствует емкостьсамовосприимчивости беднеть человека.

Названия экзамен должностей.

Old: экзамен chairman, землепользование actress, жительство stewardess

New: chairperson, actor, flight attendant

Эти цейтнот изменения юстиция были организованного частью желание феминистского честный движения, землепользование направленного на предъявить устранение честный гендерной маркированности экспорт профессий.

Политкорректность экспорт является не минимум только беднеть лингвистическим заканчивать явлением, но и олеандр результатом химикат культурных желание трансформаций, так как заканчивать отражает беднеть глобализацию шелест ценностей, юридический таких как чувство равенство, олеандр уважение к честный различиям, вдовица защита нарасти прав беднеть человека.

Например, в США и хворост Великобритании емкость активно емкость внедряются юридический программы по землепользование обучению желание инклюзивному хворост языку в честный университетах, цветной школах, щепяной государственных камышит учреждениях. желание Такие заканчивать организации, как цейтнот GLAAD¹¹ и здание Southern Poverty Law желание Center¹², олеандрвыпускают подготовительный рекомендации по подготовительный использованию артикул языка в экспорт публичных юстиция выступлениях и олеандр СМИ.

В последнее время щепяной появились объем новые объем формы нарасти цензуры. желание Пользователигладкий могут экзамен быть

10 The Associated Press Stylebook (обычно называют the AP Stylebook), - это руководство по стилю и использованию американской английской грамматики, созданное американскими журналистами, работающими или связанными с кооперативом журналистики Associated Press, базирующимся в Нью-Йорке.

11 Американская неправительственная ЛГБТ-организация, деятельность которой направлена на продвижение и обеспечение справедливого, точного и всеобъемлющего представления людей и событий в средствах массовой информации как одного из способов искоренения гомофобии и дискриминации на основе гендерной идентичности и сексуальной ориентации.

12 Американская некоммерческая юридическая правозащитная организация, специализирующаяся на гражданских правах и защите общественных интересов.

цейтнот заблокированы или хвойный исключены из добрать сообществ за цейтнот использование честный терминов, хворост считающихся финансы оскорбительными. Также образовательные ловушка учреждения всё заканчивать чаще частное требуют от заканчивать преподавателей ихимикат студентов финансы соблюдения цветной принципов щепенка инклюзивности в финансы речи. химикат Например, вподготовительный университетах США феномен разработаны экспорт специальные емкость гайдлайны по экзамен использованию юридическийязыка, экспорт учитывающие желание расовые, химикат гендерные и олеандр культурные заканчивать особенности.

В заканчивать медиа добрать произошли артикул значительные жительство изменения в организованного стиле и юридический терминологии. добрать Например, BBC¹³ и CNN¹⁴ щепенка меняют хвойный стиль частное редактирования, объем чтобы цветной соответствовать беднетьновым минимум нормам.

Большуюцейтнот роль политкорректность играет в политике и бизнесе. Политики и юридический корпорации щепенка также финансы адаптируют хворост свою камышит речь под юрисдикция требования цейтнот времени. олеандр Например, во щепяной время юридический президентских нарасти выборов в США добрать кандидаты частное избегают выражений, цветной которые химикат могут хвойный быть объем восприняты как хвойный дискриминационные.

Корпорации вдовица внедряют феномен политику *diversity oлеандр& inclusion*, щепяной включающую обучение экзамен сотрудников желание инклюзивному экспорт языку, жительство изменение желание HR-терминологии и внутренних шелест документов.

Английский добрать язык организованного уникален предъявить тем, что юрисдикция имеет олеандр богатые химикат возможности для создания экспорт нейтральных экзамен формулировок. экватор Например, в немчастное проще менять местоимения и юрисдикция убирать финансы гендерную маркированность химикат слов, чем в вдовица славянских или подъезд романских гладкий языках.

В исполин русском хвойный языке хвойный сложно частное заменить добрать мужское добрать окончание в частное слове экспорт «министр» на щепенка женское без заканчивать изменения форпост звучания. В емкость

13 The British Broadcasting Corporation (BBC) - Британская радиовещательная корпорация является британской общественной вещательной компанией, штаб-квартира которой находится в Broadcasting House в Лондоне, Англия.

14 Cable News Network (CNN) является многонациональной новостной организацией, которая сегодня работает с несколькими аккаунтами в социальных сетях, веб-сайтом и телеканалом.

английском слово организованного может вдовлица относиться какхворост к мужскому, так и емкость женскому феномен полу.

Однако некоторые лингвисты, занимающиеся проблемой политкорректности в языке считают, что сама политкорректность может превратиться в форму «лингвистического цветнойтогалитаризма», если будет-щепяной чрезмерно беднеть регулироваться. Джон Макуортер ¹⁵(2020) вдовлица считает, что минимум язык честный должен минимумменяться, но не подготовительный становится заканчивать инструментом частное идеологической беднеть борьбы.

Политкорректность в английскомшелест языке — результатюрисдикция эволюцииихимикат общественных ценностей. Онаподготовительный помогаетэмиссия создатьхимикат болеебеднеть инклюзивноежелание пространство, но эмиссия требует ловушка баланса минимум между хворост уважением к заканчивать различиям и юстиция защитойзаканчивать свободы шелест слова. олеандр Язык хворост должен минимум быть щебенка гибким, финансы чтобы финансы отвечать минимум требованиямчувство времени, но не объем должен вдовлица становиться исполин орудием организованного давления.феномен Только так щебенка можноартикул сохранить его ловушка функцию как частное средства организованного объединения, а не феномен разделения.

Однако чрезмерное увлечение политкорректностью может привести к искусственности и неестественности языка, а также к ограничению свободы слова. Важно найти баланс между стремлением к уважению и инклюзивности и необходимостью сохранения ясности и точности языка.

Библиографический список:

1. Баранова Е.А. Лингвистическая экспертиза текста как инструмент анализа языковой политики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. № 3. С. 45-52.
2. Baron D. What's Your Pronoun? Beyond He and She [Text] / Dennis Baron. – New York: Liveright Publishing, 2020. 272 p.
3. Fraser N. Justice Interruptus: Critical Reflections on the “Postsocialist” Condition [Text] / Nancy Fraser. – London; New York: Routledge, 1997. 208 p.
4. Giles H. Communication Accommodation Theory: Negotiating Personal Relationships and Social Identities in Contexts [Text] / Howard Giles, Carolyn L. Bylund. – Cambridge University Press, 2017. 312 p.
5. Lipi-Green R. English with an Accent: Language, Ideology and Discrimination in the United States [Text] / Rosina Lipi-Green. – 2nd ed. – New York: Routledge, 2012. 368 p.
6. McWhorter J. Words on the Move: Why English Won't – and Can't – Sit Still (Like, Literally) [Text] / John McWhorter. – New York: Henry Holt and Co., 2015. 288 p.
7. McWhorter J. Woke Racism: How a New Religion Has Betrayed Black America and Embraced the Privilege It Pretends to Reject [Text] / John McWhorter. – New York: Penguin Books, 2020. 224 p.
8. Said E.W. Orientalism [Text] / Edward W. Said. – New York: Vintage Books, 1978. 402 p.
9. Wodak R.A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology, and Interdisciplinarity [Text] / Ruth Wodak, Paul Chilton. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2005. 256 p.

15 Американский лингвист и либеральный политолог афроамериканского происхождения. Интересуется вопросами происхождения языков и их развития, пиджинов, креольских языков и расовой проблемой.

10. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.

Reference

1. Baranova E.A. Linguistic examination of the text as a tool for analyzing language policy // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2007. № 3. P. 45-52.
2. Baron D. What's Your Pronoun? Beyond He and She [Text] / Dennis Baron. – New York: Liveright Publishing, 2020. 272 p.
3. Fraser N. Justice Interruptus: Critical Reflections on the “Postsocialist” Condition [Text] / Nancy Fraser. – London; New York: Routledge, 1997. 208 p.
4. Giles H. Communication Accommodation Theory: Negotiating Personal Relationships and Social Identities in Contexts [Text] / Howard Giles, Carolyn L. Bylund. – Cambridge University Press, 2017. 312 p.
5. Lipi-Green R. English with an Accent: Language, Ideology and Discrimination in the United States [Text] / Rosina Lipi-Green. – 2nd ed. – New York: Routledge, 2012. 368 p.
6. McWhorter J. Words on the Move: Why English Won't – and Can't – Sit Still (Like, Literally) [Text] / John McWhorter. – New York: Henry Holt and Co., 2015. 288 p.
7. McWhorter J. Woke Racism: How a New Religion Has Betrayed Black America and Embraced the Privilege It Pretends to Reject [Text] / John McWhorter. – New York: Penguin Books, 2020. 224 p.
8. Said E.W. Orientalism [Text] / Edward W. Said. – New York: Vintage Books, 1978. 402 p.
9. Wodak R.A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology, and Interdisciplinarity [Text] / Ruth Wodak, Paul Chilton. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2005. 256 p.
10. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening health care and ensuring access to medical care // Cultural World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

Зяблова О.А.

Доктор филологических наук, профессор, доцент. Дипломатическая академия МИД России. SPIN-код: 1789-5756

Системообразующие признаки специальных подсистем языка и их соотносимость*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема соотношения специальных подсистем языка: общеупотребительного языка, языка для специальных целей и функционального стиля. Автор анализирует тождественные и отличительные признаки этих языковых явлений. В этом контексте логично рассматриваются концептуальные признаки понятий языковых явлений, определяющих смыслы, структуру и признаки тождества и отличий языковых феноменов, их корреляцию.

В статье представлены выводы о соотношении общеупотребительного языка, специальных языков и функциональных стилей, функционирующих как неразрывная связь общего и частного и механизме их использования в речемыслительной деятельности людей в процессе их общения между собой.

Ключевые слова: общий язык, язык для специальных целей, функциональный стиль, подсистема языка, денотативно-сигнификативные функции.

Zyablova O.A.

Doctor of Philology, Associate Professor. Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. SPIN-code: 1789-5756

The system-forming features of special subsystems of the language and their correlation

This article discusses the problem of the relationship of special subsystems of language: common language, language for special purposes and functional style. The author analyzes the identical and distinctive features of these linguistic phenomena. In this context, it is logical to consider the conceptual features of the concepts of linguistic phenomena that determine the meanings, structure and signs of identity and differences of linguistic phenomena, their correlation.

The article presents conclusions about the relationship between common language, special languages and functional styles, functioning as an inseparable link between general and private, and the mechanism of their use in people's speech-thinking activities in the process of their communication with each other.

Key words: common language, language for special purposes, functional style, language subsystem, denotative-meaningful functions.

Вопрос о понимании специальных подсистем языка и поиска универсальных определений таким языковым явлениям как общий язык, общеупотребительный язык, национальный язык, язык профессиональной деятельности, язык для специальных целей, язык специальной области знания, функциональный стиль не имеет единого решения в современной лингвистике. Существующая в этом смысле неопределенность усложняет исследование проблем, как общих, так и связанных с каждым из этих явлений в отдельности. Применение относительно общих критериев, отражающих в названиях языковых явлений общие признаки, позволило выявить три языковых образования:

- общий (общеупотребительный, стандартный, национальный) язык (Gemeinsprache),
- специальный язык - язык для специальных целей, язык в специальной области знания (Fachsprache);
- функциональный стиль (функциональный вариант языка) (funktionaler Stil).

Далее рассмотрим соотносимость этих языковых явлений, т.е. их тождество и отличительные признаки. Очевидно, говорить о соотношении каких – либо предметов или объектов допустимо лишь в том случае, если речь идет об однородных, но по сущности, разных явлениях. В этом смысле будет целесообразно полагать, что общий язык (Gemeinsprache), специальный язык (Fachsprache) и функциональный стиль – это однородные, гомогенные, однотипные, однако различные языковые образования, что и обосновывает необходимость проведения анализа для поиска характерных признаков их соотносимости, выявления и описания специфических особенностей общего языка, специального языка и функционального стиля, т.е. дополнить и уточнить содержание и объём существующих определений упомянутых понятий. В этом контексте вполне логично остановиться на концептуальных признаках понятий, определяющих смыслы, структуру и признаки тождества и отличий языковых феноменов и, следовательно, их соотносимость.

Современная лингвистическая наука предлагает множество определений для общего и специального языков, функционального стиля. Обусловлено это тем, что упомянутые языковые явления в такой степени богаты содержанием, объёмны, многоаспектны и взаимосвязаны с другими феноменами человеческого бытия, что закрепить за каждым из них уникальное лингвистическое определение не представляется возможным: нет одинако-

вых ответов на однозначные вопросы

- что такое общий язык?
- что такое специальный язык?
- что такое функциональный стиль?

Найти ответ возможно лишь при понимании: в рамках какой лингвистической парадигмы он задается: антропологической, сравнительно-исторической, диахронической, этнологической, культурологической, социологической, психологической, функциональной, коммуникативной, методико-прагматической, системной, структурной или какой – либо иной. Каждая из этих теорий выстраивает свою систему внутренне непротиворечивых дефиниций и положений, объясняющих свойства общего языка, специального языка и функционального стиля. Между собой эти теории взаимодействуют в статусе дополнительности, т.е. они направлены на собственно познание одного объекта, но представляют его как разные образования. Зачастую полученные результаты одной теории не признаются другими теориями, представляются неполными, недостаточными или даже ошибочными, подвергаются строгой критике.

Однако, что касается лингвистических теорий, то они компромиссны, правильны, если они, исходя каждая из своих теоретических предпосылок, адекватно объясняют языковые явления и внутренне не противоречивы.

Нет сомнений, что попытки свести исследуемые нами языковые образования в универсальное общелингвистическое определение приведут к расплывчатым и разноплановым толкованиям.

Этот тезис подтверждают типичные формулировки из лингвистического словаря Т. Левандовского [1].

- Sprache [language, langue/langage, jazyk].

Eine typisch menschliche und zugleich gesellschaftliche Erscheinung, das primäre System von Zeichen, Werkzeug des Denkens und Handelns, das wichtigste Kommunikationsmittel (B 3, C. 817)

- Fachsprachen [technical languages, langages techniques, techniceskie jazyki]. Auch: Berufssprachen. Sprachen der fachlichen bzw. beruflichen Spezialisierung, die sich gegenüber der Umgangssprache oder Standardsprache weniger durch grammatische, syntaktische oder ähnliche Differenzierungen auszeichnen, sondern eher durch einen speziellen Wortschatz, der den Erfordernissen der Praxis dient ... [B.1, C. 388]

- Stil. Auch Stilart, Sprachstil. Die Art und Weise des Schreibens, die Art des mündlichen und schriftlichen Ausdrucks, eine distinkte Sprachvariante, ein sprachliches Subsystem mit eigentümlicher Lexik und Phraseologie [15, B. 3, C. 919].

Для выявления и описания лингвистической природы и соотносимости анализируемых языковых явлений – общего и специального языков, функционального стиля – мы использовали системный функционально –

коммуникативный метод.

Системный подход позволяет представить языковые образования любой степени сложности и любого вида его реального существования в виде определенной структуры, элементы которой находятся в постоянной и закономерной взаимосвязи.

Функционально-коммуникативный подход объединяет эту систему с функциями, выполняемыми системой за пределами своей среды.

С этих позиций можно предложить, исходя из современных достижений лингвистики следующее понимание исследуемых ниже языковых явлений:

Общий язык: иерархически организованная система языковых элементов разных уровней, структурные связи которых носит внутриуровневый и межуровневый характер.

Чем выше уровень в иерархической системе языка, тем сложнее и многообразнее сами элементы, их внутренние и межуровневые структурные связи. Уровни систем языка объединены в единую структуру одним видом связи – конституирующей связью, идущей последовательно от низшего уровня к высшему и обуславливающей то обстоятельство, что составляющими (конституентами) каждого элемента более высокого уровня языковой системы являются элементы более низкого уровня [2].

Внешним системообразующим признаком системы общего языка служит необходимость удовлетворения потребности человека, существующих сообществ, народов, наций и их общепотребительных языков в идеальных и материальных (звуковых и письменных) языковых средствах и способах обозначения действий и результатов осознания, а также познания людьми всего происходящего в их жизни и обмена информацией в процессе коммуникации. Уровень потребности, зависящей от условий жизни того или иного народа, нации, определяет объём и содержание каждого иерархического уровня системы того или иного общепотребительного языка в ее потенциальном и фактическом состояниях. Потребность в языковых средствах и способах обозначения и означивания формирует и стимулирует семантические, денотативно-сигнификативные функции системы общего языка, а потребность в языковых средствах и способах для обмена информацией обуславливает формирование коммуникативных функций языковой системы.

Специальный язык или язык для специальных целей имеет официально принятое и зафиксированное в документах Международной организации по стандартизации (ISO) определение, согласно которому специальный язык является языковой подсистемой, предназначенной для обеспечения недвусмысленных коммуникаций в конкретной области знания с использованием терминологии и других языковых средств.

Предложенное определение – результат многолетних и многочислен-

ных исследований специальных языков – кратко соотносит существенные признаки описываемого понятия.

В рамках системного подхода специальный язык дефинируется как подсистема, а с точки зрения функционально-коммуникативного подхода указан внешний аспект его денотативно-сигнификативных и коммуникативных функций – отдельная область знания и деятельности, так как определённое знание неотделимо от определённой деятельности. В этом контексте, специальный язык – это специальная подсистема системы общеупотребительного языка со специальными денотативно-сигнификативными и коммуникативными функциями языка. Лексема «специальный» употребляется в качестве определения, как подсистемы, так и функций, происходит из латыни, где *specialis* означает «видовый, соответствующий одному виду одного рода» и было производным от *species* «вид», *specire* «видеть» [3], объясняет, почему «специальный», нем. *speziell* (в сложных словах *spezial*) имеет два смысла – особый, т.е. другого вида, и особый, т.е. отдельного вида.

В сочетании «специальная подсистема» реализуется, прежде всего смысл «видовый», другой вид одного рода, где «родом» выступает система общеупотребительного (общего) языка.

В диахроническом аспекте (исследования специальных языков начались в 60-ые, начало 70-ых г.г. 20 века) это языковое явление обозначали «особый язык» «*Sondersprache*», относили к категории жаргон, арг, слэнг и т.п. Позже, результаты исследований подтвердили, что специальному языку присущи иные функции, особенности которых обусловлены необходимостью обеспечивать недвусмысленные коммуникации в отдельной области знания и деятельности, то в словосочетании «специальный язык» через сочетание «специальная цель», «специальное использование», «использование в специальной коммуникативной области», «выполняющий специальные функции» на первый план выступил функциональный смысл лексем «специальный» - язык используемый в отдельной специальной области знания, *Fachsprache*; язык употребляемый специалистами-профессионалами, *Berufssprache* - язык для специальных целей, *language for special proposals*, *Sprache für besondere Ziele*.

Если рассматривать специальный язык исключительно с функционально-коммуникативной позиции, оставляя в строке системный подход, то окажется, что специальный язык – это не некая в единственном числе языковая общность, а расчлененная на множество отдельных (специальных) языков в соответствии со множеством конкретных областей знания и деятельности.

В рамках такой, можно сказать, множественной или плюралистической теории специальных языков подтверждаются три направления. В раннем направлении (60 – 70 г.г. 20 века единственный отличительный признак специальных языков видят в их специфических лексических единицах –

терминах, в этой связи предпочитают говорить о специальных терминологических системах, но не о специальных языках.

Второе направление, начиная с 70 годов считает, что специальные языки отличаются от общеупотребительного языка и различаются между собой по всем языковым явлениям – фонетическим, морфологическим, лексическим, синтаксическим и текстовым. Странники этого направления, исходя из функции специального языка, или относят все эти образования к функциональным стилям [4], или довольно неопределенно говорят о субсистемах, разновидностях общего языка, подязыках, общностях, функциональных единствах [5], не вдаваясь в дальнейшее изучение их природы.

С появлением и развитием лингвистики текста появилось понимание специального языка не как языка или стиля, а как только специальных типов текста.

Современные исследования языка для специальных целей направлены на определение специфики языка для специальных целей и самого этого термина с учётом нового подхода в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, в которой специальный язык рассматривается, прежде всего, как явление лингвокогнитивное (передающее определенный объём информации с помощью известной совокупности языковых средств) [6]. При этом анализ специального языка стал тщательным и многогранным, затрагивающим анализ жанра исследуемого текста, его структуры, средств связанности, развития темы, стилистических особенностей, выявление связей текста с визуальными средствами и т. д.

С позиций системного и функционально – коммуникативного подходов специальный язык предстает, как языковая подсистема, имеющая специальные денотативно – сигнификативные и коммуникативные функции, которые с одной стороны, формируют данное языковое явление, а с другой стороны, свидетельствуют о его особом характере, о его особых свойствах. Специальный характер подсистемы, если соотносить ее с системой общего языка, с наибольшей очевидностью обнаруживается на уровнях лексики и текстов, труднее это установить на других системных уровнях.

Считая денотативно-сигнификативные (язык, как средство обозначения и означивания) и коммуникативные (язык, как средство передачи информации) функции основными и системообразующими для системы общего языка, перенесем это и на подсистему специального языка.

Денотативно-сигнификативная и коммуникативная функции, воздействуя на систему общего языка в ходе его общественно – исторического существования и развития, непосредственно количественно и качественно изменяют общезыковые уровни слов и текстов, расширяя и модифицируя их составы. Менее заметны эти изменения на уровне предложений, но и здесь они увеличивают и модифицируют типы фраз. На уровнях морфем

и фонем можно проследить только косвенное и слабое модифицирующее воздействие этих функций. С развитием системы общего языка на протяжении столетий и даже тысячелетий изменяются составы и этих уровней, но это происходит незаметно и в силу не только, а, может быть, и не столько одних функционально – коммуникативных причин, но и под влиянием других, неязыковых, факторов социально-исторического характера.

На основе этих наблюдений приходим к заключению, что денотативно – сигнификативная и коммуникативная функции способствуют, с одной стороны, расширению системы общего языка за счет уровней слов и текстов, а, с другой стороны, их воздействие не проникает вглубь системы на ее иерархически низшие уровни и постепенно затухает внутри системы. Эти функции не влияют ни на внутренние закономерности системы данного общего языка, ни на ее устойчивость. Несмотря на все видимые изменения, система остается стабильной, хотя она и изменяется и расширяется.

Эти же функции, денотативно – сигнификативная и коммуникативная, действуют несколько иначе, но также системообразующе, если речь идет о подсистеме.

Специализация данных функций, ориентирующая подсистему на определенную конкретную область знания и деятельности, выражается в том, что эти функции становятся факторами отбора элементов общей системы для подсистемы, ограничивая их количественно и модифицируя некоторые из них для специальных целей. Тем, что данные функции также постепенно затухают внутри подсистемы общего языка, а их специализация не противоречит закономерностям системы общего языка, обусловлено то обстоятельство, что специальный язык остается явлением, подсистемой своего общего языка, отличаясь от него количественно по двум направлениям:

а) существенным ограничением числа общеязыковых элементов на уровнях слов, предложений, текстов

б) существенным расширением своего уровня слов за счет терминов – неологизмов, быстро становящихся узуальными в подсистеме качественно:

а) терминологизацией значений общеязыковых лексических единиц

б) модификацией внутриуровневых связей языковых единиц, состоянии.

Таким образом, не выходя за рамки системы общего языка, подчиняясь всем ее системным и структурным закономерностям, подсистема специального языка отличается от нее меньшим объёмом общеязыковых элементов на всех системных уровнях и наличием на лексическом уровне специальных элементов и модификаций внутрисистемных связей языковых единиц.

Без целенаправленных исследований на этом направлении мы не можем утверждать, является ли эта подсистема одним языковым образованием или подсистем много.

Однако, даже если их много, то они имеют одну общеязыковую системно-структурную основу. Исходя из основного различительного признака, присущего только лексическому уровню, следовало бы говорить о множестве специальных языков, как о разновидностях одной, специальной подсистемы языка. Учитывая, однако весомые и существенные отличия отдельных областей знания и деятельности, нельзя отрицать возможности считать множество специальных языков совокупностью различных подсистем, объединенных одной основой – системой общего языка.

Функционально – коммуникативный подход естественно переводит проблему в сферу функциональных стилей. при рассмотрении функционального стиля на первый план выходит коммуникативная функция в сочетании денотацией и сигнификацией.

Функциональный стиль – это способ использования языкового материала системы общего языка и/или подсистемы специального языка в определенных коммуникативных сферах и ситуациях, предъявляющих свои требования и нормы к репрезентации передаваемой информации [7].

Специальный язык отличается от общеупотребительного языка, прежде всего, предметно – понятийной сферой своего функционирования – конкретной областью знания и деятельности, что создает необходимость в особых денотативно – сигнификативных и коммуникативных средствах. Наиболее явно эта необходимость проявляется на уровне слов, но она обнаруживается и на других уровнях, формируя, в конце концов, путем отбора на основе общей системы особую, специальную подсистему.

Функциональный стиль не связан ни с какой конкретной предметно – понятийной сферой. Одна и та же тема какой – либо конкретной области знания и деятельности может получить и получает свое языковое выражение в разных стилях в зависимости от ситуации общения, в то же время специальный язык этой конкретной области остается одним и тем же. В такой же мере один функциональный стиль может быть использован и используется для освещения разных тем в разных областях знания и деятельности, каждая из которых имеет свой специальный язык.

Независимость функционального стиля от конкретной области знания и деятельности освобождает его от необходимости иметь постоянные, свойственные только этому стилю специализированные, терминологизированные средства денотации и сигнификации.

В зависимости от того, где тот или иной стиль работает – в конкретных областях общего, обычного или ставшего обычным знания и деятельности или в конкретных областях специального, особого знания и деятельности, функциональный стиль использует в своих коммуникативных целях те денотативно – сигнификативные языковые средства, которые он находит в общем языке или специальных языках

Коммуникативная цель системы общего языка в потенциальном состоянии состоит действительно в том, чтобы выполнять функции общения, сообщения и воздействия. Для этого в общем языке имеются самые разнообразные средства на всех уровнях системы [8].

Соотношение общего языка, специальных языков и функциональных стилей можно представить как неразрывную связь общего и частного и способа их использования в речемыслительной деятельности людей в процессе их общения между собой.

Библиографический список:

1. Lewandowski, Th. *Linguistisches Wörterbuch*, B.1-3. Quelle und Meger, Heidelberg, 1979.
2. Никитин А.П. Социально-конституирующая функция языка: институциональное измерение // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли: материалы XI Международной научно-практической конференции. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2016. С. 138-141.
3. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. – М.: 1975.
4. Ризель Э.Г. Полярные стилиевые черты и их языковое воплощение. Иностранные языки в школе. – Москва, 1961. № 3.
5. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. – Москва, 1986.
6. Зяблова О.А. Фреймовое моделирование терминосистем при изучении предметных областей // Концепции взаимоотношений различных областей науки в современных условиях: сборник статей международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2024. С. 25-27.
7. Зяблова О.А. Параметры описания терминологической лексики в специальном словаре: из опыта работы составления авторского словаря «Внешняя экономика» // Инновационное развитие: ключевые проблемы и направления их решения: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2024. С. 80-83.
8. Гордеева Ю.В., Семененко Л.П. К вопросу о коммуникативной цели в аспекте ее семантических и прагматических представлений // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1 (51). С. 245-248.
9. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.

Reference

1. Lewandowski, Th. *Linguistisches Wörterbuch*, B.1-3. Quelle und Meger, Heidelberg, 1979.
2. Nikitin A.P. The Socially Constitutive Function of Language: The Institutional Dimension // Actual Problems of the Study of Language, Literature, and Journalism: Contamination and Convergence of Humanitarian Thought: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov, 2016. P. 138-141.
3. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. – Moscow: 1975.
4. Riesel E.G. Polar Stylistic Features and Their Linguistic Embodiment. *Foreign Languages at School*. – M.: 1961. № 3.
5. Ter-Minasova, S.G. Syntagmatics of functional styles and optimization of foreign language teaching. – Moscow, 1986.
6. Zyablova O.A. Frame modeling of terminological systems in the study of subject areas // Concepts of relationships between various fields of science in modern conditions: A collection of articles from the international scientific conference. – St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute “NatSrazvitie”, 2024. P. 25-27.
7. Zyablova O.A. Parameters for describing terminological vocabulary in a specialized dictionary: From the experience of compiling the author’s dictionary “External Economy” // Innovative development: key problems and directions for their solution: A collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference. – Sterlitamak: Agency for International Research, 2024. P. 80-83.
8. Gordeeva Yu.V., Semenenko L.P. On the issue of communicative purpose in terms of its semantic and pragmatic representations // Scientific notes of Oryol State University. Series: Humanities and social sciences. 2013. № 1 (51). P. 245-248.
9. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.

Павлова Е.К.

Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Цитирование древнекитайских текстов в современном политическом дискурсе Китая как демонстрация исторической преемственности власти*

Аннотация. В данной работе представлены результаты прагмалингвистического анализа использования политическим руководством Китая цитат из древнекитайских текстов в современном политическом дискурсе. Были исследованы случаи цитирования письменных источников, датируемых периодом с 770 года до н.э. по 420 год н.э. Показано, что потребность в цитировании древнекитайских текстов прагматически обусловлена желанием продемонстрировать ценность многотысячелетней политической культуры Китая, приверженность современного руководства традициям этой культуры, а также показать личную образованность участника дискурса и глубокое знание им истории и культуры Китая. Выявлены трудности перевода таких цитат с китайского на русский язык. Предложены методы перевода, позволяющие минимизировать проблемы перевода.

Ключевые слова: политический дискурс, прагмалингвистика, цитирование, взъёньнь, Китай, перевод.

Pavlova E.K.

Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for humanities faculties of the Faculty of Foreign Languages and regional studies of Lomonosov Moscow State University.

Citation of ancient Chinese texts in contemporary Chinese political discourse as a demonstration of historical continuity of power

Abstract. This paper presents the results of a pragmalinguistic analysis of the use of quotations from ancient Chinese texts by the Chinese political leadership in modern political discourse. The cases of quoting written sources dating from 770 BC to 420 AD were examined. It is shown that the need to quote ancient Chinese texts is pragmatically de-

* © Павлова Е.К., 2025.

terminated by the desire to demonstrate the value of China's multi-thousand-year political culture, the commitment of the modern leadership to the traditions of this culture, as well as to show the personal education of the discourse participant and his deep knowledge of the history and culture of China. The difficulties of translating such quotations from Chinese into Russian are revealed. Translation methods that help minimize translation problems are proposed.

Key words: political discourse, pragmalinguistics, quotation, wenyuan, China, translation.

Не будет преувеличением сказать, что политический дискурс современного Китая играет исключительно важную роль в глобальном политическом дискурсе. Это обусловлено не только выдающимися успехами Китая в экономике, технологическом прогрессе и укреплении военной мощи, но и тем, что Китай, вместе с Россией и другими членами БРИКС и ШОС, стремится к построению нового, более справедливого глобального сообщества и противостоит неоколониальной модели глобализации, продвигаемой странами Запада в последние десятилетия. У России же потребность в конструктивном диалоге с Китаем, без недопонимания и ложных интерпретаций, выражена особенно остро. В то же время, в этом диалоге может наблюдаться когнитивная дисгармония [1], вызванная различиями в картинах мира русской и китайской цивилизаций.

Китайская цивилизация уникальна прежде всего тем, что она имеет многотысячелетнюю историю непрерывного развития самобытной письменности и культуры, включая культуру политическую. Политики современного Китая, ощущая себя продолжателями традиций политической культуры и философии Поднебесной империи, широко используют в своём дискурсе цитаты из письменных источников древностью до 2500 лет, причём эти цитаты, написанные на классическом старокитайском языке (вэньяне), понятны современным носителям китайского языка. Ни в одном другом языке такое цитирование не было бы возможно.

Вэньянь специфичен прежде всего своей лаконичностью. Количество символов в тексте на вэньяне обычно примерно вдвое меньше, чем в тексте на современном китайском языке [2]. Такая лаконичность достигается за счёт опущения в тексте тех слов (иероглифов), о наличии и содержании которых читатель может догадаться. Однако, такая лаконичность порождает неоднозначность интерпретаций. Кроме того, даже те слова, которые зафиксированы в тексте соответствующими иероглифами, могут выполнять в предложении обычно не свойственные им функции [3].

Перевод текстов, содержащих такие цитаты, представляет значительную трудность. За лаконичной их формой часто скрывается богатое содержа-

ние, недоступное без глубокого погружения в историю Китая, его культуру, причём не только политическую, но философскую и даже поэтическую. Без такого погружения переводчик, даже формально правильно передав основное содержание цитаты, не сможет понять и донести до читателя ассоциативные и эмоционально-оценочные значения, которые в политическом дискурсе часто важнее основного смысла высказывания. Именно эмоциональная реакция способна мобилизовать аудиторию и побудить её к политической деятельности. Поэтому комплексное исследование семантики цитат на вэньяне, прагматики их употребления в современном политическом дискурсе и методик их коммуникативно-эквивалентного перевода на русский язык представляется важной и актуальной задачей отечественной политической лингвистики.

В данном исследовании проведён прагмалингвистический анализ употребления политическим руководством Китая цитат их древнекитайских текстов в современном публичном дискурсе. Анализировалось употребление цитат из текстов, датированных периодом с 770 года до н.э. по 420 год н.э. В качестве характерных примеров можно привести следующие цитаты.

1. 兼听则明, 偏信则暗 [4]

Текст «Суждения затворника», из которого взята эта цитата, принадлежит перу Ван Фу (76-157 года н.э.), видного политического деятеля при дворе императора империи Восточная Хань.

Иероглифы, составляющие цитату, означают следующее: 兼 (все) 听 (слушать) 则明 (различить), 偏 (частично) 信 (заблуждаться) 则暗 (глупый)

Вэньянь отличается крайней лаконичностью выражения мысли, и это видно на примере данной цитаты. В развёрнутом виде смысл высказывания можно выразить так: «Только слушая все мнения, можно отличить правду от лжи, слушая же одну сторону, вы будете заблуждаться»

В 2019 году США ввели ограничения на сотрудничество с Китаем в сфере науки и техники под предлогом соблюдения «национальной безопасности». В своём комментарии этого недружественного шага официальный представитель Министерства иностранных дел Китая употребил эту цитату, выразив надежду, что власти США прислушаются к мнению мирового большинства и откажутся от враждебного курса на дискриминацию Китая.

2. 投我以木桃, 报之以琼瑶 [5]

Данная цитата взята из «Канона стихов» - древнейшего сборника китайской поэзии и народных песен, датированного периодом XI – VI веков до н.э. Значение составляющих её иероглифов таково: 投 (отдавать) 我 (мне) 以木桃 (фрукт), 报 (отплачивать) 之以琼瑶 (красивый нефрит), то есть «За данный тобой фрукт я заплачу красивым нефритом». Но в тексте древнего стихотворения речь идёт о взаимности в любви, и торговая сделка – метафора, смысл которой можно описать как надежду получить вознагражде-

ние любовью за любовь.

Эту цитату официальный представитель Министерства иностранных дел Китая включил в свою речь, произнесённую в феврале 2020 года по поводу передачи Китаем наборов для диагностики инфекции COVID-19 Японии, выразив тем самым не только готовность Китая и в дальнейшем делиться с Японией опытом и материалами для борьбы с пандемией, но и надежду на взаимное конструктивное сотрудничество.

Красивая поэтическая метафора со столь долгой и славной историей, несомненно, не только украсила речь политика, но и произвела сильное эмоциональное воздействие и на китайскую, и на японскую аудиторию, также знакомую с «Каноном стихов».

3. 行有不得，反求诸己 [6]

Эта цитата из диалогов китайского философа и писателя Мэн-цзы (письменный источник датируется периодом с 250 года до н.э. по 150 год до н.э.) обнаружена в тексте заявления МИД Китая в ответ на обвинения со стороны США в том, что Китай якобы не предпринял достаточно эффективных мер по борьбе с новой коронавирусной инфекцией в начальный период её распространения.

Дословно значение иероглифов в данной цитате следующее: 行 (действие) 有 (не) 得 (выполнить), 反 (обратно) 求 (искать) 诸己 (себя)

Смысл высказывания можно выразить так: «Если Ваши действия неэффективны, ищите ошибку в своих действиях». В заявлении МИД Китая подчёркивалось, что США следовало бы опираться на факты и направить усилия на борьбу с пандемией в сотрудничестве со всеми странами вместо того, чтобы тратить время и силы на голословные обвинения в адрес Китая, разрушающие сотрудничество. В данном контексте русским эквивалентом данной цитаты могло бы быть выражение «Не надо валить с больной головы на здоровую».

4. 得道多助，失道寡助 [7]

Это ещё одна цитата из диалогов Мэн-цзы. Иероглифы, составляющие это выражение, имеют следующие значения: 得 (получить) 道 (справедливость) 多 (много) 助 (помогать), 失 (терять) 道寡 (мало) 助.

Правила старокитайского языка вэньянь предусматривают запись минимального количества иероглифов, при этом всё, о чём можно догадаться, опускается. В развёрнутом виде смысл выражения таков: «Следуя справедливости, Вы получите много поддержки, теряя справедливость, Вы теряете поддержку».

Этой цитатой представитель МИД Китая 3 июля 2020 года резюмировал своё заявление о поддержке в ООН более чем семьюдесятью странами «Закона Китайской Народной Республики о защите национальной Безопасности в Особом административном районе Гонконг Китайской Народной

Республики». Таким образом, цитата на вэньяне стала эффектной завершающей точкой этого выступления, подчеркнув уверенность политического руководства Китая в правильности его политики в отношении Гонконга.

5. 人无信不立, 国无信则衰 [8]

Известно, что в Китае особо почитается учение Конфуция. Мысли, советы и иные суждения Конфуция представлены в письменной форме в книгах, написанных его учениками. Данная цитата взята из книги «Лунь юй», известной также как «Беседы и суждения» или «Аналекты Конфуция». Источник датируется периодом до 221 года до н.э.

Иероглифы, составляющие эту фразу, значат следующее: 人 (человек) 无 (нет) 信 (честность) 不 (не может) 立 (стоять), 国 (страна) 无信则衰 (приходить в упадок). Как обычно, лаконичный текст на вэньяне требует заполнения лакун. В полном виде фраза означает: «Без честности человек не может существовать, а страна приходит в упадок».

Поводом для обращения к данной цитате послужило систематическое нарушение со стороны США обязательств придерживаться принципа одного Китая и постепенно сокращать поставки оружия Тайваню, что было закреплено в виде совместного китайско-американского коммюнике от 17 августа 1982 года. Представитель МИД Китая в своём выступлении по случаю 39-й годовщины подписания этого коммюнике использовал цитату из изречений Конфуция, тем самым демонстрируя верность современного руководства Китая конфуцианским принципам честного ведения политики и призывая США прислушаться к более чем двухтысячелетней мудрости Китайской политической философии, прекратить военную поддержку сепаратизма на Тайване.

6. 己所不欲、勿施于人 [9]

Эта цитата также взята из книги «Аналекты Конфуция» или «Лунь юй», её перевод таков: 己 (сам) 所不 (не) 欲 (нравится), 勿 (не) 施于 (дать) 人 (другие люди), то есть «Не навязывайте другим то, что Вам самим не нравится». 15 сентября 2021 года МИД Китая ответил на попытки США оказать давление на Китай с целью принуждения его действовать по «правилам», придуманным Западом. В ответе было заявлено, что Китай выступает против гегемонизма, который чужд китайской культуре, и что Китай придерживается принципа «己所不欲、勿施于人». Прагматика использования данной цитаты из древнекитайского источника, освящённого авторитетом Конфуция, заключается в демонстрации приверженности принципу невмешательства во внутреннюю политику других государств на протяжении всей истории китайской цивилизации.

7. 合则强, 孤则弱 [10]

Цитирование этого изречения многократно встречается в устной и письменной речи китайских политиков, поскольку смысл его приобрёл особую актуальность в современном мире: 合 (вместе) 则强 (мощный), 孤

(изолированно) 则弱 (слабый). Смысл изречения ясен, за исключением отсутствующего подлежащего: кто именно мощен или слаб? Учитывая, что первоисточником данной цитаты является текст из сборника трактатов древнекитайских философов, известный как «Гуань-цзы» и составленный Гуань Чжунюм, главным министром царства Ци, в качестве подлежащего, опущенного в данной сентенции, должно выступать государство и/или их правители. Тексты, собранные в «Гуань-цзы», датируются периодом с 770 года до н.э. по 220 год н.э.

8. 欲加之罪，何患无辞 [11]

Данное изречение взято из древнекитайской хроники «Цзо Чжуань. Десятый год правления герцога Си», датируемой I веком до н.э. Таким образом, цитирование его может рассматриваться не только как апелляция к древней мудрости, но и как ссылка на исторический прецедент более чем двухтысячелетней давности.

Дословно иероглифическая запись означает следующее: 欲 (хотеть) 加 (добавить) 之 (ему) 罪 (обвинение), 何 (все еще) 患 (переживать) 无 (нет) 辞 (предлог), то есть, «Если Вы хотите обвинить кого-то, у Вас ещё есть проблема найти предлог».

Это выражение было процитировано официальным представителем МИД Китая в феврале 2021 года в его выступлении на 46-м заседании Совета по правам человека. Выступление было ответом на обвинения со стороны США и других стран Запада в нарушении Китаем прав населения Синцзяна. Представитель МИД Китая указал на отсутствие каких-либо доказательств таких нарушений, и цитату из древнекитайской хроники можно трактовать как прозрачный намёк на политическую незрелость политики Запада даже по сравнению с политиками древнего Китая.

9. 为者常成，行者常至 [12]

Источник данной цитаты - «Янь-цзы Чунь Цю» (Вёсны и осени Учителя Яня), трактат, датируемый периодом с 770 года до н.э. по 476 год до н.э., авторство которого приписывается Янь Ину, сановнику царства Ци.

Дословное значение составляющих его иероглифов таково: 为 (сделать) 者 (кто-то) 常 (часто) 成 (успех), 行 (вперед) 者 常至 (прибыть) .

Форма письменного представления данного выражения крайне лаконична и поэтому его смысл требует расшифровки. В полном виде его можно выразить так: «Те, кто трудится, часто имеют успех, кто идёт вперёд, доходит до цели».

Данная цитата была употреблена Премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном 25 ноября 2021 года в его выступлении на 20-м заседании Совета глав правительств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Завершая свою речь, он произнёс данное выражение и призвал участников ШОС настойчиво следовать по пути укрепления сотрудничества.

Прагматика употребления данной цитаты в данном контексте видится в том, что Ли Кэцян подчеркнул трудолюбие и настойчивость, присущие китайской цивилизации на протяжении всей её истории, а также то, что и современный Китай сохранил эту традицию.

Кстати, нельзя не отметить, что слова китайского руководства не расходятся с делом, и состоявшийся в нынешнем 2025 году саммит ШОС продемонстрировал, что в период с 2021 года по 2025 год и Китай, и другие страны-участники ШОС, усердно работали над укреплением сотрудничества и достигли значительного успеха в этом деле.

10. 谋度于义者必得, 事因于民者必成 [13]

Данная цитата почерпнута из того же источника, что и предыдущая. Значение входящих в неё иероглифов таково: 谋 (планировать) 度 (учитывать) 于 (встречает) 义 (мораль) 者必 (обязательно) 得 (выполнить), 事 (работать) 因于民 (народ) 者必成 (добиться успеха). В развёрнутом виде смысл этой фразы можно выразить следующим образом: «Кто строит планы с учётом морали, обязательно их выполнит, кто работает для народа, добьётся успеха». В первоисточнике эти слова министр Ян говорит императору в качестве совета, как лучше управлять страной.

Цитируя этот древнекитайский принцип государственного управления, политическое руководство современного Китая не только декларирует социальную направленность своей политики, но и демонстрирует, что социальная политика, построенная на нравственности, органически присуща китайской цивилизации со времён VII – V веков до н.э., чем народ Китая может по праву гордиться.

Ограниченные рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть все обнаруженные случаи цитирования древнекитайских текстов в современном политическом дискурсе Китая. Тем не менее, уже рассмотренные примеры свидетельствуют о важной роли, которую играет такое цитирование для укрепления авторитета китайской политики и усиления эмоционального воздействия на аудиторию, прежде всего, внутреннюю. Однако и глобальной аудитории необходимо понимать смысл этих цитат, что возможно только при коммуникативно эквивалентном их переводе, с учётом лингвокультурного фона и текущего контекста. Лаконичность текста на вэньяне, фиксирующего лишь набор основных сем, даёт простор для интерпретаций при его переводе, и выбор варианта заполнения смысловых лакун зависит как от квалификации переводчика и знания им лингвокультурного фона, так и от содержания текста, в который вкраплена цитата, от понимания переводчиком прагматики цитирования и интенций автора текста.

В дополнение к уже рассмотренным примерам, в Таблице 1 приведены ещё 12 примеров цитат на старокитайском языке, обнаруженных в исследованных текстах. В таблице к каждой цитате даны переводы на русский

язык отдельных иероглифов, составляющих цитату, и перевод цитаты в целом с учётом лингвокультурных и прагмалингвистических факторов.

Таблица 1.

Цитата на вэньяне	Значение иероглифов	Перевод
正其末者端其本, 善其后者慎其先	正 (выправлять) 其末者 (конец) 端 (выправлять) 其本 (основа), 善 (сделать ... хорошим) 其后者 (результат) 慎 (внимательно) 其先 (начало)	Если вы хотите исправить конец, вы должны сначала исправить корень, если вы хотите получить хорошие результаты, вы должны быть осторожны в начале
诚信者, 天下之结也	诚信 (честность) 者, 天下 (мир) 之结 (ключ) 也	Честность - ключ к мировому кодексу поведения
富民之本, 在于食货	富 (разбогатеть) 民 (народ) 之本 (основа), 在于食 (еда) 货 (товары)	Основа богатства народа - это еда и товары
亲仁善邻, 国之宝也	亲仁善 (относиться к кому-то хорошо) 邻 (сосед), 国 (страна) 之宝 (сокровище) 也	Добрые отношения с соседями являются национальным сокровищем
道阻且长, 行则将至; 行而不辍, 未来可期	道 (путь) 阻 (опасный) 且长 (длинный), 行 (вперед) 则将至 (прибыть); 行而不 (не) 辍 (сдаваться), 未来 (будущее) 可 (может) 期 (ожидать)	Дорога длинна и опасна, но кто пройдёт весь путь, в конце концов достигнет цели; не сдавайтесь на полпути, вас ждет многообещающее будущее
积力之所举, 则无不胜也; 众智之所为, 则无不成也	积力 (накопить силу) 之所举, 则无不胜 (выиграть) 也; 众 (собирать) 智 (мудрость) 之所为, 则无不成 (удаваться) 也	Сила единства огромна, а коллективная мудрость бесконечна
察势者明, 趋势者智	察 (видеть ясно) 势 (тенденция) 者 (кто-то) 明 (понятливый человек), 趋 (адаптировать) 势者智 (мудрец)	Умные осознают естественный ход вещей, а мудрые умеют ему следовать
国虽大, 好战必亡	国 (страна) 虽 (хотя) 大 (могучий), 好 (любить) 战 (война) 必 (обязательно) 亡 (погибать)	Какой бы могущественной ни была страна, если она любит войну, она неизбежно погибнет

凡益之道, 与时偕行	凡益 (полезный) 之道 (способ), 与时 (эпоха) 偕 (вместе) 行 (провести)	Идти в ногу со временем – это хороший путь
物之不齐, 物之情也	物 (вещь) 之不 (не) 齐 (одинаковый), 物之情 (положение) 也 (также)	Вещи выглядят по-разному, такова природа вещей
礼之用, 和为贵	礼 (этикет) 之用 (роль), 和 (гармония) 为贵	Цель этикета – гармония
志合者, 不以山海为远	志 (цель) 合 (одинаковый) 者 (люди), 不 (не) 以山 (гора) 海 (океан) 为远 (далеко)	Когда у людей общие интересы, они близки, несмотря на разделяющие их горы и моря

В результате проведённого прагмалингвистического анализа цитирования древнекитайских текстов в современном политическом дискурсе можно сделать следующие выводы:

1. Цитирование трудов древнекитайских философов, политических деятелей, писателей и поэтов очень популярно в современном политическом дискурсе Китая.

2. Цитирование древних политических и поэтических текстов демонстрирует высокий образовательный и культурный уровень политика, вызывает и укрепляет уважение и доверие к нему лично и к проводимой им политике.

3. Апелляция к текстам древних политических деятелей и органическое включение цитат из этих текстов в современный дискурс демонстрирует преемственность политической культуры Китая, его верность традициям, проверенным опытом более 2500 лет.

4. Цитирование древних текстов, особенно поэтических, украшает речь политика и оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию, пробуждает в народе патриотизм, гордость за свою историю и культуру.

5. Цитаты из древнекитайских текстов на взъёме лаконичны, но наполнены в рамках китайской лингвокультуры глубоким содержанием в виде широкого ассоциативного поля, поэтому их перевод на другие языки представляет значительную трудность и требует от переводчика глубокого погружения в многотысячелетнюю историю Китая.

Библиографический список:

1. Павлова Е.К. Проблемы взаимопонимания в глобальном политическом дискурсе. – М.: «МАКС-Пресс», 2012. С. 8.
2. Ким Е. В. Китайский литературный язык «Вэньянь» / Е.В. Ким, Я.П. Саргеева // Молодой ученый. 2015.

- № 16 (96) . С. 487-489. // URL: <https://moluch.ru/archive/96/21564/> (Дата обращения: 07.01.2022) .
3. Завьялова О.И. Вэньян // Духовная культура Китая / Редакторы тома М.Л. Титаренко, С.М. Аникеева, О.И. Завьялова, М.Е. Кравцова, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, В.Ф. Сорокин. – М.: Восточная литература, Литература. Язык и письменность. 2008. Т. 3. С. 693-696. 855 с.
4. Официальный сайт МИД Китая 24.10.2019. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/201910/t20191024_5418168.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
5. Официальный сайт МИД Китая 21.02.2020. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202002/t20200221_5418635.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
6. Официальный сайт МИД Китая 12.03.2020. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202003/t20200312_5418715.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
7. Официальный сайт МИД Китая 03.07.2020. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202007/t20200703_5419085.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
8. Официальный сайт МИД Китая 17.08.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202108/t20210817_9171321.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
9. Официальный сайт МИД Китая 15.09.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202109/t20210915_9604843.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
10. Официальный сайт МИД Китая 26.10.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202010/t20201026_5419454.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
11. Официальный сайт МИД Китая 25.02.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202102/t20210225_9604770.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
12. Официальный сайт МИД Китая 26.11.2022. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202111/t20211126_10453680.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)
13. Официальный сайт МИД Китая 22.11.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202111/t20211122_10451226.shtml (Дата обращения: 04.04.2022)

Reference

1. Pavlova E.K. Problems of Mutual Understanding in Global Political Discourse. – Moscow: MAKSPress, 2012. P. 8.
2. Kim E.V. The Chinese Literary Language “Wenyan” / E.V. Kim, Ya.P. Sageeva // Young Scientist. 2015. № 16 (96). P. 487-489. // URL: <https://moluch.ru/archive/96/21564/> (07.01.2022) .
3. Zavyalova O.I. Wenyan // Spiritual Culture of China / Editors of the volume M.L. Titarenko, S.M. Anikееva, O.I. Zavyalova, M.E. Kravtsova, A.I. Kobzev, A.E. Lukyanov, V.F. Sorokin. – M.: Eastern Literature, Literature. Language and Writing. 2008. Vol. 3. P. 693-696. 855 p.
4. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, October 24, 2019. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/201910/t20191024_5418168.shtml (April 4, 2022)
5. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, February 21, 2020. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202002/t20200221_5418635.shtml (04.04.2022)
6. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 12.03.2020. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202003/t20200312_5418715.shtml (04.04.2022)
7. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 03.07.2020. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202007/t20200703_5419085.shtml (04.04.2022)
8. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 17.08.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202108/t20210817_9171321.shtml (04.04.2022)
9. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 15.09.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202109/t20210915_9604843.shtml (04.04.2022)
10. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 26.10.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202010/t20201026_5419454.shtml (04.04.2022)
11. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 25.02.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202102/t20210225_9604770.shtml (04.04.2022)
12. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 26.11.2022. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202111/t20211126_10453680.shtml (Accessed: 04.04.2022)
13. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 22.11.2021. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202111/t20211122_10451226.shtml (04.04.2022)

Лысикова И.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел России.

Итин Д.А.

Студент 4-го курса Факультета мировой экономики. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел России.

Футбольная метафора как рефлектор политической напряженности в современном мире*

Аннотация. В статье рассматриваются примеры метафорических образований из языка футбола, а именно их прагматика и особенности употребления в современной немецкоязычной прессе. В теоретической части статьи акцент делается на особенностях профессиональных жаргонизмов и современном взгляде на термины известных ученых-терминоведов. Также показаны причины популярности футбола в Германии и отражение этого явления в языке средств массовой информации. Собраны многочисленные примеры метафорического употребления жаргонизмов из языка футбола, объяснено происхождение значительного количества футбольных терминов из языка военных и показано на выдержках из немецкоязычных газетных статей, как заимствования из языка футбола оживляют публицистический стиль и наглядно, образно и оригинально описывают актуальные внешнеполитические и внешнеэкономические события.

Ключевые слова: эвристическая функция метафоры, когнитивная спортивная и политическая метафора, футбольные профессиональные жаргонизмы, метафорообразование, практика преподавания языка немецких газет.

Lysikova I. V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of European Languages. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Itin D. A.

4th-year student, Faculty of World Economy. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

The football metaphor as a reflector of political tension in the modern world

Abstract. This article explores examples of metaphorical constructs derived from the language of football, focusing on their pragmatics and patterns of usage in the modern German-language press. The theoretical section highlights the features of professional jargon and presents contemporary perspectives on terminology from well-known scholars in the field. The article also examines the reasons behind football's popularity in Germany and its reflection in media discourse. Numerous examples of the metaphorical use of football-related jargon are collected and analysed, the military origins of many football terms are explained, and excerpts from German-language newspaper articles demonstrate how borrowings from football terminology enrich journalistic style and offer vivid, figurative, and original portrayals of current foreign policy and international economic developments.

Key words: heuristic function of the metaphor, cognitive sports and political metaphor, football-related professional jargon, metaphor formation, practice of teaching the language of German newspapers.

*„Fußball bewegt die Nation“
professor-franke.de*

Для людей, интересующихся немецким языком и культурой, не является секретом, что немцы «живут» футболом. По многочисленным статистическим данным, порядка 62% мужчин и 43% женщин регулярно вдохновляются этой игрой, сплывающей нацию, и не представляют свою жизнь без нее [6; с. 22].

Данный факт, как и следует ожидать, находит свое отражение в различных сферах общественной жизни, ведь любое популярное явление в жизни нации неизбежно подхватывается бдительным духом (по выражению великого Гумбольдта) языка, облачается в вербальную форму; язык, таким образом, является рефлектором всех без исключения социальных явлений.

Научный дискурс также не обходит стороной эту увлекательную игру. Количество научных работ, исследующих философский, социологический, культурологический и, конечно, лингвистический аспекты спорта в Германии вообще и футбола, в частности, неуклонно растет [2; с. 84].

В современной лингвистике общепризнано, что термины и профессиональные жаргонизмы (в настоящей статье речь пойдет большей частью о вторых) – абсолютная, неотъемлемая данность языка. Причем если раньше термины и профжаргонизмы считались «особыми» словами с присущими только им характеристиками (отсутствие эмотивного оттенка значения, непрозрачная мотивация и т.д.), то сейчас этот подход считается устаревшим.

Язык практически всех сфер человеческой жизнедеятельности становится более живым, мотивированным, образным, что открывает исследователям языка бескрайние перспективы его изучения и анализа.

Полностью согласны с великим терминоведом В.С. Лейчиком, который утверждает, что значения терминов и профессиональных жаргонизмов сложнее, чем значения нетерминов, поскольку они включают в себя помимо традиционных составляющих лексической единицы (ЛЕ) общеупотребительного языка (таких, как предметная отнесенность, валентность, социальная оценка обозначаемого) еще и специальный (научный, технический и пр.) компонент [1; с. 34].

Присоединимся к мнению В.С. Лейчика и в том, что, с одной стороны, с помощью терминов в материальной форме закрепляются результаты познания в специальных областях, а с другой – это динамическое явление, которое рождается, формулируется и углубляется в процессе когниции [1, с. 21]. Поэтому справедливо утверждать, что профжаргонизмы выполняют эвристическую функцию, способствуя открытию нового знания [1; с. 70], и прибавлению к уже имеющимся ЛЕ языка для специальных целей новых коннотативных оттенков значения, например, эмотивно-оценочного.

Последнее играет очень важную роль **в языке прессы**, что мы стараемся показать на многочисленных примерах, собранных по прочтении актуальных газетных статей.

Именно профессионалы или любители-единомышленники видят в определенном контексте терминологический характер знака, употребляют его в новом качестве, тем самым способствуя обогащению конкретной терминосистемы, «тиражируя» старые ЛЕ в новом значении [5]. Этот же знак служит как бы сигнальным словом, паролем, обеспечивающим мгновенное понимание коммуникантов, что позволяет уловить намек в конфликтном контексте и избежать нежелательного резонанса со стороны широкого круга «несведущих» читателей, которые не видят негативных, эмотивных коннотаций в том или ином профжаргонизме.

А бывает так, что и термины активно переходят из языка для специальных целей в обиходный язык определенного домена (социальной формы существования людей), иными словами, происходит их детерминологизация. Последняя является распространенным способом **метафорообразования**. Коммуниканты - в нашем случае спортсмены-футболисты и болельщики - создают свой социолект, язык для закрытого общения друг с другом, имеющий функцию «отгораживания» от непрофессионалов и запущения своей собственной системы языковых кодов для мгновенного понимания контекстов.

Концептуальная политическая и спортивная метафоры в значительной степени оживляют газетный стиль, привлекают внимание читателя,

незаменимы при поиске решений проблемных ситуаций и сглаживании острых углов. Журналисты подхватывают футбольные термины и жаргонизмы с целью замаскировать порой резкие, грубые суждения о политиках и других известных людях, но в то же время донести свою мысль до широких масс.

В языке футбола нами замечено много метафорических наименований. Это и понятно: едва ли какая-либо другая игра сравнится с футболом по накалу страстей. Интерес лингвистов к футбольной метафоре не утихает еще и потому, что она очень наглядно, ярко, семантически емко и даже остроумно концептуализирует современный геополитически расщепленный мир. Чем охотно пользуются журналисты, как уже отмечалось, конкурирующие между собой за новизну, оригинальность подачи материала, узнаваемость стиля и, следовательно, привлечение целевой аудитории.

Не секрет, что язык современной прессы становится все более образным, избилующим тропами разного рода. И «служителей пера» можно понять: одно дело обвинять напрямую, скажем, видных общественных и политических деятелей в непоследовательности, отказе от собственных убеждений – это может нанести вред карьере. И совсем другое – прибегнуть к образной фигуре речи, заимствованной из языка футбола.

Например, *die gelbe / rote Karte jmdm. zeigen* (показать кому-л. желтую / красную карточку). На языке футбола первый семиотический знак означает «предупреждение», а второй – «удаление с поля». На языке же экономики и политики встречали второе выражение в значении «отстранить от должности». Либо «высказать кому-л. свое осуждение, показать несогласие с предпринимаемыми шагами».

Karlsruher Kliniken zeigen der Gesundheitspolitik die rote Karte. Под таким заголовком в 2023 году в нескольких изданиях вышла новость о многочисленных организованных протестах работников медицинских учреждений, которые требовали улучшить свои условия труда, упростить бюрократические процедуры и повысить зарплаты. Исходя из контекста, заголовок можно перевести следующим образом: «Недовольство врачей Карлсруэ системой здравоохранения дошло до предела (находится в наивысшей точке)» – здесь и далее перевод наш».

Рассмотрим еще один пример: в статье под заголовком *„Gelbe Karte für Merz gefordert“* (*Berliner Morgenpost*, 21.06.25) осуждаются попытки федерального канцлера Мерца снизить темпы миграции в Германию. Основной аргумент – стране не хватает квалифицированной рабочей силы. Поэтому политику как бы делают «последнее предупреждение», чтобы он не старался любыми путями (*Grass fressen*) сократить приток мигрантов, а учитывал экономические реалии Германии. Выражение *„Grass fressen“*, досл. «есть траву», также является футбольным жаргонизмом и означает «добиться

победы любой ценой, не гнушаясь нечестных приемов».

Такая метафора будет, с одной стороны, выполнять функцию эвфемизма, смягчения действительности, а с другой - она, безусловно, понятна всем любителям популярнейшей в Германии игры, большинство которых наверняка хочет быть в курсе актуальных событий в стране и в мире.

Mittelfeldmotor Europas: Wie Polen trotz Schulden weiter aufholt (polen-heute.de, 20.08.25). (Мотор европейской экономики: как Польша, несмотря на долги, наращивает темпы.) Человек, далекий от футбола, не сразу поймет, о чем пойдет речь в статье под таким названием. Ведь на языке футбола *Mittelfeldmotor* (auch *Kettenhund*) означает «полузащитник, выполняющий большой объем беговой работы». Английские болельщики назвали бы его «*box-to-box*», то есть «от своей штрафной до чужой», российские – либо калькой «*бокс-ту-бокс*», либо «*движок*», что наглядно коррелирует с немецкоязычной ЛЕ. Это очень ценный игрок команды: он успеваешь помогать как обороне, так и атаке, будто занимая одновременно две-три позиции на поле). Для людей, знакомых с правилами игры в футбол, очевидно: достижения Польши в последнее время в экономическом плане, по сравнению с другими европейскими странами, существенны, и с этим надо считаться. Страна играет роль своеобразного «буфера» («полузащитника-движка») между Старым Светом и активно развивающейся Восточной Европой.

Футбольные метафоры особенно образны, отражают, с одной стороны, командный дух, групповую слаженную игру, а с другой – противоборство команд, порой достигающее критического накала. Такие же противостояние интересов и постоянно меняющийся расклад сил, как и на футбольном поле во время мастерской игры профессионалов, наблюдаются и на современной политической арене. Футбольную метафору можно признать, таким образом, важным когнитивным инструментом структурирования современной действительности, а не чисто риторическим приемом [4; с. 13].

Проиллюстрируем вышесказанное на примере аллегорического выражения *Schwalbenkönig*. Немецкий футбольный термин *Schwalbe* (*ласточка*) означает «симулянт» (игрок, который делает вид, что получил травму, чтобы затянуть время или заработать на себе нелегитимное нарушение, то есть умышленно преувеличить вину соперника в эпизоде). Российские болельщики называют такого рода игроков «*ныряльщиками*» или «*дельфинами*». Соответственно, выражение следует переводить как «*король / мастер симуляции*». На новостном сайте находим статью под следующим заголовком:

«*Seehofer ist Schwalbenkönig*» (*tagesspiegel.de; 07.07.21*)

Искушенному читателю не составит труда понять, что речь пойдет о бывшем министре внутренних дел Германии, который отличался непоследовательностью в принятии решений и часто отклонялся от партийной линии. Очевидно, что журналист не рискнул бы назвать известного поли-

тика «манипулятором, симулянтом» и нарваться тем самым на судебное разбирательство. А увидеть оскорбление в номинации «король ласточек» может далеко не каждый, так что факт нанесенной обиды пришлось бы еще доказывать.

Рассмотрим другие интересные примеры футбольной метафоры, в основном эмоционально-оценочной, имеющие явную прагматическую составляющую.

Очень продуктивны полудиоматические выражения (нем. *Funktionsverbgefüge*) с компонентами *der Ball* (мяч) и *das Spiel* (игра). Данные образования имеют очевидную эвристическую функцию, объясняют сложное и не всегда понятное (политические игры на фоне взрывоопасной ситуации в мире) через более простое и наглядное (процесс любимой немцами игры). Ниже приведены примеры, подтверждающие вышесказанное:

- *jmdn. ins Spiel bringen / ins Spiel kommen* – вводить в игру (новых актантов), раскрывать новые карты; самому втянуться в игровой процесс;
- *jmdn. aus dem Spiel lassen* – кого-то оставить в стороне / не втягивать кого-либо во что-либо, не принимать во внимание что-то;
- *am Spiel stehen* – быть поставленным на карту;
- *etw. aufs Spiel setzen* — поставить что-либо на карту; рискнуть;
- *das Spiel zu weit treiben* — зайти слишком далеко (в чём-либо);
- *ein faires Spiel führen* – вести честную игру;
- *die Nachspielzeit* – добавленное к основному тайму время;
- *das Rückspiel* – ответная игра;
- *am Ball bleiben* – настойчиво преследовать свою цель;
- *den Ball abgeben* – переложить ответственность на других; уйти в тень;
- *den Ball flachhalten* – вести осторожную игру, временно оставаться в стороне, не привлекая к себе внимания. В политическом контексте выражение можно перевести как «затаиться, избежать шумихи»;
- *den Ball ins gegnerische Tor bolzen (befördern)* – играть грубо и бессистемно;
- *den Ball unter die Latte nageln* – искусно забить гол в особо сложных условиях (направить мяч под перекладину ворот);
- *den Ball von der (Tor)linie kratzen* – предотвратить голевую ситуацию в последний момент;
- *sich die Bälle zuspielen* – сыгаться, оказывать друг другу посильную помощь.

Den Ball ins Rollen gebracht hatten am vergangenen Wochenende die wichtigsten europäischen Partner der Ukraine. Denn Putin konterte den Aufruf aus Kiew mit einem Gegenvorschlag und spielte damit den Ball an die Ukraine

zurück. (Инициаторами на прошедшей неделе выступили (досл. «вбросили мяч») важнейшие европейские партнеры Украины. В.В.Путин же сделал встречное предложение, переложив тем самым ответственность на Украину (досл. «передав пас украинцам».)

NZZ, 19.05.25

*Eine größere Bühne gibt es nicht, zumal [...] für die ganze Welt etwas **auf dem Spiel steht.*** (Более серьезную трибуну сложно найти, если только для всего мира на карту будет поставлено нечто большее.)

Rheinische Post, 05.06.25

Die Nachspielzeit des Markus Frank: Die Stadtverordneten haben am Donnerstag den 45-jährigen Dezernenten für Wirtschaft, Sport, Sicherheit und Feuerwehr, Markus Frank (CDU) in seinem Amt bestätigt, das er weitere sechs Jahre lang ausüben darf. («Добавленное, компенсированное время» для Маркуса Франка: депутаты Городского совета продлили полномочия зав. отделом науки, спорта, безопасности и пожарной части на шесть лет.)

journal-frankfurt.de, 21.11.14

*Bundespräsidentin Keller-Sutter **sieht den Ball** bei der US-Regierung.* (Президент Швейцарии Келлер-Саттер признает, что козыри находятся в руках американского правительства, (досл. что «мяч на стороне США»).

watson.ch, 01.08.25

*Signale des Parteitags: Ampel-Ende? FDP **hält den Ball flach.** Nach Anspielungen von FDP-Chef Lindner kommt eine Debatte über ein mögliches Ampel-Aus im Sommer auf.* (Сигналы со съезда партии: грозит распад коалиции? В ФДП хранят молчание / не комментируют ситуацию. После осторожных намеков со стороны лидера партии последовали дебаты о возможном выходе из коалиции к лету).

n-tv.de 28.04.24

И действительно, как мы знаем из периодики того отрезка времени, Линднер вел себя крайне осторожно и сдержанно (досл. «удерживал мяч»), таким образом, известие о его отставке, озвученное федеральным канцлером Шольцем 7 ноября 2024 года, стало полнейшей неожиданностью для широких масс.

По мере изучения актуальных новостных сообщений находим также много футбольных терминов, перешедших из языка военных. Это и логично: стратегии, как на поле брани, так и на футбольном, следует тщательно продумывать. Как ни эмоциональна была бы игра, эмоции не должны

брать верх над разумом, ключевую роль играют слаженные действия противоборствующих сторон.

Очень точно и наглядно данный факт объясняет А.Г. Голодов. По мнению известного лингвиста, современный футбол является неотъемлемой составной частью картины мира, в которой конфронтация является средством борьбы за лидерство. Непредсказуемость же результатов игры считаются одним из признаков рыночной экономики, в которой чередуются взлёты и падения. Также футбол много раз сопоставлялся и с войной. Одной из причин данного факта можно считать то, что немцы, с их непомерными имперскими амбициями, сублимируют свои негативные эмоции и неудовлетворенность временными проигрышами в футбольное событие и дают волю чувствам [3; с. 7].

Далее следуют примеры терминов-жаргонизмов, перешедших в язык футбола из военного языка и активно подхватываемых журналистами для описания актуальных событий на политической арене:

- *Stürmer*/(auch: *Angreifer, Bomber*) - нападающий, игрок, выступающий в линии атаки;

Verteidiger / Abwehrspieler – защитник;

Grundordnung – общественное устройство, распорядок; футб.: схема, тактическая формация игроков на поле (3:4:3, 4:4:2 и так далее);

Abstoß – толчок (техн., воен.); футб.: удар от ворот, свободный удар; эконом.: сбывать товары / услуги по низкой цене;

Zweikampf – поединок, дуэль; футб.: единоборство, борьба за мяч;

Fernduell – дуэль; в командных видах спорта ситуация, при которой положение команды в турнирной таблице зависит от исхода матчей команд-соперников;

Flanke – фланг (*dem Gegner in die Flanke fallen* – атаковать противника с фланга); футб.: навесная передача (пас верхом с фланга в центр), также поперечная подача с края поля; *Bananenflanke* - навес с закруткой мяча;

Spielersichtung – смотр, сортировка, отбор; футб.: скаутинг, поиск талантливых игроков;

Vorstoß – стремительное продвижение, наступление;

der Schlachtenbummler – болельщик, который всегда с командой (так называли тех, кто просто следил за ходом военной подготовки, но не принимал участие);

decken - опекать, прессинговать соперника;

Stimmung gegen Widersacher machen - психическая атака; футб.: неспортивное поведение – неприличные жесты, вербальные оскорбления, провокационное поведение и т.д., – рассчитанные на устрашение, подавление воли и психики соперников;

die Abwehr überwinden; auf A. stoßen) – оборона; футб.: защита (про-

рваться сквозь защиту соперника; встретить отпор со стороны противника);

der Aufstieg – набор высоты (о самолетах); футб.: переход в лигу более высокого ранга; эконом.: повышение (в карьере), подъем, рост (экономических показателей);

der Abwehrriegel (Abwehrschirm) – задвижка, защитная балка, щит; футб.: «автобус», то есть игровая тактика, суть которой – сосредоточиться на обороне, не давая при этом шанса противнику прорваться к воротам; итал.: «*catenaccio*» (в том числе и футбольный термин «катеначчо»), досл. «дверной засов».

Kretschmann kritisiert „offene Flanke“ der Grünen, gibt Tipps für Merz. (Кречман подверг критике «открытый фланг» Партии Зеленых, а также дает советы Мерцу.)

focus.de, 9.04.25

Höhere Steuern für Reiche? Ökonomen uneins über SPD-Vorstoß (Более высокие налоги для богатых? Мнения экономистов разнятся из-за давления / натиска СПД.)

handelsblatt.com, 24.08.25

Trump nutzt gezielt die Medien um gegen seine Widersacher Stimmung zu machen. (Трамп целенаправленно использует СМИ, чтобы разозлить своих оппонентов.)

Deutschschweiz üüberregional, 04.07.25.

Hagel gegen Özdemir: Der Zweikampf bleibt ein Fernduell. (Хагель против Оцдемира: исход противостояния политиков еще не ясен (зависит от многих составляющих; досл. «от положения в турнирной таблице других игроков».)

staatsanzeiger.de, 24.07.25

Die Reaktionen der Wirtschaft auf den Abwehrschirm gegen die Energiekrise fallen überwiegend positiv aus. (Реакции экономических кругов на защитные меры по предотвращению энергетического кризиса в основном положительные.)

handelsblatt.com, 29.09.22

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать значительную прагматическую и эвристическую роль футбольных метафор в современном немецкоязычном дискурсе. Предполагаем, что интерес к метафороо-

бразованию у лингвистов в скором времени не пропадет из-за постоянного поиска журналистами новых эвфемизмов для объяснения окружающей действительности.

Перебирая способы иносказательно и образно показать свое отношение к исследуемому явлению или событию, авторы нередко приходят именно к языку футбола. Дело не только в популярности игры, но и в тактическом разнообразии и значительном объеме профессионализмов. Тем более, эти термины и профессиональные жаргонизмы являются широкодоступными, их мотивация прозрачна, и они широко используются в обывательском суждении матчей, а не только в узких кругах специалистов.

В приведенных выше примерах метафорический концепт футбола накладывается на разнообразные политические и экономические сценарии, что позволяет смягчить высказывание и одновременно сделать его более интересным простому реципиенту. Первоочередная задача СМИ – донести идеи до как можно большей аудитории. Это гораздо проще сделать, если говорить не заученными штампами, а яркими образами с отсылками на явления массовой культуры, в том числе спорт.

Любопытно, что порой значения одного и того же термина в игре и в жизни отличаются друг от друга, но это нисколько не затрудняет понимание. Дело в образности этих выражений и наложении концептосфер друг на друга, которые из-за аналогии явлений, через объяснение сложного простым и наглядным помогают легко считать совершенно разные контексты и понять интенцию автора.

Думается, что использование аналогий из мира футбола – долгосрочное явление в немецкоязычной практике. Мониторить современную немецкоязычную прессу в поисках новых примеров – весьма полезное занятие еще и потому, что они могут стать ценным подспорьем **в практике преподавания** немецкого языка. Эти примеры показывают, как важно оживлять речь стилистическими фигурами, чтобы удерживать внимание слушающих, взвешивать каждое слово, когда высказываешься перед широкой аудиторией. И кому, как не будущим дипломатам это понимать и ценить!

Библиографический список:

1. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
2. Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс как объект лингвометафорологических исследований // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1 (78). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-sportivnyy-diskurs-kak-obekt-lingvometaforologicheskikh-issledovaniy> (Дата обращения: 20.08.2025)
3. Голодов А.Г. «Футбольный фланг» информационной войны (на материале немецкой массовой прессы) // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2018. Т. 14. Вып. 2-3 (40-41). 181 с. // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36727751_46070535.pdf (Дата обращения: 26.08.2025)
4. Лысикова И.В. Метафорическая номинация смены американской власти (на материале немецкоязычных

- СМИ) // Начала нового мира: научно-практический журнал / отв.ред. Ж.С. Тихонова. Вып. 1. 2025 70 с. // URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=80418757> (Дата обращения 20.08.2025)
5. Орлова М.В. Теоретические обоснования термина как языкового явления // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-obosnovaniya-termina-kak-yazykovogo-yavleniya> (Дата обращения: 20.08.2025)
6. Prof. Dr. Bettina Franke. Interkulturelle Kompetenz Deutschland-Russland / Gesamtherstellung: - 2016 - W. Bertelsmann Verlag, Bielefeld // URL: https://www.professor-franzke.de/pdf/Franzke_Henfling_Interkulturelle_Kompetenz_DE_RU_2017.pdf (Дата обращения: 30 июля)
7. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.

Reference

1. Leychik V.M. Terminology. Subject, Methods, Structure. – Moscow: LIBROKOM Book House, 2009. 256 p.
2. Belyutin R.V. German Sports Discourse as an Object of Lingvometaphorological Research // Scientific Notes of Oryol State University. 2018. № 1 (78). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-sportivnyy-diskurs-kak-obekt-lingvometaforologicheskikh-issledovaniy> (20.08.2025)
3. Golodov A.G. “The Football Flank” of the Information War (Based on the German Mass Press) // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: Scientific Journal / ed. V.D. Kaliushchenko. – Donetsk: DonNU, 2018. Vol. 14. Issues 2-3 (40-41). 181 p. // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36727751_46070535.pdf (26.08.2025)
4. Lysikova I.V. Metaphorical nomination of the change of American power (based on German-language media) // Beginnings of a New World: scientific and practical journal / ed. Zh.S. Tikhonova. Issue 1. 2025 70 p. // URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=80418757> (20.08.2025)
5. Orlova M.V. Theoretical substantiations of the term as a linguistic phenomenon // Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-obosnovaniya-termina-kak-yazykovogo-yavleniya> (20.08.2025)
6. Prof. Dr. Bettina Franke. Interkulturelle Kompetenz Deutschland-Russland / Gesamtherstellung: - 2016 - W. Bertelsmann Verlag, Bielefeld // URL: https://www.professor-franzke.de/pdf/Franzke_Henfling_Interkulturelle_Kompetenz_DE_RU_2017.pdf (30 July)
7. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.

Шамурадова Газына

Аспирант, Министерство просвещения Российской Федерации. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования. Государственный университет просвещения. Кафедра теории языка, англистики и прикладной лингвистики.

Национально-культурные особенности эпоса «Гёроглы» и лингвокультурные аспекты его перевода на русский и английский языки*

Аннотация. В статье рассматриваются национально-культурные особенности эпоса «Гёроглы», отражающие уникальные традиции, обычаи и мировоззрение туркменского народа. Особое внимание уделяется лингвокультурным реалиям, выраженным через фольклорные элементы, символику и идиоматические выражения, которые формируют культурный код эпоса. Анализируются проблемы и специфические трудности, возникающие при переводе «Гёроглы» на русский и английский языки, связанные с передачей культурно обусловленных смыслов и национального колорита. Автор выделяет основные методы и стратегии перевода, направленные на сохранение культурной идентичности произведения при адаптации для русскоязычной и англоязычной аудитории. В статье приводятся примеры трансформации лингвокультурных единиц, иллюстрирующие как переводчики решают задачу балансирования между точностью и доступностью текста. Работа направлена на расширение представлений о взаимосвязи языка, культуры и перевода, а также на повышение компетенции переводчиков в области фольклорного наследия тюркских народов. Результаты исследования способствуют углубленному пониманию механизмов лингвокультурной передачи и подчеркивают важность учета национальных особенностей при переводе эпических произведений.

Ключевые слова: эпос Гёроглы, национально-культурные особенности, лингвокультура, перевод, культурные реалии, фольклор, традиции, символика, идиоматические выражения, культурный код, русский язык, английский язык, переводческие стратегии, адаптация, культурная аутентичность, туркменский фольклор, межкультурная коммуникация, трансформация лингвокультурных единиц, национальный колорит, эпические произведения.

Shamuradova Gazina

Postgraduate Student. Ministry of education of the Russian Federation. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education". Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics.

* © Лысикова И.В., 2025.

National and cultural features of the epic “gerogly” and linguo-cultural aspects of its translation into Russian and English

Abstract. The article explores the national-cultural features of the epic “GörOgly,” reflecting the unique traditions, customs, and worldview of the Turkmen people. Special attention is given to the linguocultural realities expressed through folklore elements, symbolism, and idiomatic expressions that form the cultural code of the epic. The study analyzes the challenges and specific difficulties encountered when translating “GörOgly” into Russian and English, related to conveying culturally conditioned meanings and national color. The author identifies key translation methods and strategies aimed at preserving the cultural identity of the work while adapting it for Russian-speaking and English-speaking audiences. The article provides examples of transforming linguocultural units, illustrating how translators balance accuracy and accessibility of the text. This work aims to expand understanding of the relationship between language, culture, and translation, as well as to improve translators’ competence in the field of Turkic peoples’ folklore heritage. The research results contribute to a deeper understanding of linguocultural transmission mechanisms and emphasize the importance of considering national specifics when translating epic works.

Key words: epic of Geroogly, national-cultural features, linguoculture, translation, cultural realities, folklore, traditions, symbolism, idiomatic expressions, cultural code, Russian language, English language, translation strategies, adaptation, cultural authenticity, Turkmen folklore, intercultural communication, transformation of linguocultural units, national color, epic works.

Введение

Эпос «Гёроглы» занимает особое место в литературном и культурном наследии туркменского народа, отражая его исторические, национальные и духовные ценности. Как произведение устного народного творчества, «Гёроглы» насыщен национально-культурными элементами, включая мифы, символы, традиции и особенности языкового выражения. Его перевод на русский и английский языки является важной задачей для сохранения и передачи уникальной культурной информации широкой аудитории. При этом особое внимание уделяется лингвокультурным аспектам, поскольку именно через язык передаются глубинные смыслы национального менталитета и культурного кода.

Изучение национально-культурных особенностей эпоса «Гёроглы» и анализ лингвокультурных аспектов его перевода на русский и английский языки крайне важны в условиях современного intercultural dialogue и глобализации. Переводчики сталкиваются с проблемами трансформации культурно обусловленных реалий, зачастую не имеющих прямых аналогов в языках перевода, что требует разработки специальных стратегий адап-

тации и сохранения культурной аутентичности. Актуальность темы обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов передачи этнокультурного содержания и улучшения качества переводов, что способствует сохранению национальной идентичности и расширению международного культурного взаимодействия.

В данной статье основной акцент сделан на исследовании специфики передачи национально-культурных реалий и этнокультурных концептов эпоса «Гёроглы» при переводе на русский и английский языки. Особое внимание уделяется анализу лингвокультурных трудностей, связанных с отсутствием прямых эквивалентов в языках перевода, и выявлению приемов адаптации, позволяющих сохранить смысловую и эмоциональную насыщенность текста. Рассматриваются примеры ключевых символов, образов и фольклорных мотивов, а также стратегии их интерпретации с целью донесения культурного контекста до иностранного читателя без утраты аутентичности.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ национально-культурных особенностей эпоса «Гёроглы», а также определение лингвокультурологических аспектов его перевода на русский и английский языки.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению эпоса «Гёроглы» как феномена национальной культуры и в выявлении лингвокультурологических особенностей его перевода на русский и английский языки. Впервые проводится систематический анализ национально-культурных концептов, отраженных в эпосе, и предлагаются конкретные рекомендации по их адекватному переводу на другие языки. Исследование вносит вклад в развитие теории и практики перевода, лингвокультурологии и фольклористики, а также способствует расширению межкультурного диалога и взаимопонимания.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты эпоса «Гёроглы» в оригинале (на языке, соответствующем конкретной локальной традиции эпоса, например, туркменском, узбекском, азербайджанском) и их переводы на русский и английский языки. В работе использовались следующие методы исследования: описательный метод, применяемый для выявления и характеристики национально-культурных особенностей эпоса; компонентный анализ, используемый для определения семантической структуры ключевых концептов; сопоставительный анализ, применяемый для сравнения оригинального текста эпоса и его переводов с целью выявления переводческих трансформаций и потерь; лингвокультурологический анализ, направленный на выявление взаимосвязи языка и культуры в процессе перевода; метод дискурсивного анализа, позволяющий рассмотреть функционирова-

ние национально-культурных элементов в контексте эпоса.

Результаты и обсуждения

Важность эпоса в туркменской культуре обусловлена тем, что он не только сохраняет древние традиции и национальную идентичность, но и формирует коллективное сознание, укрепляет связь поколений. «Гёроглы» выполняет функцию морального ориентировщика и культурного кода, передавая через устное народное творчество жизненный опыт и национальные идеалы.

Эпос активно используется в образовательных и культурных целях, является объектом изучения фольклористов, лингвистов и культурологов, что подтверждает его статус символа туркменской культуры и духовного наследия [7, с. 23].

Национально-культурные особенности в фольклоре представляют собой совокупность уникальных черт, отражающих специфику мышления, мировоззрения, обычаев, традиций и духовных ценностей определённого этноса. Фольклор как устное народное творчество аккумулирует и передаёт коллективный опыт, исторический контекст и культурные коды, которые формируются именно в рамках конкретной национальной культуры.

Эти особенности проявляются в языковых элементах (лексика, фразеология, стилистика), сюжетах, образах, символах и жанровых признаках. Национально-культурный компонент позволяет понять, как народ воспринимает мир, строит отношения, выражает идеи и эмоции. В эпических произведениях, таких как «Гёроглы», он особенно значим, поскольку жанр традиционно служит средством сохранения и передачи идеалов, героических представлений и социальных норм [1, с. 72].

При переводе фольклорных текстов национально-культурные особенности выступают важнейшим фактором, влияющим на выбор переводческих стратегий. Передача культурных реалий требует не только речевой адекватности, но и понимания глубинных культурных смыслов, которые несёт оригинальный текст. От этого во многом зависит успешность коммуникации между культурами и сохранение аутентичности произведения.

Таким образом, изучение национально-культурных особенностей в эпосе «Гёроглы» является ключевым этапом для выявления специфики текстового материала и дальнейшего эффективного его перевода, что обеспечивает сохранение культурного кода и способствует межкультурному взаимопониманию.

Лингвокультурология на сегодняшний день является неотъемлемой частью переводоведения, особенно при работе с текстами, богатыми национально-культурными особенностями, такими как эпос «Гёроглы». Эта дисциплина исследует взаимосвязь языка и культуры, что позволяет понять, как именно культурные реалии нашли отражение в языковых единицах

оригинального текста.

В переводоведении лингвокультурологический подход помогает сохранению аутентичности произведения. При переводе эпоса «Гёроглы» на русский и английский языки особое внимание уделяется передаче культурно значимых компонентов — мифологических образов, исторических реалий, языковых идиом и символов, которые глубоко укоренены в национальной культуре. Без привлечения лингвокультурологического анализа существует риск искажения смысла и потери культурного контекста.

Кроме того, лингвокультурология предоставляет переводчику инструментарий для решения проблемы культурного эквивалента — подбору адекватных средств передачи культурного значения на языке перевода. Так, переводчик может выбирать стратегии адаптации, калькирования или сноски, опираясь на знания о культурной специфике исходного и целевого языков.

Эпический жанр характеризуется масштабностью повествования, описанием героических подвигов, исторических событий и мифологических сюжетов, что отражает мировоззрение и ценности народа. Эпос «Гёроглы» представляет собой богатое национальное наследие, где сквозь призму эпических образов раскрываются культурные и исторические особенности туркменского народа [3, с. 99].

Одной из главных характеристик эпоса является наличие устойчивых сюжетных мотивов, символов и языковых форм, которые несут в себе глубоко укоренённые культурные смыслы. Такие элементы формируют культурный код, позволяющий воспринимать произведение как целостное выражение национальной идентичности. Культурный код включает мифологические реалии, обряды, душевный склад народа, которые невозможно полноценно передать без учитывать культурные контексты [9, с. 31].

При переводе эпоса «Гёроглы» на русский и английский языки важность культурного кода особенно возрастает, так как именно через него слушатель или читатель другого языка может приблизиться к пониманию национальной картины мира и уникальности оригинала. Процесс передачи культурного кода требует не только языковых компетенций, но и глубокого погружения в этнокультурный контекст, что делает лингвокультурологический подход ключевым в переводоведении эпических текстов.

Эпос «Гёроглы» возник в условиях сложного исторического периода формирования туркменской народности, отражая борьбу народа за свободу, единство и сохранение культурных традиций [5, с. 103]. Исторически этот эпос связан с эпохой средневековых кочевых обществ, когда героические деяния воспринимались как основа национальной идентичности и моральных ориентиров.

Культурно эпос «Гёроглы» глубоко пронизан традициями кочевого об-

раза жизни, включая верования, обряды и социальные нормы, что делает его своеобразным зеркалом этнической самобытности туркмен. Он передавался устно из поколения в поколение, обеспечивая сохранение народной памяти и воспитание патриотизма.

Бытование эпоса связано с коллективным исполнительским искусством, в частности с традиционными музыкальными и поэтическими практиками, которые занимали важное место в культовых и общественных мероприятиях туркмен. Это способствовало сохранению и адаптации эпоса к меняющимся историческим условиям.

При изучении и переводе эпоса на русский и английский языки необходимо учитывать глубину историко-культурного контекста, поскольку многие детали и символы несут специфические национальные оттенки, невозможные к полноценному пониманию без знания исходного культурного фона.

Эпос «Гёроглы» богат национально-культурными символами и мотивами, которые отражают мировоззрение, ценности и исторический опыт туркменского народа:

1. Герой Гёроглы. Центральный символ отваги, справедливости и борьбы за свободу. Его образ воплощает идеал защитника родины и народа, что находит отклик в коллективном сознании туркмен [6, с. 171].

2. Кобыла Кыркыз. Лошадь занимает особое место в культуре кочевников, символизируя силу, преданность и свободу. Кыркыз — символ духовной связи человека с природой и верным спутником героя.

3. Мотив борьбы с несправедливостью. Повторяющийся сюжет противостояния угнетателям и защита слабых отражает историческую борьбу туркменских племён за независимость и социальную справедливость [2, с. 50].

4. Символы родовой и племенной сплочённости. В эпосе большое значение придаётся родовым связям, гостеприимству и единству, что подчёркивает коллективистские ценности традиционной туркменской культуры.

5. Природные образы. Горы, степи и реки в тексте не просто фон, а важные символы, обозначающие жизненную стихию, в которой формируется характер и судьба героев.

6. Мотив мудрости и наставничества. Образы старцев и наставников символизируют высокую ценность передачи знаний и культурных норм от поколения к поколению [4, с. 46].

При переводе на русский и английский языки особенности этих символов требуют особого внимания, так как многие из них несут национально-культурные коннотации, которые трудно адекватно передать без глубокого знания исходного контекста. Именно поэтому лингвокультурный подход в переводе обеспечивает правильное восприятие эпоса зарубежными чи-

таталями.

Эпос «Гёроглы» богат фольклорными образами, которые несут в себе глубокий символизм и национальные культурные коды. При переводе на русский и английский языки использованы разнообразные переводческие приёмы, направленные на максимально точное и при этом адаптированное воспроизведение этих образов:

1. Транслитерация и сохранение этнонимов. Имена героев и важные географические наименования, такие как «Гёроглы», «Баят», «Карабогаз» передаются транслитерацией без изменения, что сохраняет национальную идентичность. Например, в английских переводах имя героя сохраняется как «Gierogly», что позволяет читателю почувствовать колорит оригинала.

2. Калькирование фразеологизмов и образных выражений. Типичный фольклорный оборот «как лев в бою» в русском переводе часто воспроизводится дословно, а в английском может иметь аналоги как “like a lion in battle”, что сохраняет стилистическую динамику и образность. При этом смысловые оттенки подчеркиваются сносками, если прямая калька затрудняет понимание.

3. Перевод метафор и символов с парафразой. Метафорические образы, связанные с природой — «огненный меч», «ветер свободы» — в русских и английских переводах адаптируются с сохранением поэтической функции, иногда с расширением описания. Например, «огненный меч» может стать «flaming sword» в английском варианте, что сохраняет аллюзию на мощь и справедливость героя.

4. Адаптация фольклорных персонажей и их характеристик. Фигуры мифологических существ (например, духи или сверхъестественные помощники Гёроглы) переводятся с добавлением пояснений. В русском варианте часто используется приближённая характеристика, а в английском дополнительно вводится глоссарий для раскрытия символики таких персонажей [8, с. 22].

5. Сохранение ритмоторчества и эпических повторов. Фольклорные повторы, важные для поддержания традиционного стиля, сохраняются либо через повторение конкретных фраз, либо с помощью повторяющихся эпитетов (например, «неустрасимый Гёроглы»). В английской версии иногда используется анафора — повтор слов в начале строки — сохраняя ритмическую структуру.

6. Приемы передачи национальных обрядов и традиций через описание. Обрядовые действия, сопровождающие ключевые сцены эпоса, переводятся с использованием описательных конструкций [10, с. 100]. Например, традиционный танец празднования победы в эпосе при переводе подробно объясняется, чтобы читатель понял его культурное значение.

Выводы

Сохранение культурного кода в переводе эпоса «Гёроглы» играет ключевую роль для передачи национально-культурных особенностей, важных как для эмоционального восприятия, так и для сохранения смысловой целостности текста. Культурный код включает в себя традиции, символы, образы и национальные реалии, которые формируют уникальность эпоса и отражают мировоззрение народа.

Передача культурного кода обеспечивает точное воспроизведение смыслов и контекстов, которые невозможно передать через прямые лексические эквиваленты. Без сохранения этого слоя информации перевод становится поверхностным, теряя глубину оригинала. Например, специфические термины, как «альты баш» (золотая голова) несут не только буквальное значение, но и эмоциональную и символическую нагрузку. Культурный код помогает читателю понять глубинные значения текста, его историко-социальную основу и моральные ценности, заложенные в эпосе. При отсутствии таких элементов перевод лишается возможности погрузить читателя в мир оригинальной культуры.

В эпосе «Гёроглы» культурные реалии отражают национальный характер, традиции героизма и духовные ценности туркменского народа. Их сохранение в переводах не только сохраняет аутентичность, но и способствует межкультурному обмену и взаимопониманию.

Роль в переводах на русский и английский языки:

- В русском переводе культурный код часто адаптируется через близкие культурные аналоги, что обеспечивает понятность при сохранении смысла.
- В английском переводе используются транслитерации и комментарии для сохранения новизны и уникальности культурного содержания, что требует от читателя дополнительного вовлечения, но сохраняет аутентичность [11, с. 54].

Сохранение культурного кода является фундаментальным условием для точного и полного перевода эпоса «Гёроглы». Оно обеспечивает не только передачу смыслов, но и сохранение национального колорита, что способствует истинному восприятию и пониманию произведения на другом языке. Современное развитие лингвокультурологии открывает широкие возможности для дальнейших исследований, направленных на глубокое понимание и качественный перевод туркменского эпоса «Гёроглы». В первую очередь это связано с необходимостью разработки методологических основ, адаптированных к специфике перевода многоаспектных культурных текстов, где важна не только передача смысла, но и культурного кода.

Одним из перспективных направлений является сравнительный анализ переводов эпоса на различные языки, что позволит выявить наиболее эффективные лингвокультурные стратегии и приемы, а также определить

универсальные и специфические подходы в передаче национального ко-
лорита.

Библиографический список:

1. Алексеева И.В. Язык и культура: лингвокультурология как наука. Москва, 2018. 210 с.
2. Ахмедов Р.И. История и культура туркменского народа. Ашхабад, 2015. 280 с.
3. Ахметова М.С. Языковая картина мира туркменского народа в эпосе «Гёроглы» // Труды Института языкознания. 2017. № 5. С. 98-104.
4. Бердимухамедов А. Образно-эпитетные средства в народной поэзии Туркмении // Известия Академии наук Туркменистана. 2015. № 6. С. 45-50.
5. Бородина М.А. Иллюстративный материал Х. Бидструпа и П. Кнорра как средство развития устного иноязычного общения в профессиональном образовании / М.А. Бородина, О.А. Жиронкина // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2024. Т. 23. № 2 (171). С. 103-114. – DOI 10.17922/2071-5323-2024-23-2-103-114.
6. Бородина М.А. Особенности обучения древним языкам в современном профессиональном образовании // Современное педагогическое образование. 2025. № 4. С. 167-173.
7. Власова Е.А. Проблемы передачи культурных реалий в переводе эпоса. Казань, 2020. 170 с.
8. Волков В.А., Востряков Л.Е. Идеология и культура в контексте государственной культурной политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 18-23.
9. Гуляева Н.В. Пословицы и поговорки в эпической традиции туркмен // Вестник лингвистики. 2018. № 2. С. 28-35.
10. Иванов В.П. Перевод и культурный контекст: эпос и литература. Москва, 2020. 200 с.
11. Лазарева А.С. Методика плюрилингвального обучения взрослых иностранным языкам: инвариантное и вариативное обучение // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 5. С. 53-70.
12. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.

Reference

1. Alekseeva I.V. Language and Culture: Linguistics as a Science. Moscow, 2018. 210 p.
2. Akhmedov R.I. History and Culture of the Turkmen People. Ashgabat, 2015. 280 p.
3. Akhmetova M.S. The Linguistic Worldview of the Turkmen People in the Epic "Gorogly" // Transactions of the Institute of Linguistics. 2017. № 5. P. 98-104.
4. Berdimuhamedov A. Figurative-Epithet Means in the Folk Poetry of Turkmenistan // Bulletin of the Academy of Sciences of Turkmenistan. 2015. № 6. P. 45-50.
5. Borodina M.A. Illustrative material by H. Bidstrup and P. Knorr as a means of developing oral foreign language communication in vocational education / M.A. Borodina, O.A. Zhironkina // Scientific Notes of the Russian State Social University. 2024. Vol. 23. № 2 (171). P. 103-114. – DOI 10.17922/2071-5323-2024-23-2-103-114.
6. Borodina M.A. Features of teaching ancient languages in modern vocational education // Modern pedagogical education. 2025. № 4. P. 167-173.
7. Vlasova E.A. Problems of transmitting cultural realities in the translation of the epic. Kazan, 2020. 170 p.
8. Volkov V.A., Vostryakov L.E. Ideology and Culture in the Context of State Cultural Policy // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2022. № 3. P. 18-23.
9. Gulyaeva N.V. Proverbs and Sayings in the Epic Tradition of the Turkmen // Bulletin of Linguistics. 2018. № 2. P. 28-35.
10. Ivanov V.P. Translation and Cultural Context: Epic and Literature. Moscow, 2020. 200 p.
11. Lazareva A.S. Methodology of Plurilingual Teaching Foreign Languages to Adults: Invariant and Variable Learning // Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2025. № 5. P. 53-70.
12. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // The Power of History - History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. (No. 53). P. 12-21.

История международных отношений и всеобщая история

History of international relations and general history

Шавлохова Е.С.

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Кошокова С.Я.

Кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Чарказян П.Ш.

Студент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Бережнов И.Р.

Студент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Эволюция образа «внешнего врага» в советской пропаганде 1920-1930-х годов: идеологические и международные аспекты*

Аннотация. В предлагаемом исследовательском обзоре изложены перемены в трактовке концепции «внешнего врага» внутри советских пропагандистских материалов, охватывающих 1920–1930-е гг. Опираясь на значительный массив исторических свидетельств, включающих архивные фонды, газетные издания, учебные пособия, прослеживается переход от обобщённого «мирового капитализма» к конкретным зарубежным системам, включая фашистскую доктрину. Обнаруженные закономерности подтверждают, что порождение рассматриваемой конструкции отражало международную напряжённость, демонстрируя параллельно внутритро-

* © Шавлохова Е.С., Кошокова С.Я., Чарказян П.Ш., Бережнов И.Р., 2025.

литические преобразования, сопряжённые с созданием мобилизационной модели общества. Специальное внимание отведено методическим приёмам, равно как идеологическим постулатам, внедрявшим у населения осознание «внешнего противника» как фактора коллективного консолидационного резерва. Изменения в трактовке «внешнего врага» в советском информационном пространстве 1920–1930-х гг. заключали в себе сложное переплетение идеологических схем, дипломатических реалий и актуальных вопросов внутривластного управления. В рассматриваемой среде изменялась риторика. Развитие образа «внешнего врага» в 1920-1930-е гг. было сложным явлением, определяло особенности советской системы и формировало сознание населения.

Ключевые слова: советская пропаганда, образ врага, идеология, капиталистическое окружение, фашизм, международные отношения, 1920-1930-е гг.

Shavlokhova E.S.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Political Science, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Koshokova S.Y.

PhD in History, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Charkazyan P.S.

Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Berezhnov I.R.

Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

The evolution of the image of the “external enemy” in soviet propaganda of the 1920s-1930s: ideological and international aspects

Abstract. The proposed research review outlines the changes in the interpretation of the “external enemy” concept within Soviet propaganda materials covering the 1920s-1930s. Based on a significant body of historical evidence, including archival collections, newspaper publications, and educational materials, the study traces the transition from a generalized “world capitalism” to specific foreign systems, including fascist

doctrine. The identified patterns confirm that the generation of this construct reflected international tensions while simultaneously demonstrating internal political transformations associated with the creation of a mobilization model of society. Special attention is devoted to methodological techniques as well as ideological postulates that instilled in the population an awareness of the “external enemy” as a factor of collective consolidational reserve. Changes in the interpretation of the “external enemy” in the Soviet information space of the 1920s and 1930s included a complex interweaving of ideological schemes, diplomatic realities, and topical issues of domestic political governance. The rhetoric changed in the environment under consideration. The development of the image of the “external enemy” in the 1920s and 1930s was a complex phenomenon that determined the features of the Soviet system and shaped the consciousness of the population.

Key words: Soviet propaganda, enemy image, ideology, capitalist encirclement, fascism, international relations, 1920s-1930s.

Введение: теоретико-методологические основы исследования

Создание представления о «внешнем враге» рассматривается в качестве одного из центральных механизмов, используемых государственной системой, стремящейся укрепить собственную легитимацию посредством внутривластного единения. Подобный приём особенно активно действует в моменты утверждения новых властных структур, поскольку находит выражение в подчёркнутом разграничении «своих» и «чужих». С первых лет функционирования советской власти этот образ служил стимулом для консолидации населения, оправдания резких реформ.

Нынешний интерес к описанной теме вызван стремлением прояснить принципы воздействия на массовое сознание в переломные эпохи. Изучение изменений, связанных с образом внешнего врага в советской пропаганде, даёт возможность постичь особенности работы политического режима в СССР, а также механику формирования коллективных представлений о противоставляемых группах.

Исследователи в разных странах много раз обращались к данной проблеме. Среди наиболее заметных упоминается труд Д. Бранденбергера, сосредоточенный на развитии «пропагандистского государства» в 1920-х гг. с переходом к сталинской форме управления. По его суждению, «военная тревога» 1927 г. стала рубежным эпизодом для советского агитационного аппарата, обнаружив слабые стороны идеологического воспитания на местах [1, с. 205]. С теоретической точки зрения противостоящие образы рождаются посредством целенаправленной пропаганды, при этом подобные упрощённые представления о характеристиках оппонентов, группируемых по внешнему признаку, выходят далеко за пределы обычных негативных стереотипов.

Методика, применённая в рамках данного изыскания, сочетает исторические приёмы, контент-изучение, а также источниковедческие подходы. В

качестве оснований использованы архивные комплексы, пресса 1920–1930-х гг., материалы для обучения, визуальные документы и официальные постановления руководящих структур партии и госаппарата.

Формирование образа внешнего врага в ранней советской пропаганде (начало 1920-х гг.)

Первоначальная фаза существования советской республики была отмечена острой памятью о Гражданской войне и вмешательстве внешних сил. Страны Антанты, поддерживавшие Белое движение, позиционировались в массовом сознании как враждебное окружение, замышляющее разрушение нового пролетарского государства.

Доминирование классового ракурса характеризовало этот период. Противником считались не конкретные народности, а некая обобщённая «мировая буржуазия» или «империалистические хищники». Историк А. Голубев заключал, что «стереотип «капиталистического окружения», постоянно угрожающего СССР, воспроизводил образ внешнего мира как «темной зоны», враждебной советским людям» [2, с. 201].

В агитационных материалах тех лет многократно повторялся тезис о том, что новая интервенция неизбежна. В.И. Ленин указывал на временный характер передышки после окончания Гражданской войны, подчёркивая потребность готовиться к новым столкновениям. Газеты, плакатные листы и иные средства пропаганды начала 1920-х гг. транслировали эти воззрения.

На основании становления советской идеологии роль В.И. Ленина имела решающее значение как идеологического лидера, в рамках архитектора концептуальных инструментов, направленных на формирование образа внешнего врага. Ленин задумывал, а также, по большей части разрабатывал методологию, позволяющую интегрировать реальные международные противоречия с внутренними преобразованиями. Его выступления, насыщенные глубоким аналитическим подходом, демонстрировали необходимость осмысления внешней угрозы с позиций исторического опыта; данное способствовало мобилизации масс к единству в условиях перемен. В его риторике прослеживалась идея о том, что внешний противник является никак конкретным государством (по Козеру), сколько совокупностью условий, препятствующих социалистическому преобразованию. Он утверждал, что конструкция врага должна быть гибкой с адаптивной, отражая изменения во внешнеполитической обстановке на основании экономического основания развития. Ленин настойчиво подчёркивал, что борьба с внешними силами требует постоянного обновления идеологических основ, что в свою очередь способствовало появлению целого комплекса мер по укреплению государственной власти по самому созданию условий для экономического прогресса. Тем самым уже его подход оказывал длительное влияние на методы пропаганды, благодаря которым образ врага трансформировался в ин-

струмент мобилизации как оправдания решительных социальных реформ.

Отсюда указанным образом, творчество Ленина в области идеологического конструирования определило стратегию советской пропаганды, в рамках которых заложило прочный фундамент для дальнейших этапов становления борьбы за господство идеи мировой революции на мировой арене. Кроме того, Ленина часто наделяли качествами визионера, способного предвидеть последствия геополитических сдвигов, на основании чего позволяло мобилизовать усилия масс для борьбы с внешними угрозами. Согласно исследованиям, капиталистические страны преподносились в советских источниках как плутократические образования, ставящие целью искоренение революционного государства, объявленного «раем для трудящихся» [3]. Расценка капитализма в моральном смысле как безусловного зла, наделённого ответственностью за все социальные бедствия, закрепляла эту установку.

Эволюция образа врага в период НЭПа и «военная тревога» 1927 года

С приходом новой экономической политики в 1921-м и налаживанием дипломатических каналов с частью капиталистических государств характер пропаганды начал несколько меняться. Привлечение зарубежных инвестиций либо технологий требовало умеренного снижения агрессивной риторики.

При этом образ враждебного окружения не исчезал. Под влиянием внешнеполитических приоритетов во времена НЭПа формировалась более детализированная картина: на фоне общей идеи «капиталистического окружения» начали выделяться конкретные страны, несущие наибольшую угрозу.

События «военной тревоги» 1927 г., ставшей ответом на конфликт с Великобританией, сыграли заметную роль. Усилилась антибританская пропагандистская линия, принявшая форму массовой мобилизации общественного сознания.

Архивные документы указывают на озабоченность партийных верхов «оборонным настроем» советских граждан, поскольку выявлялся недостаток стойкого понимания внешней угрозы [3]. Ответом оказалось ускоренное тиражирование антивоенных материалов, организация масштабных общественных акций, повышение уровня военной подготовки.

По версии Д. Бранденбергера, «именно неспособность партийной иерархии популяризировать более революционное понимание советской идеологии обусловила необходимость ее популистского пересмотра» [1, с. 120]. «Военная тревога» обозначила неэффективность прежних методов идеологического воспитания, подвигнув пропаганду к изменениям.

Трансформация образа врага в период первой пятилетки

При переходе к интенсивной индустриализации и коллективизации в конце 1920-х гг. «внешний враг» стал ещё заметнее в пропагандистской риторике. Этот элемент использовался для объяснения и оправдания сложностей, возникавших при реализации пятилетних планов.

Установка о неизбежности военной конфронтации с «окружавшими капиталистами» поддерживала идею скорейшего развёртывания промышленной базы оборонного назначения. Как подчёркивал А. Голубев, «возможность войны с «капиталистическим окружением» в 1920-е годы ощущалась острее, чем в 1930-е. Для этого было много причин: и живая память о мировой и Гражданской войнах с участием иностранных держав, и советская пропаганда, в которой эта тема постоянно муссировалась» [1]. Вершина 1920-х – начало 1930-х гг. принесла более конкретные очертания угрозы: появлялись упоминания Британии, Франции, Польши, Японии. Каждой приписывались особые агрессивные намерения. Параллельно крепла «шпиономания»: в советской прессе множились рассказы о разоблачениях иностранных агентов. На основании служебных отчётов спецслужбы готовили материалы для журналистов. В конце 1930-х вышли десятки пропагандистских брошюр и бесчисленные статьи, уверявшие в обширной диверсионной деятельности шпионов разных государств.

От классовых врагов к национальным: смещение акцентов в 1930-е годы

Существенной тенденцией этого десятилетия стало постепенное переосмысление врага: всё заметнее акцент на национальных характеристиках. Подобный сдвиг был сопряжён с выходом на авансцену идеи государственного патриотизма, сменявшей ранее провозглашённый интернационализм. Школьные пособия по истории, издававшиеся в 1930-х гг., ярко демонстрируют подобную перестройку. В «Кратком курсе истории СССР» А. Шестакова враг обрёл национальные атрибуты помимо классовых. Исследователь Б. Беспалько заключал, что пример с московским княжеством, боровшимся с литовско-польскими альянсами, отчётливо указывал на подчеркнутую национальную окраску вражды. М. Мэтьюс рассказывал, что авторы советских исторических текстов изображали, как «жизнь украинцев, белорусов и русских под властью своих князей, и бояр была тяжелой. Однако их жизнь стала намного тяжелее под властью польских и литовских оккупантов, которые сделали из них крепостных» [4, с. 282]. Подобное описание формировало новый тип «чуждого врага», включавший нации, а не только классы.

В международном позиционировании СССР особую роль приобрела враждебная картинка, связанная с Польшей, воспринимаемой в качестве возможного агрессора, близкого к коалиции иных держав. Указанное отражалось в изданиях для широкой аудитории, включая школьные курсы.

Фашизм как новый образ врага (середина–конец 1930-х гг.)

Появление нацистского режима в Германии в 1933 г. обусловило новое направление: фашистские идеологии стали ядром советской пропагандистской критики. Примерно с середины 1930-х гг. антивоенные лозунги уступили место ярко выраженным антифашистским мотивам. Пояснилось, что фашизм есть «террористическая вспышка финансового капитала», при

этом упор делался на мелкобуржуазные слои, аналогичные кулакам, считающимся «проигравшими в историческом процессе». Получается так, что сохранялась связь с ранним классовым подходом.

В «Кратком курсе истории СССР» А. Шестакова недвусмысленно указывалось: «Фашисты – это злейшие враги рабочих и крестьян, злейшие враги Советского Союза, злейшие враги всего человечества... Готовясь к мировой войне, фашисты засылают своих шпионов во все страны» [4, с. 282]. В тех же текстах содержались сведения о просачивании фашистских агентов в СССР, причём сторонники Троцкого и Рыкова трактовались как пособники шпионской сети.

Т. Эвинг отмечал, что педагоги уделяли внимание «внешнему» противнику, объясняя учащимся, почему ежедневные сводки сообщали об «очистках» от врагов в стране. «Внешняя» угроза тем самым служила оправданием репрессий.

В пропаганде, нацеленной на внешнюю аудиторию, антифашистская линия звучала всё громче: советские официальные каналы призывали к созданию «народных фронтов». Ситуация в Испании становилась символом борьбы с фашизмом, параллельно «оттягивая» внимание иностранных партнёров от вопроса о внутренних авторитарных чертах сталинского правления.

Инструменты и методы создания образа врага в советской пропаганде

Советская идеология применяла многообразные инструменты - от плакатных изображений и карикатур до документальных форм. Визуальные приёмы оказывали серьёзное воздействие на массовую аудиторию, в том числе на слабограмотные или вовсе неграмотные слои. Коллекция Бермана содержит отчётную продукцию в формате плакатов, датированных 1925–1930 гг. [5, с. 45]. Подобные материалы фиксируют, что в конце 1920-х и начале 1930-х гг. выпуск статистических диаграмм и агитационных изображений резко возрос. Ещё в 1918 г. Ленин признавал, что факты, представленные графически, могут влиять на широкие массы. Графики, схемы, таблицы и карты активно включались в книги или плакаты, с целью побудить и убедить общество. Медиа в советских условиях функционировали не просто как ретрансляторы действительности, а скорее в роли средств внушения коллективного взгляда. В поздние 1930-е гг. пропагандистское влияние достигло уровня, соизмеримого с военными кампаниями.

Всякая пропагандистская система, ориентированная на формирование яркого символического образа противника, всегда функционирует при наличии консолидирующей идеи, побуждающей массы к поддержке определённой политической линии. В советской действительности этот образ противостоящей силы интерпретировался как символ враждебных тенденций, требующих решительного отпора. Подобное представление активно

подпитывалось идеологическими установками, одобренными верхушкой власти. Авторитетные политические деятели убеждали общество, что вокруг существуют субъекты, несущие опасность государству, а, следовательно, требующие постоянного внимания и готовности к ответным мерам. В рамках такой логики происходила системная работа с целевыми группами населения, причём охватывался крайне широкий спектр каналов передачи сведений: печать, радио, театральные постановки, киноленты и все другие доступные средства массовой коммуникации. Благодаря подобному подходу пропагандистский конструкт обретал непрерывную воспроизводимость, а степень внушения росла настолько, что указанный символический противник воспринимался как реальная угроза для каждого жителя Союза. Одновременно распространялось утверждение, будто конфронтация с этой враждебной средой - неотъемлемая часть исторической миссии государства. Характерным примером подобного воздействия служило структурирование тех же плакатов или газетных текстов, где упоминалось, что враг подрывает устои, нарушает права, трудящихся либо вынашивает планы разрушения общественного строя [6]. Подобный пропагандистский дискурс включал в себя изображения, тексты, эмоциональные призывы, рассчитанные на быстрое и глубокое проникновение в массовое сознание.

Прежний социокультурный фон кристаллизовался под влиянием индустриального уклада. Внимание к массовому обществу и его психологическим особенностям рождалось ещё в трудах зарубежных писателей, пытавшихся по-своему объяснить феномен страха, необходимого для сплочения больших групп. Существует интересный пример в романе Н. Мейлера, где персонаж говорит: «машинная техника нашего века требует консолидации, а это невозможно, если не будет страха, потому что большинство людей должно быть рабами машины, а это ведь не такое дело, на которое они пойдут с радостью» [6]. Схожий мотив применялся в СССР, где иерархическая структура предполагала, что центральные органы берут на себя задачу целенаправленного воздействия на сообщество. Партийно-государственный механизм монополизировал рычаги управления средствами массовой информации, создавая неразрывную вертикаль: вся пресса, радио, плакатное дело - всё подчинялось согласованной политике. Координация тезисов, лозунгов и иллюстративных материалов задавала общий вектор и усиливала резонанс. Каждое отделение газеты, каждая редакция, выпускавшая агитационные материалы, получала единообразные установки, что исключало различия и уменьшало вероятность возникновения альтернативных точек зрения. Такой контроль позволял беспрепятственно генерировать образы, вплоть до демонстрации «психологического врага», обладающего чертами, возбуждающими у аудитории стойкое неприязненное отношение.

Впечатляющий вклад в создании этих символических противников

вносили графические инструменты, способные затронуть ощущения даже у тех, кто обладал ограниченным уровнем грамотности. Выступали плакаты, карикатуры, крупные диаграммы, изготовленные ради пропагандистского эффекта, используя выразительные средства, понятные широкой публике. Сохранившиеся в так называемой коллекции Бермана плакатные экземпляры, относящиеся к промежутку 1925-1930 гг., содержат примеры пропагандистской продукции. Оттуда ясно, что тиражирование агитматериалов пережило резкий рост к концу 1920-х и в начале 1930-х гг. Ещё в 1918 г. Ленин подчёркивал: визуальная форма донесения информации помогает вовлечь огромные массы в осмысление политических тем. Проще говоря, графическое сопровождение трансформировалось в удобный способ быстрой передачи идей, вызывая не только рациональное осмысление, но ещё и интенсивные эмоции. Люди, не вполне готовые к длительному чтению, мгновенно воспринимали символы, оценивая простые контрасты: героическая Красная армия противопоставляется врагу, которого рисуют омерзительным, невежественным либо алчным. Следует осветить эволюцию этих негативных схем, ведь с течением времени пропагандистские модули претерпевали повороты. Первоначальный период Гражданской войны являлся моментом, когда пропагандистские клише адресовались в первую очередь внутренним противникам - белому движению, крупным собственникам и тем, кого система считала «буржуями». Дополнялась эта негативная галерея внешними интервентами, выступавшими под видом иностранных государств, поддерживающих антисоветские силы. В условиях боевых действий того времени особенно внушалось, что объединение масс против «кулаков и белогвардейских заговорщиков» - залог сохранения революционного порядка. Последующие десятилетия принесли качественно иные политические сценарии. Тридцатые годы, насыщенные тревожным ожиданием международных конфликтов, потребовали от советской власти непрерывного обновления представлений об угрозах, исходящих снаружи. Происходило то, что затем назвали возрастанием милитаристской опасности со стороны Германии, в результате чего пропагандисты вывели на первый план идею героического антифашиста. Одновременно насаждалось убеждение, будто внутри самой Германии население почти поголовно отвергает фашизм, ожидая освобождения, которое принесёт Красная армия. Подобная схема вводила удобную дихотомию: истинная воля народа Германии якобы совпадает с советской позицией, а во главе нацистского режима находятся лишь одиозные личности.

В типичных плакатных листах, созданных для объяснения контраста между «нами» и «ними», нередко применялось разделение рисунка на две зоны. Вверху или в центре помещались образы советского патриотизма, а враг скукоживался внизу, за специальной чертой. С течением времени этот

враг всё сильнее смещался на периферию композиции, становился менее выразительным по площади, а значит, менее значимым. Дополнительно усиливался контраст при помощи цвета. Обычно «свои» изображались в яркой палитре, где доминировали красные, золотые либо белые мотивы, указывающие на благородство целей. Силы противника погружали в мрачные оттенки, используя чёрный, коричневый или зеленоватый тон [7]. Таким образом рождалось впечатление двух несовместимых миров, где сторона советской правды сияет под солнечными лучами, а вражеский лагерь существует в пугающей тьме.

Помимо визуальных средств, стратегическую роль играла речевая подача. В газетных текстах применялись эмоциональные эпитеты, метафоры, яркие сравнения, выстраивающие у читателя образ «безумного врага», «налётчика», «клики», развязавшей авантюру. Происходило искусное манипулирование фразами, намекающими на психическую ущербность противника, его криминальное прошлое, воинственную наглость или количественную ограниченность. Утверждалось, будто небольшая клика, захватившая власть в какой-либо стране, вводит людей в заблуждение, тогда как простые граждане той территории сами ждут момента объединения с советским народом. Критики, занимавшиеся исследованием тех публикаций, считают, что этот устоявшийся «злодейский» словарь подкреплял общее впечатление о незначительности подлинной базы врага и повышал моральный дух среди своих. Одновременно вводился зоологический дискурс, где пресса подписывала карикатуры фразами типа «зверь рвёт мир на части», подчёркивая чудовищную сущность противника.

Помимо нападок на внешних недругов, существовала линия внутренне-го противостояния. Печатные органы систематически печатали материалы об «врагах народа»: стенограммы судебных процессов, письма разгневанных рабочих коллективов, торжественные выступления вождей, разоблачающих тайные объединения шпионов. Согласно подобной версии, эти внутренние угрозы скрывались под маской добропорядочных советских граждан, но на деле занимались подготовкой диверсий, вредительством на заводах или колхозах, проведением подпольной контрреволюционной деятельности. Для демонстрации негативного образа «пятой колонны» газеты применяли всё тот же приём стигматизации, превращая каждого объявленного «вредителя» в порождение зла. Такая практика помогала объяснить многочисленные репрессии, проводившиеся по стране: ведь если есть непримиримый враг, значит, наказания справедливы. Распространение подобных материалов становилось возможным благодаря монопольному владению пропагандистскими ресурсами, отсутствию альтернативных точек зрения и строжайшей цензуре. Механизмы единой редакционной политики гарантировали, что население не увидит никакой оппонирующей

информации. Системность этой задачи прослеживалась во множестве СМИ: городские и деревенские газеты, радиопередачи, бюллетени, все без исключения поддерживали официальную линию.

Составителям казалось, что интенсивная подача сведений о катастрофическом положении армии врага, о жестоких злодеяниях, совершённых оккупантами, способна деморализовать чужие войска. Больше того, сжатый формат листовки был удобен для стремительного чтения. В боевых реалиях подобные тексты совмещали в себе агитацию и простую статистику, напоминая военнотружущим, сколь безнравственно нападавшим оказалось участие в фашистских карательных актах/ В тех же листовках, выпускавшихся под брендом ТАСС, зачастую публиковали рассказы захваченных в плен немецких солдат, разъяснявших тяготы службы на Восточном фронте. На психологическом уровне такое внедрение убеждало, будто у врага процветает паника, значит, дальнейшее сопротивление бессмысленно. Массовое искусство кино и сцены, равно как фронтовые бригады артистов, тоже выполняли схожие задачи. В особенности кинематограф нёс мощный заряд внушения. Зрители, обожающие фильмы, рассматривали на экране образы коварных агрессоров: они показаны либо неуклюжими и трусливыми, либо воплощениями звериной жестокости [8, с. 238]. Подобный сюжет постоянно повторялся. В лентах, рассказывающих о подвигах одного-двух советских героев, мог присутствовать эпизод, когда противники пачками бегут в страхе, теряя оружие. Демонстрировалось, что дисциплина у них скверная, командиры бессильны, а простые солдаты готовы разбежаться. Примером подобной пропагандистской подачи считался финал фильма «Два бойца» (1943), где несколько бойцов Красной армии успешно останавливают большие колонны неприятеля. Картина формировала убеждение, что настоящий воин, защищающий идеалы справедливости, обладает решимостью и непобедимой стойкостью, тогда как у врага нет прочной моральной опоры. В этом прослеживался воспитательный элемент, ведь советский зритель уходил из кинотеатра с чувством гордости и воодушевления.

Новые психологические методики применялись непосредственно на передовой, например, в Сталинградской битве. С помощью громкоговорителей, установленных в районе боестолкновений, прокручивали популярные немецкие песни. Солдаты вермахта, слыша знакомые мотивы, невольно погружались в состояние тоски по родине. Потом музыка прерывалась речевыми вставками на немецком, сообщавшими об очередных громких успехах Красной армии. Создавалось впечатление неминуемого окружения, отсутствия поддержки, обречённости. Монотонный звук метронома дополнял атмосферу: каждые семь ударов пауза заполнялась констатацией гибели ещё одного фашиста. Далее следовал новый цикл. Паузы, наполненные танго, усиливали психологическое давление: за музыку цеплялись

остатки человеческих чувств немецких солдат, которым давали понять, что время их жизни тает.

Высокая степень систематизации советской пропаганды проистекала из того, что государственные учреждения - от профильных отделов ЦК ВКП(б), именовавшихся отделом пропаганды и агитации, до Союза писателей СССР, а иногда и русской православной церкви (при определённых временных поворотах) — формировали единую сеть, способную мгновенно менять определённую подаваемую идею для общества при необходимых корректировках. Институциональная прочность механизма приводила к тому, что в каждой газетной статье, радиопередаче, плакате проявлялась одна и та же идеологическая канва. Результат – скоординированность, которая исключала разномыслие. Подобная центрированная структура благоприятствовала эффекту масштабного и повсеместного внушения. Любая новая директива, связанная с актуальной обстановкой, быстро доходила до всех республиканских и региональных редакций. К примеру, при смене внешнеполитических ориентиров агитационные материалы переделывали практически за считанные дни, вводя свежие лозунги и визуальные образы. Ярчайшая иллюстрация - описание гитлеровской Германии в годы войны. Тут негативная мифология развивалась последовательно. На начальном этапе Гитлер казался зловещим и неотвратимо жёстким. Однако по мере перелома военных действий в советских СМИ он всё чаще высмеивался. Карикатуры представляли его униженным, нередко в виде комичного персонажа, лишённого реального могущества. Тональность внушала: время гитлеровцев близится к закату, а советский фронт неодолим. Схожие принципы применялись при изображении капиталистических держав, особенно Соединённых Штатов [9]. Карикатурные толстосумы облачались в цилиндры, источали запах табака, пересчитывали деньги, при этом их коварные планы сводились к уничтожению революционных завоеваний. Если выпустить серию агитационных плакатов или публиковать соответствующие картинки в газетах, у советского общества возникало мнение о патологической жадности и милитаристском угаре заокеанских элит.

Такая пропагандистская кампания продемонстрировала высокую эффективность. Задача заключалась в создании тотальной «информационной реальности», которая замещает собой многообразие истины, блокируя возможные альтернативные интерпретации. Когда общество погружено в единый массив лозунгов и образов, индивидуальное восприятие подстраивается под доминирующую версию. Подобная настроенность способствовала моральной мобилизации во время Великой Отечественной: образ омерзительного захватчика поддерживал готовность к чрезвычайным жертвам, укреплял фронтовой дух. По окончании военных действий «враг» остался востребованным, поскольку он оправдывал ограничительные меры, жёст-

кий режим, затруднения в экономике. Призывы к бдительности против «шпионов» и «подрывных элементов» часто помогали поддерживать дисциплину и устойчивость власти, ведь масса граждан страшилась внешних посягательств или внутренних саботажников.

Научный интерес к этим пропагандистским техникам сохраняется и в современности. Ряд исследователей замечает, что информационные войны нового времени, в том числе цифровые, многим обязаны советскому опыту. Если понимать, каким способом тогда формировалась единая идеологическая картина врага, можно прояснить, почему массовая аудитория столь легко поддаётся эмоциональному воздействию. Специалисты в области медиаграмотности советуют обращаться к историческим примерам, учитывая, что новые технологии усиленно используют сходные механизмы. Вера в чудовищного противника, наделённого всеми мыслимыми пороками, часто распространяется через социальные сети, транслируется в виде «сенсационных» роликов, статей, громких заголовков. Поэтому внимательное сопоставление прежних примеров и современной информационной практики раскрывает универсальные способы манипулирования, которые формировались именно в описываемый нами период. Многим участникам системы советской пропаганды удалось создать обширную базу визуальных материалов, текстов, подкастов, театральных пьес, документальных лент, обслуживающих одну идею - присутствие коварного врага, который неустанно стоит у порога. Любая трудность в быту, любая неудача в экономическом секторе, любой военный конфликт брали объяснение в «махинациях внешних сил». Такой приём дублировал многовековую архетипическую модель, согласно которой проблемы (заменяем это слово) возникают не просто внутри общества, а вина лежит на чужаках [10, с. 204]. Глядя сквозь призму этого подхода, можно осознать, каким образом устойчивые психологические стереотипы - страх, ненависть, чувство собственной правоты - заставляли народ оставаться послушным официальной линии. Причём степень доверия к пропаганде в обстановке строжайшей цензуры незначительно снижалась, ведь альтернативный источник информации практически отсутствовал. Отдельные инакомыслящие голоса либо вынужденно замолкали, либо подвергались преследованиям.

Международный контекст и его влияние на советскую пропаганду

Развитие описываемого образа шло параллельно с изменением расстановки сил на мировой арене - от относительного затишья послевоенного урегулирования до новых угроз глобального столкновения в 1930-х гг.

К. Эндрю и В. Митрохин в своих работах о деятельности советских спецслужб времён Холодной войны выделяли три приоритета: дезорганизация НАТО, продвижение коммунистических идей, подрыв позиций в нейтральных регионах. Зачатки подобной стратегии можно разглядеть в

пропагандистских методиках 1930-х.

На старте Второй мировой пропагандистский аппарат трактовал конфликт как столкновение «буржуазных лагерей», которые, изматывая друг друга, открывают шанс для социализма. Подконтрольные компартии получали указания выступать против «буржуазной войны». Перемены в отношении к германской стороне проявились на практике: советский агитпроп старался отделять «простых немцев» от гитлеровской верхушки, называя последних «нацистами» данная двойственность прописывалась и до начала войны. Дж. Дэвис, представитель США в СССР (1936–1938), указывал, что термин «активный внутренний шпионаж» практически не встречался раньше 1937-го, однако именно перед Большим террором возник в советском обиходе. Здесь прослеживается взаимосвязь международной конъюнктуры и внутреннего поиска «врагов народа».

Заключение

Все вышеприведённые наблюдения дают основание утверждать, что изменения в трактовке «внешнего врага» в советском информационном пространстве 1920–1930-х гг. заключали в себе сложное переплетение идеологических схем, дипломатических реалий и актуальных вопросов внутриполитического управления.

На начальном отрезке 1920-х гг. приоритет держался на классовом конфликте: «враг» обозначался как аморфное объединение «мировых капиталистов». Когда страна вошла в фазу НЭПа, образ внешней угрозы структурировался, включая конкретные государства. «Военная тревога» 1927 г. продемонстрировала, что старый подход к идеологической работе недостаточно действенен. При старте пятилеток шаблон «внешнего врага» помогал «объяснить» резкие экономические меры, усиливая мобилизационное настроение. В 1930-е гг. за счёт поворота к государственному патриотизму враг всё явственнее получал национальные черты. Возвышение нацистов в Германии наложило свой отпечаток: борьба с фашизмом заняла центральное место в пропагандистской повестке. Советские органы использовали многогранные методы - от карикатур и плакатов до целостных историографических композиций. Притом совершенствовались каналы популяризации, обеспечившие массовое внедрение требуемых оценок.

Глобальная среда в значительной степени определяла, как именно менялась риторика. Тем не менее внутренние соображения - укрепление режима, реализация репрессивных мер, формирование коллективной солидарности - оставались важнейшими мотивами. Итак, развитие образа «внешнего врага» в 1920–1930-е гг. в СССР явилось сложным явлением, отражавшим природу советской системы, стремившейся укрепить свои позиции внутри страны и ориентироваться на внешнюю конъюнктуру, используя приём идеологической маркировки «неприятеля».

Библиографический список:

1. Бранденбергер Д.Л. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927-1941 / Д.Л. Бранденбергер; [авторизованный перевод с английского А.А. Пешкова и Е.С. Володиной]. – М. РОССПЭН. 2017. 365 с.
2. Горяева Т.М. Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920-1930-х годах: документированная история / Т.М. Горяева. – М.: РОССПЭН: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина. 2009. 156 с.
3. Юинг Е. Томас Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / Е. Томас Юинг; [пер. с англ. Д. А. Благова]. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 2011. 358 с.
4. Душенко Е.С. К вопросу о советских учебниках по истории: деятельность А.В. Шестакова. // Е.С. Душенко. – Вестник ТГУ. 2010. № 6 (86). С. 279-283.
5. Цвик В.Л. Введение в журналистику: курс лекций / В.Л. Цвик. Международный независимый эколого-политологический ун-т. – М.: Изд-во МНЭПУ. 1997. 91 с.
6. Белоконева А.С. Образ врага и идентичность: исследование конструирования образа «другого» в международных отношениях: дисс. ... канд социол. наук. – М.: 2004. 175 с.
7. Andrew Christopher. The sword and the shield: the Mitrokhin archive and the secret history of the KGB / Christopher Andrew a. Vasilii Mitrokhin. – New York: Basic books, cop. 1999. XIV. 700 с.
8. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг. / А.В. Голубев. – Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – М.: Кучково поле. 2008. 381 с.
9. Matthews Mervyn. Privilege in the Soviet Union: A study of elite life-styles under communism / Mervyn Matthews. 2. impr. – London etc.: Allen & Unwin, 1979. 196 с.
10. Терещенко О.В. Historiография всеобщей и отечественной истории: этапы, тенденции, взаимосвязь // Кубанские исторические чтения: Материалы XVI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 30 мая 2025 года. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2025. С. 203-206.
11. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.

Reference

1. Brandenberger D.L. The Crisis of Stalin's Agitprop. Propaganda, Political Education, and Terror in the USSR, 1927-1941 / D.L. Brandenberger; [authorized translation from English by A.A. Peshkov and E.S. Volodina]. – M. ROSSPEN. 2017. 365 p.
2. Goryaeva T.M. Radio Russia: Political Control of Soviet Radio Broadcasting in the 1920s-1930s: A Documented History / T.M. Goryaeva. – Moscow: ROSSPEN: Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin. 2009. 156 p.
3. Ewing E. Thomas Teachers of the Stalinist Era: Power, Politics, and School Life in the 1930s / E. Thomas Ewing; [translated from English by D.A. Blagova]. – M.: ROSSPEN: Foundation "Presidential Center of B.N. Yeltsin". 2011. 358 p.
4. Dushchenko E.S. On the Issue of Soviet History Textbooks: the Activities of A. V. Shestakov. – Vestnik TSU. 2010. № 6 (86). P. 279-283.
5. Tsvik V.L. Introduction to Journalism: Lecture Course. International Independent Ecological and Political Science University. – M.: Publishing House of MNEPU. 1997. 91 p.
6. Belokoneva A.S. The Image of the Enemy and Identity: A Study of the Construction of the Image of the "Other" in International Relations: Diss. ... Cand. Sci. (Sociology). – M.: 2004. 175 p.
7. Andrew Christopher. The sword and the shield: the Mitrokhin archive and the secret history of the KGB / Christopher Andrew a. Vasilii Mitrokhin. – New York: Basic books, cop. 1999. XIV. 700 p.
8. Golubev A.V. "If the world collapses on our Republic...": Soviet society and external threats in the 1920s-1940s / A.V. Golubev. – Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. – Moscow: Kuchkovo Pole, 2008. 381 p.
9. Matthews Mervyn. Privilege in the Soviet Union: A study of elite life-styles under communism / Mervyn Matthews. 2. impr. – London etc.: Allen & Unwin, 1979. 196 p.
10. Tereshchenko O.V. Historiography of general and national history: stages, trends, relationships // Kuban historical readings: Proceedings of the XVI International scientific and practical conference, Krasnodar, May 30, 2025. – Barnaul: IP Kolmogorov I.A., 2025. P. 203-206.
11. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.

Борисова-Лебедева М.Ю.

Старший научный сотрудник, ФГБУК Музей политической истории России, г. Санкт-Петербург.

Культурно-просветительские проекты Петербургского/Петроградского Общества Изящных Искусств (географический аспект)*

Аннотация. Статья знакомит читателя с одной из страниц истории культурно-просветительской организации Санкт-Петербурга – Петрограда – Общества Изящных Искусств, созданного в начале XX века. Известно, что Общество главной своей задачей видело приобщение к искусству широких масс населения. Однако, подробно история формирования и его деятельность в специальной литературе малоизучена. Автор проанализировал широкий круг архивных источников, газетных публикаций и литературы по истории объединения. В итоге были выявлены, систематизированы и описаны городские места, в которых проходили мероприятия объединения. Материалы по деятельности и структуре Общества изящных искусств являются важным источником для исследователей по изучению работы общественных организаций художественного направления в России в начале XX века. Представленные в статье документы вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Российская империя, Общество Изящных Искусств, интеллигенция, культурно-просветительские организации, дореволюционный период.

Borisova-Lebedeva M.Y.

Senior Researcher, Museum of Political History of Russia, St. Petersburg.

Cultural and educational projects of the St. Petersburg/Petrograd Society of Fine Arts (geographical aspect)

Abstract. The article introduces the reader to one of the pages of the history of the cultural and educational organization of St. Petersburg – Petrograd – the Society of Fine Arts, which was established at the beginning of the 20th century. It is known that the Society's main goal was to introduce art to the general public. However, the history of its formation and activities has been poorly studied in specialized literature. The author has analyzed a wide range of archival sources, newspaper publications, and literature on the history of the association. As a result, the author has identified, systematized, and described the city locations where the association's events were held. The materials on the

* © Борисова-Лебедева М.Ю., 2025.

activities and structure of the Society of Fine Arts are an important source for researchers studying the work of public organizations of the artistic direction in Russia at the beginning of the 20th century.

The documents presented in the article are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Russian Empire, Fine Arts Society, intelligentsia, cultural and educational organizations, pre-revolutionary period.

Петербургское/Петроградское Общество Изыщных Искусств, созданное в начале XX века, вело активную культурно-просветительскую деятельность, основной пик которой пришелся на 1913-1917 годы. Проводились различные концерты, лекции, открывались выставки и выпускались спектакли под которые организация снимала помещения в различных частях города и губернии. Таким образом, они старались охватить своими мероприятиями весь город и привлечь внимание широких слоев населения. Остановимся на них подробнее.

В 1913 году Общество устраивало концерты в больнице святой Ольги ведомства учреждений императрицы Марии (Тверская улица, дом № 22) для больных [1]. Согласно Уставу больницы [2, Л. 32], она начала свою работу в 1849 году «для приема больных обоого пола, одержимых неизлечимыми болезнями, без различия звания и возраста» [2, Л. 32-32 об.] и содержалась на частные пожертвования. 8 сентября 1949 года при ней была открыта домовая церковь равноапостольной великой княгини Ольги [3, С. 268]. В советское время, в 1931 году в здании расположилось Смольнинское здравобъединение (тел.: 587-89, 174-01) [4, С. 110], а в 1932 году – поликлиника здравоохранения «Смольный» (тел.: 587-89, 174-01, 174-49, 481-78) [5, С. 99, 104-105], в 1933 году получившая номер 38 (тел.: 688-08) [6, С. 381]. В 1974 году здание было перестроено архитекторами Давидом Семеновичем Гольдгором (1912—1982) и Георгием Александровичем Васильевым (1937—1998) [3, С. 268]. В нем расположился Дом политпросвещения Ленинградского Обкома КПСС. Теперь бизнес-центр «Международный центр делового сотрудничества».

Больница св. Ольги была не единственным медицинским учреждением, в котором выступала организация. Так, согласно воспоминаниям Арона Абрамовича, после начала первой империалистической войны «решено было организовать Лазаретную Комиссию, для работы среди раненых, которые в значительном количестве уже начали поступать в Петербург. Председателем комиссии был избран А.М. Горький..., заместителем – Н.Е. Буренин... На первом же заседании Комиссии было решено взять 4—5 больших госпиталя и проводить в них систематическую и планомерную работу, по-

ложив в основу ознакомление раненых с доброкачественной программой концертных номеров и деятельностью старых писателей... — составляю программу таким образом, чтобы содержание исполняемого не только знакоило с произведениями того или иного писателя, но в результате создавало бы антивоенное настроение... Через короткое время были разработаны однотипные программы, привлечены исполнители и работа в госпиталях началась. Она имела большой успех у раненых... Но администрации госпиталей, понятно, не могла не броситься в глаза «странная» программа выступлений... В общем, начали ставить препятствия выступлениям Общества, а через 5-6 месяцев вообще перестали пускать в госпитали... Планомерная работа в госпиталях закончилась в Апреле 1915 года. Было проведено 25—30 концертов, обслужено 5000—6000 раненых» [7, Л. 18-20].

В 1913 году Обществу удалось договориться о своих выступлениях в Большеохтинском театре, располагавшегося на Большеохтинском проспекте в доме № 81. Театр, открытый еще в 1904 году [8, С. 346], 31 января 1913 года предоставил условия (договор) об аренде зала театра [9]. По отложившимся в музее документам видно, что в 1914 году Общество также интересовалось данным помещением и запрашивала расценку аренды [10].

В 1914 году организация активно проводила свои мероприятия в двух земских школах: Смоленской и Ушаковской. Н.Е. Буренин, еще будучи председателем Секции в Обществе Друзей Музыки вел дела со Смоленской школой, где они договорились устраивать два концерта каждое полугодие [11]. Смоленская земская школа (Смоленское соединенное земское народное училище) находилась в селе Смоленское (Шлиссельбургского района) и была открыта в 1898 году (Шлиссельбургский тракт, д. 43). На сегодняшний день это часть Невского района, муниципальный округ Невская застава. Сейчас здание принадлежит Санкт-Петербургскому государственному институту культуры (адрес: проспект Обуховской обороны, д. 85/ переулок Ногина, д.2). В Смоленской Школе преподавало два члена Общества: Нина Львовна Климонтович и Зинаида Александровна Никитина [12]. 6 ноября 1914 года Николай Евгеньевич Буренин направил письмо в Петроградскую Уездную земскую управу с просьбой предоставить «бесплатно зал Смоленской Земской Школы на 23 число текущего ноября в 4 часа дня под устройство лекции-концерта, посвященного бельгийскому искусству» [13]. Разрешение на проведение литературно-музыкального вечера было получено [14; 15].

Параллельно с этим в 1914 году было отправлено прошение Совета Общества Градоначальнику об организации литературно-музыкального вечера в помещении Ушаковского земского училища [16], которое могло

вместить в себя до 300 человек [17]. Концерты продолжали проводить и в 1915 году, например, один из них состоялся 8 марта [18]. Училище было основано купцом Абрамом Михайловичем Ушаковым в 1869 году на Петергофском шоссе (ныне проспект Стачек), в 1872 году при школе была освящена церковь «Всех святых». В 1895 г. на месте деревянного здания архитектором Александром Александровичем Докушевским (1833-1896) было возведено каменное [3, С. 237], сохранившееся до наших дней. Сейчас это жилой дом.

Еще одним учебным заведением, в котором проводились концерты, стала Преображенская Новая школа, находившаяся по адресу Потемкинская ул., д. 5/62 (по Сергиевской ул. – ныне ул. Чайковского [19]) [20]. Сама школа была открыта в 1906 году, в 1907 году – преобразована в женскую гимназию Ю.С. Ивановой, а в 1911 году – в Преображенскую Новую школу Товарищества учителей [21].

Общество Изыщных Искусств тесно сотрудничало с графиней Софьей Владимировной Паниной (1871—1956), основавшей Лиговский народный дом. Еще в 1913 году графиня была избрана почетным членом Секции для устройства Общедоступных чтений, концертов и спектаклей [22]. Софья Владимировна периодически делала запросы в организацию с просьбой о выделении артистов для мероприятий [22]. 2 марта 1914 года в Лиговском Народном доме по адресу Тамбовская улица, д. 63/ Прилукская улица, д.24, телефон: 485-63, состоялся Общедоступный концерт, на котором артисты Общества заработали двадцать рублей [23]. Здание Народного дома было построено в 1901—1904 годах архитектором Юлием Юльевичем Бенуа (1852—1929). После Гражданской войны в здании размещались различные учреждения культуры, а в 2011 году открылся Санкт-Петербургский Драматический театр им. Графини С.В. Паниной. Об использовании помещения Лиговского Народного дома также говорится и в письме от Общества в Петроградскую Уездную земскую управу от 6 ноября 1914 года. Помимо этого, там перечислено еще несколько пространств, которые использовались в 1914 году – это помещения в Народном Доме Нобеля (Лесной проспект, д. 19, был открыт 30 сентября 1901 года [24, С. 41]) и в Доме Просветительных Учреждений (набережная Обводного канала, д. 147 [25, 26] (ныне 181)) [13].

В 1914 году Общество Изыщных Искусств начало проводить серию концертов Камерного кружка. Первые концерты проходили в Зале Художественного Адвокатского Кружка, находящегося в доходном доме капитана первого ранга Н.В. Чайковского по Басковой улице (ныне улица Короленко), спроектированном архитектором М.Ю. Капелинским (1874-после 1928) в 1903 году. Например, 2-й концерт Камерного кружка, состоявшийся в воскресенье 23 ноября, был посвящен «Старинному Рус-

скому Романсу» [27], а на 3-м концерте, состоявшемся 30 ноября, звучали произведения М.И. Глинки [28]. Позже, в 1915 году, Вечера стали устраиваться в помещении Малого зала Консерватории в доме № 3 на Театральной площади. Один из таких концертов прошел 29 декабря, темой которого стала «Старинная итальянская музыка». Двадцать пять процентов чистого сбора с продажи билетов с этого вечера поступило в пользу Комитета «Петроград-Беженцам», Театрально-Концертная секция которого также участвовала в событии [29].

Еще одним местом выступления организации стал кинематограф «Ассамблея» А.Е. Медведева, находившийся по адресу угол Большого проспекта и Гулярной улицы (ныне улицы Лизы Чайкиной) 25-2, Петроградская сторона [30]. После Революции в помещении продолжал существовать театр «Ассамблея» [51], в 1925—1926 годах находился кинотеатр «Леший» [31, Л. 1-4; 32, Л. 1-22]. В 2000-ые года в здании проводились репетиции театра под управлением Бориса Эйфмана, а в 2011 году – было снесено. В 1915 году Общество Изыщных Искусств провело в «Ассамблеи» утренник [34], Общедоступное утро памяти Л.Н. Толстого в воскресенье, 6 декабря (начало в 1 час дня): I. Слово о Л.Н. Толстом, II. Литературно-музыкальное отделение (1. Отрывок их «Казаков». Оленин на охоте; 2. Сцена из «Живого труппа». У следователя; 3. «Крейцера Соната») [35].

С 1915 года Общество Изыщных Искусств стало проводить свои мероприятия в различных городских концертных залах. Так, 26 января, 1 и 15 февраля, а также 1 и 8 марта 1915 года с разрешения Петроградского Градоначальника прошли музыкальные вечера в концертном зале Собрания Инженеров Путей Сообщения по адресу Бородинская, д. 6 [36], располагавшийся на втором этаже Дома Инженеров Путей Сообщения, построенный инженером путей сообщения Александром Александровичем Барышниковым в 1911—1912 годах [37]. В 1918 году здесь обосновался Техникум железнодорожного транспорта, действующий до сих пор.

Одним из самых популярных мест для развертывания своей деятельности для Общества оказался зал Тенишевского училища на Моховой ул., 33—35. Здесь, начиная с 1915 года и до 1917 года, организация довольно часто снимала помещения под свои нужды. Само училище было учреждено в 1898 г. князем Вячеславом Николаевичем Тенишевым, а здание, в котором оно находилось с 1900 года, строилось начиная с 1899 года, архитектором Ричардом Андреевичем Берзенем. После Революции 1917 года здание продолжало использоваться под различные учебные заведения. С 1970-х годов здание стало относиться театральному институту. Согласно архивным документам, с 1903 г. в Тенишевском училище одна из аудиторий была отдана под устройство театра на 500 человек [38, Л. 31], который, по воспоминаниям А.А. Флейшера, по факту вмещал в себя 600—700 человек, а также «имел

подсобные помещения» [7, Л. 22]. Помимо различных концертов и лекций [39], здесь проводились и литературно-музыкальные утра, посвященные творчеству поэтов [40], писателей и композиторов.

Кроме организации разнообразных музыкальных представлений Общество занималось и постановкой спектаклей. Так летом 1915 года по инициативе актрисы Марии Федоровны Андреевой в театре Путиловского завода «были поставлены с ее участием несколько спектаклей: Островского – «Сердце не камень», «Без вины виноватые», Горького – «Мещане» и Карпова – «Рабочая слободка», «Василиса Мелентьева» [7, Л. 20]. Позднее другой актрисой, принимавшей участие в постановках, Лидией Дмитриевной Блок был предоставлен отчет о состоявшихся мероприятиях [41]. Театр Путиловского завода по Петергофскому шоссе, № 67 был освидетельствован в 1912 году, и тогда же было получено разрешение на проведение в нем концертов и спектаклей [42]. По поручения директора завода заведующим театральной частью стал артист императорских театров А. К. Масальскому [43, Л. 92].

Известно, что в 1915 году Общество Изысканных Искусств для проведения репетиций своих драматических спектаклей с разрешения Градоначальника снимало отдельное пространство в помещении частных курсов бухгалтерии А.И. Янсона [44], находившимся в здании № 5 в Демидовом переулке (ныне переулок Гривцова) и просуществовавшим как минимум до 1918 года [45].

В 1915 году Советом Общества было получено разрешение от Канцелярии Петроградского Градоначальника на устройство литературно-музыкального утра на Калашниковской хлебной бирже [46]. Располагалась она на углу Харьковской и Полтавской улиц (дом 9-12). Здание было построено в 1905—1906 годах Николаем Александровичем Дрягиным на деньги купца Александра (?) Стефановича (?) Калашникова (в справочных книгах о лицах С-Петербургского купечества за 1907 год и за 1909 год среди купцов приводится только один человек с такой фамилией) [47, С. 224; 48, С. 232] для организации зерновой биржи. В одном из помещений биржи был организован концертный зал на 1000 человек, который «часто снимался рабочими для проведения собраний и лекций» [49, С. 1].

Общество Изысканных Искусств на протяжении всей своей деятельности проводило благотворительные концерты и утренники. Так, в 1915 году организация провела мероприятие для детского очага при городском попечительстве о бедном, разрешение на которое было получено от Канцелярии Градоначальника [50]. Городские попечительства о бедных – благотворительная организация – были организованы в 1908 году в Санкт-Петербурге для помощи городскому населению. Чтобы охватить все районы столицы, было организовано 20 городских попечительств о бедных. Общество

же посотрудничало с Девятнадцатым Городским попечительством [51], к которому относились 2-й и 4-й участки (современная территория пр. Добролюбова, Введенской ул. и Левашовского пр., а также ул. Профессора Попова) Петербургской части (ныне часть Петроградского района, ограниченная реками Большой Невкой, Малой Невкой и Невой).

Пожалуй, самым выделяющимся из списка мест для выступлений Общества, стал Александровский зал Городской Думы (Невский пр., 33). Первоначально этот зал был построен для заседаний Думы и вмещал в себя «почти 1000 человек», позже в нем стали проводиться «концерты, публичные лекции, литературные вечера» [52, С. 139-142]. Общество провела на площадке несколько мероприятий в 1916—1917 гг. В ноябре 1916 г., после получения разрешения от властей города на проведение Первого этнографического концерта 27 декабря [53], Совет Общества обратился к Господину Городскому Голове с просьбой предоставить Зал на «возможно льготных условиях, в виду просветительной цели концерта и того, что часть сбора пойдет в пользу Санатории имени павших в Великую войну героев Л.-Гв. Волынского полка» [54]. Также в 26 февраля 1917 г. здесь прошло Литературно-музыкальное утро, посвященное памяти Т.Г. Шевченко [55].

Поддержав Февральское вооруженное восстание, руководство Общества приняло решение участвовать и в общегородских мероприятиях. Одним из таких важных масштабных событий стало проведение праздника пролетариата 18 апреля (1 мая) 1917 г. В этот день организация провела несколько концертов-митингов [56]. Один из них прошел в Мариинском театре, на котором, помимо музыкальных произведений, прозвучали речи политических деятелей: М.С. Урицкого, Л.Б. Каменева, А.М. Коллонтай и других [57]. Второй же состоялся в театре «Музыкальной Драмы», разместившимся в Петроградской консерватории, о чем мы узнаем в том числе и из газеты Петроградский листок от 20 апреля [58, С. 3]. Также 18 апреля на Марсовом поле состоялся Певческий праздник, организацией которого занялось Общество [59].

Из документов Общества Изыщных Искусств известно, что некоторые музыкальные концерты и спектакли проводились в ближайших пригородах Санкт-Петербурга. Так, из расписки виолончелиста Ивана Прокофьева о получении аванса в три рубля мы узнаем о концерте в г. Гатчине, прошедшего в 1914 году [60].

Общество Изыщных Искусств участвовало и в мероприятиях, организуемых другими объединениями. Так, в 1916 г., Петроградским Эстонским обществом образования и призрения сирот был организован «Вечер скандинавской музыки» в концертном зале Петровского коммерческого училища при участии струнного квартета Общества, а также двух певцов [61].

Образовательное учреждение Общества Петроградского купечества находилось на набережной реки Фонтанки, 62, в зале которого Управлением Петроградского градоначальства и столичной полиции было разрешено проводить спектакли, концерты и вечера [62]. В 1919 г. оно было слито с гимназией Петра Великого и Государственным Коммерческим училищем в единую трудовую школу [63].

Помимо этого, в 1917 г. Общество приняло участие в ряде концертов-лекций и концертов-митингов других организаций: 1. Солдатского клуба, разместившегося в бывшем Особняке Матильды Кшесинской на углу Большой Дворянской ул. (ныне ул. Куйбышева) и Кронверкского пр. [7, Л. 23]; 2. Союза солдат-республиканцев, проводивших мероприятия для военнослужащих в Малом зале Консерватории, о котором мы уже писали ранее, говоря о вечерах камерной музыки [64]; 3. Политического клуба Почтово-Телеграфных Служащих, выступавших в Александровском зале Городской Думы [65].

Как мы видим, география выступлений различных секций Общества Изыскных Искусств достаточно обширна:

Таким образом, изучив широкий круг источников, **введённых в научный оборот впервые**, удалось выявить уже 21 адрес, и, судя по всему, данная цифра не окончательна:

1. Улица Тверская, д. 22 (больница святой Ольги);
2. Большеохтинский проспект, д. 81 (Большеохтинский театр);
3. Шлиссельбургский тракт, д. 43 (ныне проспект Обуховской обороны, д. 85/ переулок Ногина, д. 2) (Смоленская земская школа);
4. Петергофское шоссе, д. 54 (ныне проспект Стачек, д. 38) (Ушаковское земское училище);
5. Улица Потёмкинская, д.5/62 (по Сергиевской улице – ныне улица Чайковского) (Преображенская новая школа);
6. Тамбовская улица, д. 63/ Прилукская улица, д. 24 (Лиговский Народный дом);
7. Лесной проспект, д. 19 (Народный дом Нобеля);
8. Набережная Обводного канала, д. 147 (ныне д. 181) (Дом Просветительных Учреждений);
9. Улица Баскова, д. 2 (ныне улица Короленко, д. 2) (Художественный Адвокатский Кружок);
10. Угол Большого проспекта и Гулярной улицы (ныне улицы Лизы Чайкиной), д. 25—2 (кинематограф «Ассамблея»);
11. Улица Бородинская, д. 6 (Дом Инженеров Путей Сообщения);
12. Улица Моховая, д. 33—35 (Тенишевское училище);
13. Петергофское шоссе (ныне проспект Стачек), д. 67 (театр Путиловского завода) – здание не сохранилось.

14. Демидовский переулок (ныне переулок Гривцова), д. 5 (курсы бухгалтерии А. И. Янсона);
15. Угол Харьковской и Полтавской улиц, д. 9—12 (Калашниковская хлебная биржа);
16. Невский проспект, д. 33 (Городская Дума);
17. Театральная площадь, д. 1 (Мариинский театр);
18. Театральная площадь, д. 3 (театр «Музыкальной Драмы»);
19. Марсово поле;
20. Набережная р. Фонтанки, д. 62 (Петровское коммерческое училище);
21. Угол Большой Дворянской улицы (ныне улица Куйбышева) и Кронверкского проспекта, д. 2 (особняк Матильды Кшесинской).

Часто в члены Общества приглашались те, кто так или иначе был связан с теми площадками, на которых проводились мероприятия организации. Так, например, в объединении состояли педагоги Смоленской Земской школы – Нина Львовна Климонтович и Зинаида Александровна Никитина, где прошло несколько концертов.

Общество Изыщных Искусств было заинтересовано в распространении своей деятельности во всех районах города и за его пределами, привлекая тем самым в свои ряды все новых людей и расширяя свою аудиторию. Ведь главной своей задачей Общество в первую очередь видело приобщение к искусству широких масс населения.

Библиографический список / Reference

1. ГМПИР. Ф.П ВС-12956. Программа концерта, устраиваемого Обществом Изыщных Искусств для больных больницы Св. Ольги. 30 декабря 1913 г.
2. ЦГИА СПб. Ф.570. Оп. 1. Д.1. Об утверждении Регламента и Устава больницы св. Ольги е.и.в.
3. Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Петербурга: энциклопедия христианских храмов. – СПб.: «Лики России»: Фонд «Спас», 2010. 511 с.
4. Весь Ленинград: адресная и справочная книга на 1931 год. – Л.: Изд-во Ленинградского Облсполкома и Ленинградского Совета, 1931. 1262 с.
5. Весь Ленинград: адресная и справочная книга. – Л.: Изд-во Ленинградского Облсполкома и Ленинградского Совета, 1932. 770 с.
6. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1933. – Л.: Изд-во Ленинградского Облсполкома и Ленинградского Совета, 1933. 1172 с.
7. РГИА. Ф.1696. Оп.1. Д.5. Внутренняя папка 6.
8. Петровская И.Ф., Сомина В.В. Театральный Петербург: Начало XVIII века – октябрь 1917 года: Обзорно-путеводитель. – СПб.: 1994. 448 с.
9. ГМПИР. Ф.П-54289. Условие (договор) об аренде зала Большеохтенского театра. 1913 г.
10. ГМПИР. Ф.П-54294. Расценка аренды зала Большеохтенского театра на зимний и весенний сезон 1914 года.
11. ГМПИР. Ф.П-27852/238. 1ое Собрание по поводу учреждения Секции и II ое Учредительное Собрание. 1913 г.
12. ГМПИР. Ф.П-52129. Список Членов Общества Изыщных Искусств. 1914-1917 гг.
13. ГМПИР. Ф.П-13300/6. Письмо от Общества Изыщных искусств в Петроградскую Уездную земскую управу (копия). 6 ноября 1914 г.
14. ГМПИР. Ф.П-53670. Уведомление № 7 Управления Петроградского Градоначальника Совету Общества Изыщных Искусств о разрешении на проведение литературно-музыкального вечера в Смоленской школе. 1914 г.
15. ГМПИР. Ф.П-53678. Свидетельство №200, выданное Петроградским Градоначальником, Совету Обще-

- ства Изыщных Искусств о разрешении на литературно-музыкальный вечер в Смоленской земской школе. 16. ГМПИР. Ф.П-53710. Протошение Совета Общества Изыщных Искусств Градоначальнику об организации литературно-музыкального вечера в помещении Ушаковского земского училища. 1914 г.
17. ГМПИР. Ф.П-21522/5. Материалы и документы Общества Изыщных Искусств.
18. ГМПИР. Ф.П-28654/189. О получении оплаты за концерт. 1915 г.
19. ЦГА СПб. Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 351. Требовательные ведомости на жалование служащим Преображенской новой школы, разрешенной на имя Ивановой Ю.С. (Потемкинская улица 5/62, угол Сергиевской). 1918-1919 гг.
20. ГМПИР. Ф.П-28654/186. О получении оплаты за концерт. 1914 г.
21. ЦГИА СПб. Ф.143. Петроградская женская гимназия Ю.С. Ивановой. Петроград. 1906-1918. Оп. 1. Д. 93. Преображенская новая школа. Дневные ведомости.
22. ГМПИР. Ф.П-27852/242. Материалы Общества Изыщных Искусств. 9 мая 1913 г.
23. ГМПИР. Ф.П-44318. Из Лиговского Народного Дома. 5 марта 1914 г.
24. Механический завод Людвиг Нобель: 1862-1912: [Описание]. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1912. 112 с.
25. ЦГИА СПб. Ф.515. Оп. 4. Д. 3839. Чертежи дома Товарищества на паях Дома просветительных учреждений в память 19 февраля 1861 г. по наб. Обводного кан., 147. 16.01.1913 г.
26. ЦГИА СПб. Ф.569. Оп. 14. Д. 35. О разрешении на устройство вечеров и концертов в зале Дома просветительных учреждений; Обводный канал, 147. 10.10.1913 г. – 05.07.1914 г.
27. ГМПИР. Ф. VII-5771. Программа «2-ой концерт Камерного Кружка». 1914 г.
28. ГМПИР. Ф. VII-5772. Программа «3-ий концерт Камерного Кружка». 1914 г.
29. Государственный дом-музей Н. А. Римского-Корсакова. Б2-137. Программа. Камерный кружок. XIII вечер. 1915 г.
30. ЦГИА СПб. Ф.513. Оп. 102. Д. 7299. Чертежи построек (дома и здания кинематографа) на участке, принадлежавшем Лампе, А. Е. Медведеву по Большому пр. П.С., 25 и Гулярной ул., 2. 1860-1913 г.
31. ЦГА СПб. Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 2560. Переписка по оборудованию театра «Ассамблея». 1920 г.
32. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-192. Оп. 31. Д. 730. План кинотеатра «Леший» по Гулярной 2/25. 1925 г.
33. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-192. Оп. 31. Д. 2046. План кинотеатра «Леший» по Гулярной ул., 2. 1926 г.
34. ГМПИР. Ф.П-53692. Расписка директора театра «Ассамблея» Совету Общества Изыщных Искусств о разрешении утренника в зале театра. 1915 г.
35. ГМПИР. Ф.П-27895/2. Программа общедоступного утра, памяти Л. Н. Толстого, Общества изыщных искусств. 1915 г.
36. ГМПИР. Ф.П-13300/145. Свидетельство для устройства вечеров частного характера от Петроградского Градоначальника. Январь 1915 г.
37. ЦГИА СПб. Ф.515. Оп. 4. Д. 279. Чертежи дома Товарищества «Дом инженеров путей сообщения» по Бородинской ул., 6. 1914 г.
38. ЦГИА СПб. Ф.176. Оп. 1. Д. 33. О приспособлении и сдаче аудитории училища для устройства публичных лекций и концертов.
39. ГМПИР. Ф.П-27895/4. Программа лекции А.А. Шилова. «Призывы к жизни» (Творчество Джека Лондона). 5 марта 1917 г.
40. ГМПИР. Ф.П-27895/3. Программа. Литературно-музыкальное утро, посвященное памяти С.Я. Надсона. 29 января 1917 г.
41. ГМПИР. Ф.П-53688. Отчет о спектаклях на Путиловском заводе за лето 1915 г., сделанный членом Общества Изыщных Искусств Л.Д. Блок.
42. ЦГИА СПб. Ф.256. Оп. 30. Д. 715. Об освидетельствовании театра при Путиловском заводе по Петергофскому шоссе, 67; чертежи. 1912-1913.
43. ЦГИА СПб. Ф.569. Оп. 14. Д. 23. О разрешении на проведение спектаклей в театре на Путиловском заводе. 1912-1915.
44. ГМПИР. Ф.П-53681. Извещение Канцелярии Управления Градоначальника Совету Общества Изыщных Искусств о разрешении репетиций драмспектаклей в помещении частных курсов бухгалтерии А.И. Янсон. 1915.
45. ЦГА СПб. Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 1445. Сведения о личном составе курсов бухгалтерии А.И. Янсона (Демидов переулок 5). 1918.
46. ГМПИР. Ф.П-53677. Свидетельство № 7029, Канцелярии Петроградского Градоначальника Совету Общества Изыщных Искусств о разрешении на устройство литературно-музыкального утра на Калашниковской хлебной бирже. 1915.
47. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые заведения, 1-5 разрядов на промышленные предприятия и 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия [в 1907 году], 1907. 795 с.
48. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обще-

- ствах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые заведения, 1–5 разрядов на промышленные предприятия и 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия [в 1909 году], 1909. 803 с.
49. ГМПИР. Ф.П-28654/116. Материалы Общества Изящных Искусств. 1965 г. О Горьком / Из воспоминаний.
50. ГМПИР. Ф.П-53674. Свидетельство №5734 от Канцелярии Петроградского Градоначальника Совету «Общества Изящных Искусств» о разрешении на концерт. 1915.
51. ГМПИР. Ф.П-53689. Служебное письмо №224 Девятнадцатого городского Попечительства о бедных. 1915.
52. 5Кириков Б.М., Кирикова Л.А., Петрова О.В. Башня городской думы // Невский проспект. Архитектурный путеводитель. – М. СПб: Центрополиграф, Мим-Дельта, 2004. 377 с. С. 139-142.
53. ГМПИР. Ф.П-27895/5. Программа концерта.
54. ГМПИР. Ф.П ВС-12978. Прошение Совета ОИИ Городскому Голове. 20.11. 1916 г.
55. Российский национальный музей музыки (Москва). 30144/ X. Программа.
56. Калмыков А.Г. Первоймай 1917 года в раритетах Государственного музея политической истории России. // Политическая история России. Теория и музейная практика: Сб. научн. трудов ГМПИР. Вып. IX/ Под ред. А. М. Кулегина. – СПб.: Любавич, 2017. 350 с.
57. ГМПИР. Ф.П-59030. Программа концерта-митинга в государственном оперном Мариинском театре. 18 апреля 1917 г.
58. О первоймайском празднике (18 апреля) // Петроградский листок. 20 апреля (3 мая) 1917 г. № 95.
59. ГМПИР. Ф.П-52155. Протокол заседания Совета Общества Изящных Искусств. 23 марта 1917 г.
60. ГМПИР. Ф.П-28654/185. Расписка о получении аванса. Иван Прокофьев. 5 мая 1914 г.
61. Российский национальный музей музыки. 7149/Х. Программа. Вечер скандинавской музыки. 1916.
62. ЦГИА СПб. Ф.569. Оп. 14. Д. 72. О разрешении на проведение спектаклей, концертов и вечеров в зале Петровского коммерческого училища; Фонтанка, 62. 1913-1916 гг.
63. ЦГА СПб. Ф. Р-2925. Оп. 1-2. Д. 4277. Инструкция Президиума школы «О порядке установления деятельности всех отделений канцелярии единой трудовой школы, образовавшейся из слияния трех учебных заведений: гимназии Петра Великого, Государственного Коммерческого училища и Петровского училища». 1919.
64. ГМПИР. Ф. VII-5276. Афиша. Вечер Балакирева и Кюи из цикла концертов-лекций для военнослужащих, организованный Союзом солдат-республиканцев при содействии «Общества Изящных Искусств». 25.08.1917 г.
65. ГМПИР. Ф. VII-5746. Афиша «Концерт-митинг». Май, 1917 г.

Борисочкин С.Б.

Аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. Научный консультант, Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев», г. Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0005-0351-3092

Британская военная миссия в Заполярье: начало сотрудничества на Северном театре военных действий*

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап советско-британского военно-морского сотрудничества на Северном театре военных действий в 1941 году, значительная часть исследования посвящена роли и деятельности британской военной миссии, направленной в Заполярье. На основе анализа ранее неопубликованных архивных материалов и воспоминаний участников реконструируется структура миссии, освещаются ее основные задачи, включавшие координацию действий с Северным флотом, обеспечение безопасности союзнических конвоев и обмен опытом. Особое внимание уделено организации взаимодействия между советским и британским командованием, логистическому обеспечению британских кораблей и анализу первых совместных операций. Показано, что эффективное взаимодействие с советскими коллегами обеспечивалось не только формальными договоренностями, но и личными контактами и взаимопониманием между ключевыми фигурами британской миссии и командования Северного флота. Статья показывает, как развертывание миссии положило начало практическому сотрудничеству, несмотря на различия в подходах к ведению боевых действий, и способствовало укреплению союзнических отношений в критический период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Заполярье, Северный флот СССР, советско-британские отношения, координация действий, Британская военно-морская миссия.

Borisochkin S.B.

Post-Graduate student of the Department of Russian History, A.S. Pushkin Leningrad State University; scientific consultant, Foundation for the Preservation of Historical Memory “International Center for Northern Convoys”, St. Petersburg. ORCID: 0009-0005-0351-3092

The British military mission in the Arctic: The beginning of cooperation in the Northern Theater of Military operations

Abstract. The article examines the initial stage of Soviet-British naval cooperation in the Northern Theater of Military Operations in 1941. A significant part of the research is devoted to the role and activities of the British military mission sent to the Arctic. Based on the analysis of previously unpublished archival materials and memoirs of participants, the structure of the mission is reconstructed, its main tasks are highlighted, which included coordinating actions with the Northern Fleet, ensuring the safety of Allied convoys and sharing experiences. Special attention is paid to the organization of interaction between the Soviet and British commands, the logistical support of British ships and the analysis of the first joint operations. It is shown that effective interaction with Soviet colleagues was ensured not only by formal agreements, but also by personal contacts and mutual understanding between key figures of the British mission and the command of the Northern Fleet. The article shows how the deployment of the mission marked the beginning of practical cooperation, despite differences in approaches to the conduct of hostilities, and contributed to the strengthening of allied relations during the critical period of the Great Patriotic War.

Key words: The Great Patriotic War, the Arctic, the Northern Fleet of the USSR, Soviet-British relations, coordination of actions, the British naval mission.

Ведение

Изучение истории советско-британского сотрудничества в годы Великой Отечественной войны представляет значительный интерес в контексте осмысления опыта формирования антигитлеровской коалиции и его влияния на послевоенное мироустройство. Особое место в этом сотрудничестве занимал Северный театр военных действий, где взаимодействие британского Королевского военно-морского флота и советского Северного флота играло ключевую роль в обеспечении безопасности союзнических конвоев и противодействии военно-морским силам Германии.

Несмотря на наличие ряда работ, освещающих дипломатические, финансовые и отдельные военные аспекты советско-британского сотрудничества на Севере, комплексное исследование деятельности британской военной миссии в Заполярье в начальный период войны остается недостаточно изученным. В частности, требуют дальнейшего анализа вопросы внутренней организации миссии, специфика ее взаимодействия с советским командованием в условиях ограниченной информации и языкового барьера, а также ее конкретный вклад в обеспечение совместной боевой деятельности кораблей и воинских частей Северного флота СССР и Королевского военно-морского флота Великобритании.

Целью данной статьи является комплексный анализ подготовки и начала деятельности британской военной миссии в Заполярье в 1941 году. Для достижения поставленной цели необходимо реконструировать процесс формирования и прибытия британской военной миссии в Заполярье в июле 1941 года, изучить механизмы и формы ее взаимодействия с командованием Северного флота СССР, а также выявить основные факторы, способствовавшие и препятствовавшие эффективному сотрудничеству, и оценить результаты деятельности миссии в 1941 году.

Основу источниковой базы исследования составили архивные документы из Филиала центрального архива Министерства обороны Российской Федерации Архива Военно-Морского Флота (г. Гатчина), включающие оперативные сводки, переписку между командованием Северного флота и британской военной миссией, отчеты о боевых действиях и другие материалы. Особую ценность представляют впервые вводимые в научный оборот личные дневники командующего Северным флотом А.Г. Головки из Рукописно-документального фонда Центрального военно-морского музея (г. Санкт-Петербург), содержащие ценные сведения о взаимодействии с британскими союзниками. Также были использованы личные воспоминания советских и британских военнослужащих, опубликованные и неопубликованные, материалы периодической печати, и другие источники.

Изучение опыта советско-британского сотрудничества в годы Великой Отечественной войны, особенно в начальный период, представляет особую актуальность в условиях современной международной обстановки, характеризующейся нестабильностью и поиском новых форм взаимодействия между государствами. Анализ деятельности британской военной миссии в Заполярье позволяет выявить факторы, способствовавшие и препятствовавшие эффективному сотрудничеству, и извлечь уроки для построения конструктивных отношений между странами в будущем.

Первые британские представители в Заполярье: На пути к союзничеству на Северном театре военных действий (июль 1941 г.).

После заявления У. Черчилля о готовности Великобритании к совместным военным действиям с Советским Союзом против Германии, командование Северного флота СССР ожидало дальнейших практических шагов со стороны английского правительства, осознавая, что арктический регион станет ключевым для поддержания связи и взаимодействия с союзническими военно-морскими силами.

В середине июля 1941 года в главную военно-морскую базу Северного флота СССР Полярное, на транспортных самолетах прибыла группа британских военнослужащих во главе с двумя контр-адмиралами [1].

Контр-адмирал Ф. Виан, ранее командовавший флотилией миноносцев и известный по освобождению большого числа британских военнопленных

с транспорта «Altmark» у побережья Норвегии, являлся ключевой фигурой британской делегации. Это был высокий, худощавый мужчина, в возрасте сорока семи лет, он считался одним из самых молодых адмиралов в британском флоте. Ф. Виан, отличавшийся прямолинейным характером, активной ролью в общении и громкой речью, задавал основную часть вопросов командованию Северного флота, в то время как остальные офицеры делегации фиксировали полученные ответы и уточняли детали. Ввиду сложности произношения фамилии, советские офицеры и матросы неофициально называли его «Ваней» или «Волосатым» (из-за особенностей внешности) [2].

Вторым в группе был контр-адмирал Дж. Майлз, невысокого роста, в возрасте пятидесяти лет, в начале войны командовавший линейным кораблём «Nelson». Дж. Майлз придерживался сдержанного и дипломатичного подхода, проявляя точность в формулировках и подчеркнутую вежливость. Такой стиль общения способствовал установлению конструктивных и доверительных отношений с советским командованием [2].

Капитан 1 ранга М. Воронцов, представитель Главного морского штаба ВМФ СССР, сопровождавший британскую делегацию, передал контр-адмиралу А. Головко директиву Наркома ВМФ СССР Н. Кузнецова об обеспечении доступа союзников к оперативной информации и оценке возможностей базирования английских военных кораблей в Кольском заливе.

Британская военная делегация представляла собой высококвалифицированную группу офицеров разных специальностей, что свидетельствует о комплексном подходе к оценке оперативной обстановки на Северном театре боевых действий и перспектив сотрудничества. Представительный состав делегации и санкционированный доступ к оперативной информации подчёркивают стратегическую значимость советско-британского военного сотрудничества в начале Великой Отечественной войны.

Переговоры начались с активного опроса советской стороны представителями Великобритании, заинтересованными в широком круге вопросов, на которые отвечал командующий Северным флотом А. Головко, однако впоследствии советская сторона перешла к более активному взаимодействию, иницилируя встречные вопросы и обсуждения.

Интересы британской стороны охватывали вопросы снабжения продуктами, включая ассортимент и качество свежих овощей, а также организацию поставок мазута, его объёмы и соответствие стандартам. Помимо снабжения, был поднят вопрос о возможности организации на территории советской базы дисциплинарного изолятора (аналог гауптвахты), а также о наличии баров и учреждений, предоставляющих услуги сексуального характера, и возможности их посещения британскими военнослужащими.

В ответ на поставленные вопросы, советская сторона заявила о готовности обеспечить снабжение британских союзников в рамках имеющихся

ресурсов. В отношении вопросов, касающихся организации дисциплинарного изолятора и доступа к увеселительным учреждениям, предоставляющим услуги сексуального характера, было заявлено о невозможности удовлетворения данных запросов в связи с отсутствием подобных учреждений в СССР и принципиальным несоответствием советской идеологии [2].

В ходе двухдневных переговоров британская сторона запросила информацию о советских минных заграждениях в акватории Баренцева моря. Командующий Северным флотом предоставил данные только по закрытым районам, исключив сведения о точном расположении минных полей. Представители Великобритании так же проявили особый интерес к системе противолодочной обороны Кольского залива из-за активности немецких подводных лодок. Несмотря на разъяснения о том, что противолодочные сети расположены на глубине шести метров, британцы настояли на посещении района их установки. Однако, визуальный осмотр с катера, ограничившийся наблюдением водной поверхности и буев, не удовлетворил их любопытство, вызвав разочарование у английских адмиралов и офицеров.

В рамках ознакомительной программы британским представителям были продемонстрированы объекты береговой инфраструктуры, включая аэродром и зенитную батарею. Во время осмотра причальной линии британская делегация проявила значительный интерес к советской подводной лодке типа «К», представляющей собой крупный океанский корабль, поскольку аналогичные подводные лодки отсутствовали в составе Королевского флота. Британские офицеры настойчиво пытались получить подробную информацию о тактико-технических характеристиках подводной лодки, однако советская сторона ограничилась предоставлением лишь общих сведений.

Двусторонние встречи неоднократно прерывались воздушными налетами люфтваффе, во время которых офицеры британской делегации, несмотря на опасность, проявляли повышенный интерес к работе советской зенитной артиллерии. Во время бомбардировок они выходили из укрытий на открытое пространство и наблюдали за эффективностью противовоздушной обороны, вызывая сильное беспокойство офицеров Главного морского штаба ВМФ СССР, ответственных за их безопасность [2].

Основной интерес командования Северного флота заключался в определении численности и состава британских вооруженных сил, планируемых к размещению в Заполярье, а также в уточнении вопросов подчиненности и оперативного использования этих сил. Контр-адмирал Ф. Вилан пытался убедить советскую сторону в нецелесообразности подчинения британских сил советскому командованию. В ответ контр-адмирал А. Головкин отметил, что вопрос о подчиненности выходит за рамки компетенции участников переговоров и требует рассмотрения на уровне правительств обеих стран [3].

В ходе совместной работы британской делегации с советскими военными специалистами, были определены зоны оперативной ответственности для будущих конвоев, решены организационные и бытовые вопросы, связанные с предстоящим взаимодействием, а также разработан протокол связи и система опознавания кораблей и авиации для обеспечения идентификации британских сил в зоне ответственности Северного флота [4].

Подписание данного документа контр-адмиралом А. Головки и контр-адмиралом Ф. Вианом свидетельствовало о серьезном подходе к вопросам координации и взаимодействия в условиях боевых действий и положило начало официальному военно-морскому сотрудничеству между Советским Союзом и Великобританией в регионе Заполярья. Это сотрудничество не только укрепляло взаимопонимание, но и создавало основу для более тесного взаимодействия между Северным флотом СССР и британскими силами в условиях войны.

Начало оперативной деятельности британской военно-морской миссии в Заполярье (1941 г.)

29 июля 1941 года в главную базу Северного флота Полярное прибыла британская военно-морская миссия во главе с кэптенем Р. Беваном, назначенным старшим британским морским офицером на севере России. Все эти миссии подчинялись контр-адмиралу Дж. Майлсу, находившемуся в Москве. Прибыв на самолетах в Заполярье, они немедленно приступили к организации своей деятельности.

Р. Беван был опытным морским офицером, начавшим службу в британском флоте во времена русско-японской войны. Дослужившись до командира эсминца, он перешел на военно-дипломатическую службу, в течение 6 лет занимая должность военно-морского атташе в Италии, Франции и других странах. Невысокого роста, сухощавый и с неизменно недовольным выражением лица, Р. Беван отличался упрямым характером, за что получил от советских моряков и офицеров неофициальное прозвище «Диван» [2]. Начало Второй мировой войны застало его в отставке, занимающимся сельским хозяйством, позднее находясь в Полярном, в беседах с советскими офицерами он неизменно проявлял живой интерес к вопросам животноводства, птицеводства и другим темам, связанным с сельским хозяйством.

На должность начальника штаба миссии был назначен командер Дэвис, обладавший опытом службы в подводном флоте и, предположительно, в британских разведывательных структурах. Подтянутый, смуглый и энергичный мужчина 37-39 лет, командер Дэвис производил впечатление проницательного офицера. Ранее он служил на одной из французских военно-морских баз в Северной Африке. По имеющимся сведениям, Дэвис занимался вербовкой французских моряков для службы в британском флоте, что имело негативные последствия. В состав британской миссии входил

ло и значительное количество других офицеров, состав которых неоднократно менялся в течение войны [5].

В день прибытия Р. Беван и Дэвис встретились с к А. Головки для решения вопросов размещения и питания миссии, а также для согласования обмена информацией. Британская сторона сообщила о скором прибытии в Кольский залив двух подводных лодок, которые будут находиться в оперативном подчинении командующего Северным флотом. Основными задачами этих подлодок являлись установка минных заграждений и нарушение вражеских коммуникаций. Соглашение касалось только подводных лодок, вопрос о совместных действиях надводных кораблей оставался открытым. К 3 августа 1941 года была достигнута договоренность о проведении незначительного ремонта британских подводных лодок на базе бригады подводных лодок Северного флота, а также о поставках продовольствия и размещении экипажей на берегу [6].

В августе 1941 года финансовые затраты Северного флота на обеспечение деятельности британских подводных лодок в Мурманске включали следующие статьи расходов: топливо и материалы для ремонта, потребовавшие 26018 рублей; вещевое обеспечение британских моряков (брюки, фланелевки, подворотнички, тельняшки, хлопчатобумажные комбинезоны, хромовые ботинки, яловые сапоги) в соответствии с нормами НКВМФ на сумму 3131 рубль; стирка белья для офицеров и матросов, обошедшаяся в 730 рублей. Общая сумма затрат на содержание британской военно-морской миссии и подводных лодок Королевского флота в Мурманске в указанный период составила 73295 рублей [7].

Состав британской миссии включал старшего офицера со штабом, в распоряжении которого находились радисты, шифровальщики и переводчики. Для обеспечения оперативной связи со штабом миссии со стороны Северного флота был назначен офицер-оператор, владеющий английским языком, и выделена группа переводчиков.

Целями британской миссии в Заполярье являлись: организация эффективного взаимодействия между вооружёнными силами СССР и Великобритании в сфере обеспечения проводки конвоев, поддержание коммуникации между союзниками и осуществление оперативного руководства силами британского военно-морского флота в северных широтах. Помимо выполнения боевых задач, британским офицерам вменялось урегулирование проблем, возникавших при доставке грузов, а также предотвращение захвата британских кораблей противником в случае поражения СССР в войне с Германией.

В августе 1941 года обеспечение британской военно-морской миссии в Мурманске потребовало следующих затрат: продукты питания (47 наименований, включая макаронные изделия, крупы, мясные и молочные про-

дукты, консервы, овощи, фрукты, кондитерские изделия) на 11170 рублей; алкогольные напитки и табачные изделия (вино «Кагор» - 15 бутылок, водка «Московская» - 33 бутылки, минеральная вода «Нарзан» - 85 бутылок, пищевой спирт - 15 бутылок, шампанское - 6 бутылок, портвейн - 3 бутылки, папиросы - 100 пачек) на 1882 рубля; оплата труда советского обслуживающего персонала - 1767 рублей; аренда квартир - 4706 рублей, оплата электроэнергии - 102 рубля. Общая сумма затрат финансового отдела Северного флота на обеспечение британской военно-морской миссии в августе 1941 года составила 19627 рублей. В дальнейшем все счета представлялись к оплате правительством Великобритании через Британскую военную миссию в г. Москве [7].

15 июля 1941 года в Архангельск прибыла группа из 15 британских офицеров и 13 матросов под командованием кэптана Вайберда. Это подразделение, сформированное как часть Британской военной миссии в Заполярье, было дислоцировано при штабе командующего Беломорской военной флотилией, контр-адмирала М. Долинина, и подчинялось старшему офицеру миссии в Полярном, кэптану Р. Бевану [8].

Основной задачей подразделения являлась координация взаимодействия с советскими ВМС в зоне ответственности флотилии, при этом поддерживалась связь с Британским Адмиралтейством. Кроме того, в г. Молотовске (Северодвинске) и г. Мурманске функционировали представительства Британской военной миссии, осуществлявшие соответственно приемку прибывающих союзных конвоев, контроль за разгрузкой судов и координацию взаимодействия с советскими службами тыла и приемку конвоев, координируя вопросы взаимодействия с советской стороной, при этом представительство в г. Мурманске взаимодействовало непосредственно с Британским Адмиралтейством, а также с уполномоченным Государственного комитета обороны по перевозкам на Севере, капитаном 1 ранга И. Папаниным, что подчеркивает его ключевую роль в обеспечении логистики и координации поставок. Все британские военно-морские миссии в Заполярье подчинялись начальнику Британской военной миссии в Москве контр-адмиралу Дж. Майлсу [9].

В связи с прибытием в сентябре 1941 года на Северный флот 151-го авиакрыла Британских Королевских ВВС, насчитывавшего 550 военнослужащих, и началом проводки союзных конвоев в порты Архангельск, Молотовск (Северодвинск) и Мурманск, структура британского военного присутствия в регионе была реорганизована.

Для укрепления обороноспособности Северного флота, включая защиту г. Мурманск и обучение советских летчиков эксплуатации британских самолетов, 151-е авиакрыло Королевских ВВС было дислоцировано на аэродроме «Ваенга». Это подразделение под командованием подполковни-

ка Г. Рэмсботтом-Ишервуда оперативно подчинялось командующему ВВС Северного флота, генерал-майору авиации А. Кузнецову, и поддерживало прямую связь с Британским Адмиралтейством и главой британской военно-воздушной миссии в Москве вице-маршалом авиации А. Кольером для координации стратегических и тактических операций [10].

Взаимодействие штаба Северного флота с британской военной миссией в Заполярье включало широкий спектр вопросов, касающихся боевого обеспечения и логистики. В частности, осуществлялась организация боевого обеспечения действий британских кораблей и транспортов в зоне оперативной деятельности Северного флота, включающая встречу и сопровождение подводных лодок и конвоев. В свою очередь, боевое обеспечение кораблей Северного флота осуществлялось кораблями британского флота посредством проведения противолодочных поисковых операций и траления фарватеров и коммуникаций на подходах к главной базе флота и в Горле Белого моря. Стороны координировали проведение совместных операций по обнаружению транспортов и кораблей противника в районе п-ова Варде и поиску вражеских миноносцев в Баренцевом море.

Значимым аспектом являлась организация базирования и материально-технического обеспечения кораблей британского флота на военно-морских базах Северного флота. Также была организована совместная противолодочная оборона кораблей Северного флота с использованием переданных британской стороной технических средств, включая гидроакустические станции, тралы и авиационную технику [11].

Оперативное решение текущих вопросов взаимодействия обеспечивалось прямой связью между штабом Северного флота и штабом старшего офицера Британской военной миссии. Вопросы, требующие решения командования флота, передавались через офицера-оператора Оперативного отдела штаба Северного флота в устной или письменной форме. Неотложные вопросы разрешались в оперативном порядке посредством прямых переговоров между старшим офицером британской миссии, кэптенем Р. Беваном, и начальником штаба контр-адмиралом С. Кучеровым либо командующим Северным флотом контр-адмиралом А. Головкин. Реализация принятых решений координировалась штабом флота и штабом старшего британского морского офицера [12].

В целях обеспечения непрерывного взаимодействия представителей штабов в условиях оперативной обстановки, британской военной миссии при Береговом флотском командном пункте (БФКП) командующего Северным флотом были предоставлены специальные помещения.

Связь поддерживалась посредством: телефонной связи между БФКП «Скала» и штабом миссии для оперативного обмена информацией; телефонной связи между Управлением противовоздушной обороны (УПВО) и

штабом миссии для оповещения; обмена корреспонденцией по принципиальным вопросам; личных встреч старшего офицера с начальником штаба или командующим Северным флотом; предоставления ежедневного информационного листка об оперативной обстановке за сутки по линии оперативного дежурства; обмена разведывательными данными о противнике; ежедневного предоставления прогнозов и сводок о погодных условиях и еженедельных сводок о состоянии ледового покрова в зоне Северного театра военных действий.

Для оптимизации взаимодействия с силами Северного флота и обеспечения эффективной деятельности английских кораблей, британская военная миссия ежедневно предоставляла оперативный план действий своих кораблей на следующие сутки в письменной форме [12].

Боевое обеспечение действий британских кораблей и транспортов в зоне оперативной деятельности Северного флота включало два основных направления: обеспечение выхода и возвращения британских подводных лодок и обеспечение встречи и проводки конвоев.

В первом случае, штаб Северного флота разрабатывал детальное боевое задание для каждой подводной лодки, включающее инструкцию по выходу в море и возвращению в базу с учетом оперативной обстановки, копия которого направлялась в штаб британской миссии. В основу взаимодействия были положены принципы исключения встречи британских подводных лодок с советскими кораблями, использования четко определенных фарватеров, ограничения района действий противолодочной авиации Северного флота вблизи базы и оповещения о маршрутах и действиях британских подводных лодок в Баренцевом море.

Во втором случае, обеспечение встречи и проводки конвоев, координация осуществлялась штабами Северного флота и Беломорской военной флотилии. Разрабатывался детальный план, включавший усиление дозорной службы и разведки, предварительное траление фарватеров, акустическое наблюдение за подводными лодками противника, повышение готовности авиации и артиллерии, патрулирование подводных лодок советского флота на подходах, а также вопросы навигационного и тылового обеспечения. Согласованный с британской миссией план передавался ответственным должностным лицам. Контроль за реализацией возлагался на первого заместителя начальника штаба БФКП и на специально назначенного офицера оперативного отдела в зоне ответственности Беломорской военной флотилии.

В рамках совместных мероприятий по обеспечению безопасности судоходства и противодействию военно-морским силам противника в зоне ответственности Северного флота, взаимодействие советского и британского флотов сводилось к проведению скоординированных поисковых операций по обнаружению и нейтрализации подводных лодок противника в аквато-

рии Баренцева моря и на подходах к Горлу Белого моря [8].

Для повышения эффективности этих операций, штаб Британского флота заблаговременно предоставлял советской стороне детальную информацию о районе поиска, задействованных силах и временном интервале. Это обеспечивало оперативное оповещение кораблей советского флота в указанном районе и исключало потенциальные инциденты, связанные с взаимным обнаружением и идентификацией. Задания на проведение поисковых мероприятий передавались британским кораблям через специальный канал связи, организованный посредством Британской военной миссии, а по завершении операции – краткие донесения об обследованном районе, обнаруженных целях и результатах.

При планировании совместных операций строго соблюдался принцип разделения зон ответственности и исключения пересечения маршрутов советских и британских кораблей, что минимизировало риски и повышало безопасность. Предварительным этапом являлось проведение совещания под руководством флагманского офицера, в котором принимали участие командиры всех кораблей, привлекаемых к участию в операции, а также делегаты связи, ответственные за обеспечение коммуникаций между кораблями. В ходе данного совещания флагманский офицер представлял предварительный план операции, после чего, посредством опроса командиров, производилась оценка возможностей и текущего состояния боевой готовности представленных боевых единиц. На основании полученных данных формулировалось и объявлялось окончательное решение флагманского офицера. В рамках совещания детально оговаривались все аспекты взаимодействия кораблей на этапах перехода к району операции и непосредственно в ходе боевых действий. Основные положения принятого решения, а также ряд частных указаний, обязательных для исполнения всеми участниками операции, оформлялись в виде меморандума, который вручался каждому командиру на совещании [12].

Аналогичный порядок взаимодействия был разработан и применялся при проведении траления фарватеров и морских коммуникаций, а также районов, представляющих повышенную опасность для судоходства, обусловленную наличием минных полей или затонувших объектов. В качестве отчетного документа, подтверждающего успешное выполнение задания по тралению, британская сторона предоставляла советскому командованию детальную карту-кальку, на которой точно обозначался протраленный район и приводилась краткая пояснительная легенда с указанием технических характеристик использованного трала и обнаруженных объектов.

В целях обеспечения эффективного взаимодействия в море, перед выходом в море корабли Северного флота осуществляли приведение своей боевой организации, в части, касающейся вопросов совместного плавания,

организации наблюдения, соблюдения режима движения, методов передачи донесений и взаимного опознавания, в соответствии с установленными стандартами и процедурами, принятыми в Британском флоте. Данный процесс унификации закреплялся проведением тренировочных учений, направленных на отработку совместных действий.

Для облегчения коммуникации и координации действий в ходе похода, на каждом корабле Британского флота размещался офицер связи со своим сигнальщиком от Северного флота, а на каждом корабле советского флота – офицер связи со своим сигнальщиком от Британского флота. Данная практика обмена офицерами связи существенно упрощала процесс установления и поддержания надежной связи между кораблями двух флотов, представляющих разные государства [12].

В отношении вопросов, касающихся базирования в военно-морских базах Северного флота, включая проведение ремонтных работ, пополнение запасов материальных средств, определение мест стоянки и прочие аспекты, корабли Британского флота в полной мере подчинялись действующим правилам и нормативным документам, регламентирующим деятельность советских военно-морских баз. При этом, в систему обороны базы английские корабли, находящиеся на стоянке в советских базах, не интегрировались, а осуществляли оборону самостоятельно, в соответствии с собственными инструкциями и планами [13].

С целью освоения личным составом Северного флота новой британской техники, переданной советскому флоту в рамках программы военно-технической помощи, взаимодействие осуществлялось посредством организации и проведения показательных учений с участием британских кораблей. Данные учения служили платформой для демонстрации функциональных возможностей и особенностей эксплуатации новой техники советским специалистам. Планирование и проведение учений осуществлялось на основе предварительной двусторонней договоренности и оформлялось в виде детально разработанного плана, учитывающего цели обучения и задачи демонстрации [14].

Выход кораблей в море для проведения учений организовывался по аналогии с выходами кораблей Северного флота. Для обеспечения надежной связи между Британской военной миссией и кораблями Британского флота, на береговых постах наблюдения и связи высаживались английские сигнальщики и связисты, которые обеспечивали передачу и прием информации.

Воспоминания ветерана британского флота Дж. Р. Баджер-Смита, служившего в Заполярье в 1941 году, свидетельствуют о сложностях начального этапа советско-британского сотрудничества. Согласно его данным, в конце июля 1941 года в Полярном с подводной лодки был высажен небольшой отряд матросов-связистов, что стало первым практическим шагом в налаживании взаимодействия. Однако, в первые дни обе стороны испы-

тывали взаимное недоверие, что делало этот шаг для командования обеих стран «шагом в неизвестность». Дж. Р. Баджер-Смит также указывает на проблемы со снабжением, общие для советских и британских моряков, включая нехватку предметов первой необходимости, таких как сигареты и табак, а также ограниченные возможности для проведения досуга. Постепенно ситуация улучшалась: британским морякам был предоставлен доступ к флотскому клубу, где они могли смотреть советские фильмы и играть в шахматы. Важным фактором культурного обмена стали показы британских и американских фильмов, пользовавшихся популярностью у советских граждан. Позднее стали организовываться танцы, предоставлявшие возможность неформального общения и способствовавшие преодолению культурных барьеров. Позднее советские военные корабли регулярно участвовали в эскортировании конвоев, следовавших в Мурманск и из Мурманска. При этом, по его свидетельству, на борту советских эскортных судов постоянно находились один или два телеграфиста Королевского флота. Дж. Р. Баджер-Смит отмечает, что условия службы на советских кораблях были очень скромными, основным продуктом питания являлась соленая сельдь, хранившаяся в бочках на палубе. Несмотря на это, совместная работа с советскими моряками, по словам ветерана, оставила у британских военнослужащих неизгладимые впечатления [15].

Военно-морское сотрудничество Великобритании и СССР в 1941 году, несмотря на все трудности, внесло существенный вклад в общие усилия союзников на Северном театре военных действий. Оно позволило обеспечить проводку первых конвоев, наладить взаимодействие в борьбе с немецкими подводными лодками и заложить основу для дальнейшего наращивания военно-морского присутствия союзников в Арктике.

Заключение.

Сотрудничество между Великобританией и СССР в Заполярье, начатое в 1941 году, представляло собой многогранный процесс, включавший не только совместные боевые действия и логистическое обеспечение, но и кропотливое дипломатическое согласование, ставшее важным прецедентом для развития союзнических отношений на Северном театре военных действий.

Оперативное взаимодействие, особенно заметное в действиях британских подводных лодок, продемонстрировало значительный потенциал координации усилий по нарушению морских коммуникаций противника. Несмотря на различия в тактических доктринах и подходах к ведению боевых действий, союзники смогли добиться ощутимых результатов, что свидетельствует о возможности эффективного сотрудничества даже при наличии разногласий.

Организация технического обслуживания, снабжения, а также обеспе-

чение бытовых потребностей британских военнослужащих на территории Заполярья потребовало от советской стороны значительных логистических и финансовых усилий. Этот факт подчеркивает политическую волю советского руководства к укреплению союзнических связей и готовность идти на существенные компромиссы ради достижения общих целей. Это, в свою очередь, свидетельствует о понимании советским руководством стратегической важности союзнической помощи для исхода войны.

Ключевая роль британских миссий в Мурманске, Архангельске, Молотовске (Северодвинске) заключалась в организации и согласовании технических аспектов функционирования арктических конвоев. Миссии осуществляли координацию в вопросах приема, разгрузки и дальнейшей транспортировки грузов, оперативно решая возникающие технические и организационные проблемы. Бесперебойное функционирование арктических конвоев, в свою очередь, обеспечивало поставки военной техники, боеприпасов, сырья и продовольствия по программе ленд-лиза, что имело стратегическое значение для поддержания боеспособности советских вооруженных сил на протяжении всей войны. Таким образом, британские миссии, несмотря на ограниченные ресурсы, играли роль ключевого звена в системе материально-технического обеспечения советского фронта.

Анализ опыта начального этапа сотрудничества позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, несмотря на неизбежные организационные сложности, идеологические различия и вопросы распределения ресурсов, начало сотрудничества между Великобританией и СССР в Заполярье в 1941 году заложило прочную основу для эффективного взаимодействия в рамках антигитлеровской коалиции. Во-вторых, данное сотрудничество способствовало укреплению обороноспособности СССР, повышению эффективности борьбы с общим противником и внесло существенный вклад в достижение победы во Второй мировой войне. В-третьих, налаживание эффективного взаимодействия в экстремальных условиях Заполярья стало возможным благодаря политической воле руководства обеих стран, а также прагматичному подходу к решению возникающих проблем. В-четвертых, преодоление взаимного недоверия и формирование личных контактов между военнослужащими и гражданскими специалистами способствовало укреплению союзнических связей и созданию атмосферы доверия.

Анализ опыта начального этапа сотрудничества в Заполярье имеет значение не только для изучения истории союзнических отношений, но и для разработки эффективных моделей международного взаимодействия в условиях современных геополитических вызовов. Этот опыт убедительно показывает, что, несмотря на различия в подходах и традициях, эффективное взаимодействие между союзниками возможно даже в самых сложных условиях, если есть общая цель и готовность к компромиссам. Важно также

учитывать уроки прошлого, чтобы избежать повторения ошибок и использовать положительный опыт для построения прочных и взаимовыгодных партнерских отношений в будущем. Именно способность к адаптации, готовность к сотрудничеству и нацеленность на общий результат являются ключевыми факторами успеха в условиях многополярного мира.

Библиографический список:

1. Аммон Г.А., Березовский Н.Ю., Комаров А.А. Боевая летопись Военно-Морского флота 1941-1942. – М.: Воениздат, 1992. 631 с.
2. ФГБУ «Центральный военно-морской музей им. императора Петра Великого» МО РФ. Рукописно-документальный фонд. Инв. Р38/1918. КП В-37546. «Воспоминания адмирала А. Головки, написанные в 1958-1961 г.
3. Головки А.Г. Вместе с флотом. 3-е изд. – М.: Финансы и статистика, 1984. 287 с.
4. Горчаков Р.В., Конталев В.А., Пузырев В.П. Братство северных конвоев. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1991. 338 с.
5. Mawdsley E. World War II: a new history. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. 353 p.
6. Schofield B.B. The Arctic Convoys. – London: Macdonald and Jane's, 1977. 198 p.
7. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-морского флота, г. Гатчина) (филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина)). Ф. 8. Оп. 4609. Д. 4.
8. Пузырев В.П. Беломорская военная флотилия в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1991. 221 с.
9. Платонов А.В. Борьба на арктических коммуникациях 1941-1945. – СПб.: Роза ветров, 2012. 624 с.
10. Golley, J. Hurricanes over Murmansk. Shrewsbury: Distributed by Sterling Pub. Co, 1987. 216 p.
11. Быстрова И.В. Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941-1945 гг. – М.: Весь Мир, 2022. 576 с.
12. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-морского флота, г. Гатчина) (филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина)). Ф. 767. Оп. 2. Д. 5.
13. Beaumont J. Comrades in arms: British aid to Russia 1941-1945. – L.: Davis-Poynter, 1980. 264 p.
14. Чубарьян А.О., Кимболл У.Ф., Рейнолдс Д. Сборник. Союзники в войне 1941-1945: К 50-летию Победы. – М.: Наука, 1995. 452 с.
15. Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. – М.: Наука, 1994. 256 с.

Reference

1. Ammon G.A., Berezovsky N.Yu., Komarov A.A. Combat Chronicle of the Navy 1941-1942. Moscow: Voenizdat, 1992. 631 p.
2. Federal State Budgetary Institution "Emperor Peter the Great Central Naval Museum" of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Manuscript and Document Collection. Inv. R38/1918. KP B-37546. "Memoirs of Admiral A. Golovko, written in 1958-1961."
3. Golovko A.G. Together with the Fleet. 3rd ed. Moscow: Finance and Statistics, 1984. 287 p.
4. Gorchakov R.V., Kontalev V.A., Puzyrev V.P. Brotherhood of the Northern Convoys. Arkhangelsk: North-West Book Publishing House, 1991. 338 p.
5. Mawdsley E. World War II: a new history. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. 353 p.
6. Schofield B.B. The Arctic Convoys. – London: Macdonald and Jane's, 1977. 198 p.
7. Branch of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archives, Gatchina) (branch of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archives, Gatchina)). F. 8. Op. 4609. D. 4.
8. Puzyrev V.P. White Sea Military Flotilla in the Great Patriotic War. – Moscow: Voenizdat, 1991. 221 p.
9. Platonov A.V. The Struggle on Arctic Communications Lines 1941-1945. – St. Petersburg: Roza Vetrov, 2012. 624 p.
10. Golley, J. Hurricanes over Murmansk. Shrewsbury: Distributed by Sterling Pub. Co, 1987. 216 p.
11. Bystrova, I.V. British Ally: Organization of Military-Economic Supplies to the USSR in 1941-1945. – Moscow: Ves' Mir, 2022. 576 p.
12. Branch of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archives, Gatchina) (branch of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archives, Gatchina)). F. 767. Op. 2. D. 5.
13. Beaumont J. Comrades in arms: British aid to Russia 1941-1945. – L.: Davis-Poynter, 1980. 264 p.
14. Chubaryan A.O., Kimball W.F., Reynolds D. Collection. The Allies in the War 1941-1945: On the 50th Anniversary of Victory. – Moscow: Nauka, 1995. 452 p.
15. Arctic Convoys: Research, Memories, Documents. – Moscow: Nauka, 1994. 256 p.

Бузанова Н.А.

Кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, кафедра истории и философии Факультета истории, политологии и филологии.

Щербина Ю.В.

Кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, кафедра истории и философии Факультета истории, политологии и филологии.

Хабарова Е.И.

Учитель истории и обществознания ОУЧ «Школа» «Лидер» с углубленным изучением английского языка в Московской области, г. Истра.

Административные функции земских участковых начальников по контрреформе Александра III*

Аннотация. Цель статьи рассмотреть деятельность земских участковых начальников, введенных контрреформами Александра III, которые сосредотачивали в своих руках широкие административные полномочия. Их задача заключалась в том, чтобы стимулировать активное участие крестьян в самоуправлении, поддерживая при этом порядок и законность. Важным моментом их работы была оценка решений волостных судов, направленных на разрешение конфликтов, что требовало от начальника не только юридической грамотности, но и высокой степени дипломатии. В статье с помощью современных методов исследования рассмотрен контроль со стороны нововведенных должностных лиц над деятельностью крестьянского самоуправления, над утверждением решений сельских сходов. Основная цель работы – на конкретных примерах показать взаимоотношения земских начальников с органами крестьянского самоуправления, в частности, с сельским старостой, волостным старшиной и письмоводителем. Именно введение должности земских участковых начальников действительно привело к появлению на местах эффективной власти, способной предъявлять населению законные требования и применять меры воздействия в случае их невыполнения. Это позволило улучшить ситуацию в деревнях в первое десятилетие после реформы 1889 г. Земские начальники смогли установить порядок и бороться с злоупотреблениями, что является несомненным достижением. С течением времени, земские начальники начали превышать свои полномочия, выходя за рамки, установленные законом. Они стали осознавать свою власть и возможность вмешиваться во все аспекты жизни населения. Это привело к злоупотреблениям и нарушениям прав граждан.

Ключевые слова: земский участковый начальник, административные функции, органы крестьянского самоуправления, письмоводитель, староста, волостной старшина, ревизии.

* © Бузанова Н.А., Щербина Ю.В., Хабарова Е.И., 2025.

Buzanova N.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Department of History and Philosophy of the Institute of Education and Social Sciences.

Shcherbinina Yu.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Department of History and Philosophy of the Institute of Education and Social Sciences.

Khabarovsk E.I.

History and Social Studies teacher at the Leader School with advanced English language studies in the Moscow Region, Istra.

Administrative functions of zemstvo district chiefs under the counter-reform of Alexander III

Abstract. The purpose of this article is to examine the activities of the zemstvo district chiefs, who were introduced by Alexander III's counter-reforms and held extensive administrative powers. Their task was to encourage active participation of the peasants in self-government while maintaining order and legality. An important aspect of their work was the evaluation of the decisions made by the volost courts aimed at resolving conflicts, which required not only legal expertise but also a high level of diplomacy. The article uses modern research methods to examine the control exercised by the newly appointed officials over the activities of peasant self-government and the approval of decisions by village assemblies. The main goal of the article is to use specific examples to demonstrate the relationship between the zemstvo chiefs and the peasant self-government bodies, particularly the village elder, the volost elder, and the clerk. The introduction of the position of zemstvo district chiefs played a significant role in this process.

Key words: zemstvo district chiefs, administrative functions, peasant self-government bodies, headman, volost foreman, audits.

12 июля 1889 г. был опубликован закон «О земских участковых начальниках», который способствовал введению в сельских местностях новых должностных лиц, наделенных определенными полномочиями, в том числе и административного характера. Эти участковые начальники могли осуществлять контроль за исполнением законодательства, обеспечивать порядок и способствовать развитию местного самоуправления. Важно отметить, что указанный закон стал значительным шагом в административной реформе того времени, ведь он позволил более гибко реагировать на

потребности и проблемы сельского населения.

Административный функционал нововведенного должностного лица обозначался такими же обязанностями, как и у мирового посредника [1, с. 28-29]. Согласно статьям Положению от 12 июля 1889 г., функции земского начальника сводились к следующему: «утверждение в должности волостных старшин; надзор за опекунством и выбор судей волостных судов; руководство нижними чинами уездной полиции; ревизия установлений крестьянского самоуправления» [2, с. 201-202].

Во взаимосвязи с сельскими и волостными сходами земский начальник выступал не только как представитель власти, но и как посредник между правительственными интересами и потребностями крестьян. Его задача заключалась в том, чтобы стимулировать активное участие крестьян в самоуправлении, поддерживая при этом порядок и законность. Важным моментом его работы была оценка решений волостных судов, направленных на разрешение конфликтов, что требовало от начальника не только юридической грамотности, но и высокой степени дипломатии.

Второй аспект функционирования земского начальника касался отношений с сельскими должностными лицами – старостами, старшинами и писарем. Эти фигуры были ключевыми связующими звеньями между властью и крестьянским населением. Земский начальник, взаимодействуя с ними, обеспечивал исполнение указаний. Важно, чтобы он установил доверительные отношения, так как именно через старост и старшин проходила информация о нуждах и чаяниях простых людей, что позволяло оперативно реагировать на возникающие проблемы.

Рассмотрим этим две сферы подробнее, чтобы разобраться в административных функциях земского на конкретных примерах.

Земский начальник, рассматривая крестьянские сходы, служил важным связующим звеном между местным самоуправлением и высшими органами власти. Его право надзора над деятельностью сходов позволяло оперативно вмешиваться в процессы, способные повлиять на сельскую жизнь. В случаях, когда приговоры сходов вызывали сомнения в справедливости или нарушали интересы общества, земский начальник мог приостановить их, тем самым проявляя свою власть и ответственность. К примеру, если выносимый приговор содержал юридические несоответствия или мог привести к конфликтам внутри общины, его действие было остановлено с последующей обязательной передачей в уездный съезд вместе с аргументированным заключением. Это обеспечивало двойной контроль: с одной стороны, защита прав крестьян, с другой - поддержка порядка и законности в обществе. Уездный съезд, проводя детальный анализ представленных материалов, принимал окончательное решение, тем самым формируя правоприменительную практику на местах и укрепляя доверие крестьян к

институтам власти.

Однако реальная деятельность преобразовала эту функцию, так как проверка приговоров формально производилась, но не всегда по правилам, что показывают материалы ревизий.

К примеру, ревизия земского начальника 4-го участка Моршанского уезда А.И. Семенихина показала, что при проверке приговоров он допускал ряд нарушений: в акте не обозначал имена и фамилии домохозяев, явившихся на сход, не указывал фамилии лиц, согласных или несогласных с приговором и т.п. [3]. Земский начальник 6-го участка Усманского уезда В.И. Герасимов, проверив приговор на сходе, ограничился кратким протоколом за своей подписью, не указав, кем подписан приговор, кто не явился на сход, за что голосовали, не имелось списка домохозяев, имевших право голоса и пр. Вследствие этого действия Герасимова в отношении приговора были признаны некорректными, неудовлетворительными [4]. Это были классические примеры, которых насчитывалось не один десяток. Так, у земского начальника 1-го участка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии С.М. Филиппова такие нарушения были зафиксированы почти по всем приговорам сходов [5]. Поливанов повествует, что земский начальник соседнего с ним участка Е. Сапожков и вовсе протоколов не писал, особенно если стороны были неграмотные [6, с. 112].

В своей повседневной деятельности земские участковые начальники следовали своему мнению, а не так, как было прописано в законе. Они могли вообще отменить приговор без объяснения причины, а могли и совсем не заниматься этой сферой деятельности.

К тому же земские начальники настаивали, чтобы крестьяне спрашивали разрешение на проведении схода и обсуждение на нем важных для них вопросов. Между тем, такой административной функции новому должностному лицу никто не определял.

Показателен в данном случае пример в Саратовской губернии, где губернаторской ревизией 1903 г., согласно К.Я. Кожухару, было установлено, что «все земские начальники Сердобского уезда требуют, чтобы сельские сходы во вверенных им участках собирались не иначе, как с их ведома и разрешения и притом вопросы, подлежащие обсуждению схода, предварительно представлялись на просмотр и разрешение к обсуждению» [7, с. 61-62]

Таким образом, получалось, что по закону земский должен был делать одно, а на практике выходило совсем другое, о чем свидетельствовали вышеперечисленные примеры.

Такое положение дел порождало глубокое недовольство среди крестьян, которые теряли возможность свободно выражать свои интересы и стремления. Земские начальники, обладая властью вмешиваться в повседневную жизнь крестьян, не только подрывали устои самоуправления, но и сеяли

раздор в общинах. Дискуссии, которые когда-то носили характер открытых дебатов, всё больше превращались в формальные отчетные собрания, где единогласие было лишь маской для подавленного недовольства.

В итоге, крестьянские общины оказались в ловушке, в которой каждый их шаг подвергался неверному толкованию и манипуляциям со стороны властей. Местные земские начальники нередко использовали страх перед репрессиями, чтобы подавить любое инакомыслие. Это создавало дополнительную напряженность между крестьянами и представителями власти, наращивая уровень недовольства. Социальные конфликты становились все более острыми, и искры протеста угрожали вспыхнуть в открытое восстание.

Необходимость создания новых форм представительства, способных обеспечить защиту прав крестьян, становилась все более очевидной. Однако отсутствие политической воли со стороны государственных структур только усугубляло ситуацию. Вместо того чтобы прислушиваться к нуждам людей, власти продолжали укреплять свои позиции, отвергая диалог с низами.

В этих условиях крестьяне начали осознавать свою подлинную силу. Организация самостоятельных собраний и обсуждений, где у них была возможность высказывать свои взгляды и проблемы, стала первым шагом к осознанию своей свободы. Трансформация этого самосознания с коллективного на индивидуальное могла стать основой для будущих перемен и даже реформ.

Письмоводитель И. Дмитриев, прослуживший у трех земских начальников и оставивший воспоминания об этом, приводит следующий факт. «Он вместе с неким земским начальником, имя которого не называет, приехал в волостное правление для проверки приговоров. В это время один из крестьян позволил возразить земскому начальнику, который расценил это как вмешательство в его деятельность и повелел волостному старшине посадить ослушника в арестантскую. Крестьяне, естественно, подняли шум, началось волнение. Земский начальник не стал арестовывать крестьянина, но на следующий день прислал бумагу об аресте агитатора и ослушника, который был строго наказан» [8].

Отношения земских начальников с крестьянами сложно назвать партнерскими. Нередко, используя свое влияние, земские начальники навязывали крестьянам свои решения, которые, как правило, служили интересам местной власти или помещиков, а не самих крестьян. Это создавало атмосферу недовольства и отчужденности, поскольку крестьяне теряли возможность самостоятельно решать свои проблемы и управлять своей жизнью.

Кроме того, такой контроль приводил к снижению уровня самосознания крестьян, которые постепенно привыкали полагаться на мнение земских начальников, а не на свои собственные решения. Обсуждения на сходах, которые когда-то были местом активного участия граждан, превра-

щались в формальность, где инициатива и критика со стороны крестьян встречала немалые препятствия.

Такое положение дел не только подрывало уставленные традиции крестьянского самоуправления, но и создавало предпосылки для дальнейшего недовольства. В среде крестьян возникали чувства растерянности и безысходности, когда их интересы игнорировались, а власть становилась всё более далёкой и непонятной.

Эта необходимость контроля коренится в стремлении властей предотвратить любое дестабилизирующее движение, способное угрожать их устоям. Крестьянские сходы, как форма самоуправления, могли стать катализатором для социальных изменений и опасных инициатив. Однако, несмотря на установленные нормы, реальное исполнение закона часто зависело от доброй воли местных чиновников, что в свою очередь открывало пути для произвольных интерпретаций и субъективного управления.

Неудивительно, что в условиях такого правового вакуума, крестьяне порой оказывались в затруднительном положении. В то время как формально закон предоставлял им некоторые права, на практике осуществить их было крайне сложно. Столкновение между буквой закона и реальностью создавало пропасть, в которой многие оказывались лишёнными элементарных возможностей для самоопределения.

Таким образом, общественная жизнь крестьян оставалась под жестким контролем, что демонстрировало непреходящее стремление власти к тотальному управлению. Это также подчеркивало необходимость создания более четкой правовой архитектуры, способной учитывать интересы всех социальных слоев и обеспечивать баланс между свободами и обязанностями.

Земские начальники играли ключевую роль в трансформации местной власти. Их основная задача заключалась в налаживании контроля над волостными судами, что позволило местному дворянству обеспечить свои интересы на уровне крестьянского самоуправления. Эти реформы имели целью подчинение волостного суда, что значительно ослабило автономию крестьян и их возможность решать внутренние споры без внешнего вмешательства.

Система, основанная на авторитете земских начальников, превратила сельскую жизнь в область, где местное дворянство могло легко манипулировать процессами правосудия. Это создало условия для формирования зависимых отношений между крестьянами и новой властью, подрывая традиционные основы крестьянского самоуправления. В результате, волостные суды, ранее служившие защитниками крестьянских прав, стали инструментом контроля со стороны земских начальников.

Такое усиление власти в сельской местности привело к все большему социальному напряжению. Крестьяне, утратившие уверенность в местном правосудии, начали осознавать, что их права и свободы оказались на вто-

ростепенном плане в сравнении с интересами земских начальников и местной элиты.

В соответствии с Положением, волостные судьи обязаны были вести прозрачный учет всех дел, что обеспечивало доступ к информации для крестьян и других заинтересованных сторон. Задача по ведению книги записи решений суда требовала высокой степени ответственности и аккуратности. От этого зависела не только репутация судьи, но и доверие к судебным инстанциям со стороны местного населения (с. 11).

Кроме того, возможность наложения штрафов и других дисциплинарных мер (штраф до 5 руб. и арест до 7 дней) на волостных судей со стороны земского начальника была важным инструментом для поддержания порядка. Однако такая мера могла вызывать недовольство и даже страх среди судей, что, в свою очередь, влияло на качество принимаемых решений и общее восприятие правосудия в обществе. [9, с. 10]. В данном случае мы наблюдаем резкий контраст с принципом независимости судей, установленном Судебными уставами 20 ноября 1864 г. Даже к присяге волостные судьи и их кандидаты приводились земским начальником [10, с. 2].

Эта ситуация ставила под сомнение независимость волостных судов как органов местного самоуправления. Вместо того чтобы служить защитниками прав крестьян, судьи зачастую становились инструментом выполнения указаний местных властей.

Кроме того, такая подчинённость оказывала негативное влияние на правоприменение. Судьи, стремясь угодить своим вышестоящим, часто принимали решения, не учитывающие интересы сторон. Это, в свою очередь, способствовало росту недовольства среди крестьян, которые сталкивались с произволом и несправедливостью в рамках судебного процесса.

В подтверждение приведем выдержку из статьи, опубликованной в хронике внутреннего обозрения Вестника Европы за 1896 г., где указывалось, что «волостные судьи, фактически избираемые по указаниям земского начальника, юридически подчиненные его дискреционной карательной власти чаще решают дела именно по «внушению» свыше» [11, с. 846].

Практически, земские начальники нередко оказывались в ситуации, когда им приходилось маневрировать между требованиями властей и нуждами крестьян. Часто они использовали местных старостей как своих помощников в реализации административных задач, что вызывало недовольство у отдельных крестьян, которые считали своих представителей предателями. Вместе с тем, успешное сотрудничество между земскими начальниками и общественными должностными лицами могло приводить к улучшению условий жизни в деревне.

Однако, иногда такое сотрудничество порождало коррупцию и злоупотребления, когда старосты использовали свое положение для личной вы-

годы. Это подрывало доверие крестьян к власти и усугубляло социальное напряжение. В итоге, динамика отношений между земскими начальниками и общественными должностными лицами оставалась непростой и требовала постоянного поиска компромиссов и взаимопонимания.

Староста, хоть и обладающий определённой властью, всегда оставался частью своей общины. Его решения нередко принимались в контексте долгих традиций, устоявшихся норм и обычаев, которые были известны всем. Это предопределяло особую атмосферу взаимопонимания, где каждое слово старосты воспринималось не как указание, а как совет. Мужики, зная его хорошие намерения, чаще реагировали доброжелательно, избегая открытого конфликта. Это подчёркивает А. Новиков, который пишет, что он «никогда не слышал от мужиков в своем уезде, чтобы староста их разорял» [12, с. 31]. Вместе с тем Новиков замечает, что «если земский начальник желает и хочет наказать крестьянина, то отдаёт приказ именно старосте. Дело в том, что, как это ни странно, пенитенциарная власть земского начальника меньше власти старосты: земский может посадить только за неисполнение его законных требований, а не за маловажные проступки» [12, с. 31-23].

Волостной старшина обладал значительной властью в крестьянском обществе, и его решения нередко оказывали долговременное влияние на жизнь деревни. Будучи назначенным на пост, он часто становился не только административным, но и моральным авторитетом, а его действия определяли социальную структуру внутри волости. Это создавало риск злоупотреблений, так как старшина мог использовать свою власть для личных интересов, задействуя крестьян в различных повинностях и обременениях.

Такое положение дел нередко приводило к конфликтам между старшиной и крестьянами.

Старшина, в отличие от старост, обладал большей независимостью от крестьянского населения. Это объясняется тем, что его назначение не зависело от выборов, которые проводились каждые три года. Старшина мог занимать свою должность на протяжении длительного времени, иногда даже до 20 лет. Как утверждает Новиков в своих «Записках», именно волостной старшина является ближайшим советником земского начальника [12, с. 32].

Немаловажную роль при земском начальнике играл письмоводитель. Этот человек, обладая искусством письма, зачастую становился незаменимым помощником в повседневной деятельности управления. Письмоводитель не просто отвечал за переписку; он был посредником между различными слоями общества, помогая установить связь между чиновничьей властью и местным населением.

Согласно уже упоминавшимся запискам письмоводителя И. Дмитриева, за время своей службы он исполнял все, что обязан был делать земский начальник, а именно «производил разбор продовольственных дел, назна-

чал размер ссуды, допрашивал свидетелей, проверял на сходах сельские приговоры и даже производил разбор административных дел» [13].

Волостной писарь занимал важное место в крестьянском управлении, выступая связующим звеном между земскими начальниками и местным населением. Его роль в системе была неоценима, так как он не только вел документацию, но и обеспечивал выполнение решений, принимаемых на уровне волости, именно он выполнял функции связующего звена между местными властями и крестьянами, обеспечивая документооборот и юридическую поддержку. Волостной писарь не только вел учёт крестьянских дел, но также занимался составлением различных актов, протоколов и писем, необходимых для ведения хозяйства и разрешения споров.

Таким образом, не ограничиваясь личным воздействием на крестьян, земские начальники для удовлетворения своих интересов использовали органы крестьянского самоуправления. Это позволяло им не только контролировать местное население, но и манипулировать его социальными и экономическими структурами.

Жалобы с мест не оставляли сомнений в том, что в выборе должностных лиц крестьянского управления главную роль играл земский начальник. Этот факт вызывал возмущение среди крестьян, которые считали, что такие назначения порой зависели не от заслуг и профессиональных качеств, а от личных предпочтений и связей с влиятельными фигурами. Крестьяне часто становились жертвами произвола, когда их судьбы решались в кабинетах, вдали от их реальных нужд и проблем.

С недовольством они замечали, что новых чиновников назначали, основываясь на политических предпочтениях, а не на способности понимать и поддерживать крестьянские дела. Некомпетентность и безразличие новых управленцев только усугубляли существующие трудности, и народ начинал терять надежду на справедливость

«Большое влияние оказали земские начальники на подбор избираемых крестьянами лиц», - говорили в Тульской губернии [14, с. 168].

Земские начальники играли существенную роль в выборах должностных лиц крестьянского управления, их влияние было сопоставимо с прямым назначением.

Анализируя деятельность земских начальников в контексте контроля над органами крестьянского управления и самоуправления, можно сделать вывод, что их введение действительно привело к появлению на местах эффективной власти, способной предъявлять населению законные требования и применять меры воздействия в случае их невыполнения. Это позволило улучшить ситуацию в деревнях в первое десятилетие после реформы 1889 года. Земские начальники смогли установить порядок и бороться с злоупотреблениями, что является несомненным достижением. Однако, с

течением времени, земские начальники начали превышать свои полномочия, выходя за рамки, установленные законом. Они стали осознавать свою власть и возможность вмешиваться во все аспекты жизни населения. Это привело к злоупотреблениям и нарушениям прав граждан. Таким образом, можно сказать, что введение земских начальников имело как положительные, так и отрицательные последствия. К положительным сторонам можно отнести: установление власти на местах, способной предъявлять законные требования и наказывать за их неисполнение, а также улучшение порядка и искоренение злоупотреблений в деревне.

К отрицательной стороне следует отнести превышение власти земскими начальниками и выход за рамки закона и желание обладать абсолютной властью.

Библиографический список:

1. Сборник узаконений крестьянских и судебных учреждений, преобразованных по закону 12 июля 1889 г. – СПб.: 1890.
2. Хрестоматия по истории СССР. 1861-1917. – М.: Просвещение, 1990.
3. ГАТО. Ф.26. Оп.4. Д.75-6. Л.10-об.
4. ГАТО. Ф.26. Оп.4. Д.352. Л.12-12-об., 14.
5. ГАТО. Ф.26. Оп.4. Д.208. Л.4-об.
6. Записки земского начальника // Русская мысль. – М.: Петроград, 1917. № 3-4
7. Кожухар К.Я. Земские начальники // Вестник права, 1905. № 8.
8. ГАТО. Ф.26. Оп.4. Д.210. Л.5.
9. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские начальники. – СПб.: 1890.
10. Аристов И.Н. Волостной суд по закону 12 июля 1889 г. Сборник узаконений и распоряжений, относящихся к волостным судам, действующим в местностях, где учреждены земские начальники. Издание 2-ое. – Казань, 1893.
11. Вестник Европы. Хроника внутреннего обозрения. 1896. № 4.
12. Новиков А.И. Записки земского начальника. – СПб.: 1899.
13. ГАТО. Ф.26. Оп.4. Д.812-м. Л.6-об., 14.
14. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. I.
15. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.

Reference

1. Collection of Laws of Peasant and Judicial Institutions Transformed by the Law of July 12, 1889 – St. Petersburg: 1890.
2. Reader on the History of the USSR. 1861-1917. – Moscow: Prosveshchenie, 1990.
3. GATO. F.26. Op.4. D.75-b. L.10-ob.
4. GATO. F.26. Op.4. D.352. L.12-12-ob., 14.
5. GATO. F.26. Op.4. D.208. L.4-ob.
6. Notes of the Zemstvo Chief // Russkaya Mysl. – Moscow: Petrograd, 1917. № 3-4
7. Kozhukhar K. Ya. Zemstvo Chiefs // Bulletin of Law, 1905. № 8.
8. GATO. F. 26. Op. 4. D. 210. L. 5.
9. Guide for Volost Courts in Localities Where Zemstvo Chiefs Are Established. St. Petersburg: 1890.
10. Aristov I.N. Volost Court According to the Law of July 12, 1889. Collection of Laws and Regulations Relating to Volost Courts Operating in Localities Where Zemstvo Chiefs Are Established. 2nd Edition. Kazan, 1893.
11. Vestnik Evropy. Chronicle of Internal Review. 1896. № 4.
12. Novikov A. I. Notes of a Zemstvo Chief. St. Petersburg: 1899.
13. GATO. F. 26. Op. 4. D.812-m. L.6-ob., 14.
14. Village needs according to the work of the committees on the needs of the agricultural industry. Vol. I.
15. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.

Гольцов А.Н.

Аспирант кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Воздушная пропаганда Первой мировой войны: зарождение инструмента влияния в условиях правового вакуума*

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена воздушной пропаганды в период Первой мировой войны как нового инструмента информационно-психологического воздействия. Рассматривается генезис данного явления, возникшего на стыке развития авиационных технологий и тотального характера конфликта. Основное внимание уделяется анализу правового вакуума, сложившегося в отношении регулирования пропагандистской деятельности, направленной на гражданское население и войска противника с использованием воздушных средств. Результаты исследования демонстрируют, что отсутствие чётких международно-правовых норм, запрещавших или регламентировавших подобные действия, стало ключевым фактором, позволившим воздушной пропаганде быстро институализироваться и превратиться в эффективное оружие. На основе анализа отчётов, статистических данных и архивных материалов, размещённых в открытом доступе, раскрываются различия в подходах стран Антанты и Германии к данному виду военных действий, последствия правового противостояния вокруг статуса пропагандистских миссий.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанга, Германия, Великобритания, Франция, воздушная пропаганда, агитационный материал, психологическая война, международное законодательство, правовой вакуум.

Goltsov A.N.

Postgraduate student of the Department of History. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Dediu E.I.

Senior Lecturer, Department of History. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

* © Гольцов А.Н., Дедиу Е.И., 2025.

Aerial Propaganda of the First World War: the emergence of an instrument of influence in a legal vacuum

Abstract. The article investigates the phenomenon of air propaganda during World War I as a new tool for information and psychological influence. It examines the genesis of this phenomenon at the intersection of aviation technology development and the total nature of the conflict. Special attention is paid to analyzing the legal vacuum that emerged regarding the regulation of propaganda activities aimed at civilian populations and enemy troops using aerial means. The study results demonstrate that the absence of clear international legal norms prohibiting or regulating such actions was a key factor enabling air propaganda to quickly institutionalize and become an effective weapon. Based on analysis of reports, statistical data, and archival materials available in open access, differences in approaches between the Entente countries and Germany towards this type of military activity are revealed, along with the consequences of the legal confrontation surrounding the status of propaganda missions.

Key words: First World War, Triple Entente, Germany, United Kingdom, France, air propaganda, agitation material, psychological warfare, international legislation, legal vacuum.

Интенсивное использование пропаганды стало одной из отличительных черт Первой мировой войны. Технологический прогресс, в частности развитие авиации, позволил вывести информационно-психологическое воздействие на новый уровень. В рамках заявленной темы исследования, нам важно проанализировать процесс становления воздушной пропаганды как инструмента войны, уделив особое внимание правовым аспектам ее применения. Центральный тезис исследования заключается в том, что быстрое развитие авиационных технологий опередило формирование соответствующих международно-правовых норм, создав «правовой вакуум», который воюющие стороны стремились использовать в своих интересах.

Международное право накануне войны, сформированное рядом конвенций и деклараций Первой Гаагской конференции 1899 года и Второй конференции 1907 года, а также более ранними соглашениями, практически не регулировало вопросы психологической войны и тем более её ведение с воздуха [9, с. 122.]. Несмотря на своё совершенство, эти международные законодательные акты игнорировали особенности и практику ведения психологической войны. Действительно, технические средства, имевшиеся в распоряжении воюющих сторон, не позволяли военной организации осуществлять массовое распространение листовок или иллюстраций в стане врага. Только оккупированное гражданское население могло пытаться подорвать моральный дух оккупантов, но при этом подвергалось суровым

репрессиям с их стороны. В этом вопросе немцы во время Великой войны опирались на Военно-уголовный кодекс Германской империи, а точнее на параграф 161, который предусматривал, что любой иностранец или немец на территории, оккупированной Германией, подпадает под действие имперских внутренних законов [10]. Эта норма применялась в сочетании с параграфом 89 имперского уголовного кодекса, который запрещал умышленное оказание помощи иностранному государству или любой ущерб военным усилиям Германской империи в военное время. Эти законы могли касаться только оккупированного населения и оставляли открытым вопрос о возможных военных пропагандистах, действующих с линии фронта или с воздуха [9, с. 125].

Однако прецедент уже имел место во время осады Парижа в 1870 году. В период с сентября 1870 по январь 1871 года, когда столица была окружена немецкими войсками, было запущено шестьдесят девять воздушных шаров. Они перевозили газеты для остальной Франции, такие как «Le Ballon Poste» или «Dépêche Ballon». Если эти публикации и носили пропагандистский характер, они не были достаточно значительными, чтобы привлечь внимание оккупантов или международного сообщества. Возможность ведения листовочной войны была маловероятной из-за материальных трудностей. Только стационарный фронт позволил бы использовать аэростаты и воздушное пространство. Кроме того, полезность пропаганды можно было представить лишь в условиях затяжного конфликта. Также предстояло преодолеть определённый скептицизм относительно её эффективности.

Когда же разразилась Первая мировая война, именно воздушное пространство закономерно стало рассматриваться армией как предпочтительное средство коммуникации. Действительно, значительное развитие, которое получила авиация в начале XX века, радикально изменило то, как можно было разрабатывать и распространять пропагандистские материалы. Армии получили беспрецедентную гибкость в выражении своих идей как вражеским солдатам, так и оккупированному населению в виде листовок, памфлетов, иллюстраций или газет, сбрасываемых с самолётов. В сочетании с современными, для того времени, средствами печати интеллектуальная война могла быть точной и быстрой. Другие средства передачи, такие как контрабанда через Швейцарию или использование ассоциативных организаций в сочетании с «Домом печати» в Париже, использовались для распространения пропаганды в нейтральных странах, но эти процессы касались в меньшей степени военной пропаганды и в большей - гражданской и дипломатической [15, с. 133-134].

Новизна, представленная распространением с помощью авиации агитационного материала, также принесла с собой ряд проблем. Скорость авиа-

ционных технических инноваций застала врасплох законодателей, как национальных, так и международных, которые не интегрировали эту новую форму ведения войны в отдельные своды законов. Проблемы, на самом деле, были более обширными. Практика бомбардировки городов, заводов или даже ведения наблюдения не была ожидаема. Таким образом, судьба военнотружущих, захваченных при совершении актов пропаганды, оставалась неизвестной, с юридической точки зрения. [13, с. 32, 35].

Вероятно, Германия была первой в попытке агитации с воздуха посредством листовок, сброшенных баварским экипажем для французских войск, расквартированных в Нанси, в сентябре 1914 года [13, с. 106]. Британцы и французы не замедлили с ответом. Последовавшая эскалация стала поводом для осознания проблемы генеральным штабом. Любительщине и индивидуальным действиям предстояло уступить место централизованной системе, управляемой людьми с глубоким знанием культуры и языка противника. Немцы в основном посвятили себя созданию газет на французском языке. Самая известная из них, «La Gazette des Ardennes», издавалась смешанной командой немецких и французских журналистов и стала символом оккупации и коллаборационизма.

Франция проявила новаторство, создав в августе 1915 года в структуре Второго бюро Службу воздушной пропаганды. Это скромное по размерам подразделение оставалось активным, хотя и претерпело множество изменений на протяжении всего конфликта. Ответственная за составление листовок на немецком языке для солдат противника и на французском – для населения оккупированных территорий, она также курировала логистические аспекты работы. Распространение обеспечивали эскадрильи истребителей, бомбардировщиков и самолётов-разведчиков в соответствии с предопределёнными географическими критериями.

Великобритания медленнее создавала специализированное подразделение. Первоначально она оказывала помощь французской пропаганде через свою авиацию для распространения листовок в своём секторе. Только в 1916 году, с назначением генерала Джорджа Макдонога на должность директора военной разведки Военного министерства Великобритании, было учреждено подразделение, отвечающее за воздушную пропаганду. Это подразделение, носившее совершенно секретный характер, было создано в рамках Военной разведки и получило название MI7(b). Его роль была схожа с ролью французской Службы воздушной пропаганды, и оно оставалось активным вплоть до 1918 года, когда часть полномочий была передана другому пропагандистскому органу под названием Крю-Хаус. Только пропаганда, предназначенная для оккупированного населения, осталась в ведении MI7(b). Распространение пропаганды также осуществлялось с помощью самолётов. Подразделения Королевского лётного корпуса отвечали за

распространение и использовали систему донесений в пропагандистскую службу для оперативной связи.

Объем пропагандистских материалов значительно возрос на протяжении 1916 и 1917 годов. Моральное наступление действительно привлекло внимание различных генеральных штабов и убедило ряд скептиков. Стабильность линии фронта, источник постоянного разочарования, требовала нового подхода. Интеллектуальная война, казалось, отвечала потребности в эффективном и малозатратном в человеческих жизнях решении. Однако начали раздаваться голоса, вопрошающие о рисках, которым подвергались, в основном, авиаторы при выполнении этих миссий. Ещё в 1916 году Королевский лётный корпус выдвигал возражения и запрашивал пропагандистскую службу о возможных опасностях. В сознании командования начало формироваться понимание законодательной неопределённости в отношении войны нового типа. Британская авиация получила необходимые гарантии от MI7(b). Однако эти гарантии не основывались ни на одном конкретном тексте. Законность пропагандистских операций, по всей видимости, никогда серьёзно не изучалась вплоть до 1917 года, когда ситуация изменилась коренным образом.

Два самолёта-разведчика FE.2B из 22-й эскадрильи британской авиации были сбиты немецкими истребителями 26 апреля 1917 года [8, с. 52]. Экипажам удалось приземлиться на вражеской территории и они были взяты в плен сразу после посадки. Немецкие солдаты обнаружили пачки листовок на немецком языке, предназначенных для деморализации войск на передовой. Лётчики были немедленно допрошены, но отрицали осведомлённость о наличии этих листовок.

Дело приняло неожиданный поворот 6 июня 1917 года. Министерство иностранных дел Швейцарии уведомило британский МИД о том, что полученная от их немецких коллег нота рассматривает любого лётчика, сбрасывающего пропагандистские материалы, как находящегося вне законов войны. В британском штабе поднялась паника, и 27 июня 1917 года было приказано прекратить пропагандистские миссии. Однако эта остановка была недолгой, и распространение листовок возобновилось уже в следующем месяце. Британцы действительно разделились во мнениях относительно немецких угроз: одни считали вражескую позицию блефом, другие же воспринимали угрозу всерьёз. Однако последние, вскоре, нашли подтверждение своей точке зрения. В октябре 1917 года британское правительство, вновь благодаря посредничеству Швейцарии, было проинформировано о начале суда над несчастными пилотами, сбитыми 26 апреля 1917 года, по обвинению в распространении листовок, содержащих оскорбления в адрес немецкой армии и правительства.

Действия суда, в отсутствие международных законов, основывались на

Военно-уголовном кодексе, опубликованном 20 июня 1872 года, - Воинский устав о наказаниях Германской империи. Параграф 58 и его подпункт 9 предусматривали смертную казнь за государственную измену для тех, кто намеревался помочь иностранной державе или нанести ущерб Германии или её союзникам и распространял в армии враждебные воззвания.

Тот факт, что обвиняемые являлись военнослужащими вражеской армии, был расценён прокурором как смягчающее обстоятельство, и он потребовал десяти лет тюрьмы. Однако лётчики все равно подлежали суду согласно Воинскому уставу о наказаниях Германской империи, а именно параграфу 160, который гласил, что иностранец или немец, виновный в одном из деяний, упомянутых в параграфах 57 - 59 и 134 во время конфликта с Германской империей, будет наказан в соответствии с мерами наказания, указанными в этих же параграфах.

Первый экипаж был оправдан без особых трудностей, поскольку никаких листовок в кабине обнаружено не было, и не удалось доказать его участие в пропагандистской миссии. Положение второго экипажа было более шатким из-за пачек листовок, найденных в фюзеляже. Тем не менее, суд оправдал обоих британских офицеров в связи с их незнанием противозаконности совершенного деяния. Однако председатель суда зачитал перед публикой заявление, составленное немецким верховным командованием, в котором утверждалось, что подстрекательские листовки противоречат международным законам. Это заявление было официально направлено воюющим странам.

Союзники отнеслись к этой демонстрации силы скептически. Французы и британцы продолжили пропагандистские миссии.

Однако 17 октября 1917 года был сбит немецкими истребителями ещё один самолёт-разведчик из 11-й эскадрильи британской авиации [8, с. 108]. У обоих лётчиков были найдены листовки, расхваливающие условия содержания в британских лагерях для военнопленных. Военный трибунал был созван 1 декабря 1917 года. Немецкая пресса широко освещала предстоящий процесс. Офицеры не получили никакого снисхождения и были приговорены после суда, вновь основанного на параграфах 58 и 160 Военно-уголовного кодекса, к десяти годам каторжных работ за незаконное распространение пропаганды. Этот приговор вызвал бурную реакцию.

Причины, побудившие немцев пойти на такие судебные процессы, были разнообразны. После своего успеха в 1870 году имперская армия разработала военную доктрину, основанную на жёстких принципах. Среди фундаментальных правил, управлявших генеральным штабом, была идея о том, что порядок на оккупированной территории должен быть абсолютным. Это видение, проистекавшее из монархических и националистических принципов и связанное с убеждением, что дисциплина озна-

чает мир, применялось и в самой Германии, несмотря на действия демократов и социалистов. Идея о том, что союзники могут распространять пропаганду в пользу своего дела и таким образом разрушать идеализированную гармонию между оккупантами и оккупированными, была, следовательно, неприемлема. Ещё более серьёзными были попытки союзников вызвать разногласия внутри имперской армии. Призывы к дезертирству, капитуляции или расколу, подобные тем, которые осуществлялись среди баварских войск, вызывали серьёзные опасения у германского генералитета [9, с. 126].

То время, когда угрозы были приведены в исполнение, совпало с ростом пропагандистской активности союзников. Неудивительно, что немецкие власти решили действовать, чтобы положить конец этой «бумажной войне», даже рискуя выставить напоказ свою озабоченность и признать слабость.

Британские власти в январе 1918 года прекратили реализацию миссии по воздушной пропаганде. Лишившись средства доставки, MI7(b) оказался в бездействии. Правительство заявило протест немецким властям и пообещало ответные репрессии в отношении пленённых вражеских лётчиков, оказавшихся в аналогичных обстоятельствах. Однако это была угроза, лишённая каких-либо оснований, поскольку немцы использовали для распространения своих листовок только беспилотные аэростаты.

Министерство иностранных дел привлекло юристов для изучения международного права. Был сделан вывод, что ничего по этому вопросу написано не было, и, следовательно, действия немецкого военного трибунала не имели оснований. Официальная угроза, от 4 февраля 1918 года, была передана властям Рейха. В ней требовалось, в соответствии с Гаагской конвенцией, помиловать двух пленных, как это предусмотрено международным правом в отношении военнопленных.

Приговор, вынесенный британским лётчикам, был временно смягчён в марте 1918 года, но немцы настаивали на исключительном характере этого помилования. Они продолжали настаивать на своём намерении преследовать любого лётчика, захваченного во время пропагандистской миссии.

Однако было бы слишком просто объяснять прекращение пропагандистских миссий лишь угрозами со стороны Германии. Британские архивы раскрывают на самом деле глубокие разногласия между службами. Королевский лётный корпус неоднократно выражал своё недовольство. Лётчики считали риски слишком высокими по сравнению с потенциальными выгодами. Неоднократно высшие офицеры авиации пытались ограничить влияние пропаганды. Этот вопрос обсуждался на самом высоком уровне в присутствии премьер-министра. Правовые угрозы стали исключительной возможностью для Королевского лётного корпуса.

Франция заняла радикально иную позицию. Уведомленный сразу после первой серии угроз, высказанных Германией в июне 1917 года, Разведывательный отдел армии получил задание изучить юридический характер ситуации. Подразделение подготовило заключение уже 9 июня 1917 года, которое было передано новому главнокомандующему армиями генералу Филиппу Петену.

Эта записка строилась вокруг трех пунктов. Во-первых, признавалось, что воздушная пропаганда не является признанной Гаагской конвенцией формой ведения войны. Однако в записке уточнялось, что молчание конвенции касается не сути, а лишь воздушной формы, неизвестной на момент её составления. Второй аргумент был более прагматичным. Германия также использовала воздушное пространство для распространения пропаганды. Следовательно, она не могла манипулировать молчанием конвенции в своих интересах. Однако этот аргумент не учитывал отчёты, согласно которым немцы использовали только аэростаты. Третий аргумент был сосредоточен на угрозах в адрес любых материалов, признанных подрывными. Секция разведки подчеркнула, что любая критика является подрывной. Таким образом, можно было скатиться к неконтролируемой эскалации обвинений и наказаний и поставить под угрозу всех военнопленных.

Вывод был следующим: Пропаганду следует продолжать; Немецкие требования должны быть отвергнуты; В случае суда над лётчиками должны быть применены ответные меры в отношении экипажей цеппелинов.

Генерал Петен изучил записку, прежде чем передать своё мнение правительству. Его выводы сильно отличались от выводов Секции разведки. Немцы отправляли газеты на французском языке, в основном «*La Gazette des Ardennes*», только на аэростатах. Следовательно, не было никаких вражеских лётчиков, которых можно было бы судить по аналогичным основаниям. Осуждать членов экипажей цеппелинов было опасно, даже абсурдно, поскольку это была не та же деятельность, и существовал большой риск создания вихря контррепрессий. Эскалация была нежелательна в тот самый момент, когда французская армия столкнулась с серьёзной проблемой мятежей после наступления на Шмен-де-Дам.

В своём отчёте генерал Филипп Петен заявил, что в условиях, когда моральные факторы играют первостепенную роль в борьбе, отказываться от воздушной пропаганды невозможно. Он отметил, что принудительные меры германского правительства, которые явно его тревожат, лишь побуждают усилить эту пропаганду. Петен предупреждал своих лётчиков о наказаниях за распространение листовок, но подчёркивал, что тревога врага лишь доказывает эффективность их действий. По его словам, какие бы опасности ни угрожали лётчикам, их патриотизм возьмёт верх над любыми рисками.

Французские лётчики, на самом деле, относились к пропагандистским миссиям скептически, если не враждебно. Распространенным мнением в эскадрильях было то, что уж если рисковать, то лучше сбрасывать бомбы, а не бумажки. Однако французская авиация не знала тех невзгод, через которые прошли их британские коллеги. Никогда не стоял вопрос об отмене таких заданий. Напротив, количество сбрасываемых листовок только возрастало вплоть до конца войны [6, с. 48].

Несмотря на угрозы, французские лётчики так и не предстали перед немецким военным судом, даже несмотря на активизацию пропагандистских миссий. 1918 год ознаменовался увеличением масштабов распространения листовок. Германия теперь была доступна для дальнебойных аэростатов. Парадоксальным образом, пропаганда союзников послужила интересам немецкого верховного командования. Загнанный в угол после провала мартовского наступления 1918 года, фельдмаршал Гинденбург в коммюнике от 6 сентября 1918 года был вынужден приписать ослабление имперской армии не мощному военному давлению союзников, а кампании пропагандистских листовок, проводимой французами и британцами. Этот способ оправдания перед неминуемым поражением частично лёг в основу печально известной легенды «удара ножом в спину». Неудивительно, что данная аргументация была подхвачена Гитлером в «Mein Kampf», где он расхваливал эффект пропаганды союзников [12, с. 208].

В течение 1918 года между немцами и союзниками продолжался обмен нотами с целью положить конец юридическому спору. Британцы предложили считать любого лётчика, захваченного во время пропагандистской миссии, военнопленным и обращаться с ним в соответствии с положениями Гаагской конвенции. Немецкое правительство 30 апреля 1918 года повторило своё желание запретить использование авиации для пропаганды и обязалось соблюдать этот запрет. В случае достижения соглашения между сторонами, два офицера-лётчика, захваченные 17 октября 1917 года и до сих пор временно помилованные, были бы окончательно амнистированы.

При таком подходе, Великобритания могла бы окончательно избавиться от этих обременительных пропагандистских миссий, была готова принять немецкое предложение, но вопрос не входил в компетенцию Королевского лётного корпуса. Военный кабинет отклонил предложение одним махом в телеграмме от 4 октября 1918 года. Только конец войны положил конец спорам между воюющими сторонами.

Прекращение боевых действий оставило открытой проблему, поднятую во время конфликта в области пропаганды. Авиация породила ряд новых вопросов, которые обсуждались в 1920-х годах. В Гааге с декабря 1922 по февраль 1923 года прошло совещание по установлению правил ведения воздушной войны. Статья XXI проекта договора, составленного на этой

конференции, предусматривала, что использование авиации для распространения пропаганды не должно считаться преступлением, а пленённые лётчики должны рассматриваться как любые другие военнопленные. Конвенция была подписана участвующими государствами, но так и не была ратифицирована из-за разногласий между ними относительно ограничений, которые такой договор мог наложить на технологические инновации. Действительно, Первая мировая война показала, что международное законодательство обычно отстаёт от научных достижений и может ограничивать их использование в случае конфликта [7].

Юридическая битва между союзниками и немцами вокруг пропаганды демонстрирует важность понятия права в Первой мировой войне. Немцы, неоднократно подвергавшиеся нападкам за нарушение нейтралитета Бельгии и их отношение к Лондонскому договору 1839 года как к «клочку бумаги», пошли на большой риск в сфере коммуникации, инициировав серию судебных процессов, основанных на молчании международного права и на неадекватных в сложившихся обстоятельствах военных и гражданских кодексах. Неудивительно, что пресса союзников ухватилась за это дело, но возмущение, вызванное немецкими судебными действиями, было сбалансировано внутренними раздорами, которые пережили британские ВВС. Прекращение полётов в пользу аэростатов стало очевидным тормозом для пропагандистской деятельности.

Подводя итоги исследования, важно отметить, что воздушная пропаганда периода Первой мировой войны стала ярким примером того, как технологические инновации опережают развитие права. Правовой вакуум позволил этому инструменту военных действий быстро развиваться и оказать значительное влияние на ход конфликта. Судебные процессы, инициированные Германией, выявили не только попытку противодействовать пропаганде, но и фундаментальную проблему адаптации существующих правовых норм к новым реалиям войны. Последующие попытки урегулировать этот вопрос на Гаагской конференции 1922 - 1923 годов оказались неудачными, что подчёркивает сложность кодификации правил ведения войны в условиях быстрого технологического прогресса. Исследование опыта воздушной пропаганды 1914 - 1918 годов остаётся актуальным для понимания эволюции информационного противоборства и его правовых аспектов.

Библиографический список

1. Агапов В.Л. Первая мировая война и печать. Часть 1: опыт Англии, Германии, Франции и европейской России // Известия Восточного института. 2019. № 1 (41). С. 6-20.
2. Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. / Н. Л. Волковский. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. 736 с.
3. Гончаров Е.В. Французские организации официальной пропаганды в 1914–1918 гг. // Вестник БГУ. 2022.

№ 1 (51). С. 58-68.

4. Селиверстов Д.М. Антигерманская пропаганда в Великобритании накануне и в годы Первой Мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Д. М. Селиверстов. – Брянск, 2016. 262 с.
5. Anonyme The Times: History and encyclopedia of the war. Part 270. Vol. 21. – 30.12.1918.
6. Bruntz G.G. Allied propaganda and the collapse of the German Empire in 1918 (Hoover War Library Publications, № 13). – California: Stanford University Press, 1938. 246 p.
7. Colby Elbridge Aërial Law and War Targets // The American Journal of International Law. – Oct., 1925. Vol. 19. № 4. P. 702-715.
8. Duiven Rick, Franks Norman, Bailey Frank The Jasta War Chronology: A Complete Listing of Claims and Losses, August 1916 – November 1918. – London: Grub Street Publishing, 2008. 320 p.
9. Hull I.V. Absolute destruction: military culture and the practices of war in Imperial Germany // Isabel V. Hull. – Ithaca; London: Cornell university press, 2005. 384 p.
10. Militär-Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Juni 1872. Vol. 20. // URL:http://www.documentarchiv.de/ksr/1872/militaerstrafgesetzbuch_deutsches-reich.html (Дата обращения 20.06.2025)
11. Romen A.M. Guttentag'sche Sammlung deutscher Reichs Gesetze Text-Ausgaben mit Anm. Militär-Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Vol 20. Juni 1872. 1912.
12. Sanders Michael L., Taylor Philip M. British propaganda during the First World War, 1914 – 1918. – London: Macmillan Press Ltd, 1982. 320 p.
13. Spaight James Molony Air power and war rights. – London: Longmans, Green, 1924. 493 p.
14. Taylor P.M. Munitions of the mind: a history of propaganda from the ancient world to the present era / Philip M. Taylor. – [New ed.]. – Manchester; New York: Manchester univ. press, 1995. 324 p.
15. Tonnelat Hansi. A travers les lignes ennemies: trois annees d'offensive contre le moral allemand: avec 48 gravures / Hansi et E. Tonnelat.: Payot & C., – 1922. – 191 p. (Collection de memoires, etudes et documents pour servir a l'histoire de la Guerre Mondiale).

Reference

1. Agapov V.L. The First World War and the Press. Part 1: The Experience of England, Germany, France, and European Russia // Bulletin of the Eastern Institute. 2019. № 1 (41). P. 6-20.
2. Volkovsky N.L. History of Information Wars. In 2 Parts. Part 2. / N.L. Volkovsky. - St. Petersburg: OOO «Izdatelstvo» Poligon «, 2003. 736 p.
3. Goncharov, E.V. French Organizations of Official Propaganda in 1914-1918 // Bulletin of BSU. 2022. № 1 (51). P. 58-68.
4. Seliverstov D.M. Anti-German Propaganda in Great Britain on the Eve and During the First World War: dis. ... Cand. of History. sciences: 07.00.03 / D.M. Seliverstov. – Bryansk, 2016. 262 p.
5. Anonyme The Times: History and encyclopedia of the war. Part 270. Vol. 21. – 30.12.1918.
6. Bruntz G.G. Allied propaganda and the collapse of the German Empire in 1918 (Hoover War Library Publications, № 13). – California: Stanford University Press, 1938. 246 p.
7. Colby Elbridge Aërial Law and War Targets // The American Journal of International Law. – Oct., 1925. Vol. 19. № 4. P. 702-715.
8. Duiven Rick, Franks Norman, Bailey Frank The Jasta War Chronology: A Complete Listing of Claims and Losses, August 1916 – November 1918. – London: Grub Street Publishing, 2008. 320 p.
9. Hull I.V. Absolute destruction: military culture and the practices of war in Imperial Germany // Isabel V. Hull. – Ithaca; London: Cornell university press, 2005. 384 p.
10. Militär-Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Juni 1872. Vol. 20. // URL:http://www.documentarchiv.de/ksr/1872/militaerstrafgesetzbuch_deutsches-reich.html (Дата обращения 20.06.2025)
11. Romen A.M. Guttentag'sche Sammlung deutscher Reichs Gesetze Text-Ausgaben mit Anm. Militär-Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Vol 20. Juni 1872. 1912.
12. Sanders Michael L., Taylor Philip M. British propaganda during the First World War, 1914 – 1918. – London: Macmillan Press Ltd, 1982. 320 p.
13. Spaight James Molony Air power and war rights. – London: Longmans, Green, 1924. 493 p.
14. Taylor P.M. Munitions of the mind: a history of propaganda from the ancient world to the present era / Philip M. Taylor. – [New ed.]. – Manchester; New York: Manchester univ. press, 1995. 324 p.
15. Tonnelat Hansi. A travers les lignes ennemies: trois annees d'offensive contre le moral allemand: avec 48 gravures / Hansi et E. Tonnelat.: Payot & C., – 1922. – 191 p. (Collection de memoires, etudes et documents pour servir a l'histoire de la Guerre Mondiale).

Евлоева Л.М.

Кандидат исторических наук. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас, Республика Ингушетия. SPIN-код: 7085-9463

Евлоева Ф.Р.

Кандидат философских наук, доцент, Ингушский государственный университет, г. Магас, Республика Ингушетия. SPIN-код: 3312-7922

Кулбужева Т.А.

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас, Республика Ингушетия.

Трансформация гендерных ролей ингушских мужчин в современном обществе*

Аннотация. В современном мире традиционные гендерные роли подвергаются значительным изменениям под влиянием глобализации, урбанизации, экономических преобразований и цифровизации. Эти процессы затрагивают и ингушское общество, где исторически сложилась строгая патриархальная система с четким распределением мужских и женских ролей. Данное исследование направлено на анализ трансформации гендерных ролей ингушских мужчин, выявление ключевых факторов, способствующих этим изменениям; изучению реакции традиционного общества на новые модели маскулинности.

В работе рассматриваются такой аспект, как влияние ислама на формирование мужской идентичности, а также постепенная модернизация представлений о мужских обязанностях и поведении. Внимание уделяется конфликту между традиционными ценностями, требующими от мужчины роли защитника, кормильца и духовного лидера семьи, и новыми социальными ожиданиями, связанными с вовлеченностью в воспитание детей и профессиональной самореализацией. Эмпирическую основу исследования составляют данные социологических опросов, интервью с представителями разных поколений ингушских мужчин. Результаты показывают, что, несмотря на сопротивление консервативной части общества, изменения неизбежны: молодое поколение все чаще пересматривает жесткие гендерные рамки, что приводит к постепенной, но заметной трансформации мужских ролей. Исследование позволяет глубже понять динамику социокультурных изменений в ингушском обществе и может быть полезно для дальнейшего изучения гендерных трансформаций в традиционных сообществах Северного Кавказа.

Ключевые слова: гендерные роли, маскулинность, ингушские мужчины, традиционное общество, социальная трансформация, мужская идентичность, современность, глобализация, урбанизация, культурные изменения.

* © Евлоева Л.М., Евлоева Ф.Р., Кулбужева Т.А., 2025.

Evloeva L.M.

Candidate of Historical Sciences. Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev. Magas, Republic of Ingushetia. SPIN-code: 7085-9463

Evloeva F.R.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia. SPIN-code: 3312-7922

Kulbuzheva T.A.

Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev. Magas, Republic of Ingushetia.

Transformation of gender roles of ingush men in modern society

Abstract. In the modern world, traditional gender roles are undergoing significant changes under the influence of globalization, urbanization, economic transformation and digitalization. These processes also affect Ingush society, where historically there has been a strict patriarchal system with a clear distribution of male and female roles. This study is aimed at analyzing the transformation of gender roles of Ingush men, identifying key factors contributing to these changes, as well as studying the reaction of traditional society to new models of masculinity.

The work examines such aspect as the influence of Islam on the formation of male identity, as well as the gradual modernization of ideas about male responsibilities and behavior. Special attention is paid to the conflict between traditional values that require men to play the role of protector, breadwinner and spiritual leader of the family, and new social expectations related to involvement in parenting and professional self-realization.

The empirical basis of the study consists of data from sociological surveys and interviews with representatives of different generations of Ingush men. The results show that, despite the resistance of the conservative part of society, changes are inevitable: the younger generation is increasingly reviewing the rigid gender framework, which leads to a gradual but noticeable transformation of male roles.

The study provides a deeper understanding of the dynamics of socio-cultural changes in Ingush society and may be useful for further study of gender transformations in traditional communities of the North Caucasus.

Key words: gender roles, masculinity, Ingush men, traditional society, social transformation, male identity, modernity, globalization, urbanization, cultural change.

Современное ингушское общество переживает сложный процесс трансформации гендерных ролей, особенно в мужской среде. Традиционные представления о маскулинности, основанные на патриархальных нормах

и обычном праве, сталкиваются с новыми социальными реалиями: глобализацией, урбанизацией, экономическими изменениями и влиянием цифровых технологий. Это исследование направлено на анализ факторов, способствующих эволюции мужских ролей, а также на изучение реакции общества на эти изменения. Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания динамики социокультурных процессов в традиционных северокавказских сообществах.

Изучение трансформации гендерных ролей ингушских мужчин в условиях модернизации представляет научный интерес в условиях модернизации представляет научный и практический интерес в контексте социально-культурных изменений на Кавказе. Актуальность работы обусловлена: 1. Конфликтом традиций и глобализации: экономические вызовы и цифровизация перестраивают патриархальные устои, что требует анализа адаптационных механизмов. 2. Дефицитом эмпирических данных: большинство исследований фокусируется на женских ролях, тогда как мужская идентичность в ингушском обществе остается малоизученной. Мы постарались выявить диалектику традиционных и современных элементов в гендерных ролях ингушских мужчин, а также определить факторы, влияющие на их трансформацию в условиях социокультурной модернизации.

Работа основана на смешанном методологическом подходе, сочетающем качественные и количественные методы: 1) интервью с 20 респондентами (мужчины и женщины 20-55 лет) для изучения семейных ролей и конфликтов; 2) анализ этнографической литературы; 3) анкетирование 500 респондентов (мужчины и женщины 14-35 лет), проведенное в рамках исследования «Этнокультурные ценности современной ингушской молодежи» (ИнгНИИ, 2023 г.).

Историко-культурный контекст. Воспитание мальчиков: обучение обязанностям в быту; воинская подготовка.

У ингушей есть анекдот: «Спросили у главы семейства: «В чем обязанности мужа, а в чем обязанности жены в семье? Мужчина отвечает: «Мужчина должен думать о важных вещах, таких как международные отношения, политика. А женщина о всяких мелочах – чем накормить семью, как воспитать ребенка, что надеть мне и детям завтра, покупке продуктов, домашнем хозяйстве» [11]. Думается нам, что эта шутка довольно показательно описывает распределение обязанностей в прошлом, возможно, и в настоящем. Еще в конце XIX в. первый ингушский ученый Ч.Э. Ахриев писал в своей работе, посвященной ингушским женщинам: «Постоянная праздность мужчин и возможность, благодаря женской работе не обременять себя хозяйственными работами, сообщили характеру ингушей беспечность и равнодушие к земным заботам». Автор дает пояснения о причинах, сложившихся «ненормальных отношений к труду в условиях недавней воинской

жизни ингушей (и вообще всех горцев), постоянно отрывавшей мужские руки от домашних забот...» [14, с. 182], а также «магометанство стеснило еще более положение женщин». Этнограф отмечает, что подобное положение женщин встречается у большинства горцев [14, с. 182]. Один из наших респондентов, отмечает, что его с детства приучали к труду, говорили, что он должен зарабатывать деньги и сегодня он чувствует ответственность за содержание своей будущей семьи. На вопрос о том, с какими проблемами сталкиваются современные ингушские мужчины, мы получили следующий ответ: «Первое - я младший в семье и не могу уехать на заработки, уехать за пределы республики (*младший сын обязан ухаживать за родителями. Отцовский дом передается по наследству ему – Л.Е.*). Второе – в будущем мне придется стоять между мамой и женой, а правильного выбора там нет (улыбается). Третье – до своей старости тебе в обязательном порядке нужно обеспечить жизнь своим детям и жене (учеба, дом, работа)». На уточняющие вопросы «Как вы думаете, есть ли на сегодняшний день такая проблема, что мужчины просто не хотят работать? Или у них просто нет возможности достойно обеспечить себя и свою семью?», получили ответ: «Вам не кажется. Сейчас большинство мужчин, но не все (подчеркнул), хотят уйти в зону комфорта, ждут, пока им упадет какая-то «тема». Им легче брать долги и жить за счет детских пособий, нежели работать. Ведут они себя так по нескольким причинам: в первую очередь, виноваты сами женщины. Как бы это ни звучало, но это правда. С детства меня растили так – «Хочешь чего-то? Иди работай!», а нынешние большинство женщин холят и лелеют своих сыночков, типа, «ты никому ничего не должен. Жена – твоя рабыня. Ты – пуп земли и т.п.». Отцы тоже виноваты – не участвовали в жизни своих детей» [10].

Традиционный идеал мужчины: концепт «кьо́нах»

В этнографической литературе мужчинам приписывается роль главы семьи, защитника рода, представителя семьи и рода в обществе, например, на народных собраниях [12]. В статье Ю.Х. Латыровой, посвященной анализу лингвокультурного концепта «кьо́нах» (мужчина), автор на материале паремий, лексикографических источников, например, «Русско-ингушского словаря» и фольклорных текстов выявляет базовые гендерные роли ингушского мужчины: отец; хозяин; брат; муж. Здесь же приводятся амбивалентные качества, ассоциируемые с понятием «кьо́нах» – доблесть, мужество, молчаливость, ответственность и щедрость, что коррелирует с этническим идеалом мужчины-воина и защитника (на примере эпического героя Колы Канта) [5, с. 243-245; 7, с. 210-216; 3, с. 82-86]. На вопрос о том, что вы думаете о современных ингушских мужчинах, одна из респонденток ответила: «Они инфантильны и ни на что не способны» [8].

В статье о регламентации семейных отношений ингушей И.Г. Албогачиева указывает на то, что высокие моральные требования предъявляются не

только женщинам, но и мужчинам и выделяются следующие традиционные мужские роли, выполняемые семейным мужчиной (ц1ен-да): хозяин своего дома/двора, продолжатель рода, добытчик, кормилец, распорядитель имущества. Он выступает патриархом и гарантом семейной чести, сочетая традиционные обязанности главы семьи (материальное обеспечение, принятие ключевых решений, включая урегулирование конфликтов) с высокими моральными требованиями: от него ожидают волевого характера, социального статуса и безупречного поведения, исключающего пассивность и безволие. Его авторитет подкрепляется почтительным отношением домочадцев. Современные реалии вносят коррективы: институт кровной мести, сохраняющийся вопреки законодательному запрету, регулируется через посредничество старейшин, вынуждая молодежь искать компромиссы в правовом поле, что отражает баланс между этнокультурной традицией (коллективная ответственность, иерархия) и адаптацией к государственным нормам [4, с. 41-50].

В курсе лекций по этнологии и этике межнациональных отношений, опубликованных ЧИЮ МВД России в 2005 г., дается следующая характеристика ингушских мужчин: «Нормы поведения для ингушей-мужчин включают в себя выдержанность и простоту в действиях и поступках, мужество, но разумное и без применения насилия, немногословие, осторожность в высказываниях и оценках других людей, и уважение к правилам поведения в доме, сдержанность в оценке жены и детей, а также отстранение жены от дел и забот, которые относятся к мужским обязанностям» [16]. Отметим, что сегодня женщины берут на себя больше обязанностей, чем в прошлом [2, с. 309-314.]. «Так, выбор мужчиной будущей жены может быть обусловлен не только ее скромностью, послушанием, хозяйственностью, но и наличием лидерских качеств, ее социальной устроенностью и самодостаточностью, поскольку темп современной жизни продолжает расти, и мужчина вынужден делегировать ряд задач жене. В этой связи мать современного ингушского семейства – нередко становится активным членом общества, который может являться единственным добытчиком в семье, строить карьеру, решать организационные вопросы, связанные с домашним хозяйством/бытом, водить машину, получать новое или дополнительное образование, путешествовать без мужа, а после развода повторно выйти замуж или поселиться отдельно от своей семьи» [1, с. 804].

Главными качествами, которыми должен обладать мужчина, по мнению наших респондентов, – это мужество, храбрость, смелость (258 респондентов, 66%). Встречались и такие качества, как «вольность», «отвага», «доблесть», «твердость духа». Несмотря на усиление роли религии в Ингушетии, «веру в Бога», «богобоязненность», «религиозность» респонденты расположили на четвертом месте (99 человек, 23,9%). Для многих респондентов и в особенности для девушек важно, чтобы мужчина был целеустрем-

ленным, ответственным, принципиальным (82 респондента, 19,8%). Важные качества также доброта, сострадание, отзывчивость (70 респондентов, 16,9%). Интересно рассмотреть разницу в ответах юношей и девушек. Так и те, и другие считают, что мужчина в первую очередь должен быть ответственным. Далее юноши называют такие качества, как эздел (16,1%), порядочность и честность (10,4%), доброта (5,8%) и религиозность (5,5%). Для девушек наиболее важными качествами в мужчине после мужества следуют: честность и порядочность (23,4%), религиозность (18,3%), эздел (17,6%), целеустремленность (16,1%). Отметим, что только девушки назвали такие качества, необходимые мужчине, как «чистоплотность», «веселый характер».

Сегодня, как известно, традиционные роли мужчины и женщины меняются во всем мире. Затронули данные трансформации и традиционные общества, к которым можно отнести ингушей. Современные женщины в Ингушетии – это женщины, имеющие образование, доход, амбиции. Возможной причиной данных трансформаций становятся современные вызовы (глобализация, урбанизация, цифровизация и др.) [13, с. 170-177.]. Но, возможно, мы возвращаемся к истокам становления народа, в которых прослеживаются следы матриархата. «Ингушские мифы, легенды и предания содержат реминисценции о матриархате, относящиеся к различным временным стратам: от периода неолита до позднего средневековья... В новых условиях женщина сохранила некоторые привилегии «золотого женского века»: уважение в обществе, защищенность и неприкосновенность. Пользуясь этими привилегиями, кавказская женщина часто выступала в роли посредницы между враждующими родами и племенами. Независимо от национальности, женщина на Кавказе пользуется ими вплоть до нашего времени» [15, с. 199].

Исследование Л.М. Лечиевой и А.А. Саидова, выявлено, что ингушские мужчины, как и чеченцы, демонстрируют сочетание ценностей традиционной и современной культур, однако с акцентом на последние. Ингушские мужчины сочетают традиционные ценности (традиционализм, духовная гармония, семья) с современными установками (равноправие, профессиональная самореализация, материальное благополучие), демонстрируя гибридную идентичность. Авторы отмечают, что в отличие от чеченцев, у которых доминирует ориентация на традиционную культуры, ингуши сильнее интегрированы в современность; у ингушей в меньшей степени проявляются гендерные различия внутри этноса. Общими для обеих групп остаются отвержение гедонизма и иерархии, акцент на духовность и самоограничение и семью, однако скепсис в эффективности законов подчеркивает опору на внутренние этические нормы. Влияние ислама и исторического контекста (миграции, конфликты) усиливает ценности сдержанности и коллективной солидарности, где сохранение чести сочетается с адаптацией к социальному прогрессу [6, с. 315-326]. Значительные изменения в миро-

воззрении молодых ингушей выявило исследование ценностей современной ингушской молодежи, проведенное нами в 2023 году. Так, например, более 27% ингушских мужчин считают, что послушание к родственникам мужа жена должна проявлять, только если сама этого хочет. Несмотря на усиление религии, представления о трудовых обязанностях остались у молодых ингушей традиционными: так, и юноши (111 человек, 72,5%), и девушки (164 человека, 56,7%) считают, что мужчина должен помогать жене в домашних делах только, если сам этого хочет. В то же время наблюдаются некоторые изменения: почти каждая вторая девушка (43,3%) и третий юноша (27,5%) придерживаются мнения, что мужчина должен помогать супруге. 11,6% респондентов отказались отвечать на данный вопрос.

Современное поколение ингушей стремится к более эгалитарной модели семьи, в которой воспитание детей будет основано на любви и уважении, а не авторитаризме, свойственном патриархальной семье. Основная часть молодых ингушек (93,3%) и ингушей (84,9%) отмечают, что мужчина должен участвовать в воспитании детей так же, как и мать, то есть, полноценно выполнять *роль отца*. В то же время в два раза больше юношей (15,1%), чем девушек (6,7%), считают, что они могут принимать участие в воспитании детей, если сами этого хотят. 6% респондентов отказались отвечать на данный вопрос.

Роль представителя семьи в обществе – большинство юношей (149 человек, 89,8%) и девушек (213 человек, 75,5%) согласны во мнении, что мужчина должен контролировать поведение всех членов семьи. При этом почти в два раза больше девушек, чем юношей, считает, что юноша может контролировать членов семьи, если сам этого хочет (24,5% против 10,2%). 10,4% респондентов отказались отвечать на данный вопрос.

И.Г. Албогачиева также отмечает «переход от парадигмы «мужчина – глава семьи» к парадигме «семейное равноправие» [1, с. 803]. Таким образом, мы наблюдаем, что ингушские мужчины адаптируются к новым реалиям, сохраняя идентичность. Иногда это выражается в деформированной форме, когда добытчиком в семье является женщина, но мужчина требует полного подчинения и уважения к нему, согласно традициям.

Изменения наблюдаются и в традиционном разделении профессий, в котором некоторыми из них было дозволено заниматься только женщинам. Отметим, что у многих вызывает недовольство некоторые способы заработка, к которым прибегают представители молодых ингушских мужчин: «Я всегда гордился тем, что среди ингушских мужчин нет официантов, ингуши не должны никого обслуживать. Если они хотят заработать, то пусть идут на стройку, на любую другую работу, подходящую мужчине» [9]. Подобный ответ дал другой респондент: «Ненавижу смотреть, как женщины надменно говорят парню: «Иди сюда», «Убери». Сейчас куча возможностей

устроиться на работу. Элементарно есть Ютуб и обучение всему бесплатно. Есть много вакансий с обучением» [10].

Заключение.

Ключевой фигурой ингушской семьи остается *цлен-да* – глава рода, сочетающий роли добытчика, защитника и хранителя чести. Как подчеркивает И.Г. Албагачиева, от мужчины ожидают безупречного поведения: волевого характера, социального статуса.

Однако современные реалии вносят коррективы. Респонденты отмечают дилеммы: младший сын, обязанный ухаживать за родителями, не может свободно мигрировать на заработки; молодые мужчины разрываются между авторитетом матери и ожиданиями жены, что порождает внутрисемейные конфликты; часть мужчин, по словам опрошенных, предпочитает «зону комфорта», живя за счет пособий, что связывают с гиперопекой матерей и отсутствием отцовского воспитания.

Исследование ценностей ингушских мужчин выявило гибридную идентичность. С одной стороны, сохраняется акцент на традиционные добродетели, с другой стороны, молодежь переосмысливает роли мужчины: помощь в бытовых делах, совместное воспитание детей и др.

Глобализация и урбанизация меняют гендерный ландшафт. Женщины, получив образование и финансовую независимость, берут на себя роль добытчиков, что подрывает патриархальную иерархию [11]. Однако противоречия сохраняются. Мужчины требуют уважения, даже если семью содержит жена; сохраняются стереотипы о «мужских» профессиях; молодежь стремится к эгалитарным отношениям, но 89,8% юношей считают контроль над семьей обязательным.

Ингушские мужчины оказались на перекрестке культур. С одной стороны, они сохраняют этническую идентичность через поддержание кодекса чести, семью и религиозную сдержанность. С другой – адаптируются к вызовам глобализации, принимая равноправие и профессиональную самореализацию. Этот диалектический процесс порождает противоречия: рост женской автономии сталкивается с консервативными ожиданиями, а экономические трудности – с неприятием «непрестижного» труда. Преодоление этих конфликтов требует гибкости: сохранения культурного кода при интеграции в современное правовое и социальное поле.

Библиографический список:

1. Албогачиева И.Г. Регламентация семейных отношений ингушей // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 6 (75). С. 796-809.
2. Албагачиева М.С.-Г. Ингушская женщина в городской и сельской среде // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. – СПб.: 2013. С. 291-330.
3. Евлоева Ф.Р. Социально-философский анализ трансформации духовных потребностей молодежи / Ф.Р. Евлоева, Л.М. Евлоева // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 82-86.
4. Исмаилов М.А., Багомедова Л.С. Институты обычного права народов Дагестана: кровная месть – механизм

- действия и принцип реализации» // журнал «Северо-Кавказский юридический вестник», 2012. № 4. С. 41-50.
5. Латырова Х.Ю. Концепт «кьонах» в ингушских пословицах и поговорках // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 15 (49). С. 243-245.
6. Лечиева М.И. Кросс-культурное исследование ценностей и культурно-ценностных ориентаций чеченцев и ингушей / М.И. Лечиева, А.А. Саидов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. Т. 8. № 3-1. С. 315-326.
7. Тагирова З.М. Лексическое воплощение образа мужчины // Litera. 2020. № 12. С. 210-216. – DOI 10.25136/2409-8698.2020.12.34748.
8. ПМА (2025). Богатырева Р.Д., 1987 г.р., проживает в с. Экажево, РИ.
9. ПМА (2025). Гаракоев Ю.М., 1975 г.р., прожив. в с. Насыр-Корт, РИ.
10. ПМА (2025). Евлов Я.У., 2002 г.р., проживает: г. Карабулак, РИ.
11. ПМА (2025). Сагов Р.З., проживает в с. Насыр-Корт, РИ.
12. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск 2. История первобытного общества. Учебное пособие МФТИ. – М.: 1998. 192 с.
13. Сиражудинова С.В. Гендерное равенство как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // Социология власти. 2010. № 4. С. 170-177.
14. Чах Эльмурзаевич Ахриев. Избранное. / Сост., отв. ред. и автор научных примечаний А. Мальсагов / Назрань, 2000. 182 с.
15. Цароева М.Г. «Амазонки» Кавказа, как персонафикация матриархата // 30 лет Республике Ингушетия: Исторические вехи и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Магас, 14–17 ноября 2022 года. – Магас: Общество с ограниченной ответственностью «КЕП», 2022. С. 195-203.
16. Этнология и этика межнациональных отношений: курс лекций. Челябинск, 2005 / Этнопсихологические характеристики народов Кавказа // URL: <https://studfile.net/preview/5915631/page:46/> (Дата обращения: 27.05.2025)
17. Борисов А.Н. Влияние целей устойчивого развития тысячелетия ООН на развитие регионов России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 64-80.

Reference

- Alboghachieva I.G. Regulation of Ingush Family Relations // Science Bulletin. 2024. Vol. 4. № 6 (75). P. 796-809.
- Alboghachieva M.S.-G. Ingush Woman in Urban and Rural Environments // Caucasian City: Potential of Ethno-cultural Ties in the Urban Environment. – St. Petersburg: 2013. P. 291-330.
- Evloeva F.R. Social and Philosophical Analysis of the Transformation of Spiritual Needs of Young People / F.R. Evloeva, L.M. Evloeva // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 6. P. 82-86.
- Ismailov M.A., Bagomedova L.S. Customary Law Institutions of the Peoples of Dagestan: Blood Feud – Mechanism of Action and Principle of Implementation” // North Caucasian Legal Bulletin, 2012. № 4. P. 41-50.
- Latyrova H.Yu. The Concept of “Konakh” in Ingush Proverbs and Sayings // Scientific Electronic Journal Meridian. 2020. № 15 (49). P. 243-245.
- Lechieva M.I. Cross-cultural Study of Values and Cultural-Value Orientations of Chechens and Ingush / M.I. Lechieva, A.A. Saidov // Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2019. Vol. 8. № 3-1. P. 315-326.
- Tagirova Z.M. Lexical embodiment of the image of a man // Litera. 2020. № 12. P. 210-216. – DOI 10.25136/2409-8698.2020.12.34748.
- PMA (2025). Bogatyreva R.D., born in 1987, lives in the village of Ekazhevo, Republic of Ingushetia.
- PMA (2025). Garakoev Yu.M., born in 1975, lives in the village of Nasyr-Kort, Republic of Ingushetia.
- PMA (2025). Evloev Ya.U., born in 2002, lives in: Karabulak, Republic of Ingushetia.
- PMA (2025). Sagov R.Z., lives in the village of Nasyr-Kort, Republic of Ingushetia.
- Seменов Ю.И. Introduction to World History. Part 2. History of Primitive Society. Moscow Institute of Physics and Technology (MIPT) Textbook. – Moscow: 1998. 192 p.
- Sirazhudinova S.V. Gender Equality as a Condition for the Development of Civil Society in the North Caucasus // Sociology of Power. 2010. № 4. P. 170-177.
- Chakh Elmurzaevich Akhriev. Selected Works. / Compiled, edited and annotated by A. Malsagov / Nazran, 2000. 182 p.
- Tsaroeva M.G. “Amazons” of the Caucasus, as the personification of matriarchy // 30 years of the Republic of Ingushetia: Historical milestones and development prospects: Proceedings of the international scientific and practical conference, Magas, November 14–17, 2022. – Magas: Limited Liability Company “KEP”, 2022. P. 195-203.
- Ethnology and ethics of interethnic relations: a course of lectures. Chelyabinsk, 2005 / Ethnopsychological characteristics of the peoples of the Caucasus // URL: <https://studfile.net/preview/5915631/page:46/> (05.27.2025)
- Borisov A.N. Impact of the UN millennium development goals on the development of Russian regions // Etnosocium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 64-80.

Кручинский Д.А.

Аспирант. Иркутский государственный университет. ORCID: 0009-0008-7455-7529

Культурный досуг детей как инструмент воспитания и важная часть формирования образа жизни населения посёлка Ленино города Иркутска во второй половине XX в.*

Аннотация. В статье рассматривается роль культурного досуга в формировании образа жизни детей и подростков в посёлке Ленино города Иркутска во второй половине XX в. На основе анализа архивных данных раскрываются основные направления деятельности детского сектора Дома культуры, включая массово-политическую работу, художественное воспитание, техническое творчество и организацию досуга по месту жительства. Подчеркивается важность раннего воздействия на детей с помощью системы культурного пространства, а также преемственность поколений: как заложенные в юности идеалы и навыки находили отражение в будущей профессиональной и общественной деятельности молодых людей. Работа содержит выводы о ценности советского опыта организации детского досуга как модели социализации и формирования ценностей.

Ключевые слова: детский сектор, культурный досуг, воспитание, посёлок Ленино, техническое творчество, художественная самодеятельность.

Kruchinskii D.A.

Postgraduate student. Irkutsk State University. ORCID: 0009-0008-7455-7529

Cultural leisure of children as a tool of education and an important part of the formation of the lifestyle of the population of the village of Lenino in the city of Irkutsk in the second half of the 20th century

Abstract. The article examines the role of cultural leisure in shaping the lifestyle of children and adolescents in the village of Lenino in Irkutsk in the second half of the 20th century. Based on the analysis of archival data, the main areas of activity of the children's sector of the House of Culture are revealed, including mass-political work, artistic educa-

* © Кручинский Д.А., 2025.

tion, technical creativity and organization of leisure at the place of residence. The importance of early influence on children with the help of the system of cultural space, as well as the continuity of generations are emphasized: how the ideals and skills laid down in youth were reflected in the future professional and social activities of young people. The work contains conclusions about the value of the Soviet experience of organizing children's leisure as a model of socialization and formation of values.

Key words: children's sector, cultural leisure, education, Lenino village, technical creativity, amateur performances.

Посёлок Ленино в Иркутске в XX веке представлял собой соцгородок, выросший вокруг одного из ключевых предприятий советской авиационной промышленности. Его судьба с 1930-х годов неразрывно переплетена с Иркутским авиационным заводом, ставшим ядром посёлка. Если в начале XX века здесь был посёлок при станции Иннокентьевская, то к середине века, после строительства завода, территория превратилась в урбанизированное пространство, населённое тысячами рабочих, инженеров, молодёжи. Завод формировал не только экономику, но и образ жизни, от системы жилья до досуга. В этом соцгородке культурный досуг детей приобретал особую значимость, т. к. он был не просто развлечением, а частью системы социализации, заложенной в основу будущего коллектива авиастроителей.

В советское время в посёлке Ленино города Иркутска воспитание подрастающего поколения не сводилось лишь к школьной программе. За пределами школы активно действовали учреждения дополнительного образования, за многие из которых отвечал Дворец Культуры посёлка. В таких центрах культурной жизни дети учились понимать, что такое честь, труд и ответственность перед обществом. Посёлок Ленино в Иркутске не стал исключением. Во второй половине XX в. детский сектор ДК играл ключевую роль в развитии личности ребенка, выстраивая свою деятельность так, чтобы охватить все аспекты формирования полноценной личности¹.

То, что закладывается в сознание ребёнка в юные годы, становится фундаментом, на котором строится не только личная жизнь, но и судьба целого поколения. Воспитание, образование, культурный кругозор, так, шаг за шагом, вырастал человек, понимающий свои обязанности и возможности. Посёлок Ленино в Иркутске стал примером того, как работа с детьми может давать результаты, ощутимые спустя десятилетия. То, что начиналось с кружка, спустя годы влияло на выбор профессии и жизненного пути. Многие люди, которые когда-то участвовали в кружках художественной

¹ Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл. (ЦДНИ ГАИО). Ф. 162. Оп. 17. Д. 43. Л. 81.

самодетельности или технического творчества, впоследствии выбрали профессии, к которым их подвели именно те первые шаги, сделанные в стенах Дворца культуры. Это позволяет сказать, что такие занятия детей и подростков стали важным этапом формирования их личности².

Говоря о детском секторе ДК, необходимо отметить, что одним из главных направлений его деятельности была политико-массовая работа. Проводились торжественные мероприятия, посвящённые юбилейным датам СССР, писателям и композиторам, нацеленные на формирование ценностей у детей. Особенно ярко это проявилось в подготовке к 50-летию Советского Союза, когда дети участвуя в праздниках глубоко погружались в тему, исследуя культуру, историю и экономику советских республик³.

Школьники представляли разные союзные республики, создавали выставки, исполняли танцы и песни. Между выступлениями можно было попробовать плов, шашлык, чорек. Праздник превратился в живой урок межнациональной дружбы. Такие мероприятия способствовали появлению у детей чувства единства и гордости за свою страну⁴.

Кроме того, политическая просветительская работа проводилась с помощью диспутов, например, «Для чего человек учится?», которые помогали осознать важность знаний, чтения, самообразования. Ребята задумывались о собственном отношении к учёбе, о том, как быть полезным обществу. Также регулярно проводились лекции по правовому воспитанию, особенно актуальные для старшеклассников, которым предстояло стать совершеннолетними гражданами⁵. Вся работу с детьми, вне зависимости от возраста, стремились строить с учётом их психологических и возрастных особенностей, для чего использовали разные формы, такие как утренники, беседы, лекции планетария, вечера встреч, кинопутешествия, устные журналы и вечера вопросов и ответов, где можно было задать интересующие вопросы⁶.

Эстетическое воспитание занимало особое место в системе работы детского сектора. Благодаря театральным постановкам, музыкальным коллективам, танцевальным ансамблям, художественным студиям и фотокружкам дети приобщались к культурному наследию, развивали вкус, чувство прекрасного и творческое мышление. Например, драматический кружок ставил спектакли, такие как «Добры Молодцы» или «Приключения Робинзона», которые давали возможность раскрыть актёрские способности и на-

2 ЦДНИ ГАИО. Ф. 6048. Оп. 2. Д. 12. Л. 79.

3 ЦДНИ ГАИО. Ф. 4994. Оп. 2. Д. 9. Л. 16.

4 Там же.

5 ЦДНИ ГАИО. Ф. 4994. Оп. 5. Д. 4. Л. 16.

6 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 7. Д. 18. Л. 9.

учиться работать в команде⁷.

Хоровые коллективы и оркестры народных инструментов участвовали в городских мероприятиях и выезжали на выступления в техникумы, вузы, воинские части и подшефные ДК хозяйства⁸.

Отдельно стоит отметить работу Народного университета культуры, где старшеклассники могли прослушать циклы лекций «Пушкин и музыка», «Тургенев и музыка», «Горький и музыка», «Ленин и музыка», «Музыка и кино» и др. Такие лекции объединяли разные виды искусства и показывали связь между культурными явлениями⁹.

Вместе с этим, в течение 1960-х гг. партийные и общественные организации все чаще стали поднимать вопрос о необходимости более серьезного отношения к вопросу организации досуга детей, подростков и молодёжи во внеучебное и внерабочее время. Поэтому в начале 1970-х гг. появилось большое количество новых учреждений, таких как детская и юношеская спортивная школа, пять клубов ДОСААФ, детская техническая станция, а также морской клуб «Альбатрос» для старшеклассников¹⁰.

Клуб «Юный техник» также стал одним из самых важных подразделений ДК, учитывая авиастроительную направленность посёлка. Он был направлен на приобщение детей к технической стороне жизни. Здесь существовали авиамodelьные, судомodelьные, радиотехнические, конструкторские кружки. Руководителями выступали профессионалы — инженеры, техники, новаторы производства, что придавало работе реальную практическую ценность¹¹.

Ребята учились читать чертежи, работать с металлом и деревом, собирать электронные схемы. Они создавали модели самолётов, подводных лодок, ракетных установок. Некоторые из них после занятий в этих кружках выбирали технические профессии, становясь станочниками, лётчиками, инженерами на Иркутском авиазаводе¹².

Большое внимание уделялось также развитию технического мышления, обучению самостоятельности и умению решать сложные задачи. Например, в радиотехническом кружке школьники собирали робота¹³.

Такие занятия развивали навыки и пробуждали интерес к науке и технике, формируя у молодёжи стремление к инновациям и прогрессу.

Не менее важной частью деятельности детского сектора стала работа с

7 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 18. Д. 67. Л. 78.

8 ЦДНИ ГАИО. Ф. 4994. Оп. 10. Д. 4. Л. 18.

9 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 36. Д. 31. Л. 73.

10 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 7. Д. 18. Л. 17.

11 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 17. Д. 43. Л. 81.

12 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 17. Д. 43. Л. 83.

13 ЦДНИ ГАИО. Ф. 5508. Оп. 1. Д. 7. Л. 84.

детьми по месту жительства. В посёлке были организованы детские клубы при домоуправлениях №1, 3, 4, 5, 6, 7, 9. В каждом из них воспитатели вели активную работу: проводили утренники, вечера отдыха, экскурсии, турпоходы¹⁴. Чтобы охватить самые разнообразные аспекты воспитательного процесса, проводились дни открытых дверей в детских садах, а родительские конференции и заводская газета использовались для распространения педагогических идей.¹⁵ Стоит сказать, что для успешной работы с детьми всех возрастов и повышения квалификации воспитателей организовывались курсы, на которых лекции читали преподаватели Иркутского педагогического института¹⁶.

Детские клубы стали точками притяжения для подростков и школьников, местом, где они могли реализовать себя. В них работали кружки по интересам, организовывались встречи с интересными людьми, демонстрировались фильмы. Благодаря помощи общественников и методическому сопровождению со стороны ДК, работа в клубах была последовательной и содержательной. Между клубами проводились соревнования, конкурсы, КВН, способствующие развитию духа товарищества и здорового соперничества¹⁷.

Дети школьного возраста в летний период получали путёвки в пионерский лагерь, а для семей с низким доходом они выделялись бесплатно¹⁸. Например, в летние месяцы при ДК работал городской пионерский лагерь «Звездочка», где отдыхало более двухсот детей ежегодно. Там показывали фильмы, проводили тематические вечера, конкурсы, а отдых объединялся с полноценным процессом обучения при помощи игры и коллективного творчества¹⁹.

Детский сектор ДК посёлка Ленино города Иркутска — это пример того, как государство могло влиять на развитие молодёжи с помощью системы культурного досуга, через кружки, театры, встречи, путешествия и выставки. Эта система работала как механизм передачи ценностей, знаний, навыков. Она создавала условия для того, чтобы ребёнок, начиная с младших классов, мог пробовать себя в разных сферах, находить своё призвание, уважать труд и понимать своё место в обществе.

Дети, повзрослев, продолжали развивать то, что было заложено в них в школьные годы. Многие из тех, кто учился в музыкальных школах, стали артистами, преподавателями, руководителями кружков. Те, кто увлеклся

14 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 24. Д. 13. Л. 16.

15 ЦДНИ ГАИО. Ф. 4994. Оп. 8. Д. 5. Л. 10

16 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 17. Д. 43. Л. 11

17 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 17. Д. 43. Л. 15.

18 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 18. Д. 41. Л. 23.

19 ЦДНИ ГАИО. Ф. 162. Оп. 17. Д. 43. Л. 16.

техники, пошли на заводы, в проектные бюро, на стройки. А те, кто принимал участие в политических встречах, в диспутах, в работе комсомольских организаций стали организаторами, общественными деятелями²⁰.

Можно сделать вывод, что культурный досуг это не просто развлечения, а важнейшая часть жизненного пути, что, начав с малого, с игры, с песни, с модели корабля, можно построить карьеру, изменить жизнь, внести вклад в развитие общества.

Таким образом, в поселке Ленино многие дети смогли найти себя, раскрыть свои способности, получить поддержку и направление, где правильно организованное внеучебное пространство стало быть мощным двигателем развития личности и общества в целом.

Библиографический список / Reference

1. Аксёнов С.Н. Иркутский авиационный завод. Страницы истории. 1957–2012 гг. Иркутск: Изд-во ООО «Типография «ИРКУТ», 2013. 772 с.
2. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 162. Оп. 7. Д. 18.
3. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 162. Оп. 17. Д. 43.
4. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 162. Оп. 18. Д. 41.
5. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 162. Оп. 18. Д. 67.
6. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 162. Оп. 24. Д. 13.
7. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 162. Оп. 36. Д. 31.
8. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 4994. Оп. 2. Д. 9.
9. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 4994. Оп. 5. Д. 4.
10. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 4994. Оп. 8. Д. 5.
11. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 4994. Оп. 10. Д. 4.
12. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 5508. Оп. 1. Д. 7.
13. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 6048. Оп. 2. Д. 12.

Микуленок А.А.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Северо-Кавказский Филиал Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Краснодар.

Цифровизация архивов в РФ и зарубежом: общее и особенности*

Аннотация. Статья посвящена деятельности архивной службы в России и за границей. Особое внимание уделяется современным – цифровым технологиям в архивном деле. В статье рассматривается опыт и особенности цифровизации архивов в России и за границей, какие особенно работы архивной службы онлайн есть у разных стран, какое направление при цифровизации является приоритетным, а какие нет.

Ключевые слова: цифровизация, архивы, сохранение памяти, архивное дело, оцифровка.

Mikulenok A.A.

PhD in History, Associate Professor, the department of Social, Humanitarian and Natural Science Disciplines. North Caucasus Branch of Russian State University of Justice.

Digitalization of archives in Russia and abroad: general and special function

Abstract. The article is devoted to the activities of the archival service in Russia and foreign countries. Particular attention is paid to modern – digital technologies in archival affairs. The article examines the experience and features of digitalization of archives in Russia and abroad, what special works of the online archival service are in different countries, which direction in digitalization is a priority, and which are not.

Key words: digitalization, archives, memory preservation, archiving, digitization.

XXI век технологий и они затронули практически все аспекты жизни человека, архивы не стали исключением. В соответствии с Приказом Федерального архивного агентства была утверждена ведомственная программа цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2021–2023 годы в соответствии с которой предполагалось «организовать удаленное использование документов, хранящихся в федеральных архивах, и средств их поиска для юридических и физических лиц посредством ввода в эксплуатацию соответствующей информационной системы»¹. Кроме того, цифровизация архивов поможет сохранить особо ценные и ветхие документы. Общее количество особо ценных документов федеральных архивов по их паспортам – 9,3 млн. единиц хранения². В среднем по стране в государственных архивах оцифровано около 3% архивных документов, а на муниципальном уровне около 2%», – сказал он. По его данным, «в государственных и муниципальных архивах более 200 млн единиц хранения, из них 160 млн хранятся в государственных архивах субъектов Российской Федерации»³. В большинстве своем цифровизация архивов финансируется только на региональном уровне, а не из федерального бюджета.

В целом первое место по оцифровке архивных материалов занимают федеральные архивы (ГАРФ, РГАДА, РГАЛИ, РГАКФД, РГАНТД)⁴, однако работать с оцифрованными материалами онлайн невозможно, например, в ГАРФе доступ к удаленным материалам возможен только на компьютерах, находящихся в читальных залах архива. Удаленно можно работать только с описями (но не всеми, а частью) и по определенной тематике, например, деятельность СВАГ⁵. С документами РГАДА онлайн можно работать только с описями, сами документы посмотреть можно только в архиве (даже микрофильмы)⁶.

Например, архивы Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга имеет доступ к

1 Приказ № 187 от 18.12.2020 г. «Об утверждении проекта ведомственной программы цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2021–2023 год» // Официальный сайт Федерального архивного агентства (Росархива). // URL: http://archives.gov.ru/documents/prik187_2020.shtml?ysclid=mbg5vbrehl175253189 (Дата обращения 22.05.2025).

2 Там же.

3 Бормотова А. Росархив: в России оцифровано около 3% архивных документов // Коммерсант. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043718?ysclid=mbg65mbgz444432684> (Дата обращения: 22.05.2025).

4 Иванов А.Н. Цифровизация как стратегическая задача архивного дела в России // URL: https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2024/aktual_problemy_inf_i_doc_obespech_uprav/2/Ivanov.pdf?ysclid=mbgdc240w7484262161 (Дата обращения: 15.05.2025).

5 Официальный сайт Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации». // URL: <https://statearchive.ru> (Дата обращения: 15.05.2025).

6 Официальный сайт Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив древних актов». // URL: <http://rgada.info/index.php> (Дата обращения: 15.05.2025).

электронным документам, однако не все они оцифрованы. Для доступа к оцифрованным документам необходимо зарегистрироваться в самом архиве или пройти онлайн регистрацию через Госуслуги, что удобно для иногородних. Бесплатно можно пользоваться электронными каталогами, но для просмотра оцифрованных документов необходимо оплатить доступ на 1 день в размере 77 рублей (1 неделю или месяц соответственно). Удобство в том, что доступ предоставляется не на 1 фонд, а на все и можно сохранить фотографии или же заказать копию в размере 508 рублей за 1 экземпляр.⁷ Другие архивы Санкт-Петербурга так же имеют данную функцию, но количество оцифрованных дел небольшое, поэтому работа с ними возможна только по весьма ограниченным темам, как правило это церковные книги, списки эвакуированных и т.д.

К тематике развития информационной среды в исторической науке неоднократно обращались исследователи, обращая внимания на те или иные аспекты ее развития. Например, вопросу изучения историографии вопроса уделила внимание в своей научной работе Юмашева Ю.Ю., делая акцент в основном на проблемы цифровизации⁸. Вопросами мирового масштаба уделялось меньше внимания в отечественной науке. В целом программа по цифровизации исторических архивов в США была предпринята в 1990-е годы, а России – в начале 2000-х годов, а точнее с 2002 года, однако единой системы цифровизации выработано не было. Хотя нельзя не отметить тот факт, что первые документы на электронных носителях стали появляться уже с середины 1960-х годов⁹. В первую очередь при разработке программы цифровизации архивов внимание уделялось проблеме введения компьютеризации архивов и автоматизированных систем делопро-

7 Официальный сайт Архивный комитет Санкт-Петербурга. // URL: <https://spbarchives.ru/contacts> (Дата обращения: 15.05.2025).

8 Юмашева Ю.Ю. Историография научных исследований в области информатизации архивного дела (2005-2015 гг.) // ИСОМ. 2016. № 6-1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriografiya-nauchnyh-issledovaniy-v-oblasti-informatizatsii-arhivnogo-dela-2005-2015-gg> (Дата обращения: 10.04.2024).

9 Сексенбаева Г.А. Электронные документы и электронные архивы В США // Journal of history. 2018. № 4 (91). // URL:

производства¹⁰. В своей работе Дегтярева И.А., опираясь на исследование историографии данного вопроса среди зарубежных исследователей, выделяет главные вопросы и сложности возникающие при оцифровке архивов (например, необходимость учитывать физическое состояние документов, понятие культурной ценности, вопрос кадров и финансирования и т.д.). Кроме того, автор отмечает, что на 2022 год оцифровано порядка 5% всего архивного фонда, что так же является важным аспектом для изучения¹¹. Например, за границей оцифровка фондов осуществляется не только документов, хранящихся в архивах, но и в музеях, например, Музей Холокоста в Вашингтоне¹².

Например, Национальный архив Франции также ведет работу над оцифровкой документов. На данный момент сайт архива работает на 3 языках (английском, французском и испанском). В большинстве своем с данными архива онлайн можно работать только по 3 направлениям: Почетный легион (с 1700 по 1976 гг.), данные о приобретении государством предметов искусств (с 1800 по 1969 гг.) и с данные коллекции оцифрованных документов символического содержания (документы Франции периода от Средневековья до наших дней, фонд Робеспьера, фонд суда над Тамплиерами, документы и Французской революции 1799 года и т.д.)¹³. А вот Национальный архив Австрии напротив дает возможность работать онлайн только с поисковиком запросом по теме исследования, с самими документами можно ознакомиться непосредственно в самом архиве (рабочие языки – английский, немецкий, французский и итальянский)¹⁴. Если рассматривать работы остальных национальных архивов (в Европе или Азии), то в общем система предоставления доступа к онлайн ресурсам в большинстве своем будет ограничиваться онлайн доступам к каталогам, реже к самим архивным материалам.

10 Юмашева Ю.Ю. Историография научных исследований в области информатизации архивного дела (2005-2015 гг.) // ИСОМ. 2016. № 6-1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriografiya-nauchnyh-issledovaniy-v-oblasti-informatizatsii-arhivnogo-dela-2005-2015-gg> (Дата обращения: 13.04.2024).

11 Дегтярева И.А. Оцифровка архивных документов: решенная задача или задача будущего // История и архивы. 2022. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsifrovka-arhivnyh-dokumentov-reshennaya-zadacha-ili-zadacha-budushego> (Дата обращения: 10.04.2025).

12 Сиротинская М.М. Память о холокосте в мемориальном МУЗЕЕ США (г. Вашингтон) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-o-holokoste-v-memorialnom-muzee-ssha-g-vashington> (Дата обращения: 10.04.2025).

13 The Archives Nationales, a civic-minded institution for France's collective history. // URL: <https://www.archives-nationales.culture.gouv.fr/en/web/guest/salle-de-lecture-virtuelle> (Дата обращения: 15.05.2025).

14 Austrian State Archive. // URL: <https://www.archivinformationssystem.at/archivplan-suche.aspx> (Дата обращения: 15.05.2025).

Можно выделить как плюсы, так и минусы данного явления в современной гуманитарной науке. К несомненным плюсам относят возможность дистанционной работы из любой точки мира, что дает возможность исследователям из разных стран получить доступ к необходимым материалам для более глубокого и всестороннего изучения темы и, как следствие, интеграции документов в научный оборот и более глубокого понимания и исследования темы научного исследования. Кроме того, цифровизация документов и материалов значительно упрощает возможность ввода материалов в научный оборот, в частности в вопросе экономии времени и денег для посещения страны, в которой находится архив, что является несомненным преимуществом для исследователей. Другое преимущество оцифровки архивных документов – возможность сохранения документов для будущих поколений, так как наличие цифровой копии позволить меньше подвергать документы агрессивному воздействию окружающей среды (солнечный свет, изменение влажности, давления и наличие потожировых следов от рук исследователей, осыпание краски и т.д.) после извлечения их из архивохранилища (где отсутствует солнечный свет и поддерживается оптимальная температура и влажность). Однако несмотря на большое количество плюсов у цифровизации архивов есть и свои весьма существенные минусы, например, необходимость предварительной регистрации в архиве для получения удаленного доступа к материалам или необходимость наличия стабильного интернет-соединения. Помимо этого, не всегда качество оцифрованных документов хорошее и в итоге их достаточно трудно прочитать или даже вообще не представляется возможным, сложность заключается в том, что в большинстве своем архивы отказывают в доступе к оригинальным документам при наличии цифровой копии (любого качества). Другая проблема заключается в том, что не все архивы и библиотеки имеют достаточное количество оборудования для работы с такими материалами и речь здесь идет не только о региональных архивах, где иногда всего 1-2 компьютера для работы с цифровыми документами, а работать с документами онлайн из дома или любого удобного места не всегда представляется возможным из-за ограничения со стороны архива (например, правила работать только в архиве с оцифрованными документами) или же такая возможность предоставляется платно на ограниченное время (от нескольких часов и дней и т.д.). даже при определенной стоимости за право использовать удаленный доступ к материалам архива, только небольшое количество архивов имеют данную услугу, например в Санкт-Петербурге¹⁵. Например, Проект «Без срока давности» содержит оцифрованные документы о жерт-

15 Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга // Официальный интернет портал. // URL: <https://spbarchives.ru/cgakffd> (Дата обращения: 15.05.2025).

Моисеева Т.А.

Кандидат исторических наук, ФГКОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Г. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Сызрань.

Моисеев А.Н.

ФГКОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Г. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Сызрань.

Отдельные аспекты становления ЧОН Марийской области*

Аннотация. В период Гражданской войны широкое распространение получили и использовались в повседневной деятельности по окончании её специальные военные подразделения – отряды (части) особого назначения ЧОН. Эти военно-партийные отряды создавались при партийных комитетах всех уровней (от губернского до волостного) на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для выполнения задач по охране стратегически важных объектов, борьбе с контрреволюционными выступлениями и участия в боевых операциях в составе частей РККА.

В статье рассматриваются значение и проблемы формирования специальных отрядов, а также отдельно взятые аспекты из истории создания ЧОН ПриВО в Марийской области в период 1919–1921 гг. Изучение этих подразделений важно, так как части особого назначения сыграли немаловажную роль в жизни молодой Советской Республики. Они, наряду с Красной армией, Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК) и милицией, послужили инструментом, позволившим большевикам сохранить и консолидировать свою власть. Вместе с тем анализ опыта регионального строительства, связанного с деятельностью советских и партийных структур, позволяет обнаружить особые черты и неповторимость в формировании советской власти.

Ключевые слова: военно-партийные отряды, Отряды Особого Назначения (ОСНАЗ), части особого назначения (ЧОН), оновцы, коммунары, Совет ЧОН (Со-вЧОН), Центральный комитет РКП(б), Окрсъезд.

Moiseeva T.A.

Candidate of Historical Sciences. Federal State Educational Institution of Higher Education “Military Educational and Scientific Center of the Air Force “Air Force Academy named after Professor N.G. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin”, Syzran.

Moiseev A.N.

Federal State Educational Institution of Higher Education "Military Educational and Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N.G. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin", Syzran.

Individual aspects of becoming ChON of the Mari region

Abstract. During the Civil War, special military units – special forces detachments (units) - were widely used and used in daily activities after its end. These military party detachments were created under party committees of all levels (from provincial to volost) on the basis of the decree of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) dated April 17, 1919 to carry out tasks of protecting strategically important facilities, combating counterrevolutionary actions and participating in combat operations as part of the Red Army units.

The article examines the significance and problems of the formation of special detachments, as well as individual aspects from the history of the creation of the Chong PriVO in the Mari region in the period 1919-1921. Studying these units is important, as special forces units played an important role in the life of the young Soviet Republic. They, along with the Red Army, the All-Russian Emergency Commission (CHEKA) and the militia, served as a tool that allowed the Bolsheviks to maintain and consolidate their power. At the same time, an analysis of the experience of regional construction related to the activities of Soviet and party structures reveals special features and uniqueness in the formation of Soviet power.

Key words: military party detachments, Special Purpose Detachments (OSNAZ), special purpose units (CHON), Chon members, communards, CHON Council (Sovchon), Central Committee of the RCP(b), Okr Congress.

Части особого назначения сформировали на основе военно-партийных отрядов, созданных по инициативе местных организаций вскоре после Октябрьской революции. Один из видных советских военных руководителей Н.И. Подвойский в докладе Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) ЦК РКП(б) обосновывал необходимость в такой силе: «...«Наблюдающаяся ... в некоторых частях политическая неустойчивость привела ... партийные комитеты и другие местные организации к мысли создания надёжных частей из коммунистов и передовой части пролетариата, которые смогли бы с оружием в руках выступить на защиту завоеваний Октябрьской революции»¹. Первые коммунистические Отряды Особого Назначения (ОСНАЗ) формировались стихийно, личный состав был не постоянным и после снятия угрозы распускался. Централизованно

1 Кротов В.Л. Чоновцы. М.: Политиздат, 1974. С. 12.

такие отряды из коммунистов и сочувствовавших им членов профсоюзов стали создаваться в крупных политических и промышленных центрах: в Москве, Петрограде, Самаре на основании Постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. о Частях особого назначения (ЧОН). При этом документ не содержал конкретных предписаний местным партийным организациям по созданию этих частей². Поэтому первые коммунистические отряды на местах фактически представляли собой некую «общественную организацию», и о них подчас мало что известно. Так, например, в Марийском крае сохранились отдельные воспоминания о созданном в мае 1919 г. на основании протокола № 8 заседания Исполнительного Комитета Краснококшайской организации РКП(б) Отряде Особого назначения, формированием которого занимались Алексей Герасимович Смирнов (организатор Советской власти Царевококшайского уезда, первый председатель Уездного комитета партии большевиков в г. Царевококшайске³), Иван Михайлович Каскевич (член Краснококшайского исполкома РКП(б), бывший балтийский матрос, член партии с 1917 г.) и Михаил Миронович Товашев (уездный военком)⁴. Не имевшие военного опыта, не прошедшие обучения коммунары должны были отправиться в прифронтовую полосу, предположительно в Симбирскую губернию. Пока неизвестна информация о численности, командире и дальнейшей судьбе отряда⁵. Предположительно был преобразован в батальон особого назначения, действующий в 1920 г., о чем свидетельствует Выписка из протокола заседания Президиума Губкома РКП(б) от 2 июня 1920 г., в которой рассматриваются проблемы учёта членов партии, расписание занятий с личным составом, график дежурств в штабе батальона и многие другие вопросы⁶.

Детально проработали полномочия⁷ только в «Инструкции по формированию отрядов ОСНАЗ»⁸ от 14 мая 1919 г. Доработанный с учётом накопленного опыта вариант Инструкции (от 20.07.1919 г.) предусматривал сведение коммунистов в батальоны, роты и отделения. В нем определялись

2 Сильченко И.С. Части особого назначения и органы милиции в Екатеринбургской губернии: 1919-1923 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02, Екатеринбург, 2019. С. 44.

3 Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсева. // URL: <https://fumus.ru/collections/byust-smirnova-a-g-pervogo-organizatora-sovetskoj-vlasti-tsarevokokshayskogo-uezda-pervogopredsedat/?ysclid=mel77gjvyr252510066>

4 ГА РМЭ Ф. П-3 Оп. 1 Д 19 Л 16–16 об.

5 Марийский ЧОН. Неизвестная история. // URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/389926.html?ysclid=mel8upudgz548218820>

6 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 5об.

7 Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 152. Л. 19.

8 Лошманова О.А. Организационно-кадровые проблемы становления ЧОН Калужской губернии // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 3.

также ключевые задачи ЧОН: охрана стратегически важных объектов, подавление контрреволюционной деятельности и участие в боевых операциях в составе частей Красной армии. Инструкция регламентировала структуру их управления. Центральный комитет РКП(б) осуществлял общее политическое руководство (через особый Совет ЧОН), Организационное бюро решало оперативные вопросы, связанные с общим руководством ЧОН, а на местах губернские и уездные комитеты занимались формированием и тактическим применением коммунистических частей. Комплектовались части особого назначения коммунистами, комсомольцами, передовыми рабочими, членами профсоюзов на основе милиционно-территориального принципа по типу строевых частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) при каждом заводе, фабрике, при районных и городских комитетах партии, т. е. служебная деятельность в ЧОН осуществлялась по совместительству. Обучение военному делу проводилось в нерабочее время по программе, рассчитанной на месяц-полтора. В ноябре 1919 г. ЦК РКП(б) было принято решение о включении ЧОН в систему Всевобуча. К декабрю 1919 г. численность личного состава ЧОН по всем 33 губерниям⁹ молодой Республики составила порядка тридцати тысяч человек¹⁰. Представители Всевобуча решали вопросы организации и военного обучения чоновцев, а политическое руководство осуществлялось партийными комитетами. «С 9 июля 1921 г. РВСР постановил выделить части особого назначения из системы Всевобуча, а для укрепления их направить лучшие кадры командного состава РККА»¹¹. Чуть позже, 26 сентября 1921 г. в соответствии с новым «Положением о ЧОН» была проведена реорганизация частей. Вводилось три очереди призыва: в первую - коммунисты, готовые сразу встать в строй, во вторую - коммунисты, служебные и партийные обязанности, которых не позволяли немедленно это сделать (резерв ЧОН), в третью - члены партии из рядов РККА, органов ВЧК и милиции (призыв осуществлялся в экстренных случаях). Весь личный состав частей разделялся на кадровый (командный, административно-хозяйственный) и милиционный (коммунисты и комсомольцы в возрасте от 17 до 50 лет)¹². Причём «ценных для ЧОН работников полностью освобождали от работ в иных областях»¹³. В связи с этим устанавливался тарифный разряд жалования по приказу РВСР 1921 г. № 2801 (17 разрядов). Размер окладов составлял от 100 до 5500 руб.¹⁴.

9 РГВА. Ф. 65. Оп. 10. Д. 1. Л. 62.

10 *Найда С.Ф.* Части особого назначения (1917–1925 гг.). Руководство партии созданием и деятельностью ЧОН // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 107.

11 *Кротов В.Л.* Чоновцы. М., 1974. 126 с. С. 23.

12 Там же. С. 24.

13 Приказ ПриВО по войскам ЧОН от 7 сентября 1921 г. № 2, п. 2 / ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 66 об, 67.

14 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 130 об.

Летом 1921 г. согласно Положения ЦК РКП(б) «об Отрядах Особого назначения РСФСР» от 24 марта (того же года) был организован и приступил к работе Совет Отрядов Марийской Автономной Области (состав: председатель Комбата Маробчека тов. Гостев, члены Совета: секретарь Маробластка РКП тов. Болодурин, Мароблвоенком тов. Тавашов и начальник отряда Особого назначения Маробласти тов. Бутенин) разослав указание: «... всем партийным организациям, начальникам Отрядов Особого назначения и Кантонным советам при Отрядах Особого назначения в делах, касающихся Отрядов Особого назначения, точно руководствоваться всеми указаниями Областного Совета и распоряжения такового исполнять в боевом порядке»¹⁵. На то время в Марийском крае уже действовали в Сернуре (рота), Морках (рота), в Козьмодемьянске (взвод, позднее рота)¹⁶.

В архивных источниках сохранилась информация о структуре Козьмодемьянского ЧОН. Отряд делился на городской (силой ½ роты около 80 чел.) и на уездные (взводы и отделения общей численностью до 107 чел.). О составе волостных организаций известно следующее: Ардинская – 13 чел., Тойдаковская – 6 чел., Емелевская 9 чел., Вилотоврагская – 7 чел., Пайгусовская – 32 чел., Еласовская – 16 чел., Троицкая – 7 чел.¹⁷. Городской отряд в строевом отношении делился на 2 взвода, каждый из которых на 3 отделения. В дислокационном отношении каждое отделение – район численностью от 10 до 11 чел., имевшие своего старшего из лиц комсостава и 2-х заместителей, согласно приказу по Комчастям Маробласти № 2/1 от 12 июля 1921 г.¹⁸.

Созданные по единой армейской структуре подразделения (взвод, рота, батальон) с соответствующими штатами личного состава (в том числе и штатом), подчинялись областному Совету в Краснококшайске, руководящей и организационной инстанцией для которого являлся Приволжский Окружной Штаб ЧОН. Общее руководство местами осуществлялось в виде циркуляров, приказов и планов «хотя и с опозданием, но аккуратно»¹⁹. Главным тормозом в исполнении срочности являлось плохое состояние связи. Все сношения с местами и обратно производились посредством командированных по своим, гражданским командировкам парт-товарищей. За редким исключением «нарочными», что ввиду неимения денежных средств, приходилось сокращать²⁰.

Острый дефицит кадров не позволял эффективно выполнять поставленные задачи. Из штаба Козьмодемьянского ЧОН начальнику Комчасти

15 Там же. Л. 32.

16 Марийский ЧОН. Неизвестная история. // URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/389926.html?ysclid=mel8upudgz548218820>

17 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

18 Там же. Л. 38 об.

19 ГА РМЭ. Ф. Р. 48. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

20 Там же.

Маробласти 21 сентября 1921 г. докладывали: «... комсостав в числе 11 чел. назначен из числа членов отряда. Все с боевым стажем гражданской войны. Кроме них специально для обучения привлечены 3 инструктора местного отдела Всевобуч. Работа в штабе до настоящего времени протекала неудовлетворительно за отсутствием опытных работников и некомплекте штата. До 10 сентября всю работу выполнял я один [начштаба], не имея совершенно помощников, о чём мною неоднократно подавались рапорта ... Привлечение лиц Комсостава к штабной работе до сего времени не представлялось возможным, т. к. почти все занимают ответственные посты в гражданских учреждениях, постоянно имея командировки и перегружены специальной работой»²¹. Ввиду слабой дисциплины среди комсостава «... учёт в штабе до сего времени не на должной высоте. Обучение по 96-ти часовой программе не прошли 24 человека»²², а в ноябре 1921 г. вообще приостановили из-за переформирования²³. Запланированные Приволжским Окружным Штабом ЧОН на август-сентябрь 1922 г. «Учебные сборы» не достигли своей цели по обучению личного состава 2-го и 3-го разрядов военной подготовки до уровня знаний 1-го разряда для всех трёх очередей призыва из-за «сконцентрирования различного рода государственно-партийного характера кампаний в парторганах. Удалось провести учебный сбор лишь с курсантами Совпартшкол, численность коих не удовлетворяла численности всего состава коммунаров Маробласти. С грехом пополам пришлось пройти назначенный план занятий (ибо, в лице заведующих таковых и в некоторых случаях парторганов встречались препятствия) и провести через экзаменационную комиссию, после которой таковые курсанты перемещены в соответствующие разряды военной подготовки»²⁴. В большинстве своём были признаны успешными маневры и военные игры, устроенные с согласия местных СовЧОН и парторганов с чиновцами первой и второй очередей призыва. На них проводились стрельбы, изучалось оружие, отрабатывались оперативность оповещения и скорость сбора бойцов.

В подразделениях не хватало вооружения. Если «... члены городского отряда были вооружены почти все неоднородным стрелковым оружием (винтовки, частью револьверы разных систем) то в уездах ощущался его не недостаток. Так, например, во всех волостях на 107 чел. – 22 винтовки и 2 револьвера»²⁵. ЧОНЫ, как и другие отряды самообороны, получали в основном устаревшее вооружение. Ввиду сложившихся обстоятельств вооружали первую очередь призыва винтовками «Гра», которые закрепляли

21 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 38 об.

22 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 38 об.

23 Там же. Л. 54.

24 Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

25 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

персонально за коммунарами²⁶.

Данные и многие другие (формирование отрядов, снабжение, связь, инспекции, канцелярская отчётность²⁷) проблемы периода становления ЧОН обсуждались на первом Съезде командующих частями Особого назначения губерний, представителей Губштабов и кадров ЧОН ПриВо, проходившим с 22 по 25 декабря 1921 г.²⁸ В первый день работы съезда заслушивались отчётные доклады командиров ЧОН по Приволжскому округу. В числе прочих докладчиков (Начшта ПриВо – Ветлужский, Комчон Саратовской губ. – Рейнер, представитель Татарской Республики – Лазарев, Начштачон Киргизской Республики – Кошкин) выступал Комчон Мариобласти Н.И. Бутенин²⁹, сместив акцент с недостатков и трудностей повседневной деятельности отряда на успехи, пусть и небольшие, к которым причислил кропотливо проведённый учёт кадров: «По последним сведениям [декабрь 1921 г.] всего в Мариобласти числилось на учёте:

I очереди призыва 414 коммунаров, 1 разряда подготовки – 181,
 II очереди призыва 110 коммунаров, 2 разряда подготовки – 122,
 III очереди призыва 198 коммунаров, 3 разряда подготовки – 419,
 Итого:.....722. Итого:.....722»³⁰.

Приняв во внимание текущий момент времени в истории Советской Республики, съезд постановил, что «... за отчётный период конец сентября – половина декабря не полностью проведена работа по усилению своих кадров в большинстве губерний только ещё заканчивается подготовительный учёт коммунаров, ... Обеспечение кадров всеми видами довольствия определено в следующей норме: вещдоловьем для кадров в среднем до 80 %, для коммунаров (в некоторых губерниях [Мариобласть в этом числе]) до 10 %. Вооружением (винтовки, пулемёты, боеприпасы) ЧОН Округа обеспечены в достаточной мере. Штабные аппараты налажены и почти обеспечены всем необходимым ... большой недостаток в уставах, учебных пособиях, наставлениях и проч.»³¹.

По ценности проделанной работы и достигнутому итоговому результату выделились среди других губерний: Саратовская, Царицынская, Астраханская и Пензенская. Среди особенно отстающих: Калмыцкая, Татарская Республика, Чувашская область отметили Мариобласть, где требовалось усиление Комсостава и обеспечение всякого рода имуществом»³².

Несмотря на серьёзные недостатки в работе, в целом признавался зна-

26 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 71 об.

27 Там же. Л. 91 об.

28 Там же. Л. 90.

29 Там же. Л. 91.

30 Там же. Д. 12. Л. 28.

31 ГА РМЭ. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.

32 Там же. Л. 92 об.

чительный, положительный сдвиг в сторону оформления и укрепления организации за весь отчётный период становления ЧОН ПриВо. Подчёркивалось энергичная деятельность руководства Штаба ЧОН ПриВо, внесшая ясность и определённую в работу ЧОН, что, в свою очередь, укрепило «боевую мощь революции»³³.

Библиографический список:

1. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л.Л. 50б., 32, 38, 38 об., 39, 54, 66 об., 67, 71 об., 90, 91, 91 об., 92, 92 об., 93, 130 об.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л.Л. 50б., 32, 38, 38 об., 39, 54, 66 об., 67, 71 об., 90, 91, 91 об., 92, 92 об., 93, 130 об. Д. 12. Л. 28.
3. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л.Л. 50б., 32, 38, 38 об., 39, 54, 66 об., 67, 71 об., 90, 91, 91 об., 92, 92 об., 93, 130 об. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–16 об.
4. Кротов В.Л. Чоновцы. – М.: Политиздат, 1974. 126 с.
5. Лошманова О.А. Организационно-кадровые проблемы становления ЧОН Калужской губернии // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 3.
6. Марийский ЧОН. Неизвестная история. // URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/389926.html?ysclid=me84rupdggz548218820>.
7. Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева.] // URL: <https://fumus.ru/collections/byust-smirnova-a-g-pervogo-organizatora-sovetskoj-vlasti-tsarevokokshayskogo-uezda-pervogopredsedat/?ysclid=mel77gjvyr252510066>
8. Найда С.Ф. Части особого назначения (1917–1925 гг.). Руководство партии созданием и деятельностью ЧОН // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 107.
9. Приказ ПриВо по войскам ЧОН от 7 сентября 1921 г. № 2, п. 2.
10. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 65. Оп. 10. Д. 1. Л. 62.
11. Сильченко И.С. Части особого назначения и органы милиции в Екатеринбургской губернии: 1919-1923 гг.: дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02, Екатеринбург, 2019. 205 с.
12. Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 152. Л. 19.
13. Рыбаова Е.Л. Политическая власть в условиях нарастания сетевых коммуникаций: новые вызовы и новые возможности // Культура мира. 2023. Том 11. Вып. 1. (№ 30). С. 89-102.

Reference

1. State Archives of the Republic of Mari El (GA RME). F. R-48. Op. 1. D. 2. L. L. 50b., 32, 38, 38 ob., 39, 54, 66 ob., 67, 71 ob., 90, 91, 91 ob., 92, 92 ob., 93, 130 ob.
2. State Archives of the Republic of Mari El (GA RME). F. R-48. Op. 1. D. 2. L. L. 50b., 32, 38, 38 ob., 39, 54, 66 ob., 67, 71 ob., 90, 91, 91 ob., 92, 92 ob., 93, 130 ob. D. 12. L. 28.
3. State Archives of the Republic of Mari El (SA RME). F. R-48. Op. 1. D. 2. L. 5v., 32, 38, 38v., 39, 54, 66v., 67, 71v., 90, 91, 91v., 92, 92v., 93, 130v. F. P-3. Op. 1. D. 19. L. 16–16v.
4. Krotov V.L. Chonovtsy. – Moscow: Politizdat, 1974. 126 p.
5. Loshmanova O.A. Organizational and personnel problems of the formation of the ChON of Kaluga Province // Bulletin of Bryansk State University. 2015. № 1. P. 3.
6. Mari ChON. Unknown story. // URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/389926.html?ysclid=me84rupdggz548218820>.
7. National Museum of the Republic of Mari El named after Timofey Evseev.] // URL: <https://fumus.ru/collections/byust-smirnova-a-g-pervogo-organizatora-sovetskoj-vlasti-tsarevokokshayskogo-uezda-pervogopredsedat/?ysclid=mel77gjvyr252510066>
8. Naida S.F. Special purpose units (1917–1925). Leadership of the party in the creation and activities of the ChON // Military Historical Journal. 1969. № 4. P. 107.
9. Order of the PriVO for the ChON troops of September 7, 1921, № 2, p. 2.
10. Russian State Military Archives (RGVA). F. 65. Op. 10. D. 1. L. 62.
11. Silchenko I.S. Special Purpose Units and Militia Bodies in the Yekaterinburg Province: 1919-1923: Dis. ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02, Yekaterinburg, 2019. 205 p.
12. Central Archive of Public Movements of Moscow (TsAODM). F. 3. Op. 1. D. 152. L. 19.
13. Ryabova E.L. Political Power in the Context of Growing Network Communications: New Challenges and New Opportunities // The Culture of the World. 2023. Volume 11. Issue 1. (№ 30). P. 89-102.

Мякотин А.А.

Кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени Ак. С.П. Королева (кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения). Самарский государственный медицинский университет (кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук).

Документальная коммуникация власти и общества (на примере общественной приемной депутата А.Е. Хинштейна)*

Аннотация. В статье проблематика информационного взаимодействия власти и населения исследуется на материалах Общественной приемной депутата Государственной Думы РФ А.Е. Хинштейна. Эффективность «обратной связи» в государственном управлении определяется, в значительной мере, совершенством механизмов документирования и передачи информации. Поэтому основное внимание уделено функционированию делопроизводства по обращениям граждан. Рассматриваются направления деятельности депутатской приемной, ее организационная среда, штатный состав. Для сбора информации были использованы методы: анализ делопроизводственных документов (локальных актов, учетных баз данных, переписки и т. д.), наблюдение, опрос сотрудников, фотография рабочего дня. Проведен аудит бизнес-процесса «работа с обращениями», определены его статистические параметры, потенциал совершенствования; предложен комплекс мер по оптимизации. Прием, обработка и исполнение обращения является главным — профильным — рабочим процессом депутатской приемной. Делопроизводственный процесс содержит элементы дезорганизации, обусловленные слабостью локальной нормативной регламентации.

Ключевые слова: государственное управление, политический институт, приемная депутата, обращения граждан, делопроизводство, локальный нормативный акт, бизнес-процесс, аудит, документопоток, объем документооборота, петиция, должностная инструкция.

Myakotin A.A.

PhD in History, Associate Professor. Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Department of World History, International Relations, and Archival Studies). Samara State Medical University (Department of National History, Medicine, and Social Sciences).

* © Мякотин А.А., 2025.

Documentary communication between government and society (on the example of the public reception of deputy A.E. Khinshtein)

Abstract. The article examines the problems of information interaction between the government and the population based on the materials of the Public Reception of the Deputy of the State Duma of the Russian Federation A.E. Khinshtein. The effectiveness of feedback in public administration is largely determined by the perfection of the mechanisms for documenting and transmitting information. Therefore, the main attention is paid to the functioning of office work on citizens' appeals. The directions of activity of the deputy's office, its organizational environment, and staff are considered. The following methods were used to collect information: analysis of office records (local acts, accounting databases, correspondence, etc.), monitoring, interviewing employees, and photographing the working day. The audit of the business process "handling appeals" was conducted, its statistical parameters and potential for improvement were determined; a set of optimization measures was proposed. The reception, processing and execution of the appeal is the main workflow of the deputy's office. The office management process contains elements of disorganization due to the weakness of local regulatory regulations. The organization lacks office management instructions and other important regulations. The efficiency of office work can be improved by introducing consistent functional specialization of employees and updating job descriptions. It is advisable to change the methodology of analytical and statistical work and develop templates for reports (analytical reports, summaries) on handling appeals.

Key words: public administration, political institution, deputy's office, citizens' appeals, office work, business process, local regulatory act.

Введение

Фактором жизнеспособности общества является политическая система, гибко реагирующая на социальные ожидания. «Сигналы снизу», транслируемые социумом, преобразуются в государственно-политические решения. «Входная» информация, содержащаяся в письмах и обращениях граждан, обеспечивает тонкую «настройку» властной системы на общественные требования [13]. Она позволяет скорректировать государственный курс; привести его в соответствие с состоянием общества. Политическая система должна содержать институциональные механизмы, поддерживающие коммуникацию с населением, обеспечивающие мониторинг его мнений, требований и запросов.

Проблематика функционирования обратной связи в системах государственного управления многомерна; в ней можно выделить политико-правовое, институциональное и другие «измерения». На наш взгляд, недостаточно изучен ее технологический (делопроизводственный) аспект. Управление представляет собой передачу и обработку (документирова-

ние, анализ и т.д.) информации. Документированная информация является предметом, «сырьем» и результатом руководящей деятельности [2, С. 86-89]. Поэтому в структурах управления отдельный (вспомогательный) бизнес-процесс составляет рутинная работа с документацией — делопроизводство, включающее совокупность технологических операций с документами. Делопроизводство представляет собой наиболее формализованный аспект управленческой деятельности. Его алгоритмы и процедуры определяют порядок разработки и принятия управленческих решений. Можно утверждать, что делопроизводство является технологией деятельности органа власти и управления [3, С. 35-36]. По этой причине совершенствование деятельности властных структур предполагает — в качестве обязательного условия — оптимизацию (реинжиниринг) делопроизводственных процессов.

В системе документационного менеджмента выделяют специализированные ниши, в том числе — работу с обращениями граждан. Делопроизводство по обращениям строится на общих (для всех систем документооборота) принципах, включая вместе с тем специфические нормы и процедуры [2, С. 19-11; 11]. Технология работы с ними регламентирована в меньшей степени, чем общее (организационно-распорядительное) делопроизводство. В организациях складываются локальные корпоративные практики работы с обращениями, которые требуют критического исследования и, в ряде случаев, тиражирования. Поэтому актуальным — и востребованным — представляется опыт функционирования делопроизводства по обращениям в организациях различного статуса и профиля деятельности.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье организация и методика работы с письмами, жалобами (заявлениями, предложениями, ходатайствами и т. д.) граждан рассматривается на примере приемной депутата Государственной Думы РФ А.Е. Хинштейна. Специфика учреждения состоит в том, что делопроизводственная обработка и исполнение обращений является профильной деятельностью и главным «рабочим процессом». Работа с обращениями граждан преобладает — с точки зрения трудозатрат, количества документов и вовлеченного персонала — над другими разновидностями документооборота.

Методологической основой исследования является системный подход, в соответствии с которым делопроизводство рассматривается как сложный комплекс, включающий функциональные подсистемы (кадровое, организационное, нормативно-методическое обеспечение и т.д.). Важнейшим источником стали делопроизводственные документы приемной (корреспонденция, организационно-распорядительная документация, учетные базы данных) за 2022 — 2024 гг., подвергнутые формулярному и контент-анализу. При обработке эмпирических данных применялись общелогические

исследовательские методы — анализ, синтез, индукция, моделирование. Методы статистической обработки информации позволили выявить количественные параметры документооборота и тенденции его развития. Был проведен аудит системы делопроизводства по обращениям; выявлены его недостатки, «узкие места», определен потенциал для совершенствования; разработан комплекс мер по оптимизации бизнес-процесса «работа с обращениями граждан».

Результаты и обсуждения

Общественная приемная начала функционировать в январе 2012 г. после избрания А.Е. Хинштейна депутатом Государственной Думы РФ VI созыва. В 2018 г. и 2021 г. он избирался от «Единой России» в Государственную Думу VII и VIII созывов. В декабре 2024 г. в связи с назначением врио губернатора Курской области А.Е. Хинштейн досрочно сложил полномочия депутата.

Общественная приемная является «диспетчером», обеспечивающим коммуникацию власти с гражданами, бизнесом, общественными организациями. Для взаимодействия с населением используются разные каналы коммуникаций (традиционные и виртуальные). Обращения могут быть направлены почтой РФ, по социальной сети, телефонной связи, переданы на личном приеме.

Приемная А.Е. Хинштейна имеет развитую систему связей с учреждениями, предприятиями, органами публичной власти. Активные деловые «контакты» поддерживаются с Общественной палатой Самарской области и ее структурами (комиссия по вопросам законности, правам человека, взаимодействию с судебными и силовыми органами и ОНК; комиссия по общественному контролю и общественной экспертизе; комиссия по экологии, природопользованию и охране окружающей среды и др.).

Штатный состав приемной включает 9 человек — помощников депутата; они имеют одинаковый статус и находятся в непосредственном подчинении А.Е. Хинштейна. Таких образом, в организации преобладают горизонтальные (координационные) должностные связи. Организационная структура Общественной приемной схематически представлена на рис. 1.

Деятельность приемной отмечена недостатками, заложенными, в значительной мере, на этапе ее формирования. В организации отсутствуют важные регламентирующие документы — штатное расписание, положение о персонале, инструкции по делопроизводству и другим видам деятельности. Должностные инструкции были разработаны в начале деятельности приемной (2012 — 2014 гг.) и требуют актуализации. Пробелы в локальной нормативной базе создают должностные коллизии, дублирование функционала, ослабление ответственности; затрудняют оценку и контроль деятельности персонала.

Важнейшую организующую роль в работе Общественной приемной депутата А.Е. Хинштейна играет плановая документация. Основным видом планирования является среднесрочное (в пределах года). План принимается большинством голосов сотрудников Общественной приемной и утверждается руководителем. Результаты выполнения плановых мероприятий фиксируются в отчетной документации, являющейся основанием для оценки деятельности учреждения и его подразделений [5, с. с. 34].

Организацию рабочего процесса в депутатской приемной наглядно характеризует фотография рабочего дня ведущего специалиста — помощника депутата (табл.1). Наиболее трудоемкими операциями являются прием, обработка, сортировка обращений и «работа на телефоне». Главное содержание деятельности состоит в информационном обмене с руководителем, другими сотрудниками, гражданами и организациями.

Обобщающим (интегральным) параметром документооборота, характеризующим загрузку сотрудников, является его объем [14, п. 3.57-3.58]. В делопроизводстве депутатской приемной преобладает внешний информационный «контур», представленный входящей/исходящей документацией. Эта документация (нормативные и распорядительные акты органов власти, договоры, справки, заключения, письма и др) в видовом отношении гораздо разнообразнее внутренней. Последняя включает немногочислен-

Схема организационной структуры Общественной приемной депутата ГД А. Хинштейна

Рис. 1.

ные локальные акты, регистрационные формы, кадровые и финансовые документы. Её удельный вес не превышает 6% объема документооборота. Основной поток документации составляют письма и обращения граждан, юридических лиц и документы по их исполнению (акты, заключения, уведомления, справки). Работа с этими документами составляет отдельный — организационно обособленный — участок делопроизводства [2, с.4-6, 12].

Таблица 1.

Время начала действия	Время окончания действия	Название действия	Затрачено времени
	8.00	Начало рабочего дня	
8.00	8.10	Подготовка рабочего места	10 мин.
8.10	8.30	Просмотр сообщений, полученных по электронной почте	20 мин.
8.30	9.00	Совещание с руководителем	30 мин.
9.00	9.30	Ксерокопирование документов	30 мин.
9.30	13.00	Обработка, предварительный просмотр, сортировка и регистрация корреспонденции	3 ч. 30 мин.
13.00	14.00	Обед	1 ч.
14.00	15.30	Телефонные звонки	1 ч. 30 мин.
15.30	16.00	Составление плана на следующий рабочий день	30 мин.
16.00	16.55	Подготовка ежедневного отчета	55 мин.

Анализ учетных баз данных позволил определить количественные характеристики входящего документопотока. В 2023 г. в приемную по различным каналам поступило 1752 письменных обращения [7, с. 8]. Кроме того, на личном приеме было принято 734 устных обращения. Тематика жалоб (писем, заявлений, петиций) дает представление о спектре социально-правовых и бытовых проблем, волнующих граждан, их остроте и массовости. Как показывает статистика, наиболее «животрепещущей» проблемой являются противоправные действия граждан и должностных лиц (чиновников, аудиторов, служащих МВД и др.); ей посвящено около 20% обращений. Другим насущным вопросом стали проблемы ЖКХ, затронутые в 15% петиций и жалоб. Среди распространенных проблем следует также упомянуть (в порядке убывания): городское благоустройство, землепользование, незаконное строительство, состояние экологии, незаконная торговля и др. Типовая тематика корреспонденции и обращений, получен-

ных приемной А.Е. Хинштейна в 2023 г., представлена на рис. 2.

Обращение гражданина должно соответствовать правилам, установленным законодательством: наличие адресата, сведений об отправителе — для обратной связи, корректно сформулированной жалобы (просьбы, предложения), личной подписи и даты [9]. В делопроизводственной практике приемной А.Е. Хинштейна эти требования применяются в «облегченном» виде. Например, отсутствие личной подписи и даты (при наличии контактных данных) не считается основанием для отказа в рассмотрении письма или обращения. Вместе с тем установлен ряд дополнительных критериев для «отсеивания» обращений. Не подлежат рассмотрению входящие документы, составленные на иностранном языке; написанные капслоком; обращения, ответ на которые требует разглашения конфиденциальных сведений; когда полномочия представителя заявителя не подтверждены в установленном порядке и т. д. [4, с. 5].

Весь поток обращений, включая не принятые к рассмотрению, «не получившие хода», регистрируется в валовом порядке. Регистрация всех входящих документов (даже бессодержательных и анонимных) — характерная особенность делопроизводства по обращениям [6, с. 1]. Его специфическим этапом является обобщение статистики, аналитическая работа по обращениям. Это предполагает фиксацию в учетных формах метаданных (реквизитов) каждого полученного документа.

Рис. 2.

Регистрация — важнейший этап в жизненном цикле документа — представляет собой внесение поисковых атрибутов в журнал/базу данных. В результате этой процедуры документ включается в информационную среду организации, ее поисковую систему, приобретает официальный статус [14, п. 3.3.-3.5.]. Регистрационный индекс — многофункциональный юридически значимый атрибут (реквизит) документа, выполняющий идентификационно-поисковую функцию [8, с. 27].

На наш взгляд, в приемной депутата А.Е. Хинштейна эта делопроизводственная процедура может быть существенно оптимизирована. Порядок индексирования целесообразно зафиксировать в локальном акте, например, инструкции по делопроизводству. Регистрационный номер обращений в Общественной приемной является «глухим» (не информативным) и представляет собой комбинацию одной-двух (иногда нескольких) начальных букв фамилии заявителя и валового порядкового номера документа (например, БС-34). При регистрации анонимных документов перед номером ставится индекс «Ан», коллективных обращений - «Кол» (Кол-14). Таким образом, регистрационный индекс обращения содержит минимальную информацию о документе, затрудняя идентификацию и поиск. Можно дополнить его условными обозначениями вида/разновидности обращения, его тематики. Для этого необходимо разработать локальные классификаторы (справочники), в которых закрепить эти буквенные/цифровые обозначения.

Регистрацией в основном завершается техническая (рутинная) обработка обращений; далее следует работа с содержанием [11; 16; 19]. Документ передается на рассмотрение руководителю для принятия и документального оформления решения [10]. К обращению могут быть «подверстаны» предыдущие обращения аналогичной тематики, документы по их исполнению, дополнительные материалы. Специалисты, готовящие документ к рассмотрению, могут составлять проекты решений, резолюций. Это рациональная практика, позволяющая экономить рабочее время руководителя; тем не менее в депутатской приемной она не принята. Резолюция руководителя может быть окончательным решением вопроса либо содержать поручения по исполнению документа [1, с. 1]. Средний срок исполнения обращения — от регистрации до отправки ответа — в приемной А.Е. Хинштейна составляет, согласно учетным данным, 14 дней.

В 2023 г. удельный вес положительно решенных обращений составил 37%. На протяжении всей деятельности Общественной приемной депутата А.Е. Хинштейна этот показатель остается стабильным с небольшими «флуктуациями». Более половины поступающих обращений пересылаются в другие организации (учреждения) в соответствии с их компетенцией. Документы пересылаются — при уведомлении заявителя — с типовым со-

проводительным письмом, содержащем просьбу уведомить об исполнении жалобы (заявления, петиции). Такие обращения ставятся на особый контроль с соответствующей отметкой в регистрационной форме. Общественная приемная выступает своеобразным «маршрутизатором», связывающим граждан с компетентными органами, учреждениями и предприятиями.

Рациональным решением представляется специализация сотрудников по следующим видам деятельности: работа с «бумажными» обращениями; организация личного приема граждан; обработка сообщений, поступивших по эл. почте и социальным сетям; системное администрирование, обслуживание офисной техники; организационное (бездокументное) обеспечение работы руководителя, его сопровождение во время выездных приемов.

Выводы

Подводя итоги, заметим, что документооборот является не вспомогательным бизнес-процессом, а главным направлением деятельности Общественной приемной. Повышение эффективности работы приемной предполагает оптимизацию делопроизводственных процессов. Технологические меры – внедрение новых программно-аппаратных средств – дают эффект только при изменении форм и методов работы. Поэтому первоочередной задачей является перестройка (реинжиниринг) рабочего процесса. В настоящее время деятельность приемной основана на принципе функциональной взаимозаменяемости сотрудников; целесообразно ввести специализацию, закрепив ее в должностных инструкциях. Завершающим этапом (своеобразным итогом) делопроизводства является статистический анализ; обобщение результатов работы с обращениями. В приемной депутата ГД РФ А.Е. Хинштейна статистика обобщается по ограниченному количеству критериев. Не консолидируются данные о количестве коллективных обращений, возрасте, районе проживания и социальном статусе заявителей. Для оптимизации аналитико-статистической работы по обращениям целесообразно разработать шаблоны форм отчетности (аналитических справок, сводок, отчетов).

Библиографический список:

1. Алистратов Ю.Н. Право граждан на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России: дис. канд. юрид. наук. – СПб.: 1997. С. 1.
2. Вялова Л.М. Порядок работы с обращениями граждан. – М.: 2004.
3. Жеребова Л.А. Организация работы с обращениями граждан в органах государственной власти и их отбор на государственное хранение: начало 1990-х гг. - настоящее время: дис. ...канд. ист. наук. – М.: 2008. С. 35-36.
4. Ветрова Е.Н. Государственная информационная политика как фактор повышения эффективности государственного управления: современное состояние и приоритеты совершенствования: дис. ...канд. ист. наук. – М.: 2014. С. 5.

5. Ермолаева А.В., Ланденко М. Работа с обращениями граждан в органах государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления (на примере Саратовской области) // Секретарское дело. 2004. № 12. С. 34-42.
6. Кабашов С.Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России. – М.: Флинта, 2010. С. 1.
7. Киселев А.Г. Управленческая информация в системе государственного регионального управления (социологический аспект): дис. канд. ист. наук. – М.: 2003. 10 с.
8. Лавшук М.А. Классификация обращений граждан по законодательству Российской Федерации: модернизация института демократии // Крымский научный вестник. 2020. № 2. С. 27.
9. Масекова Т.В. особенности делопроизводства по обращениям граждан. // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122810/1/978-5-7996-3669-2_2023_013.pdf (Дата обращения: 27.01.2025).
10. Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в государственных органах, органах местного самоуправления, утв. приказом Росархива от 25.12.2020 № 199.
11. Миронов М.А. Обращения граждан: организация и порядок рассмотрения: сборник нормативных актов. – М.: Юридическая литература, 2001.
12. Никогосян К.А. Вопросы организации работы с обращениями граждан для повышения роли населения в управленческой работе // Сборник трудов кафедры современного государственного и муниципального управления. М., 2022. Т. 2.
13. Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления, утв. Приказом Росархива от 22.05.2019 N 71.
14. Бирюков С.В., Карпов Д.С. Справедливая Россия: эволюция роли и трансформация имиджа партии // Альманах Казачество. 2020. № 49. С. 18-26.

Reference

1. Alistratov Yu.N. The Right of Citizens to Appeal to State Bodies and Local Self-Government Bodies in the Context of the Establishment of a Democratic Rule of Law State in Russia: Diss. Cand. Sci. (Law). – St. Petersburg: 1997. Page 1.
2. Vyalova L.M. The Procedure for Handling Citizens' Appeals. – Moscow: 2004.
3. Zherebova L.A. Organization of Handling Citizens' Appeals in Government Bodies and Their Selection for State Storage: Early 1990s – Present: Diss. Cand. Sci. (History). – Moscow: 2008. Pages 35-36.
4. Vetrova E.N. State Information Policy as a Factor in Improving the Efficiency of Public Administration: Current Status and Priorities for Improvement: Diss. Cand. Sci. (History). – Moscow: 2014. Page 5.
5. Ermolaeva A.V., Landenko M. Handling Citizens' Appeals in Government Bodies of the Subjects of the Russian Federation and Local Self-Government Bodies (using the Saratov Region as an Example) // Secretarial Work. 2004. № 12. P. 34-42.
6. Kabashov S. Yu. Organization of Handling Citizens' Appeals in the History of Russia. – Moscow: Flinta, 2010. 1 p.
7. Kiselev A.G. Management Information in the System of State Regional Administration (Sociological Aspect): Diss. Cand. of History. – Moscow: 2003. 10 p.
8. Lavshuk M.A. Classification of Citizens' Appeals under the Legislation of the Russian Federation: Modernization of the Institution of Democracy // Crimean Scientific Bulletin. 2020. № 2. 27 p.
9. Masekova T.V. Features of Office Work on Citizens' Appeals. // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122810/1/978-5-7996-3669-2_2023_013.pdf (27.01.2025).
10. Methodological recommendations for the development of instructions on office work in state bodies and local governments, approved by order of the Federal Archives Service dated 25.12.2020 No. 199.
11. Mironov M.A. Citizens' appeals: organization and procedure for consideration: a collection of regulatory acts. – Moscow: Legal Literature, 2001.
12. Nikogosyan K.A. Issues of organizing work with citizens' appeals to enhance the role of the population in management work // Collection of works of the Department of Modern Public and Municipal Administration. Moscow, 2022. Vol. 2.
13. Rules for office work in government agencies and local governments, approved by Order of the Federal Archive Service of May 22, 2019, N. 71.
14. Biryukov S.V., Karpov D.S. Fair Russia: evolution of the role and transformation of the party's image // Almanac Cossacks. 2020. № 49. P. 18-26.

Торунов В.А.

Аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский государственный университет имени С.П. Королёва, г. Самара.

Дискуссии о правовом положении крестьянина в трудах местных комитетов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (на примере Самарской, Сибирской и Саратовской губерний)*

Аннотация. В статье рассматривается позиция представителей Самарской, Симбирской и Саратовской губерний по вопросу правового положения крестьянства на основе материалов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1903 гг.). Анализируются ключевые требования уездных комитетов и отдельных членов. Вывод, к которому пришёл автор, заключается в том, что, несмотря на единодушное признание остроты проблемы правового бесправия крестьян на местах, сопротивление губернских властей и бюрократический скепсис заблокировали конструктивные предложения, предвосхитившие будущие реформы, но оставшиеся нереализованными в рамках Совещания.

Ключевые слова: особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, крестьянство, правовой статус, С.Ю. Витте, Самарская губерния, Симбирская губерния, Саратовская губерния.

Torunov V.A.

Postgraduate Student, Department of Russian History and Historiography, Samara National Research State University named after S.P. Korolev, Samara.

Discussions on the legal status of peasants in the works of local committees of the special conference on the needs of the agricultural industry (using the example of the Samara, Siberian and Saratov provinces)

* © Торунов В.А., 2025.

Abstract. This article examines the positions of representatives from the Samara, Simbirsk, and Saratov provinces on the legal status of the peasantry, based on the materials of the local committees of Witte's Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1903). It analyzes key demands put forward by district committees and individual members. In conclusion, the author argues that while the acute problem of peasant legal disenfranchisement at the local level was universally acknowledged, constructive proposals, which prefigured future reforms, were blocked by the resistance of provincial authorities and bureaucratic skepticism, and thus remained unimplemented by the Conference.

Key words: special meeting on the needs of the agricultural industry, peasant, legal status, S.Yu. Witte, Samara province, Simbirsk province, Saratov province.

На рубеже XIX–XX века в Российской империи потребовалось серьёзное реформирование в социально-экономической сфере общества. В условиях крестьянского малоземелья в Европейской России, обострившегося в связи с демографическим взрывом, правительству Николая II требовалось решить ряд вопросов. Самым важным из них стал крестьянский вопрос, имевший такие аспекты, как экономическое положение крестьянства, малоземелье, необходимость сохранения/ликвидации общины и правовое положение крестьянства. В.И. Гурко о задумке Витте собрать Особое совещание писал так: «Деятельность его происходила уже в то время, когда Витте превратился из министра финансов в председателя Комитета министров, причем одновременно тем самым лишился сколько-нибудь обширной власти. При таких условиях судить по тому, во что превратилось фактически это совещание, о тех замыслах, которые руководили Витте при его образовании, нет возможности. При новых создавшихся условиях Витте легко мог признать нужным дать этому совещанию совершенно иное направление, нежели первоначально им задуманное» [1, с. 419].

Наряду с вопросами о реформировании местного самоуправления и судоустройства среди членов местных комитетов Особого совещания возникла дискуссия, посвящённая правовому положению крестьянина. Несмотря на развитие сельскохозяйственной промышленности, народного образования и понижение пошлин на орудия труда и машины, статус крестьянства остался подвешенным. Как сословие оно имело достаточно разнородные группы внутри себя, где уживались кулаки и бедняки, искусные механики без знаний и средств и капиталисты, арендующие большие площади. Ожидания общества перемен в правовом положении крестьянства после периода реформ 1860–1870-х гг. были связаны с деятельностью ряда законосовещательных органов, которые

на рубеже XIX-XX вв. рассматривали вопрос о пересмотре законодательства о крестьянах. К их числу относятся губернские совещания по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах (1894-1896) и местные комитеты Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902-1903) [2, с. 70]. Вопрос о правовом статусе крестьян продолжал оставаться одним из наиболее острых в российском общественно-политическом дискурсе [3, с. 153-154; 4, с. 87, 93; 5, с. 171; 6; 7]. Крестьяне имели особые сословные управление и суд, особый порядок участия в выборах в земские собрания, не имели права поступления на государственную службу. Эти и иные вопросы стали одними из наиболее обсуждаемых в ходе работы местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые начали свою деятельность в 1902 году.

В качестве источниковой базы настоящего исследования выступают материалы заседаний уездных и губернского комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, образованных в Самарской, Симбирской и Саратовской губерниях.

В Самарской губернии вопрос о правовом положении крестьян попытался решить землевладелец Николаевского уезда Д.Д. Протопопов. В своей записке Самарскому губернскому комитету Протопопов указывал, что ограниченное в правах крестьянство в странах Европы уже давно стало достоянием истории и желал уравнивать российское крестьянство с другими группами подданных империи. Он критиковал запрет крестьянам, не имеющим недвижимого имущества совершать вексельные сделки, в то время, как сам их род занятий сельским хозяйством требует наличия кредита. Хотя к моменту организации Особого совещания появились первые кредитные товарищества, по мнению Протопопова, они не эффективны из-за отсутствия надлежащего лица с высшим образованием среди руководителей данных товариществ. Помимо запрета на совершение вексельных сделок крестьяне имели такие правовые ограничения, как свобода передвижения и проживания и раздел земельного надела.

Особняком среди проблем крестьян в правовом статусе Протопопов выделил существование волостного суда. Он указывает, что применение обычая, а не писанного закона не вполне оправдываются действительностью. «Обычая Волостные суды зачастую не применяют уже в силу отрицательного отношения к нему волостного писаря и судей, представителей обыкновенного того слоя деревни, который презрительно относится ко всему, что отзывается стариной». Среди неудобств волостного суда Протопопов обозначил довольно широкую компетенцию при рассмотрении дел, порядок обжалование его решений, имеющий крайне запутанную подсудность и наличие различных точек зрения по толкованию закона.

Каким образом предлагалось решить проблемы, связанные с правовым положением крестьян? В своей записке Д.Д. Протопопов выделил следующие требования:

1. Уравнение крестьян в гражданских правах и в отношении низшего гражданского и уголовного суда с остальными сословиями. За подобную меру высказалось очень много уездных Комитетов, напр., Епифанский, Суджанский, Нижегородский, Козловский, Бузулукский, Новоузенский, Александровский, Ветлужский, Рузский, Казанский, Бирский, Ялтинский, Черниговский и Симферопольский.

2. Реформа сельского и волостного самоуправления, в смысле большей его самостоятельности и исправлений других неправильностей, выяснившихся на опыте в частности в сторону облегчения зависимости членов общества от схода как в земельных, так и в других делах.

3. Создание мелкой земской всесословной единицы.

4. Реформа земских учреждений в духе возвращения ими прежней их самостоятельности и введения начал всесословности и большего представительства широких слоев населения, с изменением существующего порядка выборов.

5. Реформа местных крестьянских учреждений в смысле возвращения к организации, действовавшей до реформы 1889 г., с отделением власти судебной от исполнительной и восстановлением мировой кассационной юрисдикции Сената [8, с. 119].

Созванная в октябре 1902 года Николаевским уездным комитетом Особого совещания комиссия вынесла заключение по рассмотрению записки Д.Д. Протопопова. В нём было указано, что записка Протопопова состоит из двух частей: первая часть посвящена вопросам народного образования, инфраструктуры уезда, а вторая посвящена преобразованиям местного управления. По второй части записки комиссия предложила Протопопову дать объяснение лично уездному комитету, поскольку записка не содержала общего плана, организации местного управления. Кроме того, по мнению членов комиссии, в записке не было указаний в каких соотношениях будут находиться проектируемые автором новые учреждения к ныне существующим, что подлежит упразднению и каковы функции новых учреждений [8, с. 344].

Также следует отметить, что такие уездные комитеты Особого совещания в Самарской губернии, как Бузулукский и Новоузенский постановили уравнять права крестьян с другими сословиями. А Ставропольский уездный комитет постановил осуществить отмену телесных наказаний для крестьян, круговой поруки, облегчение ими податного бремени и безотлагательный пересмотр, изменение и согласование во многих частях существующих относительно крестьянского сословия разных положений и за-

конов при участии представителей от земства [8, с. 20-22].

Для рассмотрения в Симбирском губернском комитете Симбирская губернская земская управа направила записку, в которой затрагивались вопросы, не имеющие отношения к сельскому хозяйству, но которые были выделены отдельно подготовительной комиссией. Первый из этих вопросов касался уравниванию личных прав крестьянства с правами других лиц, ограждения прав крестьян правильной формой суда, отменой телесных наказаний и освобождением крестьян от административной опеки. Ардатовский комитет постановил, чтобы лица крестьянского сословия подвергались наказаниям, наравне с лицами других сословий, лишь за нарушения, воспрещённые законом, и чтобы наказания налагались лишь по определению Суда, для чего следует отменить административные взыскания, налагаемые на крестьян сельскими старостами и волостными старшинами, а также Земскими Начальниками, за исключением случаев нарушения порядка на сельском и волостном сходах, и чтобы никакое лицо не могло быть ограничено в своих правах, иначе как по суду. Относительно решения дел между крестьянами на основании местных обычаев, Ардатовский комитет говорил, что местные обычаи существуют лишь исключительно в наследовании общекрестьянского имущества; установление обычая на практике составляет большое затруднение и добросовестность определения его подвергается сомнению, в виду встречаемого при опросах разногласия. Поэтому комитет постановил, что споры о наследовании между крестьянами должны быть решаемы судом, на основании тех существующих в данной местности обычаев, которые установлены отдельно по каждой волости, путем опроса волостных сходов Земскими Начальниками, по заранее составленной программе, и затем представлены в уездный Съезд на утверждение; после этого суды, при разрешении наследственных дел, должны руководствоваться исключительно такими кодифицированными обычаями. Председатель Симбирского губернского комитета, губернатор А.П. Наумов высказал предположение, что данный вопрос не имеет никакого отношения к сельскохозяйственной промышленности, а, значит, не может подлежать обсуждению членами комитета. Наумов отметил, что в записке Симбирской губернской земской управы не указаны вред от административной опеки над крестьянами и польза от возможного предоставления им самоуправления [9, с. 56]. Настоящий момент обсуждения записки оказался связан с работой Волостного суда. Было отмечено, что его недостатки вызваны невежеством и неравным судей. А за постановки приговоров судьям дают взятки. А.И. Жиркевич предлагал по примеру Ардатовского комитета Особого совещания собрать свод обычаев, используемых Волостным судом и разрешить ему руководствоваться ими заранее, а не во время производства спорного

дела для предотвращения злоупотреблениями при рассмотрении дела [9, с. 57]. Таким образом, предлагалось кодифицировать обычаи как правовые акты. Однако данный подход к решению вопроса о работе Волостного суда был отвергнут. Таким образом, председатель Симбирского губернского комитета, губернатор А.П. Наумов нашёл предложение Симбирской губернской земской управы необоснованным, поскольку оно не имело никаких точек соприкосновения с интересами сельскохозяйственного производства.

Второй вопрос, содержащийся в записке Симбирской губернской земской управы, касался юридической помощи населению. В.М. Малиновский подал Ардаатовскому уездному комитету записку «Об юридической помощи населению через посредство земской адвокатуры». В ней автор указывал на многочисленность и разнообразие судебных инстанций, из-за которых крестьянину приходится либо тратить огромные средства на время и поиск законных требований, либо обращаться к подпольной адвокатуре, затрачивая большие суммы. В.М. Малиновский также указывает, что проекты об учреждении особых поверенных при Уездных и Мировых Съездах, которые могли бы помочь крестьянину при толковании закона и успешному разрешению дел, были построены на бюрократических началах, «и крестьянин не имел возможности выбрать поверенного по желанию». Предлагалось ввести особого поверенного из числа членов корпорации присяжных поверенных (1-2 поверенных на уезд при выплатах ими жалований не более 1000-1500 рублей в год) и с обязательством подачи советов во всех стадиях процесса. Для расширения дела предполагалось создание особого фонда для установления сбора за советы и написание бумаг. К сожалению, как и в случае с вопросом об уравнивании крестьянства в правах с другими сословиями, вопрос о юридической помощи населению также был отвергнут председателем Симбирского губернского комитета [9, с. 169-170].

В Саратовском губернском комитете дела обстояли следующим образом. Член комитета А.Д. Нессельроде утверждал о необходимости преобразования крестьянской волости во всеобщую для рационального удовлетворения «тех общественных и хозяйственных нужд, которые в настоящее время всецело или отчасти находятся на попечении крестьянских учреждений и фактически остаются неудовлетворёнными» (общественное призрение, пожарное дело, просёлочные дороги) [10, с. 114]. Сельские общества, по мнению Нессельроде, не справляются с поддержанием удовлетворительного состояния этих крайне важных отраслей общественного хозяйства, а сама крестьянская волость и вовсе участвует в расходах на поддержание отраслей крайне редко. Уездное земство также критиковалось членом комитета, поскольку отсутствие денег и исполнение формального

контроля вместо всестороннего изучения дел по той или иной волости мешает этому органу помочь крестьянским учреждениям. Ввиду желательности введения волостного земства и преобразовании крестьянской волости во всеобщую проистекает предложение об уравнивании крестьянина в гражданских правах с прочими сословиями и подчинении его общему закону. Нессельроде также отмечает, что «юридическая неполноправность крестьянина обуславливается по преимуществу существованием круговой поруки». По его мнению круговая порука не существовала при крепостном праве, а была установлена из-за чисто фискальных соображений. В отличие от членов Ардатовского уездного комитета Симбирской губернии, Нессельроде предлагал упразднить Волостной суд, утративший свою необходимость и ввести взамен него судий, выбираемых волостным земством для подведомственной ему территории. Само же волостное земство он рассматривал как мелкую земскую единицу. 9 декабря 1902 года Саратовский Губернский комитет вынес постановление, где проанализировал мнения членов Особого совещания о мелкой земской единице и правовом статусе крестьян. Все соображения и предложения по данному вопросу делились на две точки зрения:

1. Учреждение мелкой земской единицы значительно умалило бы роль уездного и губернского земств, которые и при настоящей их организации имеют полную возможность обслуживать разнообразные интересы населения при помощи хорошо подготовленных специалистов.

2. Другие члены комитетов Особого совещания полагали, что учреждение мелкой земской единицы желательно, так как тогда население примет живое участие в различных земских мероприятиях и, работая совместно, усвоит себе правильное понимание своих прав и обязанностей.

Кроме того, от совместной работы исчезнет обособленность крестьянского сословия от остальных классов населения.

После небольшого анализа обеих точек зрения Саратовский Губернский комитет Особого совещания пришёл к выводу о преждевременности учреждения мелкой земской единицы, поскольку ни в поступивших на совещание материалах, ни в специальной литературе не было ясных указаний на то, каким образом могла бы осуществиться мелкая земская единица на практике и какова должна быть её деятельность.

Как мы можем наблюдать из материалов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности инициативы Д.Д. Протопопова и решения Бузулукского и Новоузенского уездных комитетов в Самарской губернии, инициативы земской управы и Ардатовского уездного комитета в Симбирской губернии и А.Д. Нессельроде в Саратовской губернии показывают единство точки зрения по уравниванию в пра-

вах крестьян с другими сословиями. Однако сопротивление шло от губернской администрации, которая либо «тормозила» вопрос, либо объявляла его непрофильным. К вопросу о деятельности Волостного суда все три региона признают его кризис, но рецепты расходятся: кодификация обычая (Симбирск), включение крестьян в общеимперскую систему (Самара) или полная ликвидация суда (Саратов). Консенсуса нет, что дополнительно затруднило выработку законодательного проекта.

Материалы комитетов трёх губерний доказали: правовое бесправие крестьянства было ключевым препятствием для модернизации сельского хозяйства, но власти не готовы были к радикальным изменениям. Даже там, где необходимость реформ признавалась (Саратов), доминировала установка на сохранение статус-кво под предлогом отсутствия «готовых рецептов». Исход дискуссий определялся не столько аргументами, сколько позицией губернаторов. Консерватизм Наумова (Симбирск) и осторожность саратовского комитета свели на нет инициативы снизу. Труды комитетов стали документированным доказательством несостоятельности дореволюционной бюрократии в решении аграрно-правовых проблем. Их материалы позже использовались как аргумент в пользу Столыпинских реформ. Сама логика работы Особого совещания показала: даже при наличии значительного массива совпадающих предложений «снизу» отсутствие чёткого, технически проработанного законопроекта позволяет административной власти квалифицировать любые инициативы как «вне компетенции» и вывести их из обсуждения.

Особое совещание 1902-1903 гг. выявило глубочайший разрыв между потребностями деревни (правовое равенство, самостоятельное самоуправление, доступный суд) и нежеланием имперской администрации менять сословную модель управления. Отвергнутые инициативы местных комитетов оказались не «утопичными», а исторически запоздавшими.

Библиографический список:

1. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общество в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Издательство Упыря Лихого, 2022.
2. Бубнова Ю.Г. Борьба за отмену телесных наказаний по решениям волостных судов Российской империи на рубеже XIX-XX веков // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. № 2. С. 68-77.
3. Голицын А.Д. Воспоминания / сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А.К. Голицына. – М.: 2008. 608 с.
4. Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. – М.: 2001. 648 с.
5. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. 754 с.
6. Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. – СПб.: 1904. 447 с.
7. Страховский И.М. Крестьянские права и учреждения. – СПб.: 1904. VI, 256 с.
8. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXV: Самарская губерния. – СПб.: 1903. VI, 622 с.
9. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXVIII: Симбирская губерния. – СПб.: 1903. VI, 540 с.
10. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXVII: Саратовская

губерния. – СПб.: 1903. VI, 673 с.

11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.

Reference

1. Gurko V.I. Features and Silhouettes of the Past: Government and Society during the Reign of Nicholas II as Portrayed by a Contemporary. – Moscow: Upyr Likhoy Publishing House, 2022.
2. Bubnova Yu.G. The Struggle for the Abolition of Corporal Punishment Based on Decisions of Volost Courts of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Historical and Legal Problems: A New Perspective. 2020. № 2. P. 68-77.
3. Golitsyn A.D. Memories / compiled, prepared by the text, afterword, index of names by A.K. Golitsyn. – Moscow: 2008. 608 p.
4. The Liberal Movement in Russia. 1902-1905. – Moscow: 2001. 648 p.
5. Obolensky V.A. My Life. My Contemporaries. Paris, 1988. 754 p.
6. Rittikh A.A. Peasant Law and Order. – St. Petersburg: 1904. 447 p.
7. Strakhovsky I.M. Peasant Rights and Institutions. – St. Petersburg: 1904. VI, 256 p.
8. Works of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. Vol. XXXV: Samara Province. – St. Petersburg: 1903. VI, 622 p.
9. Works of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. Vol. XXXVIII: Simbirsk Province. – St. Petersburg: 1903. VI, 540 p.
10. Works of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. Vol. XXXVII: Saratov Province. – St. Petersburg: 1903. VI. 673 p.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a web quest in studying the theory of public administration // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 1 (187). P. 9-18.

Актуальные вопросы исторических наук

Actual questions of historical sciences

Орлов Е.И.

*Магистрант, Сибирский Федеральный Университет, г. Красноярск.
SPIN-код: 1142-1688*

Тактический альянс против Версаля: Советско-Германское сотрудничество в 1920–1933 гг.*

Аннотация. Статья анализирует опыт советско-германского сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х годов, возникшего на фоне международной изоляции обоих государств после Первой мировой войны. Автор прослеживает эволюцию этих отношений от Рапальского договора 1922 года, восстановившего дипломатические и экономические связи. Подчёркивается, что альянс был основан на прагматичном совпадении стратегических целей преодолеть внешнеполитическую блокаду и получить доступ к передовым технологиям. В статье доказывается, что, несмотря на взаимную выгоду, союз был обречён из-за идеологической непримиримости, что и привело к его резкому свёртыванию после прихода к власти в Германии нацистов, взявших курс на конфронтацию с СССР.

Ключевые слова: Советско-германские отношения, Рапальский договор, Версальский договор, международная изоляция, секретное военно-техническое сотрудничество, рейхсвер, РККА, Веймарская республика.

Orlov E.I.

Master's student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk. SPIN-code: 1142-1688

The tactical alliance against Versailles: Soviet-German cooperation in 1920-1933

* © Орлов Е.И., 2025.

Abstract. The article analyzes the experience of Soviet-German cooperation in the 1920s and early 1930s, which arose against the background of the international isolation of both countries after the First World War. The author traces the evolution of these relations from the Rapallo Treaty of 1922, which restored diplomatic and economic ties. It is emphasized that the alliance was based on a pragmatic convergence of strategic goals to overcome the foreign policy blockade and gain access to advanced technologies. The article proves that, despite the mutual benefits, the union was doomed due to ideological intransigence, which led to its abrupt collapse after the Nazis came to power in Germany, heading for confrontation with the USSR.

Key words: Soviet-German relations, Rapallo Treaty, Versailles Treaty, international isolation, secret military-technical cooperation, Reichswehr, Red Army, Weimar Republic.

По итогам Первой мировой и Гражданской войн Россия в лице Советской Республики оказалась в международной изоляции — западные державы отказывались признавать большевистское правительство, а экономические и политические санкции ограничивали её возможности. Аналогично, Германия, проигравшая войну и обременённая жёсткими ограничениями Версальского договора, утратила международное доверие и столкнулась с дипломатической и экономической маргинализацией. Общие трудности и сходство геополитических позиций способствовали взаимному стремлению к сближению и сотрудничеству.

Историография советско-германских отношений в межвоенный период претерпела несколько этапов, тесно связанных с изменением политических и идеологических парадигм. В советской науке до 1991 года доминировала концепция, рассматривающая эти отношения через призму классовой борьбы и идеологического противостояния фашизма и социализма. В центре внимания находились попытки создания системы коллективной безопасности и разоблачение агрессивных планов нацистской Германии, тогда как дипломатическое сотрудничество с Германией часто игнорировалось или подавалось однобоко. Недостаток доступа к архивам и идеологическая предвзятость снижали полноту и объективность анализа [1].

Зарубежная историография, особенно в послевоенной Западной Германии, подчёркивала двойственность советской внешней политики: с одной стороны — дипломатическое сотрудничество с Германией, с другой — активную поддержку революционных движений и дестабилизацию через Коминтерн. Немецкие исследователи часто критиковали СССР за неискренность и экспансионистские устремления, при этом нередко недооценивая влияние международной изоляции Советской России в 1920-х — начале 1930-х годов и объективные внешнеполитические вызовы [2].

С открытием архивных материалов в 1990-х годах российская историография советско-германских отношений получила новый импульс: расширилась источниковая база и проявился значительный плюрализм мнений. Современные исследователи, включая С.В. Милованова, С.З. Случа, В.М. Кулиша, А.С. Орлова и других, предлагают разные интерпретации советской дипломатии. Так, одни (например, Максимычев) рассматривают СССР как активного сторонника коллективной безопасности и мирного сосуществования, другие (Случ, Кулиш) считают, что политика коллективной безопасности носила в первую очередь тактический характер, скрывающий стремление Сталина к сближению с Германией. Третья группа (например, Л.А. Безыменский) выдвигает более взвешенный подход, учитывающий как идеологическое противостояние, так и прагматизм советской внешней политики [3].

В современной историографии всё более распространяется отказ от однобоких оценок советско-германских отношений. Признаётся существование дуализма внешней политики СССР — сочетания курса на мирное сосуществование с активной поддержкой революционных движений. Эта концепция, первоначально предложенная Дж. Кенноном, получила развитие в работах российских исследователей В.Г. Сироткина, Л.Н. Нежинского, В. Шишкина и С. Милованова, которые подробно анализируют внутренние противоречия и противоречивые мотивы советской дипломатии в период 1917–1933 годов.

Несмотря на обширную историографию, ключевой вопрос — почему СССР и Германия, идеологические антагонисты, поддерживали тесное сотрудничество в 1920-х — остаётся дискуссионным. Если западные исследователи (Брахер, Кеннон) видят здесь тактический манёвр, а российские (Случ, Милованов) — прагматичный расчёт, то в данной статье доказываётся, что альянс стал возможен благодаря совпадению стратегических целей: СССР стремился разрушить Версальскую систему, а Германия — восстановить военный потенциал. Это подтверждают рассекреченные документы РГВА о секретных проектах рейхсвера.

Независимо от различных оценок, нельзя отрицать, что переговоры между РСФСР и Германией о нормализации двусторонних отношений начались задолго до созыва Генуэзской конференции 1922 года. Однако именно в её контексте они приобрели особую значимость. Организованная западными державами для урегулирования послевоенных финансово-экономических проблем Европы, Генуэзская конференция фактически проигнорировала интересы и Советской России, и Германии, что послужило стимулом для активизации двусторонних контактов.

16 апреля 1922 года в Рапалло, неподалёку от Генуи, РСФСР и Веймарская республика подписали договор, который восстановил дипломатиче-

ские и политические отношения между странами. Документ, заключённый министрами иностранных дел Г.В. Чичериным и В. Ратенау на фоне Генуэзской конференции, предусматривал взаимный отказ от претензий по ущербу, нанесённому войной и послевоенными событиями.

Особое значение имел принцип взаимности и режим наибольшего благоприятствования в экономической сфере, что дало мощный импульс возобновлению и развитию торговых связей. Кроме того, стороны обязались решать споры в духе доброжелательности и осуществлять предварительное консультирование по ключевым вопросам, что отражало стремление к стабильному и конструктивному диалогу.

В ноябре 1922 года действие договора распространили на другие советские республики, а в 1926 году он был подтверждён Берлинским договором, что подчеркнуло его долговременный и фундаментальный характер.

Л.А. Безыменский отмечает, что договор не налагал обязательств по отношению к третьим странам, что подчёркивало его ограниченно-двусторонний и прагматический характер. Для европейской дипломатии заключение Рапальского договора стало полной неожиданностью, поскольку в послевоенной политической культуре доминировало убеждение, что любое значимое международное соглашение должно проходить согласование с Францией — ключевым гарантом Версальского миропорядка. Этот прорывный шаг СССР и Германии серьёзно подорвал устоявшиеся представления о контроле над европейской политикой [4, с. 53-67].

В условиях постоянной враждебности со стороны ведущих капиталистических держав для молодой Советской Республики критически важно было восстановить и расширить торгово-экономические связи с ближайшим соседом — Веймарской республикой. Эти отношения представляли собой уникальную возможность для выхода из международной изоляции, вызванной Октябрьской революцией и гражданской войной. С немецкой стороны интерес к сотрудничеству был продиктован необходимостью преодоления последствий поражения в Первой мировой войне и ограничения, наложенного Антантой. Таким образом, экономическое партнёрство служило взаимовыгодным инструментом для стабилизации положения обеих стран.

Следует подчеркнуть, что экономический диалог между странами развивался не только на уровне официальной политики, но и активно поддерживался предпринимателями, в частности, капиталистической Германии, стремившимися возобновить хозяйственный обмен. Эти прагматичные контакты помогали обходить внешнее давление и защищать национальные интересы. В результате тесное взаимодействие с Германией стало одним из факторов постепенной нормализации отношений Со-

ветской России с международным сообществом и её медленного признания ведущими державами.

Рапалльское соглашение 1922 года стало лишь началом серии двусторонних договоров: в 1926 и 1931 годах были подписаны новые соглашения, закрепившие дальнейшее сближение СССР и Германии. Эти договорённости во многом продвигались под влиянием влиятельных германских финансово-промышленных групп, заинтересованных в расширении сотрудничества с Советским Союзом. Среди них были крупнейшие корпорации металлургической, машиностроительной и химической отраслей, сыгравшие ключевую роль в развитии экономических и военно-технических связей.

В советской историографии Рапалльский договор традиционно рассматривался как де-факто признание Советской России со стороны Германии и важнейший шаг к преодолению международной изоляции. Так, историк В.А. Космач отмечал, что «Рапалльский договор стал не только признанием Советского государства, но и фактическим началом систематических политических и экономических связей с Западом», подчеркнув его ключевое значение для внешней политики СССР [5, с. 117].

Рассекреченные материалы постсоветского периода открыли малоизвестный, но крайне важный аспект советско-германских отношений — тайное военно-техническое сотрудничество между РККА и рейхсвером. Уже в 1920–1921 годах начались переговоры о создании на территории СССР объектов, позволяющих Германии обходить ограничения Версальского договора. По словам исследователя А.Ю. Байкова, секретное партнёрство охватывало ключевые направления: авиацию, химическую и танковую технику. В результате были реализованы масштабные проекты — Липецкая авиашкола, танковая школа под Казанью и химические полигоны в Саратовской области. Эти инициативы существенно способствовали восстановлению военного потенциала обеих стран и оказали заметное влияние на баланс сил в Европе [6].

Немецкий историк К.Д. Брахер подчёркивал, что военно-техническое сотрудничество с СССР стало для рейхсвера способом обойти ограничения Версальского договора. В докладной записке от 31 декабря 1926 года заместитель председателя РВС СССР И.С. Уншлихт отмечал, что Германия рассматривает Советский Союз как «укрытую базу для подготовки и испытаний запрещённого оружия». Таким образом, Рапалльский договор и последующие соглашения стали не только дипломатическим прорывом, но и важным этапом в формировании тайного стратегического партнёрства, направленного на ревизию послевоенного миропорядка [7, с. 89].

В начале 1920-х годов военно-техническое сотрудничество СССР и Германии значительно углубилось, несмотря на их сложное положение

в послевоенной международной системе. Ключевым событием стало соглашение 1923 года с фирмой «Юнкерс», предусматривавшее не только поставки авиационной техники, но и создание авиационного завода в СССР. Одновременно велись переговоры с рейхсвером о совместном производстве химического оружия, включая выпуск иприта (отравляющее вещество кожно-нарывного действия, запрещённое Версальским договором), что свидетельствовало о высоком уровне доверия между сторонами. В 1924 году советские предприятия через фирму «Метахим» изготовили для Германии 400 тысяч артиллерийских снарядов, однако раскрытие этой сделки немецкими социал-демократами в 1926 году вызвало политический резонанс и нанесло ущерб репутации обеих стран.

В 1925 году группа из пяти советских офицеров впервые была допущена к участию в закрытых манёврах рейхсвера, что ознаменовало начало более тесной координации между военными ведомствами двух стран. Этот опыт оказался настолько ценным, что уже в 1926 году стороны приступили к подготовке совместного оперативного совещания с целью выработки согласованных стратегических подходов. Особое значение имело также обучение советских офицеров в Германской военной академии в 1926 году — их включение в программу заключительного курса свидетельствовало о высоком уровне доверия и взаимной заинтересованности в обмене профессиональным опытом [4, с. 53-67].

Параллельно материальные формы сотрудничества расширялись: под Казанью была создана совместная танковая школа для подготовки будущих командиров бронетанковых войск, а в районе Подосинок (объект «Томка») развернулся секретный центр военно-химических испытаний. В дальнейшем взаимодействие между вооружёнными силами СССР и Германии вышло на новый уровень, охватив такие направления, как обмен методиками боевой подготовки, совместные исследования отравляющих веществ и создание специализированных учебных учреждений для различных родов войск.

Центральными элементами данного партнёрства стали три засекреченных комплекса: авиационный полигон под Липецком, танковое училище в Казани и химический испытательный центр «Томка». Авиационный объект возник в 1924 году после реорганизации лётных курсов и превратился в уникальный учебно-исследовательский комплекс. Хотя формально он значился как часть советских ВВС, фактически управление осуществляли германские военные специалисты. Учреждение выполняло две важные функции — подготовку кадров и проведение научных исследований в области авиатехники. Руководство РККА, осознавая стратегическую значимость проекта, активно способствовало совершенствованию учебных программ, привлечению большего числа советских специалистов и развитию научно-

технической деятельности.

Несмотря на запреты Версальского договора 1919 года, с 1926 года германское военное руководство развернуло в СССР стратегические проекты, направленные на сохранение и развитие запрещённых видов вооружений. В Казани был создан танковый учебный центр «Кама» с полигоном площадью 900 гектаров, оснащённый 23 танками и ремонтными мастерскими. В Вольском районе функционировал химический полигон «Томка» для испытаний отравляющих веществ и разработки методов химической войны. Согласно исследованиям Дьякова Ю.Л., Бушуева Т.С., эти проекты курировали высокопоставленные офицеры рейхсвера, включая генерала О. Лютца. Параллельно происходил обмен военными делегациями: советские командиры, такие как Тухачевский и Егоров, участвовали в учениях рейхсвера в 1926–1928 годах, а также во военных играх и курсах повышения квалификации. Анализ документов подтверждает взаимовыгодный характер сотрудничества: Германия обходила версальские ограничения, а СССР получал доступ к передовым военным технологиям. Интересно, что военно-техническое сотрудничество оставалось приоритетным даже в периоды охлаждения политических отношений, что подчёркивает прагматизм обеих сторон [8, с. 12-19].

Несмотря на мировой экономический кризис начала 1930-х годов, между СССР и Германией сформировалась особая модель экономического сотрудничества, основанная на взаимных интересах и политическом прагматизме. В апреле 1931 года было заключено торговое соглашение на сумму 300 млн марок (фактически реализовано на 341 млн), а последующие договорённости 1932 года обеспечили резкий рост товарооборота. Это ознаменовало переход от военно-технического сотрудничества 1920-х к устойчивой экономической взаимозависимости, помогавшей обоим странам преодолевать международную изоляцию.

Однако такая кооперация имела стратегические риски: советские поставки сырья (нефть, зерно, лесоматериалы) и предоставление военных полигонов объективно способствовали восстановлению промышленно-оборонного потенциала Германии. Это фундаментальное противоречие, изначально заложенное в структуре советско-германских отношений, проявится в полной мере после прихода нацистов к власти в 1933 году.

Политическая динамика развивалась парадоксально: новое германское руководство под руководством Гитлера было готово сохранить сотрудничество при условии прекращения советской коммунистической пропаганды в Германии. Советская сторона, в свою очередь, проявляла прагматизм, аналогичный отношениям с фашистской Италией. Примечательно, что даже после прихода нацистов к власти продолжали функционировать секретные военно-технические проекты на территории СССР.

Переломным стал 1933 год, когда нацистская Германия официально утвердила антисоветскую доктрину. Это нашло отражение в резком падении товарооборота: за первые девять месяцев года он снизился на 45,7%, причём германский экспорт в СССР упал на 49,9%, а импорт — на 37%. Динамика за период 1929–1933 годов (в базовом 1928 году = 100%) показывает, что экспорт Германии в СССР, достигнув пика в 215,4% в 1931 году, к 1933 году снизился до 94%, а советский экспорт упал до 44,9%.

Эти данные свидетельствуют о стремительном свёртывании экономических связей, что стало прямым следствием радикального изменения внешнеполитического курса нацистской Германии и ознаменовало конец эпохи особых советско-германских отношений.

В начале 1930-х годов, в ходе восстановления военно-экономического потенциала Германии, началась последовательная ревизия условий Версальского договора. В 1930 году вступил в силу «План Юнга», который предусматривал сокращение общей суммы репараций до 113,9 млрд марок, ликвидацию международного контроля над германской экономикой и досрочный вывод оккупационных войск из Рейнской области. В 1931 году был введён мораторий на репарации, а в 1932-м — по решению Лондонской конференции — фактически прекращены выплаты, включая отказ от последнего трёхмиллиардного платежа. Приход нацистов к власти в 1933 году радикально усилил ревизию Версальской системы. Внешнеполитическая стратегия рейха опиралась на доктрину «Mein Kampf», включавшую концепцию «Дранг нах Остен», геополитические планы по созданию «Средней Европы» и колониальной империи. Парадоксально, что нацисты использовали антикоммунистическую риторику для давления на западные державы, одновременно демонстрируя готовность к сотрудничеству с Англией и Францией, при этом систематически нарушая военные ограничения Версаля. Гитлер открыто заявлял, что эта стратегия позволит «разделаться с Версалем и снова вооружиться». Такая двойственная политика создала иллюзию возможности экспансии германской агрессии на восток и в конечном итоге способствовала началу Второй мировой войны.

В своей программной работе «Mein Kampf» Гитлер прямо формулировал экспансионистские устремления на восток, заявляя: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те огромные государства, которые ей подчинены. Это гигантское восточное государство неизменно обречено на гибель». Эта цитата ярко отражает идеологическую основу политики нацистов, направленную на уничтожение Советского Союза и завоевание «жизненного пространства» (Lebensraum) на востоке — концепцию, которая получила чёткое и откровенное выражение задолго до начала Второй мировой войны.

Советское руководство не могло игнорировать нарастающие ревизионистские тенденции в германской внешней политике. Уже в 1931 году Военное ведомство СССР рассматривало Германию как одного из потенциальных противников наряду с Италией, Японией и Польшей. В аналитической записке начальника Генерального штаба РККА, направленной наркомом обороны К.Е. Ворошилову, отмечалось: «Эти государства ставят своей задачей доведение политических отношений с СССР до стадии вооружённого конфликта. Однако в настоящее время Германия и Италия ещё не обеспечили себе свободу действий для непосредственного наступления на СССР» [9, с. 112-121].

Одним из ключевых элементов внешнеполитической стратегии нацистской Германии стало систематическое разрушение усилий по созданию коллективной безопасности в Европе. Третий рейх добивался пересмотра послевоенного миропорядка и формирования коалиции государств, ориентированных на ревизию Версальско-Вашингтонской системы. В октябре 1933 года Германия вышла из конференции по разоружению и Лиги Наций, что стало началом подрыва союзной политики Франции в Восточной Европе. В январе 1934 года было подписано германо-польское соглашение о ненападении, которое ослабило франко-польское сотрудничество и дестабилизировало систему региональной безопасности. Несмотря на агрессивные действия Берлина, западные державы сохраняли нейтралитет, рассчитывая на возможный конфликт между Германией и СССР. Эта политика способствовала подготовке рейха к дальнейшей экспансии: в 1936 году была нарушена Локарнская система и восстановлен контроль над Рейнской областью.

В стремлении к реваншу и восстановлению утраченного влияния в Европе нацистская Германия активно искала союзников среди государств, недовольных послевоенным устройством мира. В 1936 году были заключены ключевые соглашения с Италией, оформившие ось Берлин–Рим, и с Японией — Антикоминтерновский пакт. В 1937 году Италия официально присоединилась к пакту, сформировав военно-политический тройственный союз. Опираясь на поддержку этих держав и пользуясь пассивностью западных демократий, Третий рейх расширял зону своего влияния, постепенно переходя к открытой агрессии, что предвещало масштабный международный конфликт.

Одним из первых значимых шагов по изменению политической карты Европы стал аншлюс Австрии в марте 1938 года, осуществлённый без серьёзного сопротивления международного сообщества. Следующим этапом стала Чехословакия: на фоне уступок западных держав и опоры на прорежимные силы внутри страны нацисты добились передачи Судетской области согласно Мюнхенскому соглашению 1938 года. В марте

1939 года Германия окончательно установила контроль над остальной частью Чехословакии и аннексировала Мемельскую область, укрепив свои стратегические позиции в Прибалтике. Эти агрессивные действия резко усилили стратегические возможности рейха перед началом Второй мировой войны [10].

Агрессивный курс нацистской Германии имел глубокие корни в итогах Первой мировой войны, когда страна оказалась в числе побеждённых. Версальский договор отнял у Германии значительные территории — Эльзас–Лотарингию, Верхнюю Силезию, части Померании и Восточной Пруссии, а также колонии, переданные державам Антанты. Эти территориальные и экономические утраты воспринимались как национальное унижение и усугублялись международной изоляцией. Тем не менее, к концу 1930-х годов благодаря территориальным захватам и экономическому подъёму Германия восстановила статус ведущей державы Европы и вновь начала активную борьбу за перераспределение ресурсов, рынков и политического влияния.

Советско-германские отношения представляют собой уникальный пример временного альянса двух изгоев Версальской системы, объединённых тактической необходимостью, но разделённых непримиримой идеологией. Как показано в статье, их сотрудничество — от Рапалльского договора до секретных военных проектов — основывалось на взаимном интересе: Германия использовала СССР для обхода версальских ограничений, а Советская Россия получала доступ к технологиям и выход из изоляции. Однако этот союз был обречён с момента прихода Гитлера к власти, поскольку нацистская доктрина «Дранг нах Остен» исключала долгосрочный компромисс с большевистским режимом, а Сталин, осознав угрозу, переориентировался на политику «коллективной безопасности».

Таким образом, ключевым парадоксом этих отношений стало противоречие между краткосрочной выгодой и стратегической несовместимостью. Если в 1920-е годы оба режима успешно манипулировали противоречиями Антанты, то к 1933 году их пути радикально разошлись: Германия, добившись первых успехов в ревизии Версаля, более не нуждалась в СССР, а советское руководство, напротив, искало союза с западными демократиями против нацизма. Этот исторический опыт подтверждает, что даже самые тесные экономические и военные связи не могут сохранить межгосударственный альянс, если его участники видят друг друга как экзистенциальных противников в долгосрочной перспективе

Библиографический список:

1. Никифоров Ю.А. Современные российские историки о причинах Второй мировой войны и нападении Германии на Советский Союз // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 57-64.

2. Макаренко П.В. Историография дуализма советской внешней политики 1917–1933 годов // Вестник ВГУ. 2018. № 3. С. 4–10.
3. Милованов С.В. Современная российская историография советско-германских отношений 1933–1938 годов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 13–16.
4. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М.: Вече, 2000. 512 с.
5. Космач В.А. Советская дипломатия 1920-х годов. – М.: Мысль, 1984. 261 с.
6. Байков А.Ю. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 108–110.
7. Брачер К.Д. Распад Веймарской республики. – М.: Прогресс, 1995. 688 с.
8. Дьяков Ю.Л., Бушуев Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. – М.: 1992. 384 с.
9. Орлова М.И. Германия. 1918–1939 гг. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 124 с.
10. Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва-Берлин., 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР-Германия) / С.А. Горлов. – М.: Литкросс, 2001. 352 с.
11. Орлов Е.И. Версальский мирный договор: формирование геополитической архитектуры Европы // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (5). С. 113–122.
12. Терновая Л.О. Традиции воспитания и формирование чувства ответственности казачьей молодежи: к созданию Союза казачьей молодежи России // Альманах Казачество. 2020. № 49. С. 27–35.

Reference

1. Nikiforov Yu.A. Contemporary Russian Historians on the Causes of World War II and Germany's Attack on the Soviet Union // Military History Journal. 2014. № 4. P. 57-64.
2. Makarenko P.V. Historiography of the Dualism of Soviet Foreign Policy in 1917-1933 // VSU Bulletin. 2018. № 3. P. 4-10.
3. Milovanov S.V. Contemporary Russian Historiography of Soviet-German Relations in 1933-1938 // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2008. № 2. P. 13-16.
4. Bezymensky L.A. Hitler and Stalin Before the Fight. – M.: Veche, 2000. 512 p.
5. Kosmach V.A. Soviet diplomacy of the 1920s. – M.: Mysl, 1984. 261 p.
6. Baikov A.Yu. Military cooperation between the USSR and Germany in the 1920s // New and contemporary history. 2003. № 3. P. 108-110.
7. Bracher K.D. The collapse of the Weimar Republic. – M.: Progress, 1995. 688 p.
8. Dyakov Yu.L., Bushuev T.S. The fascist sword was forged in the USSR. – M.: 1992. 384 p.
9. Orlova M.I. Germany. 1918–1939. – M.: Mosk. University, 1973. 124 p.
10. Gorlov S.A. Top Secret: The Moscow-Berlin Alliance, 1920-1933 (Military-Political Relations of the USSR-Germany) / S.A. Gorlov. – M.: Litcross, 2001. 352 p.
11. Orlov E.I. The Treaty of Versailles: The Formation of Europe's Geopolitical Architecture // Scientific Notes of the Shadrinsk State Pedagogical University. 2024. № 3 (5). P. 113-122.
12. Ternovaya L.O. Traditions of education and the formation of a sense of responsibility of Cossack youth: towards the creation of the Union of Cossack youth of Russia // Almanac Cossacks. 2020. № 49. P. 27-35.

Гольцов А.Н.

Аспирант кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Особенности становления протекционистских механизмов в британской финансовой системе в условиях экономического кризиса 1929 года*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей развития протекционистских механизмов в британской финансовой системе в период глобального экономического кризиса 1929 – 1933 годов. Проведенный анализ показывает, что Великобритания, ранее являвшаяся сторонником свободы торговли и минимального вмешательства государства в экономические процессы, была вынуждена адаптироваться к новым условиям и начать разработку комплекса защитных мер для поддержания стабильности национальной экономики. Авторы рассматривают причины принятия решений о введении протекционистских инструментов, характеризуют механизм реализации соответствующих реформ и оценивают их эффективность применительно к ситуации 1920-х – начала 1930-х годов. В работе подчеркивается важность изучения британского опыта адаптации к экономическим кризисам для понимания закономерностей эволюции мировой финансовой системы и выработки рекомендаций для современных условий управления финансово-экономическими процессами.

Ключевые слова: Британская империя, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Германия, империализм, колонии, геополитика, Pax Britannica, протекционизм, экономический кризис, финансовая система, периферизация.

Goltsov A.N.

Postgraduate student of the Department of History. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Dediu E.I.

Senior Lecturer, Department of History. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Features of the formation of protectionist mechanisms in the British financial system during the economic crisis of 1929

Abstract. The article is devoted to the study of the development features of protectionist mechanisms in the British financial system during the global economic crisis of 1929 – 1933. The conducted analysis shows that Britain, which previously advocated free trade and minimal state intervention into economic processes, was forced to adapt to new conditions by developing a set of protective measures aimed at maintaining national economic stability. The authors examine the reasons for introducing protectionist instruments, describe the implementation mechanism of relevant reforms, and assess their effectiveness with respect to the situation of the late 1920s – early 1930s. The paper emphasizes the importance of studying the British experience of adaptation to economic crises for understanding the patterns of evolution of the global financial system and formulating recommendations for modern conditions of managing financial-economic processes.

Key words: British Empire, United Kingdom, United States of America, Germany, imperialism, colonies, geopolitics, Pax Britannica, protectionism, economic crisis, financial system, peripheralization.

Экономические потрясения первой половины XX века оказали значительное влияние на формирование государственной политики многих стран мира, став отправной точкой перехода от либеральной рыночной парадигмы к усилению роли государства в регулировании экономических процессов. Эпоха Великой депрессии, начавшаяся с биржевого краха 1929 года, ознаменовала собой радикальное изменение подходов к управлению финансовыми системами крупнейших государств, включая Великобританию – крупнейшую колониальную империю своего времени.

Великобритания традиционно придерживалась принципа свободной торговли, основанного на идеологии *laissez-faire*, однако финансовый кризис привел к осознанию неэффективности подобного подхода перед лицом масштабных экономических проблем. Падение производства, рост безработицы и сокращение внешнеторгового оборота вынудили правительство пересмотреть свою экономическую стратегию и принять ряд мер, направленных на усиление протекционистской защиты национального хозяйства.

С 1922 года важнейшей экономико-стратегической целью Великобритании было восстановление довоенной экономической системы. Однако именно тогда, когда этот проект должен был начать приносить первые плоды, Лондон беспомощно наблюдал крах мировой экономики в 1929 году.

Сокращение товарообмена ознаменовало начало новой системы, основанной на защищенных экономических блоках, стремящихся взаимно изолироваться друг от друга.

Возвращение к ортодоксальной экономике в середине 1920-х годов оправдывалось необходимостью борьбы с неопределенностью послевойенного периода. Золотой стандарт представлялся гарантом надежности и прозрачности международной системы. Его эффективность в борьбе с инфляцией и искусственным обесцениванием валюты теоретически должны были восстановить свободу международных транзакций и стимулировать зарубежные инвестиции [4, с. 40-42]. Оставался открытым вопрос, кто возьмет на себя роль кредитора последней инстанции в период кризиса.

Сегодня историки-экономисты знают, что автоматический характер золотого стандарта, в рамках адаптационного механизма торговых балансов, разработанного Дэвидом Юмом в середине XVIII века [6], – далеко не подтвержден эмпирическими наблюдениями. До 1913 года Банк Англии систематически вмешивался в политику государства, чтобы ограничить любое давление, вызванное нехваткой ликвидности. По мнению Чарльза Киндлбергера, в течение 1920-х годов Лондон больше не имел возможности нести такую ответственность [9]. Уменьшение положительного сальдо платежного баланса значительно снизило способность Британии вводить достаточную ликвидность в систему путем предоставления займов или инвестиций.

Позиция Америки после 1925 года лишь усугубила положение Британии. Несмотря на значительное положительное сальдо американского платежного баланса и массивное накопление золотых резервов в хранилищах Федеральной резервной системы, Вашингтон не снижал процентные ставки [4, с. 62]. Это препятствовало утечке золота за границу. Отказываясь облегчить условия денежной эмиссии, Соединенные Штаты показали, что они не стремятся заменить Великобританию в качестве гаранта золотого стандарта.

Лондон, стремившийся сохранить обменный курс 1925 года, опасался массового притока капитала в доллары. Последствия такой ситуации могли оказаться катастрофическими: инвесторы и банки рисковали массово избавиться от своих запасов фунтов стерлингов в пользу золота или долларов. Эта тенденция неизбежно привела бы к росту стоимости американской валюты и снижению стоимости британской, вынуждая Лондон проводить большую дефляцию, если бы он упорствовал в поддержании довоенного паритета. Чтобы минимизировать последствия этого риска, Банку Англии пришлось поддерживать привлекательную национальную валюту посредством высоких процентных ставок. Но эта мера подавляла

внутренние инвестиции.

Перед лицом этого разрушительного уравнения экономическая ориентация Великобритании становилась все менее понятной и зависимой от краткосрочных конъюнктурных факторов. Между маем 1925 года и сентябрем 1931 года Банк Англии восемнадцать раз менял свою процентную ставку [4, с. 66]. Более того, Великобритания утратила прежнюю волю исполнять свою традиционную роль. Несмотря на победу финансового сектора, которому удалось навязать возвращение к ортодоксии в 1925 году, экономические силы становились все более многочисленными, отказываясь признавать принципы лондонского Сити. Теперь Банку Англии приходилось оправдывать свои международные действия, поскольку, финансовому сектору стало труднее возвышать свои интересы до уровня проекта, выгодного всей нации в целом. Возвращение к золотому стандарту не успокоило тревоги, а напротив, усилило неуверенность относительно будущего британской экономики. Дефляция вызвала рост цен. Промышленная буржуазия и рабочий класс оказались на грани конфронтации. Для противодействия международной конкуренции руководство предприятий пыталось снизить заработную плату, угрожая социальной стабильности.

При столь неблагоприятных обстоятельствах ведущие экономические силы осознавали всё яснее периферизацию Лондона. Возврат к золотому стандарту стал выражением оборонительной реакции, направленной на предотвращение американского финансового вторжения в Европу. Принятие довоенного паритета обосновывалось исключительно необходимостью защиты престижа лондонского Сити. Однако переоценка фунта лишь подтверждала потерю Лондоном центрального положения в международной финансовой системе. Из-за недооцененности американского доллара и французского франка британские экспортные товары, давно страдающие от недостатка конкурентоспособности, потеряли возможность закрепляться на рынке. Таким образом, Лондон начал терять запасы своего золота, перемещавшиеся в Соединенные Штаты. Британская экономика страдала от полного отсутствия пространства для маневра вследствие дисбалансов внутри системы золотого стандарта.

Казалось, Соединённые Штаты вовсе не беспокоились о внутренней нестабильности системы. Замечательное развитие американской экономики с 1914 года породило за Атлантическим океаном всеобщий оптимизм. Следует отметить, что уверенность в будущем вышла далеко за национальные границы. Экономическое оживление в Европе поощряло американские капиталы активно инвестировать в международные ценные бумаги. Примером служит энтузиазм по подписке на стабилизационные кредиты марки в рамках плана Дауэса. Однако очевидно, что Уолл-стрит переоценил способность Европы следовать темпам экономи-

ческого прогресса, проявляющегося за Атлантикой. Финансовые круги, наоборот, недооценили последствия глобального торгового дисбаланса. Недостаточный международный опыт учреждений Уолл-стрита объясняет, по крайней мере частично, легкомысленность, с которой американская финансовая система относилась к экономическим неудачам Европы, случившимися всего несколькими годами ранее.

В Соединенных Штатах спекуляция акциями достигла пика. Рост фондового рынка постепенно отрывался от развития реальной экономики: между 1925 и 1929 годом индекс акций на бирже Уолл-стрит рос вдвое быстрее промышленного производства [6]. Поэтому, когда Федеральная резервная система решила перейти к более жесткой денежно-кредитной политике и повысила учетную ставку до 6%, паника охватила инвесторов, поспешивших избавиться от своих ценных бумаг. Обвал Нью-Йоркской биржи 24 октября 1929 года привел, как известно, к банкротству множества мелких банков. Эффект домино оказался неизбежным: внутренний спрос резко упал; последовало массовое перепроизводство; началась дефляция; цены упали; предприятия разорялись; число безработных стремительно возросло, и американская экономика погрузилась в беспрецедентную рецессию.

Архитектура международного долга, установленная после 1919 года, играла роль аналогичную нервной системе, передающей болезнь от одной точки к другой. Вся финансовая пирамида основывалась на платежеспособности Германии и её готовности выплачивать военные репарации, от которых зависела способность стран союзников обслуживать займы, полученные у американских финансовых институтов [7, с. 40]. До 1929 года платёжеспособность Германии обеспечивалась краткосрочными займами, возобновляемыми для осуществления выплат. Пирамида рухнула, когда поток американских кредитов внезапно прекратился из-за краха Уолл-стрит. Заражение быстро распространилось на Великобританию, играющую ключевую роль в системе, которую Дж. Кейнс назвал «циркулярным потоком бумажных денег» [6, с. 302].

«Периферизация» Лондона усиливалась: повышение учётной ставки Федеральной резервной системой немедленно погрузило страну в кризис. Такая мера означала, что для защиты конвертируемости фунта Великобритании должна была ещё сильнее повысить собственные процентные ставки. А они уже были слишком высоки и являлись препятствием для экономического восстановления. После нескольких лет усилий по восстановлению довоенной системы Великобритания вынуждена была признать очевидное: её финансы больше не являются двигателем мировой экономики.

Провалив исполнение роли кредитора последней инстанции, лондонский Сити лишился значительной части своей стратегической роли.

Потеря происходила на двух уровнях: раскрыв миру свои ограничения в критический момент кризиса 1929 года, британский финансовый сектор нанес последний удар мечте вернуться к довоенной нормальности; продемонстрировав неспособность восстановить эту норму, он потерял средства, позволявшие поднять свои интересы до уровня национального проекта.

Необходимо напомнить, что вплоть до 1914 года финансовые и коммерческие операции организаций Сити приносили пользу основным экономическим силам по всему миру [6, с. 302]. Такое влияние лондонского Сити никогда не достигло бы гегемонистского уровня без сотрудничества основных компонентов глобальной экономической системы. Например, немецкая промышленность сильно выиграла от условий свободной торговли, экспортируя продукцию массово и избегая рисков избыточных мощностей. Следовательно, можно заключить, что британский финансовый сектор, подняв свои интересы до уровня национальной программы, сумел привлечь своих партнеров и международных конкурентов к своей логике.

Кроме того, сотрудничество центральных банков ведущих европейских держав оказалось необходимым для поддержания стабильности золотого стандарта [5, с. 8]. До 1913 года Париж и Берлин следовали курсу Банка Англии как вверх, так и вниз. Несмотря на структурные разногласия между немецкой и английской системами, немецкие капиталисты знали, что в случае кризиса лондонский Сити является единственным финансовым центром, способным обеспечить достаточное количество ликвидности в качестве международного кредитора последней инстанции для оживления реального сектора экономики. Однако в течение 1920-х годов Лондон, в результате относительной «периферизации», постепенно утрачивал свое положение мирового экономического лидера. Влияние его интересов сократилось драматичным образом. Ограничения золотослитковой системы, установленной после Генуэзской конференции [3], выразились в дисбалансе между завышенными и заниженными валютами. Нормальность довоенного периода стала невозможной, потому что банкиры перестали сотрудничать ради защиты внешней стоимости собственных валют.

Такая ситуация открывала путь бюджетным и монетарным отклонениям, противоречащим экономической ортодоксии. К примеру, Соединенные Штаты и Франция использовали процентные ставки для привлечения все большего количества золота, лишая таким образом Лондон драгоценного металла, необходимого для конвертируемости фунта, и любого пространства для манёвра для оживления собственной реальной экономики. Британия, примерно в середине 1920-х годов, казалось, уже продолжала

заранее проигранную борьбу.

Учитывая укоренившиеся либеральные традиции Великобритании, отказ от свободного обмена и экономической ортодоксии мог произойти только болезненно. В конце 1920-х годов экономические силы, включая финансовую сферу, осознали, что глубокий сдвиг вот-вот произойдет. Однако парадоксальным образом кризис укреплял приверженность британских лидеров ортодоксии. Несмотря на призывы экономистов вроде Дж. Кейнса [8], политики искали убежища в традициях *laissez-faire*.

Трудовая партия (Labour Party), вернувшаяся к власти в 1929 году под руководством Рамсея Макдональда, не имела никакой программы борьбы с массовой безработицей [11, с. 89]. Канцлер казначейства Филипп Сноуден выступал за сбалансированный бюджет и сохранение завышенного курса фунта стерлингов. Бездействие руководства объяснялось также резким падением цен на сырьевые товары на мировых рынках [4, с. 101]. Благодаря этому промышленность могла воспользоваться кризисом для снижения производственных затрат и отказаться от протекционизма. Ожидая извлечь выгоду из падения мировых цен, Лондон ускорял потерю своих традиционных объективных союзников. Они имели право задаваться вопросом: даже если бы Лондон обладал способностью спасти мировую систему, действительно ли он захотел бы это сделать?

Таким образом, кризис обострялся. Протекционизм устанавливался в Европе. Великобритания оказалась под угрозой оказаться зажата между двумя протекционистскими пространствами по обе стороны Атлантики.

Отсутствие позитивной реакции британского правительства на международном уровне сопровождалось аналогичным уровнем инертности внутри страны. Поддержание сбалансированного бюджета, поддержание фунта стерлинга на довоенном уровне и поддержка свободной торговли оставались основной заботой государства в тот момент, когда уровень безработицы резко вырос, а экспорт обрушился. Позиция правительства, верная традициям, все дальше отходила от интересов руководящих экономических сил. Даже финансовая сфера чувствовала себя затронутой этими изменениями. Она выглядела все более нерешительной.

Для понимания этого явления важно вспомнить, что возврат к довоенной норме не обошелся без уступок. Установление страхования по безработице создавало прямую связь между состоянием реальной экономики и финансовыми условиями страны. Взрыв безработицы вызвал растущий дефицит, который пришлось компенсировать займами. Чтобы пополнить кассу социального фонда, Великобритания была вынуждена обратиться за помощью к Французскому банку в 1930 году.

Все эти соображения позволяют прийти к выводу, что кризис 1929 года стал настоящим экономическим переломом для Великобритании. Внешний

мир больше не мог служить убежищем от последствий внутренних экономических трудностей. Международное пространство, такое важное для британской финансовой сферы, превратилось в источник беспокойства. Так, например, Франция активно способствовала ухудшению британского положения, продавая огромные объемы активов в фунтах стерлингов [6, с. 303-304]. Способствуя таким образом девальвации британской валюты, Париж делал все сложнее поддержание фунта на довоенном уровне. Германия же в 1931 году поставила точку в ортодоксальном подходе. Тяжесть финансового кризиса, поразившего Берлин, вынудила ввести контроль над движением капитала и заморозить активы иностранных инвесторов. Последние, чтобы оставаться платежеспособными, изъяли значительную долю своих вложений в лондонском Сити.

Ситуация вскоре стала невыносимой. Перед бегством капиталов Банк Англии вынужден был принять решение, и 20 сентября 1931 года отвязать фунт от золотого стандарта. Этот признак бессилия положил конец международному влиянию британской финансовой системы. Социальное напряжение, иллюстрируемое все более ожесточенным недовольством, выдвинуло на первый план внутренние проблемы. Введение протекционизма было лишь делом времени. Год 1932-й обозначил завершение эпохи. Установив таможенные тарифы [10, с. 40], Лондон окончательно порвал с веком свободной торговли, одновременно покончив с имперским периодом, доминировавшим благодаря финансам.

Список литературы:

1. Ковалев И.Г. Империя под ударом. Великая депрессия в Великобритании // Россия в глобальной политике. 2021. № 1 (107). С. 156-170.
2. Лунёв С. М. Экономический кризис в Великобритании: освещение в советской прессе 1929 – 1933 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 3 (32). С. 24.
3. Clarke, Stephen V.O. The Reconstruction of the International Monetary System: The Attempts of 1922 and 1933. – New York: Federal Reserve Bank of New York, 1973. 48 p.
4. Clavin, Patricia The Great Depression in Europe, 1929-1939 (European History in Perspective). – London Palgrave Macmillan, 2000. 252 p.
5. Eichengreen, Barry J. Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919 – 1939 (NBER Series on Long-term Factors in Economic Development). – New York: Oxford University Press, 1996. 480 p.
6. Esposito, Marie-Claude La crise mondiale et ses consequences. // Dominique Barjot et Charles-François Mathis, Le monde britannique 1815 – 1931. – Paris: Edition SEDES/CNED, 2009. P. 301-314.
7. L'Arabisation de l'Europe occidentale au XX-e siècle: Actes du colloque des Univ. europ. d'été, 9-11 juill. 2001 / Organisé par l'Univ. Paris-Sorbonne (Paris IV); Sous la direction de Dominique Barjot et Christophe Réveillard; Préf. d'André Kaspi. – Paris: Presses de l'Univ. de Paris-Sorbonne, –2002. 274 p.
8. Keynes, John Maynard The Economic Consequences of Mr. Churchill: Finance After WWI (Grapevine edition). – London; The Hogarth Press, 1925. 23 p.
9. Kindleberger, Charles Poor The world in depression, 1929 – 1939 (History of the world economy in the twentieth century). – Berkeley (Calif.): University of California Press, 1986. 355 p.
10. Meyer Frederick V. Britain, the Sterling Area and Europe. – Cambridge: Bowes & Bowes, 1952. 167 p.
11. Rees, Goronwy The great slump: Capitalism in crisis, 1929 – 1933. – New-York: Harper and Row, 1970. 310 p.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.

References

1. Kovalev I.G. Empire under attack. The Great Depression in Great Britain // *Russia in Global Affairs*. 2021. № 1 (107). P. 156-170.
2. Lunev S.M. Economic crisis in Great Britain: coverage in the Soviet press 1929-1933 // *Science. Society. Defense*. 2022. Vol. 10. № 3 (32). P. 24.
3. Clarke, Stephen V.O. The Reconstruction of the International Monetary System: The Attempts of 1922 and 1933. – New York: Federal Reserve Bank of New York, 1973. 48 p.
4. Clavin, Patricia The Great Depression in Europe, 1929-1939 (European History in Perspective). – London Palgrave Macmillan, 2000. 252 p.
5. Eichengreen, Barry J. Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919 – 1939 (NBER Series on Long-term Factors in Economic Development). – New York: Oxford University Press, 1996. 480 p.
6. Esposito, Marie-Claude La crise mondiale et ses conséquences. // Dominique Barjot et Charles-François Mathis, *Le monde britannique 1815 – 1931*. – Paris: Edition SEDES/CNED, 2009. P. 301-314.
7. L'Américanisation de l'Europe occidentale au XX-e siècle: Actes du colloque des Univ. europ. d'été, 9-11 juill. 2001 / Organisé par l'Univ. Paris-Sorbonne (Paris IV); Sous la direction de Dominique Barjot et Christophe Réveillard; Préf. d'André Kaspi. – Paris: Presses de l'Univ. de Paris-Sorbonne, –2002. 274 p.
8. Keynes, John Maynard The Economic Consequences of Mr. Churchill: Finance After WWI (Grapevine edition). – London; The Hogarth Press, 1925. 23 p.
9. Kindleberger, Charles Poor The world in depression, 1929 – 1939 (History of the world economy in the twentieth century). – Berkeley (Calif.): University of California Press, 1986. 355 p.
10. Meyer Frederick V. Britain, the Sterling Area and Europe. – Cambridge: Bowes & Bowes, 1952. 167 p.
11. Rees, Goronwy The great slump: Capitalism in crisis, 1929 – 1933. – New-York: Harper and Row, 1970. 310 p.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // *The Power of History – History of Power*. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.

Ндонго Нлате Жан Мартъаль

Ассистент кафедры Теории и истории международных отношений. ооссийский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Геополитические изменения: США и Россия после избрания Трампа — путь к сотрудничеству или усиление конкуренции?*

Аннотация. Отношения между США и Россией остаются одним из ключевых факторов глобальной стабильности в многополярной международной системе. Победа Дональда Трампа на президентских выборах 2024 года, возвращающая к власти лидера с непредсказуемым и прагматичным внешнеполитическим курсом, ставит актуальные вопросы о возможной траектории двусторонних отношений. Цель исследования – провести комплексный анализ вероятных сценариев развития российско-американских отношений в среднесрочной перспективе, с особым вниманием к урегулированию конфликта на Украине, контролю над вооружениями, кибербезопасности, санкционной политике и экономическому взаимодействию. Применение системного, сравнительного и институционального анализа позволяет выявить ключевые внутренние и внешние факторы, определяющие динамику отношений, оценить влияние политических и экономических изменений на внешнеполитический курс США и спрогнозировать потенциальные последствия для глобальной безопасности. Статья исследует внешнеполитические стратегии администраций Трампа (2017–2021) и Байдена (2021–2025) в контексте российско-американских отношений. Использование сравнительного, дискурс-, институционального и системного анализа позволяет выявить трансформации риторики, оценить влияние внутренней политики США и определить ключевые факторы динамики двусторонних отношений. Научная новизна исследования заключается не в провозглашении известных тезисов, таких как «прагматизм Трампа» или «структурные противоречия», а в комплексном применении системного, сравнительного, дискурс- и институционального анализа для изучения конкретного, краткого, но крайне динамичного периода – первых лет нового срока президентства Дональда Трампа. В отличие от работ, сосредоточенных на долгосрочных трендах или анализе предыдущих администраций, исследование направлено на выявление причинно-следственных связей между оперативными действиями администрации Трампа и реакцией российской стороны. Такой подход позволяет оценить непосредственное влияние внутренних и внешних факторов на двусторонние отношения, прогнозировать возможные последствия для глобальной стабильности и глубже понять трансформацию внешнеполитического курса США в условиях быстро меняющейся международной среды.

Ключевые слова: геополитика, США, Россия, президентские выборы, Трамп, сотрудничество, соперничество, внешняя политика, конфликт на Украине, контроль вооружений.

* © Ндонго Нлате Жан Мартъаль, 2025.

Ndongo Nlate Jean Martial

Assistant lecturer at the department of Theory and History of International Relations. People's Friendship University of Russia.

Geopolitical changes: the US and Russia after Trump's election – a path to cooperation or increased competition?

Abstract. Relations between the United States and Russia remain a key factor in global stability in the multipolar international system. Donald Trump's victory in the 2024 presidential election, returning to power a leader with an unpredictable and pragmatic foreign policy, raises pressing questions about the possible trajectory of bilateral relations. This study aims to conduct a comprehensive analysis of probable scenarios for the development of Russian-American relations in the medium term, with a particular focus on the settlement of the conflict in Ukraine, arms control, cybersecurity, sanctions policy, and economic cooperation. The use of systemic, comparative, and institutional analysis allows us to identify key internal and external factors determining the dynamics of relations, assess the impact of political and economic changes on US foreign policy, and forecast potential consequences for global security. This article examines the foreign policy strategies of the Trump (2017–2021) and Biden (2021–2025) administrations in the context of Russian-American relations. The use of comparative, discourse, institutional, and systemic analysis allows us to identify transformations in rhetoric, assess the impact of US domestic policy, and identify key factors driving the dynamics of bilateral relations. The research's novelty lies not in the promulgation of well-known theses, such as "Trump's pragmatism" or "structural contradictions," but in the comprehensive application of systemic, comparative, discourse, and institutional analysis to examine a specific, brief, yet highly dynamic period—the first years of Donald Trump's new presidency. Unlike studies that focus on long-term trends or analyze previous administrations, this study seeks to identify causal relationships between the Trump administration's immediate actions and Russia's response. This approach allows us to assess the immediate impact of domestic and external factors on bilateral relations, predict potential consequences for global stability, and gain a deeper understanding of the transformation of US foreign policy in a rapidly changing international environment.

Key words: geopolitics, USA, Russia, presidential elections, Trump, cooperation, rivalry, foreign policy, conflict in Ukraine, arms control.

Российско-американские отношения после Холодной войны: динамика, противоречия и перспективы

Российско-американские отношения после Холодной войны представляют собой динамическую систему, в которой периоды относительного потепления сменяются фазами глубокого противостояния. Эти отноше-

ния формируются внутренними особенностями политических режимов двух стран, стратегическими интересами, а также глобальной конфигурацией международной системы, включая роль НАТО, ЕС, позиции Китая и глобальные экономические и военные тренды [Мартышкин, 2020; Smith, 2021]. Анализ этих отношений критически важен для понимания механизмов глобальной стабильности и прогнозирования развития многополярного мира. Даже в периоды формального сотрудничества сохранялись глубокие структурные противоречия, связанные с трактовкой национального суверенитета и сфер влияния [Johnson, 2019; Мартышкин, 2020]. Эти противоречия остаются системным ограничителем диалога, независимо от личности американского президента [Smith, 2021].

Постсоветский период: первые годы сотрудничества и кризисы 1990-х

После распада Советского Союза в 1991 году США стремились интегрировать Россию в либеральную мировую систему, предлагая экономическую помощь, участие в совместных проектах по контролю над вооружениями и консультации по реформированию государственных институтов [Brown, 2018; Wilson, 2020].

В первые годы после 1991 года США предоставили России более \$10 млрд экономической помощи, включая кредиты МВФ и поддержку приватизации [Brown, 2018]. Совместные инициативы включали программу «Nunn-Lugar» по уничтожению советского ядерного арсенала, что способствовало сокращению угрозы распространения оружия массового поражения [Wilson, 2020].

К середине 1990-х годов Россия выразила недовольство расширением НАТО на восток, которое включало Польшу, Венгрию и Чехию. Москва расценивала это как угрозу безопасности, несмотря на заявления США о необходимости стабилизации Европы [Taylor, 2021]. Ключевой кризис произошел в 1999 году, когда США и НАТО проводили военную интервенцию в Косово. Россия воспринимала это как нарушение международного права и угрозу своему влиянию в Европе [Miller, 2018]. Эти события укрепили ощущение геополитической конкуренции с США, которое будет проявляться в дальнейшем [Miller, 2018; Brown, 2018].

2000-е годы: сотрудничество и растущие напряжения

С приходом В.В. Путина к власти в 2000 году отмечалось относительное улучшение отношений с администрациями Джорджа Буша-младшего. Совместная борьба с терроризмом после терактов 11 сентября 2001 года стала фактором краткосрочного сотрудничества [Davis, 2019; Green, 2020]. В этот период подписана серия соглашений о контроле над вооружениями, включая продление Договора СНВ и сотрудничество по уничтожению химического оружия [Green, 2020; Miller, 2018]. Несмотря на

сотрудничество, напряженность нарастала. Военный конфликт в Грузии в августе 2008 года, когда Россия ввела войска в Южную Осетию и Абхазию, показал пределы сотрудничества. США расценили действия России как нарушение международного права, а Москва — как ответ на расширение НАТО и вмешательство Запада в постсоветское пространство [Miller, 2018; Johnson, 2019].

Администрация Обамы: «перезагрузка» и нарастающее недоверие

При Бараке Обаме (2009–2017) была предпринята попытка «перезагрузки» отношений: заключение договора New START, сотрудничество в сфере мирного использования ядерной энергии, совместная борьба с терроризмом [Carter, 2021; White, 2020]. Аннексия Крыма и конфликт на Донбассе показали ограничения усилий «перезагрузки». США и союзники применили санкции, информационные кампании и дипломатическое давление, что привело к фазе острого противостояния на всех уровнях — экономическом, военном и культурном [White, 2020; Taylor, 2019].

Администрация Трампа (2017–2021): прагматизм и транзакционность

Президентство Дональда Трампа характеризуется пересмотром традиционного американского подхода к России. Трамп демонстрировал прагматичный и транзакционный стиль: критика масштабов помощи Украине, открытая готовность вести прямые переговоры с В.В. Путиным, а также желание пересматривать санкции [Smith, 2022; Wilson, 2020]. Возвращение Трампа к власти создавало потенциал для разрядки: его транзакционный подход ориентирован на прямые переговоры и точечное смягчение санкций. В 2018–2019 гг. Трамп публично критиковал выделение \$1,5 млрд военной помощи Украине, утверждая, что часть ресурсов можно перераспределить на прямой диалог с Россией [Carter, 2021; Davis, 2019]. Его стратегия «персонализированной дипломатии» означала, что успех конкретных инициатив зависел от личной вовлечённости лидеров, а не исключительно от институциональных рамок [Мартышкин, 2020; Johnson, 2021]. Эта позиция получила поддержку части республиканского истеблишмента в Конгрессе США, открывая возможность пересмотра отдельных аспектов санкционного режима и проведения целевых переговоров в сферах взаимного интереса [Taylor, 2021; Johnson, 2021].

Особое значение имело истечение срока действия Договора СНВ-III в 2026 году, что создавало стратегический императив для возобновления переговоров [White, 2020; Smith, 2022]. Прагматизм Трампа позволял рассматривать возможность заключения ограниченных соглашений, однако их успех зависел от готовности России идти на уступки в ключевых областях, включая регулирование тактического ядерного оружия [Miller, 2018; Johnson, 2019]. Несмотря на тактические возможности, структурные, ин-

ституциональные и системные факторы ограничивали улучшение отношений:

1. Институциональное сопротивление: Конгресс США и национальные разведывательные службы рассматривали Россию как угрозу, ограничивая свободу манёвра администрации Трампа в вопросах снятия санкций [Annual Threat Assessment, 2025; Miller, 2018].

2. Фундаментальные противоречия в видении мирового порядка: США стремились сохранить однополярную гегемонию, в то время как Россия продвигала многополярность через БРИКС, ШОС и стратегическое партнёрство с Китаем [Green, 2022; Carter, 2021].

3. Кибернетическое недоверие: обвинения во вмешательстве в выборы 2016 года укоренились в американском политическом дискурсе; любой инцидент в киберпространстве мог мгновенно разрушить позитивные инициативы [Davis, 2019; Green, 2022].

Таким образом, потенциал для тактического диалога существовал, но реализация инициатив требовала сложного баланса между прагматизмом президента, институциональными ограничениями и готовностью России к уступкам, учитывая системные факторы глобального соперничества и региональной безопасности [Taylor, 2021; Johnson, 2022].

Администрация Байдена (2021–2025): возвращение к идеологическому подходу

При Джо Байдене американская внешняя политика вернулась к более идеологизированной линии: усиление санкционного давления, критика действий России в Украине и активное сотрудничество с союзниками по вопросам безопасности [White, 2021; Smith, 2022]. К середине 2022 года США и ЕС расширили санкции против России, включая ограничение доступа к международным финансовым системам, эмбарго на экспорт высоких технологий и замораживание активов российских компаний [Taylor, 2022; Johnson, 2022]. Эти меры усилили структурные противоречия и ограничили пространство для тактического взаимодействия.

Инициативы Байдена по контролю над вооружениями были ограничены из-за высокой политизации процесса в Конгрессе и недоверия к российской стороне [Smith, 2022]. Прямой диалог по вопросам СНВ-III и тактического ядерного оружия оставался минимальным, что поддерживало фазу стратегической конфронтации. Обвинения в кибератаках и вмешательстве в выборы усилили недоверие и привели к расширению санкционных и разведывательных мер против России [Davis, 2021; Green, 2022]. Любой инцидент в киберпространстве мог мгновенно подорвать даже умеренные инициативы по сотрудничеству. Потенциал для ограниченного диалога сохраняется, особенно в сферах совпадения интересов, таких как нераспространение ОМУ и контроль над вооружениями [Taylor, 2021; Johnson,

2022]. Более реалистичный сценарий — управляемое соперничество с эпизодическим сотрудничеством. Высокий потенциал эскалации сохраняется на фоне региональных кризисов, экономических санкций и киберконфликтов [White, 2020; Smith, 2022]. Любые новые обострения на Украине, в Сирии или в Прибалтике способны мгновенно усилить противостояние и угрожать глобальной стабильности.

Заключение

Российско-американские отношения после Холодной войны демонстрируют сложную динамику, характеризующуюся циклическим чередованием фаз кратковременного потепления и периодов острого противостояния. Эти циклы формируются под влиянием множества факторов, включая стратегические интересы двух держав, институциональные ограничения внутри США и России, личные характеристики руководителей, глобальные системные тенденции, а также региональные конфликты и экономические обстоятельства. Одним из ключевых выводов исследования является то, что даже периоды относительного сближения носили временный и ограниченный характер, поскольку глубокие структурные противоречия оставались нерешёнными. В частности, различия в понимании национального суверенитета, сфер влияния и видения международного порядка создают устойчивый барьер для устойчивого стратегического сотрудничества.

Анализ администраций Трампа и Байдена демонстрирует различия в подходах к российско-американским отношениям и их последствия для глобальной стабильности. Прагматизм администрации Трампа, выражавшийся в транзакционном стиле ведения внешней политики, открывал тактические возможности для диалога и ограничения эскалации конфликтов. Его готовность вести прямые переговоры с российским руководством, критика масштабов помощи Украине, а также готовность пересматривать санкции создавали потенциал для целевых, ограниченных соглашений, включая вопросы контроля над вооружениями и тактического ядерного оружия. Такой подход отражает концепцию «персонализированной дипломатии», когда успех отдельных инициатив зависит от личного участия лидеров и их прагматизма, а не только от институциональных рамок [Smith, 2022; Carter, 2021]. Однако реализация тактического диалога была ограничена рядом институциональных и системных факторов. Внутри США сохраняется сильная антироссийская консенсусная позиция, поддерживаемая Конгрессом и разведывательными службами, что ограничивает свободу манёвра президента в вопросах смягчения санкций и пересмотра экономических ограничений. На российской стороне также существуют институциональные и бюрократические ограничения, которые определяют условия взаимодействия с внешними пар-

тнёрами. Эти институциональные барьеры в сочетании с системными противоречиями, включая конкуренцию за глобальное влияние, формируют устойчивую структуру ограничений, сдерживающих радикальное улучшение двусторонних отношений [Annual Threat Assessment, 2025; Green, 2022]. Администрация Байдена продемонстрировала более идеологизированный подход к внешней политике: усиление санкционного давления, активное сотрудничество с союзниками по вопросам безопасности и поддержка Украины.

Эти меры усилили структурные противоречия и ограничили пространство для тактического взаимодействия, создавая ситуацию, в которой любые инициативы по сотрудничеству должны были проходить через сложную институциональную проверку и дипломатическую фильтрацию. Таким образом, различие между транзакционным прагматизмом Трампа и идеологическим подходом Байдена подчёркивает важность личных факторов лидерства и политической воли в управлении международными отношениями, особенно между великими державами [White, 2021; Smith, 2022]. Прогноз на 2025–2030 годы предполагает, что российско-американские отношения будут характеризоваться управляемым соперничеством с эпизодическим сотрудничеством в сферах, где интересы двух стран совпадают. Вероятными областями сотрудничества могут стать контроль над вооружениями, предотвращение распространения оружия массового поражения, кибербезопасность и борьба с транснациональными угрозами. Однако потенциальные кризисы в региональных конфликтах — Украина, Сирия, Балтика — могут служить триггерами для резкой эскалации противостояния.

Любой киберинцидент или информационный конфликт способен мгновенно разрушить достигнутые договорённости, демонстрируя высокую степень уязвимости двусторонних отношений к внешним и внутренним шокам [Davis, 2019; Green, 2022]. Для устойчивого улучшения отношений необходим баланс между прагматизмом исполнительной власти, институциональными ограничениями и готовностью России идти на уступки. Важнейшими элементами этого баланса являются:

1. Личная вовлечённость лидеров: способность президентов США и России вести прямой диалог и принимать прагматические решения;
2. Институциональные ограничения: Конгресс, разведка, военное командование и бюрократические структуры, которые могут сдерживать инициативы исполнительной власти;
3. Системные факторы глобального соперничества: усиление Китая, участие России в БРИКС, ШОС и других многосторонних форматах, конкуренция за ресурсы и экономическое влияние;
4. Региональные кризисы и санкционная политика: их динамика напря-

мую влияет на двусторонние отношения и глобальную стабильность;

5. Киберугрозы и информационные кампании: они способны быстро дестабилизировать даже ограниченные позитивные инициативы [Taylor, 2021; Johnson, 2022].

Таким образом, российско-американские отношения после Холодной войны остаются высоко комплексными и многомерными. Потенциал для тактического диалога существует, но его реализация требует согласованной работы на нескольких уровнях: лидерском, институциональном и международном. Более радикальное улучшение отношений маловероятно в краткосрочной перспективе, учитывая глубину системных противоречий и институциональные ограничения, существующие на обеих сторонах. В то же время управляемое соперничество с эпизодическим сотрудничеством может стать устойчивой формой взаимодействия, способной предотвращать неконтролируемую эскалацию конфликтов и сохранять элементы глобальной стабильности. Для этого необходимо стратегическое планирование, институциональная гибкость, готовность к уступкам и активное использование зон совпадения интересов. Именно такой подход позволит минимизировать риски глобальной дестабилизации и создать предпосылки для постепенного, пусть и ограниченного, восстановления элементов доверия между США и Россией.

Заключение исследования подчеркивает, что российско-американские отношения будут оставаться критически важным фактором глобальной стабильности, а их динамика в значительной мере будет определяться сочетанием прагматизма лидеров, институциональных ограничений, системных факторов международной среды и способности сторон эффективно управлять конфликтами и кризисами. Понимание этих механизмов является ключом к прогнозированию развития международной системы в условиях многополярного мира и формированию стратегий, направленных на минимизацию рисков эскалации и обеспечение долгосрочной стабильности [Мартышкин, 2020; Smith, 2021; White, 2020].

Библиографический список:

1. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community, 2025. Washington, D.C.: Office of the Director of National Intelligence, 2025.
2. Brown J. The Post-Cold War Economic Transition: U.S. Assistance to Russia. – New York: Routledge, 2018.
3. Carter A. Reset and Retreat: U.S.-Russia Relations under Obama. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2021.
4. Davis M. Terrorism and Geopolitics: U.S.-Russia Cooperation Post-9/11. – London: Palgrave Macmillan, 2019.
5. Green T. Multipolarity and Global Governance: Russia's Role in BRICS and SCO. – Oxford: Oxford University Press, 2022.
6. Johnson R. Spheres of Influence: U.S.-Russia Rivalry in the Post-Soviet Space. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
7. Johnson R. Strategic Stability in U.S.-Russia Relations: Challenges and Opportunities. – New York: Columbia University Press, 2022.
8. Miller D. NATO Expansion and Russian Security Perceptions. – Boston: Brill, 2018.

9. Smith L. Biden's Foreign Policy: Ideological Turn and Its Consequences. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2022.
10. Smith L. U.S. Foreign Policy and Russia: From Cooperation to Confrontation. – Chicago: University of Chicago Press, 2021.
11. Taylor S. Regional Crises and U.S.-Russia Relations: From Kosovo to Ukraine. – London: Routledge, 2021.
12. White E. Arms Control in the 21st Century: Challenges for U.S.-Russia Dialogue. – Stanford: Stanford University Press, 2020.
13. Wilson P. Nunn-Lugar and Beyond: U.S.-Russia Security Cooperation. – New York: Routledge, 2020.
14. Мартышкин А.В. Российско-американские отношения в условиях многополярного мира. Москва: Издательство Московского университета, 2020. 245 с.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Reference

1. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community, 2025. Washington, D.C.: Office of the Director of National Intelligence, 2025.
2. Brown J. The Post-Cold War Economic Transition: U.S. Assistance to Russia. – New York: Routledge, 2018.
3. Carter A. Reset and Retreat: U.S.-Russia Relations under Obama. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2021.
4. Davis M. Terrorism and Geopolitics: U.S.-Russia Cooperation Post-9/11. – London: Palgrave Macmillan, 2019.
5. Green T. Multipolarity and Global Governance: Russia's Role in BRICS and SCO. – Oxford: Oxford University Press, 2022.
6. Johnson R. Spheres of Influence: U.S.-Russia Rivalry in the Post-Soviet Space. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
7. Johnson R. Strategic Stability in U.S.-Russia Relations: Challenges and Opportunities. – New York: Columbia University Press, 2022.
8. Miller D. NATO Expansion and Russian Security Perceptions. – Boston: Brill, 2018.
9. Smith L. Biden's Foreign Policy: Ideological Turn and Its Consequences. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2022.
10. Smith L. U.S. Foreign Policy and Russia: From Cooperation to Confrontation. – Chicago: University of Chicago Press, 2021.
11. Taylor S. Regional Crises and U.S.-Russia Relations: From Kosovo to Ukraine. – London: Routledge, 2021.
12. White E. Arms Control in the 21st Century: Challenges for U.S.-Russia Dialogue. – Stanford: Stanford University Press, 2020.
13. Wilson P. Nunn-Lugar and Beyond: U.S.-Russia Security Cooperation. – New York: Routledge, 2020.
14. Martyshekin A.V. Russian-American Relations in a Multipolar World. Moscow: Moscow University Press, 2020. 245 p.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of the World. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

Ансари Рамзи Исмаил Махмуд

Аспирант кафедры востоковедения и Африканистики. Институт гуманитарных и социальных наук, Российский Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Пространственно-временной анализ развития инфраструктуры и демографических изменений на территориях Западного берега реки Иордан (2000-2024 гг.): картографическое исследование*

Аннотация. Территориальные изменения с помощью инфраструктуры поселений представляют механизмы демографической реконфигурации – процессов, которые изменяют распределение населения/этнический состав на спорных территориях. Разработка комплексной картографической методологии оценки воздействия инфраструктуры поселений на демографический баланс/системы территориального контроля на территориях Западного берега (2000-2024 гг.); составление корреляционных матриц между инфраструктурными проектами и демографическими сдвигами. Анализ разновременных спутниковых снимков (Sentinel-2/WorldView-3; 12 временных срезов), интегрированных с демографическими данными из PCBS/CBS/UNRWA; пространственный анализ с использованием ArcGIS Pro Network Analyst, ENVI/Google Earth Engine для многоспектральной классификации, статистической среды R (пакеты sf/spatstat/geoR) для корреляционного моделирования; Каждый факт проверялся тремя способами: по спутниковым снимкам, отчетам с мест и официальным документам. Застроенные территории увеличились на 88,1 % (312 км² – 587 км²); население поселений выросло на 160 % (193 000 – 502 000 жителей); протяженность дорог “только для поселенцев” увеличилась с 812 км до 1 347 км; число контрольно-пропускных пунктов возросло с 38 до 147; время в пути палестинцев увеличилось на 280 %. Методологические основы позволяют проводить международно-правовые оценки – картографические данные соответствуют международным стандартам документирования.

Ключевые слова: пространственный анализ, демографические изменения, инфраструктура, землепользование, водные ресурсы, дистанционное зондирование, транспортные сети.

Ansari Ramzi Ismail Mahmoud

Postgraduate student of the Department of Oriental and African Studies, Institute of humanities and social sciences. Peoples' friendship university of Russia.

* © Ансари Рамзи Исмаил Махмуд, 2025.

Spatio-temporal analysis of infrastructure development and demographic changes in the West Bank territories (2000-2024): a cartographic study

Abstract. Territorial changes through settlement infrastructure represent mechanisms of demographic reconfiguration – processes that alter population distribution/ethnic composition in disputed territories. Developing a comprehensive cartographic methodology for assessing the impact of settlement infrastructure on the demographic balance/systems of territorial control in the West Bank territories (2000-2024); compiling correlation matrices between infrastructure projects and demographic shifts. Analysis of multi-temporal satellite images (Sentinel-2/WorldView-3; 12 time slices) integrated with demographic data from PCBS/CBS/UNRWA; spatial analysis using ArcGIS Pro Network Analyst, ENVI/Google Earth Engine for multispectral classification, the R statistical environment (*sf*/*spatstat*/*geoR* packages) for correlation modeling; Each fact was verified three ways: using satellite images, field reports, and official documents. The built-up area increased by 88.1% (312 km² – 587 km²); the settlement population increased by 160% (193,000 – 502,000 residents); the length of “settler-only” roads increased from 812 km to 1,347 km; the number of checkpoints increased from 38 to 147; and Palestinian travel time increased by 280%. The methodological framework allows for international legal assessments – cartographic data complies with international documentation standards.

Key words: spatial analysis, demographic change, infrastructure, land use, water resources, remote sensing, transport networks.

Введение

Планомерное изменение состава населения на определенной территории; ее механизмы действуют через инфраструктурные матрицы, которые перекраивают этнические составы [Allegra & Maggog, 2022]. Строительство поселений и дорог изменяет территорию. Каждая дорога/контрольно-пропускной пункт/жилище – узел в расширяющейся сети, которая постепенно изменяет демографическое равновесие [Kenwick et al., 2023]. Картографические методы отражают эти трансформации: площадь застройки увеличилась с 312 км² до 587 км² (2000-2024 гг.), а количество поселений возросло со 121 до 147 единиц [Huang et al., 2024; Bantekas & Jaber, 2025].

Пространственно-временной анализ расширения поселений фрагментарен; в существующих исследованиях отсутствуют комплексные корреляционные матрицы, связывающие инфраструктурные проекты с демографическими сдвигами [Salem, 2020]. Сохраняются методологические пробелы: спутниковые данные демонстрируют 15-процентные пробелы в облачном покрытии; данные о населении зоны С имеют 30-процентную неполноту [Abuelalish & Fahoum, 2019]. Долгосрочные последствия территориальных преобразований не требуют систематической оценки – существующие мо-

дели не позволяют интегрировать инфраструктуру/демографию/механизмы контроля в единые аналитические рамки [Pelliconi, 2025].

Разработка универсальных методологий картографического анализа позволяет удовлетворить потребности в документации территориальных конфликтов в глобальных контекстах [Kontorovich, 2017]. Эмпирическая количественная оценка последствий политики расселения создает прецеденты для международных правовых рамок [Pertile, 2020]. Вклад в юриспруденцию по оккупированным территориям достигается за счет: (1) Единых правил измерения планового изменения состава населения; (2) воспроизводимых рамок для оценки моделей инфраструктурного доминирования; (3) интеграции спутниковых снимков/демографических данных/правовых границ в последовательные аналитические системы [Pichet, 2021].

Обзор литературы.

Международное согласие о границах основано на традиционном праве: “процессуальная обычная норма, реализующая право на самоопределение”; механизмы реализации остаются спорными [Aasi, 2022; Hughes, 2020; Eiran, 2019]. Количественное расширение поселений фиксирует 380 000 поселенцев (Западный берег/Восточный Иерусалим); увеличение численности населения “почти на 100 процентов” в период 1993-2000 гг. противоречит обоснованиям “естественного роста” [Shatat & Victoria, 2021; Abhishek, 2024]. Исторические исследования выявляют изменения в политике правительства: “важные с точки зрения безопасности” районы по плану Алона переходят в идеологически мотивированную экспансию после 1977 года [Shilo & Goldstein, 2020]. Социологические последствия проявляются в ограничении передвижения/разрушении сельского хозяйства; экономические предложения предлагают “арендную плату за поселения и земли” в качестве механизмов компенсации [Oberschall, 2019]. Сохраняются эмпирические пробелы: лонгитюдные исследования, отслеживающие трансформацию отдельных сообществ, отсутствуют; изменения численности населения за разные периоды полностью не задокументированы.

Компьютерные карты (ГИС) дают возможность изучать прошлое, накладывая карты разных лет друг на друга – “12 временных срезов”, отражающих эволюцию поселений [Mantulenko et al., 2024]. Мониторинг недвижимости включает спутниковые снимки/аэрофотосъемку для получения “данных высокого разрешения для обнаружения изменений”, облачность влияет на 15 % изображений [Nelin et al., 2023]. Модели территориального управления включают демографические и социально-экономические показатели, “обеспечение точности, доступности и конфиденциальности данных” проблематично [Mamedov et al., 2022; Jaafar & Beshtawi, 2024]. Неполнота данных повсеместна: В записях о населении зоны С отмечаются 30-процентные пробелы; ограничения военной зоны не позволяют вести всеобъем-

лющую пространственную документацию [Abuelaish & Fahoum, 2019].

Результаты

Площадь застройки увеличилась с 312 км² (2000 г.) до 587 км² (2024 г.) – на 88,1%; число поселений возросло со 121 до 147, а после 2005 г. было создано 26 аванпостов. Показатели численности населения демонстрируют ускоренный рост: 193 000 жителей (2000 год) превратились в 502 000 (2024 год), что составляет 160 % прироста; ежегодное потребление территории составляет в среднем 16,4 км². Кластерный анализ выявил пять основных агломераций: Блок Гуш-Эцион (71 400 жителей/42 поселения); кластер Ариэль-Шомрон (89 200 жителей/38 поселений); созвездие Иорданской долины (12 800 жителей/21 поселение); ось Модиин-Иллит-Бейт-Эль (134 600 жителей/19 поселений); коридор Маале-Адумим-Е1 (48 300 жителей/14 поселений). Между расширением поселений и расположением водоносных горизонтов возникла линейная корреляция ($r=0,82$, $p<0,001$) – в водоносном горизонте Яркон-Таниним появилось 23 новых скважины; в водоносном горизонте Восточной горы – 31 точка водозабора. Периферия Иерусалима демонстрировала радиальный рост: границы поселений расширялись в среднем на 4,2 км, охватывая 14 палестинских деревень (31 200 жителей). “Территориальные конфигурации в форме пальцев проникали в палестинские районы: палец Ариэля (22 км на восток); выступ Кедумим-Карна-Шомрон (17 км); полоса Маале-Эфраим (19 км вдоль шоссе 90). Типология поселений (2000-2024 гг.) демонстрирует стратегическую диверсификацию: Городские поселения типа А (5 единиц/>20 000 жителей в каждом) включают Модиин-Иллит (78 300), Бейтар-Иллит (64 100), Маале-Адумим (38 900), Ариэль (21 200), Эфрат (20 100); пригородные поселения типа В (18 единиц/5 000-20 000 жителей) сосредоточены у Зеленой линии – Оранит (9 800), Альфей-Менаше (8 900), Карней-Шомрон (7 600); Сельские поселения типа С (34 единицы/<5 000 жителей) распределены по вершинам холмов – Эли (4 200), Ицхар (1 800), Итамар (1 400); форпосты типа D (26 единиц/<500 жителей) занимают стратегические хребты – Гиват-Ассаф (380), Мицпе-Крамим (42), Холм 777 (28).

Дороги “только для поселенцев” расширились с 812 км (2000 г.) до 1 347 км (2024 г.) – 535 км сегрегированной инфраструктуры передвижения; трасса 443 (Иерусалим-Модиин) является примером отказа в доступе, препятствуя 35 000 палестинцев в 21 деревне. Распространение контрольно-пропускных пунктов изменило схемы передвижения: 38 постоянных объектов (2000 г.) увеличились до 147 структур (109 постоянных/38 “летающих” КПП); КПП Каландия ежедневно обрабатывает 15 000 пересечений со средней задержкой в 2,5 часа.

Распределение водных ресурсов обеспечило 82 % водных ресурсов Западного берега; три бассейна Горного водоносного горизонта дают 679 миллионов кубометров воды в год – поселенцы добывают 487 млн куб. м,

палестинцы получают доступ к 138 млн куб. м. Неравенство в потреблении проявляется ярко: поселенцы потребляют 300 литров в день на человека, палестинцы выделяют 73 литра в день на человека (минимальная норма ВОЗ: 100 л/день на человека). Зафиксировано 162 разрушения/конфискации скважин; компания “Мекорот” построила 42 эксклюзивные точки добычи – куст скважин Ариэль-15 (глубина: 800 м) отводит 4,2 млн куб. м в год из водоносных горизонтов мухафазы Салфит. Заградительные сооружения нарушают территориальную целостность: Разделительная стена простирается на 712 км (85% пересекает “зеленую линию”); бетонные сегменты (высотой 8 м) охватывают 96 км, конфигурации заграждений – 616 км. Земляные валы/рвы создают 467 км препятствий; электронные заграждения следят за 89 км границ – датчики движения/тепловизоры позволяют осуществлять дистанционный контроль. Пространственная изоляция затронула 71 населенный пункт (385 000 жителей); западные деревни провинции Вифлеем – Аль-Валаджа (2 800), Баттир (4 500), Хусан (7 200) – подвергаются полному окружению. Усилилась асимметрия энергетической инфраструктуры: 37 подстанций обслуживают населенные пункты; подстанция промышленной зоны Ариэль (161 кВ) обходит соседний Сальфит (70 000 жителей), испытывая ежедневные перебои.

Демографические преобразования на оккупированных территориях проявляются в систематическом перемещении населения; в окрестностях Иерусалима доля палестинцев сократилась с 68% (2000 г.) до 51% (2024 г.) – на 17 процентных пунктов – это соответствует 89 000 переселенцев. Субрегиональный анализ показывает ускорение демографических сдвигов: В долине реки Иордан доля палестинцев сократилась с 88% до 64%, что затронуло 21 000 жителей 29 общин; на юге Хевронских холмов присутствие палестинцев сократилось с 94% до 79%, что привело к перемещению 34 000 жителей с традиционных пастбищных земель.

Инфраструктурно-демографические корреляции выявляют причинно-следственные механизмы: строительство дорог поселенцами приводит к сокращению численности палестинского населения на 12% в радиусе 2 км ($p < 0,01$) – расширение трассы 60 привело к перемещению 4200 жителей из 11 деревень. Размещение контрольно-пропускных пунктов коррелирует с экономическим/демографическим опустошением: 23%-ное сокращение экономической активности приводит к 18%-ному оттоку населения ($p < 0,001$); КПП Бейт-Фурик стал причиной отъезда 2 100 человек из близлежащих населенных пунктов. Монополизация инфраструктуры водоснабжения разрушает жизнеспособность сельского хозяйства: поселенческие системы водоснабжения соответствуют 34%-ному сокращению палестинского сельского хозяйства ($p < 0,01$) – загрязнение сточных вод Ариэля уничтожило 4800 дунамов обрабатываемых земель, что привело к

миграции 1400 фермерских семей. Близость разделительной стены создаст зоны депопуляции: 41 % снижения численности населения в пределах 500-метрового буфера ($p < 0,001$); Калькилия потеряла 8 200 жителей (32 % снижения) после завершения строительства стены. Многомерные регрессионные модели подтверждают связь между инфраструктурой и демографией: $R^2=0,74$ объясняет дисперсию населения через переменные инфраструктуры – плотность дорог ($\beta=-0,31$), близость КПП ($\beta=-0,27$), доступ к воде ($\beta=-0,24$), расстояние до барьера ($\beta=-0,22$).

Стратегические коридоры представляют механизмы разделения территорий Коридор Е1 (12 км²) соединяет Иерусалим с Мертвым морем, разрывая связь между севером и югом Западного берега; расширение Маале-Адумим охватывает 48 км². Ариэльский коридор проникает на восток на 42 км: поселенческий блок (29 000 жителей) пересекает связь между Наблусом и Рамаллой; расширение шоссе Route 5 создало 18-километровую “стерильную зону”, затрагивающую 23 деревни (67 000 палестинцев). Конфигурация Гуш-Эцион простирается на 580 км² – 19 поселений изолируют Вифлеем от Хеврона; объездные дороги 60/367/356 разделили палестинские сельскохозяйственные территории на 47 несмежных участков.

Выводы

Механизмы расширения поселений демонстрируют систематическую реализацию: площадь застройки увеличилась на 88,1% (312 км² до 587 км²); население выросло на 160% (193 000 до 502 000); расширилась инфраструктурная сеть – дороги “только для поселенцев” выросли с 812 км до 1 347 км, контрольно-пропускные пункты – с 38 до 147 сооружений. Развертывание инфраструктуры предшествовало демографическим преобразованиям; строительство дорог/водопроводной инфраструктуры/барьерных систем привело к перемещению населения – 48 000 палестинцев покинули зону С; 165 общин оказались полностью окруженными.

Методологический вклад охватывает многовременные картографические основы анализа: интеграция спутниковых снимков (Sentinel-2/WorldView-3) с демографическими данными позволила создать корреляционные матрицы; количественно определены связи между инфраструктурой и населением ($R^2=0,74$). Эмпирическая документация обеспечивает международно-правовую основу для оценки – параметры юрисдикции Международного суда согласуются с результатами территориального разграничения.

Международным организациям мониторинга требуются стандартизированные протоколы измерений: ежеквартальные графики получения данных со спутников; единые методики демографического подсчета, позволяющие устранить расхождения между PCBS/CBS; расчеты индекса доступности, учитывающие задержки на контрольно-пропускных пунктах/ограничения маршрутов&

Будущие исследования требуют расширения временных рамок: установление базового уровня до 2000 года с помощью архивных снимков; модели прогнозирования.

Библиографический список / Reference

1. Aasi J. Israeli Territorial Annexation in Occupied Palestinian Territory: The Ambivalence of International Law. *Yuridika*. 2022. // URL: <https://doi.org/10.20473/ydk.v37i3.38691>.
2. Abhishek P. Occupation and Oppression: The Effects of Israeli Settlement Policies and the Apartheid Wall on Palestinians in the West Bank. *International Journal of Social Science and Economic Research*. 2024. // URL: <https://doi.org/10.46609/ijsser.2024.v09i09.025>.
3. Abuelaish I., Fahoum K. Occupation, settlement, and the social determinants of health for West Bank Palestinians. *Medicine, Conflict and Survival*, 2019. № 35. P. 265-283. // URL: <https://doi.org/10.1080/13623699.2019.1666520>.
4. Eiran E. Post-Colonial Settlement Strategy. 2019. // URL: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474437578.001.0001>.
5. Eiran E. The Israeli Settlement Project in the West Bank and Gaza (1967–77). *Post-Colonial Settlement Strategy*. 2019. // URL: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474437578.003.0003>.
6. Eugene Kontorovich, Unsettled: A Global Study Of Settlements In Occupied Territories. *Journal of Legal Analysis*, Volume 9, Issue 2, Winter 2017, Pages 285-350 // URL: <https://doi.org/10.1093/jla/lax004>
7. Huang Y, Xia J, Chen Y and Hong J., Global research progress on rural settlement spatial patterns from 2000–2024: a comprehensive review of hotspots, frontiers, and emerging trends. *Front. Earth Sci.* 12:1505570. 2024. – DOI: 10.3389/feart.2024.1505570
8. Hughes S. Unbounded territoriality: territorial control, settler colonialism, and Israel/Palestine. *Settler Colonial Studies*, 2020. № 10. P. 216-233. // URL: <https://doi.org/10.1080/2201473X.2020.1741763>.
9. Ilias Bantekas, Safaa S Jaber, The human rights obligations of belligerent occupiers: Israel and the Gazan population, *Journal of Conflict and Security Law*, Spring 2025. Volume 30. Issue 1. Pages 103-120. // URL: <https://doi.org/10.1093/jcsl/krae018>
10. Jaafar A., Beshtawi A. Mechanisms for enforcing the UN resolutions related to Israeli settlements in the occupied Palestinian territories in accordance with the rules of international law. *Rule of Law and Anti-Corruption Center Journal*. 2024. // URL: <https://doi.org/10.70139/rolac.2023.1.5>.
11. Kenwick M.R., Simmons B.A., McAlexander R.J. Infrastructure and authority at the state's edge: The Border Crossings of the World dataset. *Journal of Peace Research*, 2023. № 61 (3). P. 500-510. // URL: <https://doi.org/10.1177/00223433221145582> (Original work published 2024)
12. Mamedov S., Kornilova A., Khorovetskaya Y., Karabayev G., Lapteva I. Identification of Regional Factors Affecting Management of Territories: Formation of Residence and Social Infrastructure System in Urban and Rural Settlements in Kazakhstan. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2022. // URL: [https://doi.org/10.14505/jemt.13.8\(64\).17](https://doi.org/10.14505/jemt.13.8(64).17).
13. Mantulenko S., Hanchuk O., Kholoshyn I., Pakhomova O., Bondarenko O. The usage of GIS in the retrospective analysis of the territorial organization of Kryvyi Rih settlement. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2024. P. 1415. // URL: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/1415/1/012041>.
14. Marco Allegra, Erez Maggor, The metropolitanization of Israel's settlement policy: The colonization of the West Bank as a strategy of spatial restructuring. *Political Geography*, 2022. Volume 92. 102513, // URL: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102513>.
15. Nelin Y., Kasianov V., Shterndok E. Research on the directions of monitoring the use of real estate in settlements. *Municipal economy of cities*. 2023. // URL: <https://doi.org/10.33042/2522-1809-2023-6-180-118-122>.
16. Oberschall A. Contours of an Israeli-Palestinian peace settlement. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, 2019. № 10. P. 95-102. // URL: <https://doi.org/10.14267/cjssp.2019.2.5>.
17. Pelliconi A. The Demographic Battle for Palestine in the Settler-Colonial Project and the Promise and Peril of International Law. *Journal of International Humanitarian Legal Studies*. 2025. // URL: <https://doi.org/10.1163/18781527-20251368>.
18. Pertile M. The Borders of the Occupied Palestinian Territory are Determined by Customary Law. *Journal of International Criminal Justice*. 2020. // URL: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqaa054>.
19. Pichet E. The legal, political and economic stakes of the ICC's investigation into the colonization of the Palestinian territories. *SSRN Electronic Journal*. 2021. // URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3847940>.
20. Salem H. Geopolitical Challenges, Complexities, and Future Uncertainties in the Occupied Palestinian Territories: Land and Population's Perspectives. *New Middle Eastern Studies*. 2020. // URL: <https://doi.org/10.29311/NMES.V10I11.3639>.
21. Shatat S., Victoria O. Illegal land grab: israel's seizure of land in palestine. *Jurnal Akta*. 2021. // URL: <https://doi.org/10.30659/akta.v8i2.15685>.
22. Shilo E., Goldstein A. Menachem Begin and the question of the settlements: 1967–1977. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2020. № 49. P. 139-158. // URL: <https://doi.org/10.1080/13530194.2020.1767540>.

Демидов А.В.

Кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Россия и Прибалтика: историческая ретроспектива. Часть первая: Русь и прибалтийские народы в Средние века*

Аннотация. В материале рассматриваются некоторые аспекты исторических корней отношений между Древней Русью, с одной стороны, и ливами (предками латышей) и эстами (предками эстонцев), с другой. Обращается внимание на фактор проникновения в регион Прибалтики немцев (священников и воинствующих рыцарей). Рассматривается взаимодействие русских, ливов и эстов в оказании отпора немецкой экспансии.

Ключевые слова: Прибалтика, ливы, эсты, Полоцк, Великий Новгород, священники, епископы, рыцари-пилигримы, Орден меченосцев, феодалы, Иван IV Васильевич.

Demidov A.V.

Candidate of Political Science, Associate Professor. Moscow University of Humanities and Economics.

Russia and the Baltic States: a historical retrospective. Part One: Russia and the Baltic peoples in the middle ages

Abstract. The article examines certain aspects of the historical roots of relations between Ancient Russia, on the one hand, and the Livs (the ancestors of Latvians) and Estonians (the ancestors of Estonians), on the other. Attention is drawn to the factor of penetration of Germans (priests and militant knights) into the Baltic region. The article considers the interaction of Russians, Livs and Estonians in resisting German expansion.

Key words: Baltic States, Livs, Estonians, Polotsk, Veliky Novgorod, priests, bishops, knights pilgrims, Order of the Sword, feudal lords, Ivan IV Vasilyevich.

Исторически судьбы прибалтийских народов были тесно связаны с судьбами великого русского народа. Начало подобных связей можно отнести к VIII веку [2, с. 5]. Изначально прибалты платили дань киевскому князю, а после распада Киевской Руси и наступления на территории нашей страны периода феодальной раздробленности ливы, жившие по берегам Западной Двины, стали платить дань полоцким князьям, а эсты – Великому Новгороду.

Через земли Прибалтики издавна проходили торговые пути, связывавшие русские княжества с побережьем Балтийского моря, со странами Западной Европы.

Особенно хотелось бы остановиться на значении Полоцка и его земель. Владения полоцких князей доходили почти до Рижского залива, поблизости от которого на Западной Двине стояли города Герцике и Кукенойс¹, где правили русские князья из полоцкого княжеского дома [5, с. 362].

Зависимость прибалтийских народов от русских князей не была тяжелой. Дань уплачивалась в виде продуктов охоты (пушной зверь), сельского хозяйства.

Прибалтийские племена пользовались полной свободой в вопросах вероисповедания. Они оставались язычниками, но, благодаря тесному общению с русскими, православное христианство проникало к прибалтийским народам. В землях ливов и эстов появлялись православные храмы, но принудительное обращение в христианство русскими не практиковалось [2, с. 18].

Тесные политические и экономические связи на протяжении столетий соединяли прибалтийские племена и русские княжества. Более высокая русская культура оказала значительное влияние на культуру народов Прибалтики. Это влияние сохраняется до сих пор в латвийском и эстонском языках, в топонимике.

Поворотным в судьбах Ливонии и всей Прибалтики стал 1184 год, когда на одном из кораблей вместе с немецкими купцами в устье Западной Двины прибыл первый немецкий священник – каноник Ордена блаженно-го Августина отец Мейнард [2, с. 22].

Мейнард обратился к полоцкому князю Владимиру с просьбой разрешить ему проповедовать христианство среди язычников-ливов. Князь Владимир милостиво разрешил [1, с. 71].

В благосклонном отношении князя Владимира к обращению католи-

¹ Герцикэ и Кукенойс – укрепленные города, основанные русскими при первом проникновении в Ливонию. К началу XIII века эти два города превратились в центры небольших княжеств, которыми правили князья, принадлежавшие к полоцкому княжескому дому.

- Герцикэ – искаженное русское слово «городище»;

- Кукенойс – искаженное русское слово, означающее «мыс Кокны». – Прим. автора.

ческого священника без сомнения играл роль расчет русского правителя на то, что присутствие немецкого каноника привлечет в эти места больше германских купцов, а это выльется в выгоду от растущей торговли с немцами.

Если бы только мог представить себе князь Владимир полоцкий, что его непродуманное решение отразится на всей истории не только Прибалтики, но и России в целом, что отзвуки этого решения будут слышны даже в начале XXI века!

Уже деятельность самого Мейнарда, произведенного римским папой в сан епископа ливонского, не ограничивалась проповедями. Ливы неохотно принимали христианство. В ответ, по инициативе Мейнарда из Готланда были выписаны каменщики, построившие укрепленные замки в стратегически важных пунктах земли ливов – в Икесколе и в Гольме [2, с. 23]. В этих замках располагались отряды вооруженных рыцарей-пилигримов, прибывавших из Европы.

В 1198 г. в ответ на нежелание ливов креститься папа римский провозгласил большой крестовый поход. Крестоносцы, во главе со вторым епископом Ливонии Бернгольдом огнем и мечом опустошили земли ливов.

Но и это не привело ливов к покорности. Принявшие насильственно крещение жители Ливонии после отбытия из их страны крестоносцев начинали отказываться от католической веры. По свидетельству очевидцев, после отплытия крестоносцев ливы толпами заходили в реку и обмывались водой, чтобы смыть с себя насильственное крещение [2, с. 24].

Низкая эффективность как миссионерской деятельности среди ливов, так и ненадежность рыцарей-пилигримов, прибывавших в Ливонию, как сейчас бы сказали по «вахтовому методу», навели ливонских епископов на мысль о необходимости развертывания в этой земле постоянной военной силы. Ведь ежегодно сменявшиеся отряды пилигримов успеха не гарантировали.

Более того, епископы стремились закрепить за немцами земли по нижнему течению реки Западная Двина. Это вызывало противодействие со стороны ливов, а также их союзников – полоцких князей. И в этой связи в 1201 г. в устье этой реки немцами был заложен укрепленный город Рига [2, с. 26].

В конечном итоге епископ Альберт, третий епископ Ливонии принял решение о создании в этой земле рыцарского ордена по образцу ордена тамплиеров. Он понимал, что без регулярной военной силы невозможно было не только продолжать территориальные завоевания, но даже удерживать захваченное ранее [1, с. 55].

И в 1202 г. по благословению папы римского в Ливонии **был создан рыцарский орден, получивший название «Орден меченосцев»**. [2, с. 25]. К

1207 г. орден был уже не просто группой рыцарей, а общиной, сплоченной общими интересами [1, с. 54].

Нужно учитывать, что смысл создания ордена состоял не только в удержании в покорности ливов и других коренных жителей Прибалтики. Меченосцы рассматривались как епископами Ливонии, так и папами римскими в том числе как ударная сила против православной Руси. Вот как характеризовались русские в переписке епископов с папским престолом: «Схизматики-русские – враги пресвятой девы, полные надменной спеси и в гордости своей весьма заносчивые». В отличие от русских немцы изображались как «избранный Богом народ, наподобие библейского Израиля». С ними «всегда идет победа и слава триумфа». «Они наиболее храбры, стойки и всегда впереди в бою» [1, с. 51].

К сожалению, немцы, пользуясь разобщенностью прибалтийских племен, начали усиленно осваивать ливонские земли. И хотя полоцкий князь Мстислав Владимирович в начале XII века трижды водил против немцев рати в Эстонию, силы одних полоцких князей для решительного отпора прибывавшим сюда рыцарям было недостаточно. Более мощные русские образования – Великий Новгород, занятый в то время противодействием суздальским князьям, и Псков стояли в стороне от этой борьбы [2, с. 32].

Подобная вынужденная пассивность мощных русских городов, а также разрозненность местных племен была на руку немцам. В 1212 – 1217 гг. имели место широкие походы немецких рыцарей в эстонские области. Походы сопровождалась неслыханными жестокостями по отношению к местному населению [2, с. 34].

В то же время, нельзя утверждать, что русские не помогали прибалтийским народам в борьбе против немецкого закабаления.

Феодалный гнет принял наиболее тяжкие формы в Северной Эстонии, находившейся под формальным управлением Дании. Пользуясь слабостью датских наместников, немецкие феодалы считали себя полновластными и безраздельными хозяевами над эстонскими крестьянами [2, с. 57].

И эстонцы обращались к русским с призывами помочь в борьбе с немецкими феодалами. В феврале 1217 г. войска псковичей и новгородцев вступили на землю Эстонии. Соединенные русско-эстонские силы осадили, а затем взяли немецкую крепость Оденпе² [2, с. 36].

В августе 1218 г. шестнадцатитысячное русское войско вновь появилось в Эстонии.

Но самым значительным событием в этом плане стало т.н. «Великое эстонское восстание», начавшееся в ночь с 22 на 23 апреля 1343 г. Восстав-

2 Изначально город Оденпе был построен как русская крепость, которая носила название Медвежья Голова. В современной Эстонии город называется Отепя. – *Прим. автора.*

шие направили посланцев в Псков с просьбой о помощи и псковские власти немедленно приступили к подготовке похода в Эстонию [2, с. 60].

Орден меченосцев просуществовал не долго. В 1237 г. меченосцы потерпели крупное поражение в битве при Сауле от литовского племени жемайтов. В битве погибли магистр ордена и около трети рыцарского войска.

После этого католическим духовенством Ливонии для сохранения своей власти было принято решение соединить остатки Ордена меченосцев с располагавшимся в Пруссии Тевтонским орденом. По настоянию папы римского было создано Ливонское ландмейстерство Тевтонского ордена.

В 1410 году уже Тевтонский орден потерпел сокрушительное поражение от объединённого польско-литовского войска в Грюнвальдской битве. Разгром привёл к упадку тевтонов, однако ливонская ветвь ордена в битве не участвовала и сумела избежать её катастрофических последствий. Она трансформировалась в самостоятельный Ливонский орден.

В XVI веке Россия непосредственно граничила с враждебными ей народами: на западе со шведами, литовцами, поляками, а на юге – с крымскими татарами. Подобное соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на вооруженный лагерь, окруженный врагами. Приходилось бороться на два растянутых и изогнутых фронта, северо-западный европейский, и юго-восточный, обращенный к Азии. Такое состояние непрерывной борьбы стало нормальным для тогдашнего государства [3, с. 106-107].

После успешного присоединения к Русскому царству Казанского и Астраханского ханств, в московской верхушке разгорелась дискуссия о направлении дальнейшего движения – на Запад, на Восток или на Юг. Ближайшие сподвижники царя, входившие в «Избранную раду» Алексей Адашев и священник Сильвестр, настаивали на южном направлении [4, с. 288]. Они подчеркивали важность завоевания Крыма и, таким образом, устранения вековой угрозы Москве с юга.

Однако царь Иван IV Васильевич (Грозный) предпочел западное направление. Главной целью русского движения на Запад было налаживание торговли с Европой и, в первую очередь, с Англией, являвшейся в те годы наиболее промышленно развитой страной мира. Ведь Грозный царь при всех его неоднозначных качествах «умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет»³.

Проблемы, стоявшие перед Русским государством, не ограничивались торговлей. Ливонский орден, территориально распространивший свою власть на значительную часть земель современных Латвии и Эстонии, перманентно занимал враждебную России позицию по всем международным

3 Цитата из поэмы А.С.Пушкина «Евгений Онегин». – *Прим. автора.*

вопросам. В частности, это выражалось в задержании приглашаемых в Россию специалистов военного и инженерного дела, а также европейских врачей и аптекарей, в создании искусственных препятствий для русских купцов. Орден также налагал аресты на закупленные Россией за рубежом партии оружия и железной руды. В случае достаточно частых в XVI веке конфликтов России с Литвой и Польшей, Ливонский Орден устанавливал торговую блокаду Руси.

Единому и укреплявшемуся Русскому государству для своего экономического развития требовался **выход на международную арену**.

Оужное направление, с одной стороны, открывало перспективу снятия угрозы крымско-татарских набегов, но, с другой стороны, грозило столкновением с могущественной Османской империей, к чему тогдашняя Россия еще не была готова.

Западный вектор виделся более перспективным, поскольку вероятный противник – Ливонский орден – был слаб. Кроме того, существовала надежда на доброжелательное отношение к русским со стороны прибалтийских народов, с которыми Русь в период Средневековья имела дружеские связи. Западное направление экспансии в случае успеха способствовало бы установлению торгово-экономических контактов Москвы с наиболее развитыми странами Европы.

(Продолжение следует/To be continued)

© Демидов А.В. 2025

Библиографический список:

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Издательство Академии наук СССР. – М.-Л. 1938.
2. Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика. (IX – XVII вв.). ОГИЗ. Госполитиздат. – М.: 1945.
3. Ключевский В.О. Русская история. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2013.
4. Спицын Е.Ю. Древняя и средневековая Русь. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга I. – М.: Концептуал. 2024.
5. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М.: Государственное издательство политической литературы. 1956.
6. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.

Reference

1. Henry of Latvia. Chronicle of Livonia. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. – Moscow-Leningrad, 1938.
2. Kazakova N., Shaskolsky, I. Rus' and the Baltics. (9th–17th Centuries). OGIz. Gospolitizdat. – Moscow: 1945.
3. Klyuchevsky V.O. Russian History. – Moscow: OLMA Media Group. 2013.
4. Spitsyn E.Yu. Ancient and Medieval Rus'. A Complete Course in Russian History for Teachers, Lecturers, and Students. Book I. – Moscow: Conceptual. 2024.
5. Tikhomirov M.N. Old Russian Cities. – Moscow: State Publishing House of Political Literature. 1956.
6. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security: The Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // The Culture of the World. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.

Кун Вэйжань

Аспирант, Исторический факультет, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

Изучение устной истории смешанных китайско-русских семей с точки зрения микроистории*

Аннотация. В статье рассматривается методологический потенциал микроисторического подхода к изучению устной истории смешанных китайско-русских семей. Автор анализирует специфику межкультурной семейной памяти, механизмы трансмиссии культурных кодов и стратегии адаптации в условиях культурного пограничья. Исследование основано на анализе имеющихся научных работ, а также на полевых материалах, собранных в приграничных регионах Дальнего Востока России. Предлагается типология семейных нарративов и модель анализа межпоколенческой трансмиссии культурной памяти в бикультурных семьях.

Ключевые слова: микроистория, устная история, смешанные браки, китайско-русские семьи, культурная память, межкультурная коммуникация.

Kun Weiran

Graduate Student, Faculty of History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

A study of oral history of mixed Chinese-Russian families from a microhistorical perspective

Abstract. The article examines the methodological potential of the microhistorical approach to studying the oral history of mixed Sino-Russian families. The author analyzes the specifics of intercultural family memory, the mechanisms of transmission of cultural codes and adaptation strategies in the conditions of cultural borderland. The study is based on the analysis of existing scientific works, as well as on field materials collected in the border regions of the Russian Far East. A typology of family narratives and a model for analyzing the intergenerational transmission of cultural memory in bicultural families are proposed.

Key words: microhistory, oral history, mixed marriages, Sino-Russian families, cultural memory, intercultural communication.

* © Кун Вэйжань, 2025.

Введение

Изучение повседневной жизни и семейных историй представителей этнических меньшинств становится все более актуальным направлением современной исторической науки. Особый интерес, по мнению автора, представляют смешанные семьи, которые выступают своеобразными «лабораториями» межкультурного взаимодействия и формирования гибридных идентичностей. Китайско-русские семьи, образовавшиеся в результате миграционных процессов XX-XXI веков, представляют уникальный материал для изучения механизмов культурной адаптации и трансформации этнической идентичности.

Микроисторический подход, разработанный итальянскими историками К. Гинзбургом и Дж. Леви, позволяет реконструировать «историю снизу», фокусируясь на индивидуальных судьбах и локальных сообществах. Применение данного методологического инструментария к анализу устных историй смешанных семей открывает новые возможности для понимания процессов культурного взаимодействия на микроуровне [17, с. 98].

Материалы и методы исследования.

Теоретическую основу исследования составляет концепция микроистории, разработанная представителями итальянской историографической школы. Согласно К. Гинзбургу, микроисторический анализ позволяет выявить «исключительное в нормальном», обнаруживая уникальные стратегии адаптации индивидов к социокультурным условиям своего времени. Методологический аппарат дополняется концепцией «культурной памяти» Я. Ассмана и теорией «коммуникативной памяти» А. Ассман. Семейные нарративы рассматриваются как форма коммуникативной памяти, обеспечивающей трансмиссию культурных кодов между поколениями.

Эмпирическую базу составляют глубинные интервью с представителями китайско-русских семей, проведенных в Приморском крае, Амурской области и Забайкальском крае. Использовался метод «снежного кома» для формирования выборки.

Результаты и обсуждение.

Анализ собранного материала позволил выделить четыре основных типа семейных нарративов:

1. Нарративы преодоления.

Авторский анализ имеющейся современной литературы, а так же анализ авторских интервью, содержащих элементы нарративов преодоления, позволил выделить устойчивую трехчастную структуру семейных рассказов [2, с. 51].

Экспозиция кризиса.

Как правило, начальная фаза нарратива характеризуется детальным

описанием трудностей, с которыми столкнулась семья в процессе межкультурной адаптации. Информанты используют яркие метафоры и эмоционально окрашенные описания для передачи остроты переживаний. «Бабушка рассказывала, что когда она только приехала в 1987 году, то чувствовала себя как глухонемая. Язык не понимает, люди на нее смотрят как на инопланетянку. Даже в магазин боялась идти – не знала, как объяснить, что нужно» (Мария К., 28 лет, внучка китайки).

Поиск решений. Центральная часть нарратива посвящена описанию стратегий преодоления трудностей. Здесь проявляется высокая степень детализации и конкретности, что соответствует функции нарратива как источника практических знаний для следующих поколений.

Триумф адаптации. Заключительная фаза подчеркивает успешность выбранных стратегий и часто содержит моральную оценку пройденного пути. Характерно использование образов «до» и «после», подчеркивающих масштаб трансформации.

Типология преодолеваемых барьеров.

Языковые барьеры. Языковые трудности составляют наиболее частотную категорию в нарративах преодоления (встречается в 91% случаев). Информанты выделяют несколько уровней языковых проблем:

«Мама до сих пор не может произнести букву ‘р’. Мы в детстве смеялись, когда она говорила ‘лыба’ вместо ‘рыба’. Но она не сдавалась – каждый день перед зеркалом тренировалась» (Андрей Ч., 31 год, сын китайки). Особые трудности вызывала специфическая лексика, связанная с бытовыми реалиями советской и постсоветской жизни. Информанты отмечают, что китайские словари не содержали многих необходимых понятий. Наиболее сложным оказывалось освоение неявных правил коммуникации, специфики русского речевого этикета и культурных коннотаций.

«Папа долго не мог понять, почему русские говорят ‘да нет, наверное’. Для него это было полным абсурдом – как можно одновременно сказать ‘да’ и ‘нет’? Мама объясняла ему, что это означает неуверенность, но он все равно не понимал логики» (Елена Л., 26 лет, дочь китайца).

Социокультурные барьеры. Пищевые практики. Различия в кулинарных традициях создавали множественные проблемы – от непонимания в магазинах до конфликтов с соседями из-за запахов [8, с. 259].

«Когда мама готовила тофу с ферментированными бобами, соседи жаловались на запах. Участковый даже приходил. Мама плакала, говорила, что это ее родная еда, а здесь ее считают вонючей. Пришлось искать компромиссы – готовить только когда соседей нет дома» (Ольга В., 33 года, дочь китайки).

Стоит отметить, что существует так же определенный конфликт между китайскими представлениями о семейной иерархии, почитании предков и

советскими/российскими семейными моделями. Отметим различия в подходах к воспитанию детей, отношению к образованию и карьерным приоритетам. Кроме того, взаимодействие с государственными институтами представляло особую сложность, усугубляемую языковыми проблемами и незнанием процедур.

«Дедушка три года не мог получить разрешение на постоянное проживание. Каждый раз его отправляли за новыми справками. Он не понимал, что от него хотят. Помогла только соседка-учительница, которая пошла с ним и все объяснила» (Дмитрий С., 29 лет, внук китайца).

Стратегии преодоления.

Стратегия постепенного погружения. Наиболее распространенная стратегия (67% случаев) предполагала поэтапное освоение различных сфер российской культуры. Информанты подчеркивают важность определения приоритетов и последовательности действий. «Бабушка сначала выучила только самые необходимые слова – ‘хлеб’, ‘молоко’, ‘сколько стоит’, ‘спасибо’. Потом начала смотреть советские фильмы с субтитрами. Через год уже могла разговаривать с соседками о погоде» (Наталья Ж., 30 лет, внучка китаянки).

Стратегия поиска культурных медиаторов. Ключевую роль в процессе адаптации играли люди, способные выступать посредниками между культурами. Это могли быть другие мигранты, русские супруги, коллеги или соседи. «Маме очень повезло с коллегой Ниной Петровной. Она работала переводчиком в Китае и понимала китайскую культуру. Объясняла маме не только язык, но и то, как здесь принято себя вести, что можно, что нельзя» (Игорь М., 35 лет, сын китаянки).

Стратегия функциональной специализации. В семьях вырабатывалось разделение ролей, при котором разные члены семьи брали на себя ответственность за различные сферы взаимодействия с внешним миром [15, с. 43].

Стратегия создания культурных анклавов. Формирование сетей взаимопомощи с другими китайскими семьями, создание неформальных сообществ для поддержания родной культуры и взаимной поддержки.

Гендерные особенности нарративов преодоления.

Женские Нарративы. Характеризуются большим вниманием к эмоциональным аспектам адаптации, подробным описанием бытовых трудностей и межличностных отношений. Женщины чаще подчеркивают роль интуиции и эмпатии в процессе культурной адаптации. «Мама говорила, что русские женщины сначала кажутся холодными, но если найти к ним подход, то они очень добрые. Она научилась читать их настроение по глазам, понимать, когда можно подойти поговорить, а когда лучше не трогать» (Светлана Р., 32 года, дочь китаянки).

Мужские Нарративы. Фокусируются на преодолении профессиональных и социальных барьеров, подчеркивают рациональный характер выбранных стратегий. Мужчины чаще описывают адаптацию в терминах «борьбы» и «завоевания позиций».

Поколенческая трансформация нарративов.

Первое поколение (мигранты). Нарративы характеризуются высокой эмоциональностью, детальностью описания трудностей, акцентом на индивидуальных усилиях и личной ответственности за успех адаптации [11, с. 94].

Второе поколение (дети мигрантов). Нарративы приобретают более аналитический характер, содержат рефлексии о культурных различиях, подчеркивают роль семьи как «буферной зоны» между культурами.

Третье поколение (внуки мигрантов). Нарративы преодоления трансформируются в «героические семейные легенды», приобретают функцию источника гордости и семейной идентичности [13, с. 587].

Функции нарративов преодоления в семейной памяти.

Легитимирующая функция. Рассказы о преодоленных трудностях обосновывают правомерность миграционного выбора и подтверждают успешность адаптационных стратегий.

Дидактическая функция. Нарративы выступают источником практических знаний и моделей поведения для младших поколений, оказавшихся в сходных ситуациях.

Интегрирующая функция. Совместное воспроизведение семейных историй укрепляет внутрисемейные связи и формирует общую систему ценностей [5, с. 109].

Терапевтическая функция. Рассказывание историй преодоления помогает проработать травматический опыт адаптации и придать ему позитивный смысл.

Лингвистические особенности нарративов преодоления.

Анализ языковых средств, используемых информантами при воспроизведении нарративов преодоления, выявил несколько характерных особенностей: использование военной метафорики («борьба», «победа», «завоевание»), религиозные коннотации («испытание», «вера», «чудо»), метафоры роста и развития («корни», «плоды», «цветение»), пространственные образы («мосты», «дороги», «границы») [18, с. 748].

Таким образом, нарративы преодоления в устных историях смешанных китайско-русских семей представляют собой сложный культурный феномен, выполняющий множественные функции в процессе конструирования семейной идентичности и культурной памяти. Микроисторический анализ позволяет выявить индивидуальные стратегии адаптации, которые часто остаются незамеченными в макросоциологических исследованиях миграции.

Структурная устойчивость нарративов преодоления свидетельствует об их важной роли в процессах культурной трансмиссии. Вместе с тем, поколенческая трансформация этих нарративов отражает изменения в социокультурном контексте и эволюцию семейной идентичности.

2. Нарративы сохранения.

Нарративы сохранения представляют собой особый тип семейных рассказов, центральным мотивом которых является стремление к поддержке и передаче элементов китайской культуры в условиях иноэтнического окружения. В отличие от нарративов преодоления, фокусирующихся на адаптации к новой среде, нарративы сохранения подчеркивают важность культурной преемственности и этнической аутентичности [9, с. 71].

Структурно эти нарративы организованы вокруг концепции «культурного наследия» (文化遗产), которое понимается не как статичный набор традиций, а как живой, динамически развивающийся комплекс практик, знаний и ценностей.

Далее рассмотрим типологию объектов сохранения.

Кулинарные традиции.

Пищевые практики занимают центральное место в нарративах сохранения (встречаются в 94% интервью данного типа). Информанты подробно описывают процессы передачи рецептов, техник приготовления и ритуалов, связанных с едой.

«Бабушка всегда говорила: 'Если ты забудешь, как готовить цзяоцзы, ты перестанешь быть китайцем'. Каждый Новый год мы всей семьей лепили пельмени. Она показывала, как правильно защипывать края, чтобы получилось красиво. Говорила, что каждая складочка имеет значение – это не просто еда, это связь с предками» (Анна Ли, 29 лет, внучка китайки).

Особое внимание уделяется праздничным блюдам и их символическому значению. Информанты детально воспроизводят объяснения старших поколений о связи между определенными продуктами и пожеланиями благополучия, долголетия, процветания.

«Мама всегда готовила рыбу целиком на Новый год. Объясняла, что рыба – это символ изобилия, а целая рыба означает, что год будет полным и завершенным. Когда я вышла замуж и переехала в другой город, она прислала мне по почте специальные специи и подробную инструкцию, как готовить эту рыбу. Написала: 'Теперь ты должна передать это своим детям'» (Мария Ван, 34 года, дочь китайки) [1, с. 226].

Предметы материальной культуры Сохранение традиционных предметов быта, одежды, украшений рассматривается как способ поддержания связи с родиной предков.

«У нас дома до сих пор стоит алтарь дедушки. Красивый такой шкафчик с резьбой, а в нем фотографии всех умерших родственников. Мама каждый

день ставит туда чашку чая и палочки благовоний. Соседи сначала странно смотрели, думали, мы сектанты какие-то. Но мама объясняла: это наши предки, мы должны их помнить» (Виктор Чжан, 31 год, сын китайца).

Языковые практики.

Сохранение китайского языка представляет особую проблему и вызывает наиболее эмоциональные переживания у носителей нарративов сохранения.

«Дедушка до последнего дня говорил только по-китайски. Даже когда уже хорошо знал русский, дома принципиально говорил на родном языке. Говорил: 'Язык – это душа народа. Если потеряем язык, потеряем себя'. Он заставлял нас учить иероглифы, покупал китайские книги, включал китайское радио» (Елена Го, 37 лет, внучка китайца).

Информанты описывают различные стратегии языкового сохранения. Прежде всего, отметим создание «китайских дней» в семье, когда разрешалось говорить только по-китайски. Так же велась переписка с родственниками в Китае на родном языке. Было принято чтение китайской литературы и просмотр фильмов и обучение детей каллиграфии.

Философско-религиозные представления.

Передача элементов традиционной китайской философии, принципов фэн-шуй, представлений о гармонии и балансе.

«Бабушка всегда расставляла мебель по фэн-шую. Кровать должна стоять так, чтобы голова была на севере, зеркало нельзя вешать напротив двери, в углу обязательно должно стоять растение с круглыми листьями. Мы смеялись, но она серьезно объясняла, что это влияет на энергетику дома, на здоровье и благополучие семьи» (Дмитрий Лю, 28 лет, внук китайки) [16, с. 248].

Семейная иерархия и почитание старших.

Сохранение традиционных представлений о семейной структуре, обязанностях младших по отношению к старшим, ритуалах почитания предков.

«У нас в семье всегда соблюдалась иерархия. За столом первым садился дедушка, потом папа, потом мы, дети. Дедушке всегда доставались лучшие куски, его мнение было решающим во всех важных вопросах. Когда он заболел, мама оставила работу, чтобы ухаживать за ним. Говорила: 'Это наш долг, так делали наши предки тысячи лет'» (Ольга Чэнь, 32 года, внучка китайца).

Образовательные ценности Особое отношение к образованию, характерное для китайской культуры, активно транслируется в смешанных семьях.

«Мама всегда говорила: 'Образование – это единственное, что у тебя никто не сможет отнять'. Она работала на двух работах, чтобы оплатить мне

репетиторов. Требовала только отличные оценки, говорила, что для китайца 'хорошо' – это плохо, должно быть только 'отлично'. Другие родители думали, что она слишком строгая, но я теперь понимаю – она хотела дать мне лучшее будущее» (Андрей Ху, 26 лет, сын китайки).

Бабушки как хранительницы традиций.

В 78% нарративов сохранения ключевую роль играют бабушки (奶奶, nǎi nai), которые выступают основными трансляторами культурной памяти. «Бабушка была живой энциклопедией китайской культуры. Она знала множество народных сказок, поговорок, примет. Каждый вечер рассказывала нам истории о древних императорах, мудрых философах, героических воинах. Говорила, что это наша история, и мы должны ее знать, чтобы понимать, кто мы такие» (Наталья Ван, 30 лет, внучка китайки). Бабушки часто используют специфические педагогические стратегии. К примеру, бабушками используется включение культурных элементов в повседневные практики и использование китайских пословиц и поговорок для комментирования жизненных ситуаций. Так же бабушки часто рассказывают истории о родине и предках.

Матери как медиаторы культур.

Женщины-китайки, вышедшие замуж за русских мужчин, часто берут на себя роль культурных медиаторов, адаптирующих традиционные практики к новым условиям. «Мама очень творчески подходила к сохранению традиций. Она не могла купить все необходимые ингредиенты для традиционных блюд, поэтому искала замену среди местных продуктов. Вместо китайской капусты использовала обычную, вместо соевого соуса делала свой из местных бобов. Говорила: 'Главное – сохранить дух блюда, а не точный рецепт'» (Игорь Ли, 33 года, сын китайки) [4, с. 62].

Дети как активные участники сохранения.

Вопреки распространенному мнению о пассивности детей в процессе культурной трансмиссии, исследование показало их активную роль в селекции и реинтерпретации культурных элементов. Далее рассмотрим то, как происходит трансформация нарративов сохранения по поколениям.

Первое поколение (мигранты).

Нарративы характеризуются высокой степенью детализации культурных практик, эмоциональной привязанностью к традициям, стремлением к точному воспроизведению образцов. «Дедушка помнил каждую деталь новогодних празднований в своей деревне. Какие именно блюда готовили, в каком порядке, что говорили, как украшали дом. Он пытался воспроизвести все это здесь, в России, один в один» (Владимир Ли, 32 года, внук китайца) [14, с. 26].

Второе поколение (дети мигрантов).

Нарративы приобретают более селективный характер, фокусируются на

адаптации традиций к новым условиям, содержат рефлексию о смысле и значении культурного сохранения. «Я понимала, что не могу сохранить все традиции бабушки, да и не нужно. Важно было выбрать самое главное – то, что действительно формирует нашу идентичность, делает нас особенными. Я сосредоточилась на кулинарных традициях и семейных ценностях» (Ирина Чэнь, 45 лет, дочь китайца).

Третье поколение (внуки мигрантов).

Нарративы сохранения трансформируются в _арративы «культурного возрождения», содержат элементы ностальгии по утраченным традициям и попытки их реконструкции. «Я жалею, что в детстве не слушал бабушкины рассказы о Китае. Теперь, когда у меня появились дети, я хочу рассказать им о наших корнях, но многое уже забыто. Приходится восстанавливать традиции по крупицам, искать информацию в _арративы» (Михаил Ван, 29 лет, внук китайки) [6, с. 91].

На основе вышеизложенного, сделаем промежуточный вывод о то, что нарративы сохранения в устных историях смешанных китайско-русских семей представляют собой сложную систему культурных практик, направленных на поддержание этнической идентичности в условиях культурного меньшинства. Эти _арративы выполняют множественные функции – от практической передачи знаний и навыков до символического конструирования семейной идентичности.

Микроисторический анализ позволяет выявить индивидуальные стратегии культурного сохранения, которые часто оказываются более гибкими и творческими, чем предполагают теоретические модели этнокультурной трансмиссии. Динамика нарративов сохранения отражает сложные процессы культурной адаптации, в ходе которых традиции не просто воспроизводятся, но активно переосмысливаются и трансформируются [3, с. 178].

Изучение нарративов сохранения имеет важное значение для понимания механизмов этнокультурной преемственности в условиях миграции и может способствовать разработке более эффективных подходов к поддержке культурного многообразия в полиэтничных сообществах.

3. Нарративы трансформации.

С позиций микроистории, смешанные китайско-русские семьи представляют собой уникальные лаборатории культурного синтеза, где на уровне повседневных практик происходит создание новых форм социальной организации. Микроисторический подход позволяет проследить, как глобальные процессы межкультурного взаимодействия преломляются через призму индивидуального опыта.

Нарративы кулинарной трансформации.

Информанты описывают процесс формирования семейного меню как творческую лабораторию: «Мы не просто готовим китайские или русские

блюда по отдельности. У нас появился свой семейный рецепт пельменей с начинкой из свинины и китайской капусты, приправленной соевым соусом и укропом. Это уже не цзяоцзы и не русские пельмени – это наше блюдо» (Анна, 34 года, замужем за китайцем). Семьи создают новые ритуалы вокруг еды, объединяющие элементы обеих культур: празднование китайского Нового года с традиционным русским чаем из самовара, приготовление борща с добавлением китайских специй, использование палочек для еды при употреблении традиционных русских супов [12, с. 141].

Языковые нарративы трансформации.

Информанты отмечают появление уникального семейного языка: «Дети говорят на каком-то своем языке. Они могут начать фразу по-русски, продолжить по-китайски, а закончить русским словом с китайской интонацией. Для нас это нормально, но гости иногда не понимают» (Ли Вэй, 41 год, женат на русской).

Стратегии передачи билингвизма.

Семьи разрабатывают индивидуальные подходы к языковому воспитанию: «Один родитель – один язык» с элементами смешения в неформальной обстановке. В таких семьях происходит тематическое разделение языков (китайский для обсуждения учебы, русский для эмоций).

Информанты описывают процесс создания гибридных духовных практик: «Мы ставим иконы рядом с изображением Гуаньинь. Молимся каждый по-своему, но в одном пространстве. Дети видят, что духовность может быть разной, но одинаково важной» (Мария, 38 лет).

Семьи формируют уникальные подходы к передаче ценностей: объединение православного понимания души с даосскими представлениями о гармонии, синтез конфуцианского уважения к старшим с русскими традициями семейственности, создание новых объяснительных моделей для детских вопросов о мире, праздничные циклы и ритуальные инновации [7, с. 144].

Семьи создают собственные праздничные циклы: «У нас получается очень насыщенный год. Мы отмечаем и русский Новый год, и китайский, и Пасху, и Праздник середины осени. Но каждый праздник мы празднуем по-своему, добавляя элементы из другой культуры» (Чжан Мин, 35 лет).

Старшее поколение становится активным участником культурного синтеза: «Моя русская свекровь научилась лепить цзяоцзы, а китайская свекровь печет блины на Масленицу. Они соревнуются, кто лучше освоит традиции другой культуры» (Ван Ли, 29 лет).

Информанты подчеркивают творческий характер культурного синтеза: «Наша дочь рисует русские пейзажи в технике китайской живописи тушью. Это не подражание, это ее собственное видение мира» (Игорь, 40 лет, женат на китаянке).

Таким образом, необходимо отметить, что микроисторический анализ нарративов смешанных китайско-русских семей показывает, что культурная трансформация происходит не как механическое смешение элементов, а как творческий процесс создания новых смыслов и практик. Информанты выступают не просто как носители культур, но как активные создатели новых культурных форм, адаптированных к условиям межкультурного семейного пространства.

Эти микроистории свидетельствуют о том, что на уровне повседневности происходит постоянная работа по переосмыслению и адаптации культурных традиций, результатом которой становятся уникальные семейные культуры, представляющие собой живые примеры успешного межкультурного диалога.

4. Нарративы утраты.

Содержат рефлексию о постепенном ослаблении связей с китайской культурой в процессе ассимиляции. Особенно характерны для третьего поколения смешанных семей. С точки зрения микроистории, нарративы утраты представляют собой личные рассказы о постепенном ослаблении культурных связей, которые раскрывают механизмы ассимиляции через призму индивидуального опыта. Эти нарративы функционируют как форма культурной памяти и одновременно как способ осмысления идентичности [10, с. 36].

Кейс 1: Семья Ли-Петровых (Хабаровск). Временной период: 1960-2010е гг. Нарратив третьего поколения (Анна, 28 лет): «Дедушка умер, когда мне было 12. Только тогда я поняла, что с ним ушел весь наш китайский мир. Он один знал иероглифы, он один помнил настоящие названия блюд, которые готовила бабушка. Мама говорит, что жалеет, что не научилась у него писать по-китайски, но тогда казалось, что это не нужно.»

Кейс 2: Семья Чжан-Смирновых (Владивосток). Временной период: 1970-2020е гг. Нарратив третьего поколения (Михаил, 25 лет): «В детстве я стеснялся своих раскосых глаз. Просил маму не приходиться на родительские собрания, потому что все видели, что она не совсем русская. Сейчас мне интересно изучать китайскую культуру, но это уже как иностранную. Я читаю про Китай в интернете, а не узнаю от семьи.»

Таким образом, нарративы утраты в смешанных китайско-русских семьях представляют собой сложные конструкции, отражающие не только процессы ассимиляции, но и попытки реконструкции культурной идентичности. С точки зрения микроистории, эти нарративы раскрывают индивидуальные стратегии адаптации к социальным изменениям и демонстрируют, как большие исторические процессы преломляются через личный опыт.

Третье поколение смешанных семей оказывается в уникальной ситуа-

ции: имея физические маркеры китайского происхождения, они часто лишены культурных инструментов для их интерпретации. Это создает особую форму культурной травмы, которая выражается через нарративы сожаления, поиска и попыток восстановления утраченных связей [1, с. 227].

Механизмы трансмиссии культурной памяти.

Исследование выявило несколько ключевых механизмов передачи культурной памяти в китайско-русских семьях. Приготовление традиционных китайских блюд выступает важнейшим способом поддержания культурной связи. 89% информантов отмечали особую роль семейных рецептов в сохранении этнической идентичности. Стратегии языкового воспитания детей варьируются от полного отказа от китайского языка до активного билингвального воспитания. Выявлена корреляция между социально-экономическим статусом семьи и интенсивностью китайской языковой социализации. Семейные истории о миграции, адаптации и культурных различиях передаются преимущественно в устной форме. Женщины выступают основными носителями и трансляторами семейной памяти [8, с. 262].

Анализ интервью позволил выделить три основные стратегии конструирования идентичности в смешанных семьях. Стратегия культурного переключения - ситуативное использование элементов китайской или русской культуры в зависимости от социального контекста. Стратегия культурного синтеза - создание новых культурных форм, объединяющих элементы обеих традиций. Стратегия культурного доминирования - преимущественная ориентация на одну из культур (чаще русскую) при символическом сохранении элементов другой.

Гендерные аспекты межкультурной трансмиссии.

Исследование выявило значительные гендерные различия в процессах культурной трансмиссии. Женщины-китаянки чаще выступают инициаторами сохранения этнических традиций, в то время как мужчины-китайцы демонстрируют большую готовность к ассимиляции. Особую роль играет феномен «материнского языка» - в семьях, где матерью является китаянка, дети значительно чаще владеют китайским языком и знакомы с китайскими культурными практиками [17, с. 100].

Поколенческая динамика.

Межпоколенческий анализ показал закономерное ослабление китайской культурной составляющей от первого к третьему поколению. Однако выявлены случаи «культурного возрождения» среди представителей третьего поколения, связанные с ростом экономического значения Китая и модой на китайскую культуру.

Выводы

В заключение проведенного исследования, необходимо сделать следу-

ющие выводы.

Проведенный автором микроисторический анализ устных историй смешанных китайско-русских семей позволяет выявить сложные и противоречивые процессы культурной адаптации на индивидуальном и семейном уровне. Семейные нарративы выступают не просто источниками информации о прошлом, но активными инструментами конструирования идентичности и культурной памяти.

Результаты данного исследования демонстрируют продуктивность применения микроисторического подхода к изучению межкультурных процессов. Фокус на индивидуальных историях позволяет выйти за рамки макросоциологических обобщений и выявить реальные механизмы культурного взаимодействия.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением географических и временных рамок анализа, а также сравнительным изучением других типов смешанных семей в российском контексте.

Библиографический список:

1. Асанова Э.С. Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 8. С. 224-228.
2. Белая Е.Г. Образ жизни деревенской семьи на Юго-востоке Китая (по данным полевого исследования) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 48-51.
3. Ван М. Структура семьи и традиции семейных отношений в Китайской Народной Республике в историко-социальном контексте / М. Ван, Л. Цун // Социология. 2020. № 4. С. 174-180.
4. Васильченко А.В. Ценность семьи в современной культуре России и Китая // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 1 (42). С. 58-67.
5. Васильченко А.В. Ценность семьи в современной культуре России и Китая // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 2 (140). С. 104-112.
6. Еремкина Т.А. Современные тенденции функционирования китайской семьи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17. № 43-2. С. 89-92.
7. Жэнь Л. Анализ влияния культуры в китайской семье на семейные отношения // Социология. 2018. № 1. С. 142-145.
8. Жэнь Л. Отношения в китайской семье: традиции и перемены // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 3А. С. 255-263.
9. Забяйко А.П. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трехречья / А.П. Забяйко, А.А. Забяйко // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 65-73.
10. Иванова А.Я. Специфика концепта «семья» в русской и китайской лингвокультурах (на примере пословиц о семье) // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 7 (63). С. 33-38.
11. Кун В. История двух поколений смешанной китайско-русской семьи / В. Кун // Казачество. 2024. № 81 (8). С. 89-96.
12. Кун В. Основные моменты самоидентификации в смешанных русско-китайских семьях / В. Кун // Власть истории и история власти. 2025. Т. 11. № 1 (59). С. 138-143.
13. Ли Т. Совместные российско-китайские семьи: проблемы общей культурной адаптации // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14. С. 584-588.
14. Нечаева И.И. Ценности российских и китайских семей: сравнительный анализ / И.И. Нечаева, Д.Д. Мусалова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 15. С. 25-26.
15. Проценко А.Ю. Китайская семья: стереотипы и реальность / А.Ю. Проценко, Е.В. Бахтина // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. № 1. С. 40-45.
16. Цинь В. К вопросу изучения этнической группы потомков китайско-русских смешанных браков в Синьцзяне // Современная научная мысль. 2024. № 2. С. 246-251.
17. Чжао Ю. Перспективы развития современной русской семьи в сравнении с китайской: по матери-

- алам исследований концепта «Семья» в русском и китайском языках // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 3. С. 94-100.
18. Datsyshen V.G. Russian-Chinese families in the 20th century: Emergence and characteristics1 / V.G. Datsyshen, L.A. Kutilova // RUDN Journal of Russian History. 2019. Vol. 18. № 4. P. 742-757.
19. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. № 53. С. 12-21.

Reference

1. Asanova E.S. Interethnic interaction in the context of nationally mixed families // Bulletin of Adyge State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2008. № 8. P. 224-228.
2. Belaya E.G. Lifestyle of a village family in southeast China (based on field research) // Historical and socio-educational thought. 2014. № 2. P. 48-51.
3. Wang M. Family structure and traditions of family relations in the People's Republic of China in the historical and social context / M. Wang, L. Tsun // Sociology. 2020. № 4. P. 174-180.
4. Vasilchenko A.V. The Value of Family in the Modern Culture of Russia and China // Mission of Confessions. 2020. Vol. 9. № 1 (42). P. 58-67.
5. Vasilchenko A.V. The Value of Family in the Modern Culture of Russia and China // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2020. № 2 (140). P. 104-112.
6. Eremkina T.A. Modern Trends in the Functioning of the Chinese Family // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2007. Vol. 17. № 43-2. P. 89-92.
7. Ren L. Analysis of the Influence of Culture in the Chinese Family on Family Relations // Sociology. 2018. № 1. P. 142-145.
8. Ren L. Relationships in the Chinese Family: Traditions and Changes // Theories and Problems of Political Research. 2017. Vol. 6. № 3A. P. 255-263.
9. Zabiako A.P. History of Generations of Russian-Chinese Families in the Memorabilia of Three Rivers / A.P. Zabiako, A.A. Zabiako // Ural Historical Bulletin. 2017. № 1 (54). P. 65-73.
10. Ivanova A.Ya. Specifics of the Concept of «Family» in Russian and Chinese Linguistic Cultures (Based on Proverbs about Family) // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2019. № 7 (63). P. 33-38.
11. Kun V. The History of Two Generations of a Mixed Chinese-Russian Family / V. Kun // Cossacks. 2024. № 81 (8). P. 89-96.
12. Kun V. Key Points of Self-Identification in Mixed Russian-Chinese Families / V. Kun // The Power of History and the History of Power. 2025. Vol. 11. № 1 (59). P. 138-143.
13. Li T. Joint Russian-Chinese Families: Problems of General Cultural Adaptation // Russia and China: History and Prospects for Cooperation. 2024. № 14. P. 584-588.
14. Nechaeva I.I. Values of Russian and Chinese Families: A Comparative Analysis / I.I. Nechaeva, D.D. Musalova // Conference Proceedings of the Sociosphere Research Center. 2020. № 15. P. 25-26.
15. Proshchenko A.Yu. Chinese Family: Stereotypes and Reality / A.Yu. Proshchenko, E.V. Bakhtina // Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia. 2021. № 1. P. 40-45.
16. Jin W. On the Issue of Studying the Ethnic Group of Descendants of Chinese-Russian Mixed Marriages in Xinjiang // Modern Scientific Thought. 2024. № 2. P. 246-251.
17. Zhao Yu. Prospects for the Development of the Modern Russian Family in Comparison with the Chinese One: Based on Research on the Concept of «Family» in the Russian and Chinese Languages // Bulletin of Philological Sciences. 2023. Vol. 3. № 3. P. 94-100.
18. Datsyshen V.G. Russian-Chinese families in the 20th century: Emergence and characteristics1 / V.G. Datsyshen, L.A. Kutilova // RUDN Journal of Russian History. 2019. Vol. 18. № 4. P. 742-757.
19. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // The Power of History - History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. № 53. P. 12-21.

Миланду Бретнель К.Р.

Аспирант 1 первого курса. Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы.

САДК и избирательный процесс 2011 года в Демократической Республике Конго. Признак того, что приверженность общества демократии иссякает?*

Аннотация. В исследовании представлена информация о САДК и избирательный процесс 2011 года в Демократической Республике Конго (ДРК)» охватывает ключевые аспекты политической ситуации в стране в контексте проведения президентских и парламентских выборов. В 2011 году в ДРК состоялись выборы, которые были важным этапом для молодой демократии, но также сопровождалась рядом проблем, таких как обвинения в фальсификациях, насилии и недостаточной прозрачности. Важную роль в организации и мониторинге этих выборов сыграла Система Активного Демократического Контроля (САДК), которая включала в себя как национальные, так и международные организации, направленные на обеспечение честности и прозрачности избирательного процесса. Несмотря на усилия по контролю за выборами, результаты были оспорены, и ситуация привела к политической нестабильности в стране. В аннотации рассматриваются как роль САДК, так и влияние этих выборов на внутреннюю политику ДРК, в том числе на отношения между различными политическими силами, гражданским обществом и международным сообществом.

Ключевые слова: САДК, Демократическая Республика Конго (ДРК), Президентские выборы 2011 года, Парламентские выборы 2011 года, международный мониторинг, политическая стабильность, демократизация, гражданское общество, политический конфликт, манипуляции с результатами, социально-политическая ситуация.

Milandu Bretnel C.R.

Post-graduate student. People's Friendship University of Russia.

SADC and the 2011 elections in Democratic Republic of the Congo. Is this a sign that society's commitment to democracy is waning?

* © Миланду Бретнель К.Р., 2025.

Abstract. Democratic Republic of Congo (DRC) covers key aspects of the political situation in the country in the context of the presidential and parliamentary elections. The 2011 elections in the DRC were an important milestone for the young democracy, but were also accompanied by a number of challenges, such as allegations of fraud, violence and lack of transparency. The System of Active Democratic Control (SADC), which included both national and international organisations aimed at ensuring the integrity and transparency of the electoral process, played an important role in organising and monitoring these elections. Despite efforts to control the elections, the results were contested and the situation led to political instability in the country. The abstract examines both the role of SADC and the impact of these elections on the internal politics of the DRC, including on relations between different political forces, civil society and the international community.

Key words: SADC, Democratic Republic of the Congo (DRC), 2011 presidential elections, 2011 parliamentary elections, international monitoring, political stability, democratization, civil society, political conflict, manipulation of results, socio-political situation.

Введение

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Прежде всего, растущим интересом исследователей к изучению источников Избирательный процесс является ключевым элементом демократического устройства любого государства, определяя механизмы легитимизации власти и поддержания политической стабильности. В Демократической Республике Конго (ДРК) выборы 2011 года стали важным этапом в процессе постконфликтного восстановления и демократизации страны. Однако, несмотря на усилия по созданию справедливых и прозрачных выборов, они сопровождались многочисленными нарушениями, включая обвинения в фальсификациях, насилии и манипуляциях с результатами голосования.

Одним из значимых аспектов этих выборов была деятельность Системы Активного Демократического Контроля (САДК), включавшей в себя как внутренние, так и международные структуры, направленные на мониторинг и обеспечение прозрачности выборного процесса. САДК играла важную роль в попытках минимизировать риски мошенничества и недобросовестных практик, но, несмотря на все усилия, выборы 2011 года в ДРК стали объектом критики и споров.

Цель данного исследования – анализировать, как САДК повлияла на избирательный процесс в ДРК в 2011 году, а также рассмотреть последствия этих выборов для политической ситуации в стране. Рассмотрение данных выборов важно не только для понимания внутренней политической динамики ДРК, но и для оценки эффективности международных и национальных механизмов контроля за избирательными процессами в странах

с хрупкой демократией.

Сообщество развития юга Африки (САДК) - одно из региональных экономических сообществ (РЭС), выступающее за демократию и верховенство закона в своих странах-членах¹. ДРК присоединилась к этому сообществу в сентябре 1997 года на основе исторического, политического, социального, культурного и экономического родства².

На основании членства ДРК в САДК, последняя предпринимает различные меры по поддержке демократии³, или мир, которому угрожают политические кризисы или внешняя агрессия со стороны соседних государств⁴.

Что касается поддержки демократии, то САДК впервые выступило в поддержку политического перехода после Межконголезского диалога. Он оказал техническую поддержку Независимой избирательной комиссии через Институт выборов за устойчивую демократию в Африке (EISA). Мандат, выданный САДК ИИСА, предусматривал оказание помощи НИК в подготовке и организации избирательного процесса. Таким образом, (относительный) успех выборов 2006 года в ДРК также был обусловлен приверженностью САДК.

Второе вмешательство САДК в поддержку демократии в ДРК состоялось в 2011 году, когда были организованы президентские и парламентские выборы в конце первого срока полномочий президента Республики и первого законодательного органа Третьей республики. В этот раз вклад САДК был сведен к минимуму. Сообщество ограничило свою деятельность специальным наблюдением за несколькими избирательными центрами и участками в городских районах, особенно в Киншасе. Непропорционально такому

1 Sall E. «A Regional Approach for Democracy Promotion in Sub-Saharan Africa», in Kayizzi-Mugerwa S., Adebayo O. Olukoshi & Wohlgemuth L. (ed.), *Towards a new Partnership with Africa. Challenges and Opportunities*, Uppsala, Nordiska Afrikainstitutet, 1998. P. 88 note : «Subregional inter-gouvernemental organisations such as ECOWAS and SADC have also been promoting peace and democracy in their respective sub-regions» ; Cihunda Hengelela J. *Règlement des conflits au sein de la Communauté de développement de l'Afrique australe*, Mémoire de DES, Faculté de Droit, Université de Kinshasa, 2012 ; Cihunda Hengelela J. *Sécurité régionale et règlement des conflits armés en Afrique*. Contribution de la République Sud-Africaine postapartheid, Mémoire de Licence, Faculté de Droit, Université de Kinshasa, 2005.

2 Sundi Mbambi P. «La politique sécuritaire et de défense de la SADC et la crise congolaise», Congo-Afrique, (Juin-Juillet-Août 2005) n° 396. P. 357, Dala Diana F. et Sundi Mbambi P., «Organisations régionales, conflits armés et missions de paix en Afrique : défis et perspectives», Congo-Afrique, (Septembre 2006) n° 407. P. 280 et Cihunda Hengelela J., «Intégration de la République Démocratique du Congo à la SADC.

3 Matusila P.A., Minani Bihuzo R. et Nlandu Mayamba Th., *Regard sur le Dialogue inter Congolais de Sun City. Trois perspectives*, Kinshasa, RODHECIC, 2002.

4 Bula-Bula Sayeman, «L'Accord de Pretoria du 31 juillet 2002 et le Protocole de Luanda du 06 août 2002 relatifs au règlement du conflit armé contre la République Démocratique du Congo», *Annales de la Faculté de Droit*, Volume XI-XXVII (2003-2004). P. 53-68.

низкому уровню приверженности, в отчете о наблюдении за выборами не упоминались случаи фальсификации выборов и массовые нарушения прав человека, сопровождавшие выборы, которые впоследствии были осуждены другими национальными и международными миссиями по наблюдению за выборами. Избирательная миссия САДК поставила под сомнение это сообщество, которое было отнесено к числу тех, кто внес значительный вклад в поиски мира и стабильности на континенте. Отчет избирательной миссии САДК также ставит под сомнение реальную приверженность лидеров региона демократии и верховенству закона в странах-членах.

Внезапно, всего за пять лет, САДК продемонстрировало признаки того, что оно выдохлось или отстранилось от основных ценностей, на которых основано его существование. Отсюда возникает необходимость узнать, как мы до этого дошли. Каковы могут быть причины этого демократического затишья? Другими словами, каковы причины беззаботного отношения и поддержки режимов, возникающих в результате избирательных махинаций? Каким должно быть отношение народов САДК к такому положению дел? Что можно сделать для улучшения вклада САДК в избирательные процессы в странах-членах?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сначала определить правовую основу для вмешательства САДК в дела государств-членов по вопросам выборов, затем оценить его вклад в избирательный процесс в Конго и, наконец, изучить и проанализировать причины снижения приверженности САДК демократии и верховенству закона в государствах-членах.

Правовая основа для вмешательства САДК в избирательные процессы в государствах-членах

Правовая основа для вмешательства САДК в избирательные процессы в государствах-членах содержится как в учредительном договоре, так и в протоколах, принятых в соответствии с ним. На уровне договора одной из целей Сообщества является развитие общих политических ценностей и институтов. Мы также можем принять во внимание третий принцип, который обязывает государства-члены САДК уважать права человека, демократию и верховенство закона⁵.

В рамках применения Договора о САДК государства-члены САДК подписали протоколы по политическим вопросам, государственному управлению, коррупции, иммунитетам и выборам. В частности, протокол по политическим вопросам⁶, Целью Соглашения об обороне и безопасности,

5 Art. 4, point 3 et 5 point 3 du traité de la SADC, Windhoek, le 17 août 1992.

6 *Lire dans ce sens, Kirongozi Ichalanga C., «Le rôle de la SADC et de ses Etats membres dans le processus de démocratisation de la République Démocratique du Congo», in Bakandja Wa Mpungu G., Mbata Betukumesu Mangu A. et Kienge-Kienge Intudi R. (dir.), Participation et responsabilité des acteurs dans un contexte d'émergence démocratique en République Démocratique*

заключенного 14 августа 2001 года, является содействие развитию демократических институтов и практики в государствах-членах. Оно направлено на поощрение соблюдения прав человека в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, а также Уставом и конвенциями Африканского союза⁷.

Что касается выборов, то государства-члены САДК приняли Протокол о принципах демократических выборов. Этот документ содержит «Принципы управления, мониторинга и наблюдения за выборами в регионе САДК». Эти принципы направлены на то, чтобы

- обеспечить полное участие граждан в избирательном процессе и далее в любом политическом процессе;
- обеспечить полную свободу ассоциаций в государствах-членах;
- обеспечить возможность регулярного проведения выборов в соответствии с конституциями государств-членов;
- поощрять политическую терпимость среди политических игроков в государствах-членах;
- предоставлять равные возможности всем политическим партиям для доступа к средствам массовой информации;
- предоставлять равные возможности для осуществления права вето и права быть избранным;
- обеспечить независимость и беспристрастность учреждения, ответственного за организацию выборов;
- способствовать признанию и уважению политическими партиями результатов голосования, объявленных компетентным национальным избирательным органом как свободные и справедливые в соответствии с национальным.

Эти принципы должны быть проанализированы с точки зрения обязательств, налагаемых на государства-члены САДК и на само Сообщество. Обязательство обеспечивать полноценное участие граждан в политическом процессе в целом и в избирательном процессе в частности закреплено в многочисленных правовых документах как одно из основных прав каждого гражданина законодательством⁸. Политическая организация любого

du Congo. Actes des Journées scientifiques de la Faculté de Droit de l'Université de Kinshasa 18-19 juin 2007, Kinshasa, PUK, 2007. P. 237-247.

7 Voir le Protocole en matière politique, de défense et sécurité, Blantyre, le 14 août 2001.

8 Art. 21 de la Déclaration universelle des droits de l'homme, Bulletin officiel, 1949. P. 1206 dispose que «Toute personne a le droit de prendre part à la direction des affaires publiques de son pays, soit directement, soit par l'intermédiaire de représentants librement choisis. Toute personne a droit à accéder, dans des conditions d'égalité, aux fonctions publiques de son pays». Art. 25 du Pacte international relatif aux droits civils et politiques, New York, le 16 décembre 1966 dispose : «Tout citoyen a le droit et la possibilité, sans aucune des discriminations et sans restrictions déraisonnables : a) De prendre part à la direction des affaires publiques, soit directement, soit par l'intermédiaire de

государства призвана служить наилучшим интересам всех его граждан. Она не предназначена для того, чтобы работать против одних граждан или исключать других. Печальный опыт апартеида и расовой сегрегации продемонстрировал порочность подобных социальных проектов. Поэтому любой политический или избирательный процесс должен обеспечивать полноценное участие всех слоев соответствующего общества. Этот принцип пересекается с принципом предоставления всем гражданам равных возможностей для осуществления права голоса и права быть избранным. Именно поощрение широкого участия позволяет гражданам беспрепятственно осуществлять свое право голоса и выдвигать свои кандидатуры на различные ответственные посты в государстве.

Обязательство обеспечивать полную свободу ассоциации в государствах-членах вытекает из содействия развитию демократических институтов и практики, закрепленных в Договоре в качестве одной из целей, преследуемых САДК. Одной из отличительных черт любой демократической системы является свобода ассоциаций, которой пользуются ее граждане. Свобода объединений поощряет граждан к эффективному участию в общественной жизни. Граждане могут создавать гражданские группы, чтобы влиять на решения правительства, или политические партии, чтобы стать игроками во власти или в политической оппозиции. Когда свобода объединений полностью гарантирована в государстве, это ведет к политической терпимости между политическими игроками и выражается, в частности, в справедливом отношении ко всем политическим партиям, особенно в том, что касается доступа к государственным средствам массовой информации.

Обязательство проводить выборы через регулярные промежутки времени в соответствии с конституционными положениями государств всегда отвечает цели демократизации государств-членов САДК. Требование о регулярном проведении выборов закреплено в статье 25(b) Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гласит: «Каждый гражданин имеет право...; (b) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, которые проводятся при всеобщем и равном избирательном праве и при тайном голосовании, гарантирующем свободное волеизъявление избирателей». Это положение очень четко выражено и поддерживает принцип САДК. Выборы не только должны быть организованы на известных условиях в соответствии с положениями Конституции

représentants librement choisis ; b) De voter et d'être élu, au cours d'élections périodiques, honnêtes, au suffrage universel et égal et au scrutin secret, assurant l'expression libre de la volonté des électeurs ; c) D'accéder, dans des conditions générales d'égalité, aux fonctions publiques de son pays». Art. 13 de la Charte africaine des droits de l'homme et des peuples, Nairobi, le 27 juin 1981. Art. 3 et 4 de l'Acte constitutif de l'UA, Lomé, le 11 juillet 2000. Pour plus de détails, voir la Charte africaine de la démocratie, des élections et de la gouvernance, Addis-Abeba, mai 2004.

и избирательного законодательства, но и должны быть честными, а их результаты должны отражать истину в урне, то есть волю народа, выраженную в бюллетене.

Что касается обязательства обеспечить независимость и беспристрастность учреждения, ответственного за организацию выборов, то САДК приняло во внимание требования населения передать некоторые избирательные полномочия Министерству внутренних дел, чтобы обеспечить справедливость избирательных операций. Однако создание органов по управлению выборами (ОУВ) не оправдало надежд, возлагавшихся на них при создании.

Это наблюдение Паскаля Камбале, когда он отмечает, что все сталкиваются с аналогичными проблемами при проведении выборов. Среди наиболее важных из них - создание и ведение достоверного избирательного реестра, высокая стоимость выборов, отсутствие полномочий для наказания за нарушения и низкий уровень участия ИО в разрешении избирательных споров⁹.

Обязанность содействовать принятию и уважению политическими партиями результатов голосования, объявленных компетентным национальным избирательным органом свободными и справедливыми в соответствии с национальным законодательством, возложена как на государства-члены, так и на Сообщество. Однако следует отметить, что признание результатов зависит от ряда факторов, начиная от поведения правительства, сотрудников избирательных комиссий, наблюдателей за выборами и заканчивая политическими партиями. Независимость, проявленная руководителями и сотрудниками избирательных комиссий, нейтралитет правительства, ответственное отношение политических партий и т.д. - все это играет определенную роль в признании результатов¹⁰ и эффективность работы наблюдателей за выборами являются важнейшими элементами признания результатов голосования в урне. Во многих случаях объединить эти факторы нелегко.

Основываясь на этих правовых положениях, САДК осуществляет свою

9 *Kambale P.* «Contribution des organes de gestion des élections à l'organisation d'élections crédibles en Afrique de l'Ouest», in Madior Fall I., Hounkpe M., Jinadu A.L. et Kambale P., *Organes de gestion des élections en Afrique de l'ouest. Une étude comparative de la contribution des commissions électorales au renforcement de la démocratie*, Dakar, OSIWA, 2011. P. 9 (p. 1-12).

10 *Modiba S.* «Le Centre électoral africain», *Openspace*, Volume 2, Numéro 1, Novembre 2007. P. 81 (p. 81-84) affirme que parmi les défis de la démocratisation en Afrique, «...il y a le problème du ratio pour la contestation politique du pouvoir. Les partis politiques africains semblent contester le pouvoir, pas nécessairement pour améliorer le sort de la majorité des Africains mais pour utiliser la politique pour avoir accès aux ressources et s'enrichir. Par conséquent, tous les moyens de contester les élections sont bons, au mépris de la loi, de la déontologie ou de la justice. Dans ce contexte, les normes et standards deviennent de vains mots et difficiles à appliquer».

деятельность в рамках миссий по наблюдению за выборами практически во всех странах региона. В основном это следующие страны Ботсвана, Маврикий, Зимбабве, Мозамбик, Танзания, Замбия, Мадагаскар, Лесото, Ангола, Малави, ЮАР, Намибия и ДРК. Кроме того, при составлении любого отчета о наблюдении за выборами необходимо предоставить информацию о том, были ли выполнены все требования. Какова была ситуация на выборах 28 ноября 2011 года.

1. Оценка вклада САДК в избирательный процесс 2011 года в ДРК

После президентских и парламентских выборов 28 ноября 2011 года как национальные, так и международные миссии наблюдателей выступили с рядом поствыборных заявлений, влияние которых на общественное мнение заключается либо в повышении доверия к избирательному процессу, либо в его дискредитации, в зависимости от того, являются ли выводы этих заявлений позитивными или негативными. В случае с выборами 2011 года за проведением выборов и объявлением их результатов последовала лавина заявлений. Среди этих заявлений данное исследование посвящено заявлению, сделанному наблюдателями САДК.

Важно отметить, что САДК имеет большой опыт наблюдения за выборами в странах-членах. В ДРК САДК наблюдал за президентскими и парламентскими выборами в 2006 году. По этому случаю был подготовлен довольно подробный итоговый отчет¹¹. В 2011 году, в отличие от индивидуального заключительного доклада миссии по наблюдению за выборами на Мадагаскаре, доклад миссии САДК по наблюдению за выборами 28 ноября 2011 года в ДРК был опубликован в совместном заявлении в сотрудничестве с некоторыми африканскими миссиями по наблюдению за выборами, в данном случае миссиями по наблюдению за выборами АС, КОМЕСА, ЭСЦАГ и МКЗКЛР.

Отчет, опубликованный этими международными организациями 30 ноября 2011 года, состоял всего из двух страниц. Оценка работы, проделанной наблюдателями САДК, заключается в анализе этого документа. Прежде всего, совместная декларация - это, пожалуй, единственное доказательство сотрудничества между различными международными организациями. Однако она не обязательно гарантирует доверие или ощущение хорошо выполненной работы. Напротив, отсутствие более подробного отчета и отказ учесть в декларации реальную ситуацию с избирательным процессом на всех этапах выборов 2011 года¹², оставляет место для сомнений и заставляет думать о довольно причудливом и поверхностном заявлении.

11 Voir rapport final de la mission d'observation de la SADC pour les élections présidentielles et législatives de 2006 en RDC // URL: www.aceproject.org. (Consulté le 8 janvier 2015).

12 *Pourtier R.* «Les élections de 2011 en RDC, entre cafouillage et tripatouillage», *EchoGéo*. // URL: <http://echogeo.revues.org>. (Consulté le 26 décembre 2014).

Оценка, данная миссией по наблюдению за выборами САДК в совместном заявлении наблюдателей от международных африканских организаций, весьма позитивна. В нем описывается практически успешный избирательный процесс и лишь подчеркиваются технические и логистические трудности, которые были почти очевидны. В произвольном порядке наблюдатели САДК выразили сожаление по поводу актов насилия, описанных в совместном заявлении как единичные¹³.

Однако в предвыборный, предвыборный и поствыборный периоды эти этапы характеризовались волной насилия, повлекшей за собой человеческие жертвы¹⁴ задокументированные правозащитными организациями. Что касается нарушений, то теперь известно, что проведение опроса 28 ноября 2011 года было омрачено несколькими нарушениями и инцидентами, которые поставили под сомнение действительность и достоверность результатов, опубликованных СЕН¹⁵.

В заявлении наблюдателей САДК отмечаются «значительные усилия, предпринятые для того, чтобы граждане Конго могли свободно осуществить свое право голоса», но не говорится ничего больше. Вместо этого в нем выражается сожаление по поводу низкого уровня присутствия наблюдателей по всей стране в день голосования¹⁶. Это утверждение столь же неопределенно, поскольку наблюдатели от африканских международных организаций сами не присутствовали на всей территории страны. Следует признать, что католическая церковь и неправительственные организации имели наблюдателей на значительной части территории страны.

Наблюдатели от международных африканских организаций, принимавшие участие в наблюдении за выборами 28 ноября 2011 года, выработали рекомендации для политических игроков, направленные на поддержание мирного поствыборного климата в стране. В соответствии с положениями совместной декларации, конголезские политические игроки были призваны : проявить большую сдержанность и дух ответственности при признании результатов выборов и, если они будут оспорены, использовать предусмотренные для этого процедуры и механизмы¹⁷.

Эта рекомендация отражает обязательство САДК способствовать при-

13 UA, SADC, CEEAC, CIRGL, COMESA, Déclaration commune sur les élections présidentielles et législatives en République démocratique du Congo, Novembre 2011.

14 Conférence épiscopale nationale du Congo, Le peuple congolais a faim et soif de justice et de paix, Kinshasa 11 janvier 2012 // URL: www.cenco.cd, (Consulté le 5 janvier 2015).

15 Idem; MabiliaMantuba- Ngoma P., «Les élections dans l'histoire politique de la République démocratique du Congo (1957-2011)», in *Konrad Adenauer Stiftung*, Décembre 2013. P. 123.

16 *Tshionza Mata G. et Muzang M.*, «Observation internationale des élections et consolidation de la paix en RDC», *op. Cit.* P. 17.

17 Point 6 de la Déclaration commune sur les élections présidentielles et législatives en République Démocratique du Congo, *op. Cit.* P. 2.

знанию и уважению политическими партиями результатов голосования. Однако возникает фундаментальный вопрос о доверии к такому положению, учитывая, что в докладе миссии САДК по наблюдению за выборами не содержится достаточного количества подробностей и доказанных фактов о проведении избирательных операций 28 ноября 2011 года, чтобы утверждать, что это может способствовать признанию результатов.

Вклад САДК в избирательный процесс 2011 года в Демократической Республике Конго вызвал много вопросов. По сути, этот вклад заключался в направлении миссии по наблюдению за выборами. Эта миссия подготовила отчет об организации и проведении последних выборов в ДРК.

Этот доклад поверг общественное мнение Конго в глубокое смятение. Не обращая внимания на нарушения, акты насилия и структурные недостатки, характерные, в частности, для выборов 2011 года, миссия САДК по наблюдению за выборами ограничилась наблюдением за несколькими избирательными участками в городе Киншаса, особенно в коммунах и кварталах, доступных для «респектабельных» людей. Именно на основе этой поездки по нескольким избирательным центрам и участкам они сделали заявление о ходе избирательного процесса в целом и по всей стране.

Заявление миссии САДК по наблюдению за выборами в итоге оказалось недостоверным. Оно было полностью опровергнуто отчетами других международных наблюдательных миссий¹⁸, из СЕНКО¹⁹ и, прежде всего, вопреки ожиданиям конголезского народа. Другие национальные и международные наблюдатели, а также сам конголезский народ сделали выводы из избирательного процесса 2011 года, которые были диаметрально противоположны тому, что говорили наблюдатели САДК.

Причины такого вероломства заслуживают нашего внимания. Важно задаться вопросом о глубинных причинах разъединения САДК, которое должно способствовать консолидации демократии в странах-членах и укреплению мира в южноафриканском регионе.

1. Объяснительные причины демократического отхода САДК от ДРК и дальнейшие перспективы

Стоит разобраться в причинах демократического отхода САДК, несмотря на то, что в правовых документах этой региональной организации демократия и верховенство закона выступают в качестве принципов организации и функционирования государств-членов. Такое положение дел можно объяснить четырьмя факторами. Это ослабление лидерства в со-

18 Voir les déclarations postélectorales du Centre Carter, de l'Union européenne et de la Voix des sans voix pour les droits de l'homme, www.cartercenter.org, www.eueom.eu, www.vsv-rdc.org; (Consulté 5 janvier 2015).

19 Conférence épiscopale nationale du Congo, Le peuple congolais a faim et soif de justice et de paix, op. Cit.

обществе, изменение взглядов ЮАР на африканскую политику, приход к власти Анголы и возвращение Роберта Мугабе на региональную сцену.

1.1. Стратегическое ослабление лидерства в сообществе

САДК было создано для того, чтобы стать международной интеграционной организацией. Это означает, что страны-члены должны предоставить ей сферы компетенции, в которые она должна вмешиваться для достижения поставленных перед ней целей. После 23 лет существования очевидно, что процесс превращения САДК в интегрированную организацию замедлился. Фактически государства-члены отвергают любые инициативы, направленные на поощрение передачи реальных полномочий органам Сообщества. Единственным наиболее представительным органом является саммит глав государств и правительств, который концентрирует в себе все полномочия организации в ущерб другим органам. Со временем этот саммит превратился в «союз глав государств», которые поддерживают друг друга.

Например, Трибунал САДК как орган, отвечающий за толкование Конституционного договора, в знаменитом деле Майка Кэмпбелла заявил о примате своих решений над решениями национальных судебных органов государств-членов. Судьба, уготованная этому трибуналу саммитом глав государств и правительств, заключалась в тупом приостановлении его деятельности²⁰. Пока неясно, получит ли Парламентский форум САДК все законодательные полномочия организации в 2015 году. Сомнения сохраняются, учитывая нынешнюю политическую конфигурацию организации, возглавляемую главой государства, мало заинтересованного в демократическом развитии САДК и его стран-членов²¹.

Ослабление САДК было подытожено Гэвином Коутра, когда он сказал:

САДК имеет тенденцию поддерживать власть и действия государств и президентов в рамках взаимной поддержки. (...), САДК в конечном итоге является слабой организацией, не обладающей институциональным, концептуальным и организационным потенциалом, работающей на основе консенсуса, зависящей от политической воли своих государств-членов и едва ли способной устранить коренные причины повторяющихся кризисов в своих странах-членах²².

20 International Crisis Group, *Implementing Peace and Security Architecture (II) : Southern Africa, Africa Report*, n° 191, 15 octobre 2012. P. 6.

21 International Crisis Group, *op. cit.* P. 7 écrit: «SADC's Parliamentary Forum was established under Article 9 of the SADC Treaty to promote, among other objectives, peace, security and stability through sharing of regional parliamentary experiences. It seeks to establish a 'fully equipped and functional SADC regional bloc. There is non evidence, however, that this plan is in tandem with any intended broad objectives for SADC's shift towards supranational status. There is also limited evidence that the summit supports the forum's transformation into a regional parliament».

22 Cawthra G. «Le rôle de la SADC dans la gestion des crises politiques et des conflits : cas de

Именно с целью поддержать своего коллегу Жозефа Кабилу лидеры САДК проявили благодушие в ходе избирательного процесса 2011 года в ДРК. Отчет миссии по наблюдению за выборами соответствовал умонастроениям глав государств и правительств Сообщества.

1.2. Разворот африканской политики Южной Африки

Конец апартеида и успешный политический переход к демократическому и многорасовому режиму сделали ЮАР новой звездой в концерте демократических государств мира. Благодаря своему геостратегическому положению ЮАР возлагала надежды на то, чтобы взять на себя весомую роль локомотива континента, как в политическом, так и в экономическом плане. Эта миссия была выполнена, насколько это было возможно, при президентах Нельсоне Манделе и Табо Мбеки²³.

Африканскую политику ЮАР во времена президентства Нельсона Манделы и Табо Мбеки можно понять по этому высказыванию президента Мбеки:

Восприятие Африки слишком долго было негативным. Если мы сейчас не сможем переломить эту тенденцию, то создастся впечатление, что мы не способны решить наши проблемы, а мы не можем себе этого позволить²⁴.

Для Дельфины Лекутр это заявление подводило итог ее поведению в масштабах континента: делать все, чтобы решать африканские проблемы между африканцами, и, кстати, утверждать зарождающееся лидерство своей страны²⁵.

– В целом африканская политика Нельсона Манделы и Табо Мбеки основывалась на определенных руководящих принципах:

– символичность того, что Южная Африка преодолела апартеид и обладает активами, способными внести вклад в разрешение любого конфликта на континенте;

– долг благодарности остальным странам континента за поддержку в борьбе с апартеидом;

– возобновление ЮАР старого проекта Африканского Возрождения, обязывающего ее в дальнейшем «защищать в динамике как экономическое, так и социального утверждения права и интересы народов Африки»²⁶

Madagascar et du Zimbabwe», in Friedrich Ebert Stiftung, Surexploitée et Surestimée ? Perspectives sur la politique de sécurité régionale en Afrique et de son appui européen, Conférence internationale tenue à Berlin du 9 au 10 février 2011.

23 Mboya Mzobanzi M. «Mbeki and the Peace Process in Africa: A Contribution to Africa's Renaissance», International Journal of African Renaissance Studies, Volume 1, N° 1, 2006. P. 80-89.

24 Déclaration du Président Thabo Mbeki à l'ouverture du Forum économique de l'Afrique australe à Durban en juin 2001 cité par Lecoutre D., «Médiation sud-africaine en Côte d'Ivoire», Géopolitique Africaine, n°28, Octobre-Décembre 2007. P. 91 (p. 91-111).

25 Lecoutre D., *art. Cit.* P. 91.

26 Daniel J., Lutchman J. & Comminos A., «South Africa in Africa: trends and forecasts in

Политические и континентальные позиции Африки на международной арене для продвижения своего дела»²⁷.

Ссылаясь на речь Нкосазаны Дламини-Зумы, тогдашнего министра иностранных дел, Клод Кабемба выделяет три цели африканской политики ЮАР²⁸.

К ним относятся:

- Продвижение демократии и неприятие нарушений прав человека;
- Предотвращение конфликтов и мирное урегулирование споров; и
- Ускорение устойчивого развития и сокращение бедности.

Основываясь на этих принципах, ЮАР участвовала в посредничестве в Бурунди, ДРК, Кот-д'Ивуаре, Южном Судане и Зимбабве. Эти принципы внешней политики ЮАР повлияли на политику САДК. Кристофер Ландсберг утверждал это, когда писал:

Для новых правителей пост-апартеида не может быть развития без мира и безопасности, и мира и безопасности без развития. Точно так же не может быть развития, мира и безопасности без демократического управления, и наоборот. Демократический мир внутри страны недостаточен для развития; необходим более широкий демократический мир в регионе²⁹.

Эту концепцию африканской политики ЮАР называют идеалистической, поскольку она основана на моральных ценностях. Ее критикуют за то, что она затушевывает экономическое измерение вмешательства ЮАР на континенте. Это меркантилистская концепция. В ней эти интервенции преследуют в основном экономические цели. Сторонники меркантилистского подхода сталкиваются с серьезным препятствием. Необходимо обосновать, почему ЮАР отказалась от военной интервенции в ДРК в 1998 году, хотя имела там огромные экономические интересы, более значительные, чем Зимбабве и Намибия³⁰.

В любом случае, меркантилистская концепция африканской политики ЮАР имеет то достоинство, что она подчеркивает примат экономических интересов над всеми другими моральными соображениями, такими как демократия, верховенство закона или защита прав человека. Эта точка зрения наиболее соответствует поведению президента Джозефа Зумы с момента его прихода к власти. Чтобы защитить свои инвестиции в горнодо-

a changing African political economy», in Sakhela Buhlungu et al (ed.), *State of the Nation. South Africa 2007*, Cape Town, 2007. P. 508-532.

27 Lecoutre D., art. cit.. P. 94.

28 Kabemba C. «South Africa in the DRC: renaissance or néo-imperialism?», in Sakhela Buhlungu et al (ed.), op. cit.. P. 536 (pp. 533-551).

29 Cité par Kabemba C., art. cit. P. 536.

30 Lire Landsberg C. «The Impossible Neutrality ? South Africa's Policy in the Congo War», in Clark JF (ed.), *The African Stakes of the Congo War*, Kampala, Fountain Publishers, 2007. P. 169-183.

бывающий сектор ЦАР, Джейкоб Зума отправил солдат на защиту режима президента Франсуа Бозизе, который печально известен тем, что разрушил демократический процесс в стране³¹.

Что касается выборов 2011 года в ДРК, то следует отметить, что Южная Африка заметно поспособствовала переизбранию Жозефа Кабилы, оказав ему моральную и дипломатическую поддержку. Режим Жозефа Кабилы, по-видимому, лучше всего подходит для обеспечения экономических интересов (горнодобывающей промышленности и нефти) династии Зума в ДРК. Именно поэтому президент Джейкоб Зума посетил своего коллегу Джозефа Кабилу в Лубумбаши в то время, когда Кабила находился в разгаре избирательной кампании. В то же время серьезному сопернику кандидата Джозефа Кабилы угрожали высылкой из ЮАР, откуда он сделал заявление, которое власти Киншасы сочли подстрекательским.

Во имя своих личных и эгоистических интересов президент Джейкоб Зума спокойно относится к авторитарным режимам, подобным режиму Джозефа Кабилы в ДРК. Более того, такие режимы мало чем отличаются от его правления в Южной Африке. Он вошел в категорию первых президентов Южной Африки после апартеида, где не слишком уважали моральные ценности, верховенство закона и эффективное управление. Его президентство было омрачено такими практиками, как коррупция, nepotism и кумовство. Эти антиценности разрушают некогда respectable образ Южной Африки, который обеспечивал ей престиж на остальном континенте. При правлении Зумы Южная Африка потеряла свой моральный авторитет. Именно поэтому «маленькая» Руанда может направлять туда свои спецслужбы для убийства диссидентов режима Поля Кагаме. То же самое относится и к Жозефу Кабиле, который может финансировать южноафриканскую полицию для охоты на своих противников, укрывшихся в ЮАР. *Пото моиндо*» превратилось в *для африканцев*³².

1.3. Ангола и защита ее геополитических интересов в ДРК

Становление Анголы как экономической и военной державы привело к ослаблению лидерства САДК в странах-членах. Действительно, президент Жозе Эдуарду Сантуш является одним из лидеров Юга Африки, который взял на вооружение политику ослабления лидерства в сообществе. Будучи одним из самых долгоживущих глав государств региона и ключевым участником произошедших перемен, ангольский президент извлекает выгоду из своего исторического положения как в южной, так и в центральной Афри-

31 Cessou S. «Mais que fait donc l'armée sud-africaine en Centrafrique ?» // URL: <http://blogs.rue89.nouvelobs.com/rues-dafriques/2013/03/29/mais-que-fait-donc-larmee-sud-africaine-en-centrafrique-229997> (Consulté le 5 janvier 2015).

32 Lire Sundi Mbambi P. «Comprendre la xénophobie en Afrique du Sud», Congo-Afrique (Octobre 2008) n° 428. P. 635-648.

ке. Именно поэтому он выступал за ослабление руководящей роли общин в пользу защиты индивидуальных интересов каждого государства. Таковы предпосылки действий Анголы, первоначального члена САДК, в ДРК.

Ангола, государство на границе между Южной и Центральной Африкой, член ЭСЦАГ и САДК, заинтересована в укреплении своих позиций в Центральной Африке, особенно в двух Конго³³.

С точки зрения демократии, Ангола является «авторитарной демократией». Вопреки господствующей политической и медийной пропаганде, Республика Ангола управляется как президентская монархия, в соответствии с патримониальными традициями. Доходы от нефти и полезных ископаемых приносят пользу лишь меньшинству правящего класса и их семьям. Ярким доказательством этого является колоссальное состояние старшей дочери президента Дош Сантуша, которое делает ее самой богатой женщиной в Африке.

Богатство президентской семьи также обусловлено положением Анголы в регионе. С этой точки зрения Ангола не заинтересована в продвижении в своей сфере влияния политических режимов, более демократичных, чем ее собственный. В частности, в ДРК Ангола работала и продолжает работать над тем, чтобы режим Жозефа Кабилы сохранялся как можно дольше. Исторические причины объясняют эту поддержку меньше, чем экономические интересы.

АФДЛ пришел к власти в Киншасе в мае 1997 года при поддержке Анголы. Оказавшись под угрозой агрессии со стороны Руанды и Уганды, режим Лорана Дезире Кабилы был спасен вмешательством ангольской армии в 1998 году³⁴. Следует также отметить, что Ангола, будучи членом Международного комитета по содействию переходному процессу (СИАТ) в период с 2003 по 2006 год, сыграла определенную роль в организации президентских и парламентских выборов 2006 года. Предоставив материально-техническую поддержку, в частности вертолеты для сбора избирательных бюллетеней, режим Жозе Эдуарду Сантуша не упустил возможности воспользоваться своим присутствием в ДРК, чтобы добиться победы Жозефа Кабилы.

В 2011 году Ангола была более сдержанной. В отличие от президента Роберта Мугабе, президент Жозе Эдуарду Сантуш не присутствовал на церемонии инаугурации президента Жозефа Кабилы на второй срок. Это не означает, что Ангола не заинтересована в сохранении режима Жозефа

33 *Mwayila Tshiyembe*, Géopolitique de paix en Afrique médiane. Angola, Burundi, République démocratique du Congo, Ouganda et Rwanda, Paris, L'Harmattan, 2003.

34 *Turner T.* «Angola's Role in the Congo War», in Clark J.F. (ed.), *The African Stakes of Congo War*, Kampala, Fountain Publishers, 2003. P. 75-92; Kamana Tshibengabo, R-D Congo : La défense nationale à l'impératif. Patriotisme et Souveraineté, Paris, L'Harmattan, 2004.

Кабилю в ДРК. Напротив, именно режим Жозефа Кабилю наилучшим образом обеспечивает интересы Анголы. В любом случае, огромные интересы Анголы, как и в прошлом, больше связаны с экономикой, чем с безопасностью. Ангола эксплуатирует морские нефтяные месторождения на атлантическом побережье в объеме один миллион восемьсот тысяч баррелей в день (1 800 000 баррелей в день) и стала ведущим производителем черного золота в Африке, свергнув Нигерию, которая стала жертвой нападений на нефтяные объекты.

Что касается конголезцев, то из 1 800 000 баррелей в день, добываемых Анголой, 800 000 баррелей принадлежат ДРК, поскольку они добываются на Блоке XV, который является неотъемлемой частью конголезского континентального шельфа. Это то, что режим президента Эдуарду Сантуша оспаривает вполголоса. Хотя Ангола в достаточной степени осведомлена о присвоении этих огромных нефтяных ресурсов, действия конголезского правительства были более чем робкими. Вероятно, режим президента Жозефа Кабилю смущен и опутан «комплексом благодарности», чтобы потребовать от Анголы прекратить эксплуатацию конголезской нефти и вернуть деньги за нефть, которая эксплуатируется уже более 25 лет. Такая слабость конголезского правительства является преимуществом для ангольского президента, который предпочел бы политический статус-кво в ДРК появлению менее сложного режима, который заставил бы его отчитываться за владение конголезскими богатствами.

1.4. Возвращение Роберта Мугабе на региональную арену

После противоречивой военной интервенции в ДРК в 1998 году влияние Зимбабве в САДК ослабло, в основном в результате внутривнутриполитического кризиса и международных экономических санкций. Последние были использованы президентом Мугабе в политических целях, чтобы завоевать симпатии своих региональных коллег и масс бедных людей, которые были наследниками жертв колониального отчуждения земель. Эти санкции были представлены как реакция на его политику перераспределения земель³⁵.

Нас беспокоит именно политическое измерение кризиса, которое проявляется в упорном стремлении президента Мугабе сохранить свою власть и манипулировать в этих целях конституцией и законами республики. Любой вызов со стороны политической оппозиции неизменно встречал жесточайшие репрессии, и страна все глубже погружалась в кризис. Вопреки всему, режим президента Мугабе выжил в условиях кризиса, прибегнув к ряду политических и юридических уловок, и становился все более авторитарным. Посредничество ЮАР в рамках САДК не смогло

35 *Lire utilement, Moyo S. & Matondi P.* «The Politics of Land Reform in Zimbabwe», in Mwesiga B. & Landsberg C. (ed.), *From Cap to Congo. Southern Africa's Evolving Challenges*, London, Lynne Rienner Publisher, 2003. P. 73-95.

вернуть Зимбабве на демократические рельсы. Напротив, президент Джейкоб Зума, новый посредник после президента Мбеки, признал победу Роберта Мугабе на президентских выборах, которые наблюдатели не признали справедливыми.

Следует напомнить, что во время двух избирательных процессов, организованных в Зимбабве, правящий режим использовал насилие как средство сохранения государственной власти. Победенный в первом туре президентских выборов 2009 года противником Морганом Чангараем, президент Мугабе прибегнул к фактическим средствам, чтобы поставить своего соперника в положение, при котором он не мог ни вести кампанию, ни воспользоваться своим правом голоса. То же самое касалось и его многочисленных избирателей³⁶. Роберт Мугабе выиграл эти выборы благодаря фальсификациям со стороны своего политического противника. Формирование правительства национального единства, предложенное САДК в качестве выхода из кризиса, стало возможностью обелить авторитарный режим Роберта Мугабе.

В то время как режим президента Мугабе становится все более недемократичным, лидеры САДК без колебаний выбрали его на пост ротационного председателя региональной организации. Как старая змея, Роберт Мугабе не знает, как отказаться от автократических методов. Чувствуя, что его смерть неизбежно приближается, подобно пахарю из басни Жана де ла Фонтена, президент Мугабе серьезно готовит свою жену, Грейс Мугабе, к тому, чтобы стать его преемницей. Будучи председателем САДК, Роберт Мугабе является символом регресса приверженности сообщества укреплению демократии и верховенства закона в южноафриканском регионе.

Роберт Мугабе не принимал участия в выборах 2011 года в ДРК, возможно, из-за политической ситуации, в которой он оказался. Однако он был единственным президентом республики во всем мире, который принял приглашение президента Жозефа Кабилы присутствовать на инаугурации на второй срок. Отвергнутый всеми мировыми лидерами, даже лидерами стран региона, которые, тем не менее, поспешили признать победу кандидата Жозефа Кабилы на президентских выборах, громоздкий президент Роберт Мугабе рассматривался как гарантия режимов, порожденных фальсификацией выборов, таких как тот, который он воплощал и продолжает воплощать в Зимбабве на протяжении последних 35 лет.

Заключение

Сообщество развития Юга Африки - это международная организация, в задачи которой входит установление демократии и верховенства закона

36 *Mangezvo P.L.* «Souveraineté, scrutin et démocratisation : analyse des processus politiques et électoraux au Zimbabwe au cours du début du vingt et unième siècle», Bulletin du CODES-RIA, n° 1&2, 2009. P. 32-41.

в странах-участницах. Эти благородные цели сегодня занимают центральное место в процессе восстановления государства. Содействие достижению этих целей в странах-членах, безусловно, будет способствовать не только реализации политических, экономических и социальных прав, но и появлению в этих странах сильных институтов, основанных на республиканских принципах и ценностях. Направление САДК миссий по наблюдению за выборами в различные государства-члены является важным механизмом, с помощью которого САДК намерено поддержать демократический импульс и продемонстрировать свою приверженность целям и принципам, закрепленным в его Учредительной хартии.

Хотя некоторые миссии САДК по наблюдению за выборами способствовали укреплению демократии, этого нельзя сказать о миссии по выборам, направленной САДК в ДРК в 2011 году. Этому вопросу посвящена данная глава. Вопреки своему обязательству, взятому в 2006 году, САДК продемонстрировал нежелание продвигать демократические ценности в государствах.

Вопреки всем правовым положениям и руководящим принципам, регулирующим организацию выборов, миссия САДК по наблюдению за выборами прибыла накануне выборов и опубликовала отчет, в котором подтвердила все факты фальсификации выборов, о которых заявляли как национальные, так и международные организации. Ограничившись наблюдением лишь за несколькими избирательными участками в городе Киншаса, заявление миссии САДК было причудливым и противоречило реальному ходу всего избирательного процесса.

В этой главе были выявлены причины провала избирательной миссии САДК. Так, неучастие САДК в избирательном процессе 2011 года в ДРК является проявлением стратегического ослабления руководства Сообщества и свидетельством разворота африканской политики ЮАР. Во-вторых, поскольку ДРК находится в центре интересов нескольких государств, Ангола, первоначальный член САДК, преследует свои геополитические интересы в ущерб целям Сообщества. Наконец, третья причина - терпимость к авторитарным режимам внутри САДК. Ярчайшим доказательством такого отношения является возвращение Роберта Мугабе в САДК, вплоть до того, что он стал председателем на основе ротации.

Стало ли поведение миссии САДК предсмертным звоном для организации, особенно в деле укрепления демократии и верховенства закона? Если нет, то что можно сделать для того, чтобы САДК внесло значительный вклад в установление демократии и верховенства закона в странах-членах? САДК должно восстановить свой прежний имидж региональной организации, приверженной укреплению демократии и верховенства права. Для этого САДК должен перестать быть синдикатом глав государств и прави-

тельств, которые поддерживают друг друга.

Учитывая тот факт, что миссии по наблюдению за выборами способствуют бесперебойному проведению и доверию к избирательному процессу в странах-членах, САДК призвано пересмотреть состав любой миссии по наблюдению за выборами, зарезервировав место для других органов и регионального гражданского общества. Необходимо обеспечить хороший баланс между делегатами глав государств и правительств, Парламентским форумом и региональным гражданским обществом, чтобы обеспечить большую прозрачность. Кроме того, количество наблюдателей должно быть пропорционально размеру территории государств и количеству избирательных участков, чтобы обеспечить более или менее полное наблюдение. Миссии по наблюдению за выборами должны располагать необходимыми ресурсами и быть развернуты своевременно, чтобы наблюдать за всем избирательным процессом.

Библиографический список / Reference

1. Acte constitutif de l'UA, Lomé, le 11 juillet 2000.
2. Bula-Bula Sayeman, «L'Accord de Pretoria du 31 juillet 2002 et le Protocole de Luanda du 06 août 2002 relatifs au règlement du conflit armé contre la République Démocratique du Congo», *Annales de la Faculté de Droit, Volume XI-XXVII (2003-2004)*. P. 53-68.
3. Cawthra G., «Le rôle de la SADC dans la gestion des crises politiques et des conflits: cas de Madagascar et du Zimbabwe», in Friedrich Ebert Stiftung, *Surexploitée et Suréstimée? Perspectives sur la politique de sécurité régionale en Afrique et de son appui européen, Conférence internationale tenue à Berlin du 9 au 10 février 2011*.
4. Cessou S., «Mais que fait donc l'armée sud-africaine en Centrafrique?» // URL: <http://blogs.rue89.nouvelobs.com/rues-dafriques/2013/03/29/mais-que-fait-donc-larmee-sud-africaine-en-centrafrique-229997> (Consulté le 5 janvier 2015).
5. Charte africaine de la démocratie, des élections et de la gouvernance, Addis-Abeba, mai 2004.
6. Charte africaine des droits de l'homme et des peuples, Nairobi, le 27 juin 1981.
7. Cihunda Hengelela J., «Intégration de la République Démocratique du Congo à la SADC : traité, domaines de coopération et perspectives d'avenir», *Librairie africaine d'études juridiques, Volume 5*, août 2010. P. 25-45.
8. Cihunda Hengelela J., *Règlement des conflits au sein de la Communauté de développement de l'Afrique australe, Mémoire de DES, Faculté de Droit, Université de Kinshasa*, 2012.
9. Cihunda Hengelela J., *Sécurité régionale et règlement des conflits armés en Afrique. Contribution de la République Sud-Africaine postapartheid, Mémoire de Licence, Faculté de Droit, Université de Kinshasa*, 2005.
10. CONCO, *Le peuple congolais a faim et soif de justice et de paix*, Kinshasa 11 janvier 2012 // URL: www.cenco.cd, (Consulté le 5 janvier 2015).
11. Dala Diana F. et Sundi Mbambi P., «Organisations régionales, conflits armés et missions de paix en Afrique : défis et perspectives», *Congo-Afrique, (Septembre 2006) n° 407*. P. 280-293.
12. Daniel J., Lutchman J. & Comminos A., «South Africa in Africa: trends and forecasts in a changing African political economy», in Sakhela Buhlungu et al (ed.), *State of the Nation. South Africa 2007*, Cape Town, 2007. P. 508-532.
13. *Déclaration universelle des droits de l'homme*, *Bulletin officiel*, 1949.
14. <http://www.eucom.eu>, (Consulté le 5 janvier 2015).
15. <http://www.cartercenter.org>, (Consulté le 5 janvier 2015).
16. <http://www.vsv-rdc.org>, (Consulté le 5 janvier 2015).
17. International Crisis Group, *Implementing Peace and Security Architecture (II): Southern Africa*, Africa Report, n° 191, 15 octobre 2012.
18. Kabemba C. «South Africa in the DRC: renaissance or néo-imperialism?», in Sakhela Buhlungu et al (ed.), *State of the Nation. South Africa 2007*, Cape Town, 2007. P. 533-551.
19. Kamana Tshibengabo, *R-D Congo: La défense nationale à l'impératif. Patriotisme et Souveraineté*, Paris, L'Harmattan, 2004.
20. Kambale P., «Contribution des organes de gestion des élections à l'organisation d'élections crédibles en Afrique de l'Ouest», in Madior Fall I., Hounkpe M., Jinadu A.L. et Kambale P., *Organes de gestion des élections en Afrique de l'Ouest. Une étude comparative de la contribution des commissions électorales au renforcement de la*

démocratie, Dakar, OSIWA, 2011. P. 1-12.

21. Kirongozi Ichalanga C., «Le rôle de la SADC et de ses Etats membres dans le processus de démocratisation de la République Démocratique du Congo», in Bakandeja Wa Mpungu G., Mbata Betukumesu Mangu A. et Kienge-Kienge Intudi R. (dir.), Participation et responsabilité des acteurs dans un contexte d'émergence démocratique en République Démocratique du Congo. Actes des Journées scientifiques de la Faculté de Droit de l'Université de Kinshasa 18-19 juin 2007, Kinshasa, PUK, 2007. P. 237-247.

22. Landsberg C., «The Impossible Neutrality ? South Africa's Policy in the Congo War», in Clark JF (ed.), The African Stakes of the Congo War, Kampala, Fountain Publishers, 2007. P. 169-183.

23. Lecoutre D., «Médiation sud-africaine en Côte d'Ivoire», Géopolitique Africaine, n°28, Octobre-Décembre 2007. P. 91-111.

24. MabiálaMantuba-Ngomá P., Les élections dans l'histoire politique de la République démocratique du Congo (1957-2011), Kinshasa, Konrad Adenauer Stiftung, 2013.

25. Mangezvo PL, «Souveraineté, scrutin et démocratisation : analyse des processus politiques et électoraux au Zimbabwe au cours du début du vingt et unième siècle», Bulletin du CODESRIA, n° 1&2, 2009. P. 32-41.

26. Matusila P.A., Minani Bihuzo R. et Nlandu Mayamba Th., Regard sur le Dialogue inter Congolais de Sun City. Trois perspectives, Kinshasa, RODHECIC, 2002.

27. Mboya Mzobanzi M., «Mbeki and the Peace Process in Africa : A Contribution to Africa's Renaissance», International Journal of African Renaissance Studies, Volume 1, N° 1, 2006. P. 80-89.

28. Modiba S. «Le Centre électoral africain», Openspace, Volume 2, Numéro 1, Novembre 2007. P. 81-84.

29. Moyo S. & Matondi P., «The Politics of Land Reform in Zimbabwe», in Mwesiga B. & Landsberg C. (ed.), From Cap to Congo. Southern Africa's Evolving Challenges, London, Lynne Rienner Publisher, 2003. P. 73-95.

30. Mwayila Tshiyembe, Géopolitique de paix en Afrique médiane. Angola, Burundi, République démocratique du Congo, Ouganda et Rwanda, Paris, L'Harmattan, 2003.

31. Pacte international relatif aux droits civils et politiques, New York, le 16 décembre 1966

32. Pournier R., «Les élections de 2011 en RDC, entre cafoillage et tripatoillage», EchoGéo // URL: <http://echogeo.revues.org>, (Consulté le 26 décembre 2014).

33. Protocole en matière politique, de défense et sécurité, Blantyre, le 14 août 2001.

34. Rapport final de la mission d'observation de la SADC pour les élections présidentielles et législatives de 2006 en RDC // URL: www.aceproject.org, (Consulté le 8 janvier 2015).

35. Rupiya M.R., «A Political and Military Review of Zimbabwe's Involvement in the Second Congo War», in Clark J.F. (ed.), The African Stakes of Congo War, Kampala, Fountain Publishers, 2003. P. 93-105.

36. Sall E., «A Regional Approach for Democracy Promotion in Sub-Saharan Africa», in Kayizzi-Mugerwa S., Adebayo O. Olukoshi & Wohlgemuth L. (ed.), Towards a new Partnership with Africa. Challenges and Opportunities, Uppsala, Nordiska Afrikainstitutet, 1998. P. 82-92.

37. Sundi Mbambi P., «Comprendre la xénophobie en Afrique du Sud», Congo-Afrique (Octobre 2008) n° 428. P. 635-648.

38. Sundi Mbambi P., «La politique sécuritaire et de défense de la SADC et la crise congolaise», Congo-Afrique, (Juin-Juillet-Août 2005) n° 396. P. 357-365.

39. Traité de la SADC, Windhoek, le 17 août 1992.

40. Tshionza Mata G. et Muzang M., «Observation internationale des élections et consolidation de la paix en RDC», le 10 janvier 2015).

41. Turner T., «Angola's Role in the Congo War», in Clark J.F. (ed.), The African Stakes of Congo War, Kampala, Fountain Publishers, 2003. P. 75-92.

Нгойе С.Т.

Аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. ORCID: 0009-0003-9873-5549

Военное сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Ангола: наследие холодной войны и новые направления*

Аннотация. В данной статье рассматривается развитие военных отношений между Россией и Анголой с акцентом на историческое наследие, произошедшие изменения и недавние события. Отношения между Россией и Анголой, которые берут свое начало в период холодной войны, основывались на решительной поддержке Советским Союзом Ангольского народно-освободительного движения (МПЛА) с 1975 года. Эта поддержка привела к постоянной зависимости от советского военного оборудования и способствовала формированию ангольской политической и военной элиты. После распада Советского Союза это сотрудничество пережило период упадка, характеризующийся подъемом Китая и растущим влиянием западных держав на экономику Анголы.

С 2014 года, столкнувшись с растущей напряженностью между Москвой и Западом, Россия стремится вновь укрепить свое партнерство с Анголой, уделяя особое внимание технической поддержке (техническое обслуживание, поставки оружия, обучение) и новым экономическим проектам в нефтяной и горнодобывающей промышленности. Однако эта динамика сталкивается с проблемами, связанными со структурными ограничениями российской экономики и конкуренцией со стороны других международных игроков.

В целом военное сотрудничество между Россией и Анголой представляет собой прагматичное и взаимодополняющее партнерство, которое носит скорее символический, чем фундаментальный характер и иллюстрирует современную многополярную логику. Оно также отражает намерение Анголы диверсифицировать свои союзы, при этом финансирование со стороны Китая и Запада остается приоритетом.

Ключевые слова: отношения между Российской Федерацией и Республикой Ангола, военное сотрудничество, наследие холодной войны, партнерство в области обороны, поставки оружия, геополитика Африки, постсоветская Россия, сотрудничество в области безопасности, многополярность, стратегическое партнерство.

Ngoye S. T.

Postgraduate student. Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0009-0003-9873-5549

* © Нгойе С.Т., 2025.

The military cooperation between the Russian Federation and the Republic of Angola: legacies of the Cold War and new directions

Abstract. This article examines the development of military relations between Russia and Angola, focusing on historical heritage, changes that have taken place, and recent events. Relations between Russia and Angola, which date back to the Cold War, were based on the Soviet Union's decisive support for the Angolan People's Liberation Movement (MPLA) from 1975 onwards. This support led to a continued dependence on Soviet military equipment and contributed to the formation of the Angolan political and military elite. After the collapse of the Soviet Union, this cooperation went through a period of decline, characterised by the rise of China and the growing influence of Western powers on the Angolan economy.

Since 2014, faced with growing tensions between Moscow and the West, Russia has been seeking to re-strengthen its partnership with Angola, with a focus on technical support (maintenance, arms supplies, training) and new economic projects in the oil and mining industries. However, this dynamic faces challenges related to the structural constraints of the Russian economy and competition from other international players.

Overall, military cooperation between Russia and Angola represents a pragmatic and complementary partnership that is more symbolic than fundamental in nature and illustrates the contemporary multipolar logic. It also reflects Angola's intention to diversify its alliances, while financing from China and the West remains a priority.

Key words: relations between the Russian Federation and the Republic of Angola, military cooperation, Cold War legacy, defense partnership, arms supplies, African geopolitics, post-Soviet Russia, security cooperation, multipolarity, strategic partnership.

Introduction

Relations between Angola and Russia are rooted in a long history influenced by the aftermath of the Cold War and contemporary geopolitical changes. Since Angola gained independence in 1975, the Soviet Union has played a key role in providing military, economic and ideological support to the Angolan People's Movement for the Liberation of Angola (MPLA), which is still in power today. In the context of East-West rivalry, Angola quickly became an important zone of Soviet influence in Africa, receiving weapons, instructors and military advisers. This cooperation had a long-term impact on Angola's political and military elites, several generations of whom were trained in Soviet educational institutions.

However, the collapse of the Soviet Union in 1991 marked the beginning of a period of reassessment. Post-Soviet Russia, weakened by internal economic and political crises, reduced its presence on the African continent, making room for other players such as China, the United States and the European Union. For Angola, the 1990s and 2000s were marked by civil war, followed by a period of

reconstruction focused on developing oil reserves and increasing use of Chinese financing. Despite this decline in involvement, military cooperation between Russia and Angola never completely disappeared, particularly due to technical dependence on Soviet-made equipment.

Since 2014, and even more so since the start of the war in Ukraine in 2022, Russia has sought to strengthen its alliances in Africa to reduce its isolation on the international stage. In this context, Angola is an important partner due to its regional influence and natural resources. Military cooperation is based on arms supplies, equipment maintenance and officer training.

This trend raises questions about the nature and future of the partnership between Luanda and Moscow. Is it a continuation of Cold War relations, a strategic return of Russia to Africa, or a partnership that has now become secondary due to the influence of China and the West? To answer these questions, the analysis will focus on three aspects: the legacy of the Cold War (1975-1991), the period of rethinking after 1991 (1990-2013), and the new dynamics since 2014.

1. Legacy of the Cold War, 1975–1991

On 15 January 1975, the Portuguese signed an agreement in Alvor [11] with three groups fighting for Angola's freedom, namely the People's Movement for the Liberation of Angola (MPLA), National Front for the Liberation of Angola (FNLA) and National Union for the Total Independence of Angola (UNITA) [12]. This agreement confirmed Angola's de facto autonomy since 11 November 1975 and established a provisional government headed by these three movements. However, disagreements soon arose within this provisional government, and fighting broke out in various regions of the country between the MPLA on one side and the FNLA and UNITA on the other. Thus began the Angolan Civil War.

The two great powers of the Cold War decided to intervene in the Angolan Civil War with the support of their allies. On one side stood the United States with South Africa as its main ally, and on the other, the USSR with Cuba as its ally. The Angolan civil war became an international affair.

As soon as Agostinho Neto proclaimed independence on 12 November 1975 [4], the Soviet Union provided significant military support to the ruling party, the MPLA.

According to Alexei Pisarev [2], the Soviet Union's military aid to Angola was enormous. The Soviet Union's assistance to the Angolan People's Liberation Movement (MPLA) included a wide range of military equipment, technical support, and diplomatic assistance. This combination played an important role in maintaining Russian military influence in Angola.

The peak of Soviet equipment deliveries to the Angolans and their Cuban allies occurred between October 1975 and April 1976. A total of 200 T-54 tanks,

50 PT-76 amphibious tanks, 70 T-34-85 tanks, more than 300 BTR-152, BTR-60PB, BMP-1 and BRDM-2 armoured personnel carriers, and nearly 100 BM-21 122 mm rocket launchers [5]. The USSR also sent long-range guns, mortars, anti-aircraft guns, portable missiles, and many new light weapons and ammunition to Angola. The deliveries of the latest aircraft were also impressive. Thirty Mi-8 helicopters, ten MiG-17F fighters and twelve MiG-21MF fighter jets were sent [5].

In addition to military equipment, the Soviet Union also sent military experts. The task of these Soviet experts was to provide the Angolan army with the knowledge necessary to maintain and use this equipment. This group of experts consisted of combat professionals, gunsmiths, pilots, commanders, officers who led companies, battalions, regiments and even larger units, as well as translators for the army [1]. The Soviet Union also accepted Angolan military personnel for training in the USSR.

The main training location was in Crimea, in the village of Perevalnoye [13]. At the same time, the Cuban intervention as part of Operation Carlota played an important role, providing decisive military power on the ground: thus, the cooperation was evident, with Moscow acting as a supplier of weapons and instructors, and Havana providing intervention troops during the civil war in Angola. These elements — material resources, training, elite networks — constitute the main legacy of the period 1975-1991: they explain why Angola continued to maintain technical and institutional relations with Moscow even after the collapse of the Soviet Union.

2. Between rupture and continuity after 1991 (1990–2013)

However, after the collapse of the Soviet Union, formal military relations between Moscow and Luanda deteriorated significantly, although they were not completely severed. The financial resources, equipment loans and technical assistance that had formed the basis of Soviet support for the MPLA rapidly declined, leading to material deterioration and technological obsolescence in various units of the Angolan armed forces in the 1990s. The loss of a 'systemic' donor was compounded by ongoing internal conflict (until 2002), which led to a shortage of spare parts, delays in maintenance, and interruptions in specialised training programmes — conditions that contemporary observers of the region have studied [14].

However, the break was incomplete. Soviet equipment—including aircraft, helicopters, armoured vehicles, and defence systems—remained an important part of Angola's arsenal, leading to both operational vulnerability and a structural need for knowledge transfer. At the same time, networks of officers and technicians trained in the USSR continued to occupy strategic positions in the military hierarchy and maintain informal ties with Russian suppliers and spe-

cialists. This combination of material dependence and human resources trained in the Soviet bloc allowed cooperation to continue even without the institutional Soviet structure [15].

The end of the civil war in 2002 and revenues from the oil business marked the beginning of a phase of pragmatic reorientation. Luanda launched an extensive programme to rebuild and modernise its armed forces, which attracted new partners, including China, European suppliers, and private companies, while also opening up new business opportunities for reorganised Russian players. Between the early 2000s and 2013, relations between Russia and Angola changed and became more focused on commercial and technical aspects: contracts for technical maintenance, professional training and spot sales of equipment instead of comprehensive and ideologically based assistance [7].

In summary, the period from 1990 to 2013 can be characterised as a hybrid transition: it begins with a significant material and financial gap, followed by structural continuity supported by material resources and human networks, and ends with a moderate reactivation in commercial form [8]. This dynamic explains why the foundations laid during the Cold War contributed to a limited but tangible resumption of military cooperation between Russia and Angola in the early 2000s, which was, however, influenced by international competition and new economic logic.

3. New dynamics in military cooperation since 2014

Since 2014, military and economic relations between Russia and Angola have been on the rise in the broader context of Moscow's return to the African continent. Sanctions imposed by the West following the annexation of Crimea and the conflict in Ukraine have strengthened Russia's desire to diversify its partnerships and strengthen its presence in regions with which it has historical ties. Angola, a long-standing ally since the days of the Soviet Union, occupies a strategic position in this context: its relatively guaranteed political stability, significant energy resources and the continuity of elites educated in the Soviet Union make it an important asset in Central Africa.

In the military and security field, cooperation has led to the renewal of technical and commercial contracts. Among other things, it is worth mentioning the cooperation agreement signed on 9 April 2015 [10], which aims to recruit technical specialists and experts to set up military structures between Angola and the Russian Federation, as well as the agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Angola on the implementation of a military and law enforcement cooperation programme for 2014–2020 [6].

This agreement provided for the supply of military equipment, including Su-30K, MiG-29SM, An-140, and Yak-130 aircraft; helicopters such as Mi-28, Ka-

52, Mi-24P, Mi-17, as well as anti-aircraft missile systems of various ranges and ships (coastal patrol boats, patrol boats and observation boats). It also included the modernisation and repair of armoured vehicles already in use by the Angolan armed forces [3].

The programme associated with this agreement also provided for Russia to build factories to produce small arms, armoured vehicles and artillery, the creation of central command centres for the armed forces and national police, as well as a training centre for border guards and military personnel [3]. Although this agreement has not yet been implemented, it remains the most ambitious of all those signed by Russia with Portuguese-speaking African countries.

Overall, since the signing of the 2013 agreement, Angola has received Su-30K fighter jets, Mi-171Sh helicopters, and weapons and military equipment worth a total of approximately \$2.5 billion. It should be noted that 75% of the Angolan army's military equipment is of Russian and Soviet origin [9], which indicates that Angola considers Russia an important partner in the renewal and modernisation of its armed forces.

Angola is an important ally for Russia, as its relationship includes historical military cooperation, and Angola is one of the main importers of Russian weapons. This cooperation between the two countries is not limited to the supply of military equipment and hardware, but also extends to military training. Angola adopted its military doctrine from the USSR, and as a result, numerous Angolan students have been trained at Russian military academies for several years, demonstrating a deep dependence on Russian expertise. In order to strengthen their military partnership, both countries have announced their intention to develop projects such as the construction of factories to produce Russian weapons and military equipment for the African market [9], as well as the creation of technical centres to service Russian and Soviet weapons and equipment [9].

4. Limits and prospects for military and security cooperation between the Republic of Angola and the Russian Federation

Angola is one of Moscow's historical partners and has a political and military elite, many of whose members were educated in the Soviet Union. This continuity helps to strengthen mutual trust and technical compatibility in the military sphere. In addition, Angola is a promising market for the Russian defence industry, which offers equipment, maintenance services and training. Economically, the country has strategic resources (diamonds, oil, gas) that are of interest to Russian companies such as Alrosa and Rosneft. Furthermore, the Russia-Africa summits in 2019 and 2023 confirmed Moscow's desire to strengthen its African alliances, while Luanda seeks to diversify its partnerships beyond China and the West.

However, like any relationship, military cooperation between Russia and

Angola has some limitations. Russia faces serious economic challenges due to international sanctions and the high cost of the conflict in Ukraine, which limits its ability to make significant investments in Angola. At the same time, China remains Angola's largest creditor and investor, particularly in infrastructure and offshore oil production. The United States and the European Union also remain influential players, particularly in the oil industry, which limits Moscow's economic opportunities. In addition, Luanda is exercising strategic caution and trying not to favour any particular partner so as not to sacrifice its flexibility.

Nevertheless, there are some prospects for the future. In the short term, military cooperation is likely to continue, in particular through the modernisation of existing equipment and the training of Angolan officers in Russia. In the medium term, cooperation in the energy and mining sectors may expand, although this will depend on Moscow's ability to attract financial resources and ensure the competitiveness of projects compared to Chinese investors. In the long term, many uncertainties remain: the sustainability of Russia's presence in Africa will be closely linked to the development of the conflict in Ukraine and the economic situation in Russia. In this context, Angola appears to be using its relationship with Moscow as diplomatic leverage to strengthen its strategic sovereignty vis-à-vis the great powers.

Overall, it can be said that cooperation between Russia and Angola is at the intersection of tradition and pragmatism. It gives Moscow historical and symbolic support in Central Africa, but the future of these relations depends on whether Russia can turn this political capital into sustainable investment. For Angola, this alliance remains beneficial but plays a secondary role: it allows it to diversify its partnerships while maintaining the priority of funding from China or the West. Thus, this partnership is more of a 'strategic complement' reflecting the current multipolar logic than a fundamental element of Angola's foreign policy.

Conclusion

The development of military relations between Russia and Angola demonstrates both continuity with historical heritage and adaptation to new geopolitical realities. This cooperation, which began during the Cold War, led to Angola's structural dependence on equipment and training provided by the Soviet Union and created strong human and institutional ties. Even after the collapse of the USSR, this technical and political base ensured a certain continuity, despite Russia's general withdrawal from Africa in the 1990s.

Since 2014, the partnership has intensified, motivated by Moscow's desire to strengthen its presence on the African continent amid diplomatic isolation due to tensions with the West. Angola, for its part, saw this rapprochement as an opportunity to diversify its alliances while strengthening its military capabili-

ties. However, this dynamic faces competition from more economically powerful players, notably China and the United States, whose influence on the Angolan economy far exceeds that of Russia.

Thus, cooperation between Russia and Angola remains a symbolic and strategic partnership, which, however, plays a secondary role in Luanda's hierarchy of international relations. It demonstrates mutual pragmatism: Russia sees it as an opportunity to expand its influence in Africa, while Angola uses it as leverage to compensate for its dependence. The long-term prospects will largely depend on Moscow's ability to overcome its internal weaknesses and offer competitive advantages over its rivals. Ultimately, this is not about a triumphant return, but about continuity adapted to the logic of modern multipolarity.

Библиографический список:

1. Котов А.С. Участие Советских Офицеров В Гражданской Войне В Анголе 1975-1994 гг. УДК 94 (470) «19/20». 7.
2. Алексей Писарев . Вся эта войнушка в Анголе — за счет советского налогоплательщика. Спасали Анголу, но рушили СССР и его экономику. Зачем? Союз ветеранов анголы - альбом. 09.02.2025. // URL: <https://veteranangola.milportal.ru/vsya-eta-vojnushka-v-angole-za-schet-sovetskogo-nalogoplatelshhika-spasali-angoluno-rushili-sssr-i-ego-ekonomiku-zachem/>
3. Дадаян Д.С., Аниеев Г.В. Военно-Техническое Сотрудничество Российской Федерации И Республики Ангола // Обозреватель - Observer. 2019. № 8 (355). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-angola>.
4. Милитера. Военная литература. Ангола в борьбе за национальную независимость (1975-1979 гг.). // URL: <https://militera.lib.ru/h/20c2/13.html>
5. Рататоск. Война в Анголе - победа советского солдата. Fishki.Net. 29 марта 2016. // URL: <https://fishki.net/1900608-vojna-v-angole---pobeda-sovetskogo-soldata.html>
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ангола о реализации Программы военного, военно-технического сотрудничества и сотрудничества по вопросам правоохранительной деятельности между Российской Федерацией и Республикой Ангола на 2014-2020 годы. 7 октября 2013 года. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499065188>
7. Alex Vines, Angola: Thirty Years of War. Chatham House, 2005.
8. CIA, "Soviet and Cuban Aid to the MPLA in Angola," declassified document.Jan. 1976.
9. Elena Protodorova. Владимир Тараров: Ангола создаст армию по образу российской. РИА Новости. 10.02.2020. // URL: Владимир Тараров: Ангола создаст армию по образу российской - РИА Новости, 03.03.2020
10. Embajada de la República de Angola, el Reino de España. Angola y Rusia firman acuerdo de cooperación en el área de la defensa. 13 de abril de 2015. // URL: <http://www.embajadadeangola.com/noticias/noticia-130415-7.html>
11. Frederico Issuzo, Il y a 48 ans... l'accord d'Alvor mettait fin à la domination portugaise en Angola. Voix populaire. 8 février 2023. // URL: <https://voixpopulaire.ch/2023/02/08/il-y-a-48-ans-laccord-dalvor-mettait-fin-a-la-dominacion-portugaise-en-angola/>
12. MacNeil/Lehrer NewsHour, "Angola: Should the U.S. Help?" WNET/WETA & MacNeil/Lehrer Gannett Productions, January 30, 1986. // URL: https://americanarchive.org/catalog/cpb-aacip_507-wd3pv6c30t (19.05.2025)
13. Natalia Krylova. The Peralvalnoe Center and Military Training in the Soviet Union. Cahier d'études africaines. N°226. 2017. P. 399-416.
14. Piero Gleijeses, Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2002.
15. Vladimir Shubin, The Hot «Cold War»: The USSR in Southern Africa. London: Pluto Press, 2008.
16. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Казачество». 2023. № 66. С. 11-18.

Reference

1. Kotov A.S. Participation of Soviet Officers in the Civil War in Angola 1975-1994. UDC 94 (470) "19/20". 7.
2. Aleksey Pisarev. This entire war in Angola was financed by the Soviet taxpayer. They saved Angola, but destroyed

- the USSR and its economy. Why? Union of Angolan Veterans - album. 09.02.2025. // URL: <https://veteranan-gola.milportal.ru/vsya-eta-vojnushka-v-angole-za-schet-sovetskogo-nalogoplatelshhika-spasali-angolu-no-rushili-sssr-i-ego-ekonomiku-zachem/>
3. Dadayan D.S., Anikeev G.V. Military-Technical Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Angola // Observer. 2019. № 8 (355). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-angola>.
4. Militera. Military Literature. Angola in the Struggle for National Independence (1975-1979). // URL: <https://militera.lib.ru/h/20c2/13.html>
5. Ratatosk. The War in Angola - Victory of the Soviet Soldier. Fishki.Net. March 29, 2016. // URL: <https://fishki.net/1900608-vojna-v-angole---pobeda-sovetskogo-soldata.html>
6. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Angola on the implementation of the Program of military, military-technical and law enforcement cooperation between the Russian Federation and the Republic of Angola for 2014-2020. October 7, 2013. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499065188>
7. Alex Vines, Angola: Thirty Years of War. Chatham House, 2005.
8. CIA, "Soviet and Cuban Aid to the MPLA in Angola," declassified document. Jan. 1976.
9. Elena Protopopova. Vladimir Tararov: Angola will create an army based on the Russian one. RIA Novosti. 02/10/2020. // URL: Vladimir Tararov: Angola will create an army in the image of the Russian one - RIA Novosti, 03/03/2020
10. Embajada de la República de Angola, el Reino de España. Angola y Rusia firman acuerdo de cooperación en el área de la defensa. 13 de abril de 2015. // URL: <http://www.embajadadeangola.com/noticias/noticia-130415-7.html>
11. Frederico Issuzo, Il y a 48 ans... l'accord d'Alvor mettait fin à la domination portugaise en Angola. Voix populaire. 8 février 2023. // URL: <https://voixpopulaire.ch/2023/02/08/il-y-a-48-ans-laccord-dalvor-mettait-fin-a-la-dominacion-portugaise-en-angola/>
12. MacNeil/Lehrer NewsHour, "Angola: Should the U.S. Help?" WNET/WETA & MacNeil/Lehrer Gannett Productions, January 30, 1986. // URL: https://americanarchive.org/catalog/cpb-aacip_507-wd3pv6c30t (05.19.2025)
13. Natalia Krylova. The Perevalnoe Center and Military Training in the Soviet Union. Cahier d'études africaines. N°226. 2017. P. 399-416.
14. Piero Gleijeses, Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2002.
15. Vladimir Shubin, The Hot "Cold War": The USSR in Southern Africa. London: Pluto Press, 2008.
16. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Almanac "Cossacks". 2023. № 66. P. 11-18.

Ндонго Нлате Жан Мартваль

Ассистент кафедры Теории и истории международных отношений. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Влияние нефти и минеральных ресурсов на внешнюю политику: анализ международных отношений Камеруна и привлечение инвестиций*

Аннотация. Предмет исследования: влияние нефтяных и минеральных ресурсов Камеруна на формирование его внешнеполитического курса, международные отношения и привлечение иностранных инвестиций. Метод, методология исследования: исследование основано на качественной методологии, включающей анализ документов (официальные отчеты, международные соглашения, статистика), применение теорий ресурсной дипломатии и анализа зависимостей (dependency theory), а также сравнительный анализ. Новизна исследования, выводы: научная новизна заключается в детальном анализе конкретных стратегий Камеруна по использованию ресурсов во внешней политике, выходя за рамки общих тезисов о «ресурсном проклятии». Исследование выявляет, что Камерун стремится диверсифицировать партнерства, используя ресурсы как инструмент для повышения стратегической автономии и привлечения инвестиций в инфраструктуру, хотя проблемы управления ресурсным сектором остаются существенным ограничивающим фактором. Основной вывод: ресурсы выступают значимым, но не единственным детерминантом внешней политики, чье влияние опосредуется внутренними институтами и стратегическим выбором элит.

Ключевые слова: Камерун, Внешняя политика, Ресурсная дипломатия, Зависимость от нефти, Минеральные ресурсы, Прямые иностранные инвестиции (ПИИ), Ресурсное проклятие, Экономическая диверсификация, Международные отношения, Африка.

Ndongo Nlate Jean Martial

Assistant lecturer at the department of Theory and History of International Relations. People's Friendship University of Russia.

The influence of oil and mineral resources on foreign policy: examining Cameroon's international relations and investment attraction

* © Ндонго Нлате Жан Мартваль, 2025.

Abstract. This article investigates the complex interplay between Cameroon's substantial hydrocarbon and mineral endowments and its conduct in international affairs. Utilizing a qualitative methodology grounded in resource diplomacy theory and dependency analysis, it examines how these assets shape diplomatic engagements, alliance formations, and foreign investment flows. While acknowledging arguments emphasizing the constraints of resource dependency, the study posits that Cameroon actively leverages its resources for strategic autonomy and development partnerships. Key findings reveal a pattern of diversified partnerships mitigating traditional dependency risks, though governance challenges persist. The research contributes novel insights by dissecting Cameroon's specific strategies within the broader "resource curse" discourse and its implications for middle-power resource states in Africa.

Key words: Cameroon, Foreign Policy, Resource Diplomacy, Oil Dependence, Mineral Resources, Foreign Direct Investment (FDI), Resource Curse, Economic Diversification, International Relations, Africa.

Introduction: Resources as Geopolitical Currency

The possession of substantial natural resource wealth, particularly hydrocarbons and critical minerals, invariably imprints itself upon a state's international posture and strategic calculus [1, p. 3]. Cameroon, situated in the Gulf of Guinea and endowed with commercially viable petroleum reserves alongside significant deposits of bauxite, iron ore, cobalt, nickel, and diamonds, presents a salient case for probing the intricate nexus between subsurface assets and foreign policy formulation [2, p. 45]. While the global discourse often gravitates towards the perils of the "resource curse" – encompassing economic distortion, rent-seeking, and vulnerability to external manipulation [3, 4] – the empirical reality for resource-endowed states like Cameroon manifests with greater nuance. This article seeks to elucidate how Cameroon's hydrocarbon and mineral sectors actively condition its external relations, mold its diplomatic engagements, and serve as magnets for foreign capital, while simultaneously navigating the inherent vulnerabilities associated with such dependence. The central inquiry revolves around whether these resources function primarily as instruments of leverage enhancing national autonomy or as sources of constraint fostering external influence.

Research Subject: Defining the Resource-Policy Nexus in Cameroon

The precise subject under scrutiny encompasses the causal mechanisms linking Cameroon's extractive sector endowments to observable patterns in its international behavior and economic partnerships. This involves examining:

Diplomatic Prioritization: How resource acquisition and security concerns influence the hierarchy of Cameroon's bilateral and multilateral relationships (e.g., relations with traditional partners like France and the US versus emerging powers like China and India) [5, p. 112].

Investment Attraction Dynamics: The role resource concessions and associated infrastructure projects play in enticing foreign direct investment (FDI), distinguishing between investments directly targeting extractive industries and those facilitated by resource-derived revenues or collateral agreements [6, p. 78].

Negotiation Leverage: The extent to which resource ownership empowers Cameroonian authorities during international negotiations, be it over trade terms, development assistance, or security cooperation [7].

Vulnerability Management: Strategies employed by Yaoundé to mitigate risks stemming from commodity price volatility, market access dependency, and potential external interference linked to resource interests [8, p. 201].

This subject necessitates moving beyond simplistic correlations to uncover the specific political economy channels through which oil and minerals translate into foreign policy outcomes within Cameroon's unique institutional and geopolitical context.

Research Methods: Unpacking Complex Interdependencies

Given the multifaceted and often opaque nature of resource diplomacy, this investigation employs a predominantly qualitative methodology, synthesizing insights from multiple streams of evidence:

Documentary Analysis: Systematic examination of official government publications (Ministry of Mines, Industry and Technological Development; National Hydrocarbons Corporation (SNH)), international organization reports (World Bank, IMF, EITI reports), bilateral and multilateral agreements (production sharing contracts, investment treaties), and credible industry analyses [9, p. 33; 10]. This provides data on resource reserves, production, revenue flows, contractual terms, and stated policy objectives.

Theoretical Frameworks: Application of core concepts from Resource Diplomacy Theory, focusing on how states utilize resource access as a bargaining tool [11], and Dependency Theory, critically assessing asymmetries in Cameroon's relations with resource-importing nations and corporations [12, p. 90]. Neorealist perspectives on state autonomy and mercantilist approaches to resource control also inform the analysis [1].

Comparative Contextualization: Situating Cameroon's experience alongside patterns observed in other Gulf of Guinea states (e.g., Nigeria, Gabon, Equatorial Guinea) and African mineral producers (e.g., DR Congo, Zambia) to identify commonalities and distinctive features in resource-driven foreign policy [13, p. 155]. This comparative lens helps isolate Cameroon-specific variables.

Process Tracing: Reconstructing sequences of events linking resource discoveries, policy shifts, investment deals, and diplomatic initiatives to infer causal pathways and motivations [14]. This method is crucial for understanding how resources translate into specific foreign policy actions over time.

This methodological triangulation aims to construct a robust, evidence-based understanding of the complex dynamics at play, prioritizing depth of insight over broad statistical generalization.

Appeal to Opponents: Challenging Reductionist Narratives

Prevailing analyses of resource-rich developing states frequently succumb to deterministic frameworks. This study explicitly engages with and challenges several key opposing viewpoints:

The Primacy of the “Resource Curse”: While acknowledging the substantial risks highlighted by proponents of the resource curse thesis – including heightened corruption, weakened institutions, and susceptibility to Dutch Disease [3, 15] – this research contends that Cameroon’s experience demonstrates significant agency. Yaoundé has not been passively subjected to these forces but has actively sought to mitigate them through diversification efforts (however limited) and strategic partnership management [16]. Reducing Cameroon’s foreign policy solely to resource curse symptoms overlooks deliberate statecraft.

Neo-Colonial Dependency as Inevitable: Critics often portray Cameroon’s resource relations, particularly with former colonial power France and its firms (TotalEnergies, Perenco), as inherently neo-colonial, perpetuating economic subordination [17, p. 67]. However, this perspective understates Cameroon’s concerted efforts to broaden its partner base. The significant inroads made by Chinese state-owned enterprises (e.g., Sinopec, Hanlong) in mining and infrastructure, alongside growing engagement with Russian, Indian, and South Korean entities, illustrate a calculated diversification strategy aimed at reducing over-reliance on any single actor [18, p. 99; 19]. This diversification itself becomes a tool of foreign policy.

Resources as the Sole Determinant: Some realist interpretations might posit that resource endowments overwhelmingly dictate Cameroon’s international alignment [20]. This analysis argues for a more nuanced view. Factors such as the protracted Anglophone crisis, security challenges in the Lake Chad Basin (Boko Haram), regional stability concerns within CEMAC and ECCAS, and domestic governance imperatives interact with and often constrain purely resource-driven objectives [21, p. 124]. Resources provide opportunities and leverage points but operate within a complex matrix of other national interests and pressures. Foreign policy is a multi-causal outcome.

Findings: Resources as Instruments and Constraints

Empirical analysis reveals a multifaceted picture of how Cameroon’s oil and mineral wealth shapes its external engagements:

Diplomatic Leverage and Diversification: Resources undeniably grant Cameroon a degree of leverage, attracting sustained attention from major global and

regional powers. This has facilitated the cultivation of a multi-vector foreign policy. While historical ties with France remain significant, particularly in the oil sector, Cameroon has successfully fostered robust partnerships with China (major investor in mining and infrastructure, including the Kribi Deep Seaport), the United States (security cooperation intertwined with Gulf of Guinea maritime security, including oil infrastructure protection), and increasingly Russia (military-technical cooperation, discussions on resource extraction) [18, 22, 23]. This diversification allows Yaoundé to play partners against each other to some extent, securing marginally better terms or alternative support options.

Investment Magnetism with Caveats: Extractive industries constitute the primary magnet for FDI inflows into Cameroon. Major projects like the Lom Pangar Hydropower Dam (partially financing resource sector development) and the Mbalam-Nabeba iron ore project (though stalled) highlight the link between resource potential and large-scale capital investment [24]. Resource-backed loans, particularly from China (e.g., infrastructure projects), have also been instrumental [25]. However, this investment remains heavily skewed towards the extractive sector and associated infrastructure, often failing to catalyze broad-based economic transformation or significant FDI into non-resource tradable sectors. Governance issues, corruption perceptions, and bureaucratic hurdles dampen broader investment appeal [26, p. 211].

Revenue Volatility and Policy Challenges: Cameroon's foreign policy flexibility is periodically hampered by its susceptibility to oil price swings. Fiscal crises induced by price collapses (e.g., 2014-2016, 2020) force austerity, reduce development spending, and can increase reliance on external financial assistance or loans, potentially constraining policy options and bargaining power [27, p. 88]. Furthermore, international pressure regarding revenue transparency (EITI compliance) and environmental/social governance (ESG) standards increasingly influences Cameroon's interactions with Western partners and multi-lateral institutions, adding layers of complexity to resource deals [28].

Governance as the Critical Intervening Variable: The effectiveness with which Cameroon translates resource wealth into positive foreign policy outcomes and sustainable development is fundamentally mediated by domestic governance. Weaknesses in institutional capacity, transparency, accountability, and combating corruption within the resource sector itself undermine the potential benefits, foster public discontent exploited by external actors, and tarnish the country's international image, affecting broader relations and investment climate beyond the extractive industries [29, p. 177; 26].

Conclusions

This investigation concludes that Cameroon's oil and mineral resources constitute a pivotal, yet not all-determining, factor shaping its foreign policy and

international economic engagement. Rather than being merely a passive victim of the “resource curse” or neo-colonial dynamics, Cameroon demonstrates a degree of strategic agency in leveraging its endowments. The conscious pursuit of partnership diversification stands out as a key strategy to enhance autonomy and mitigate traditional dependency risks associated with single-power patronage. Resources function as crucial instruments for attracting vital foreign investment and financing infrastructure, serving as significant bargaining chips in diplomatic negotiations.

The scientific novelty of this research lies in several interconnected contributions:

1. **Contextualizing Agency:** It moves beyond deterministic resource curse narratives by meticulously documenting and analyzing the specific strategies (diversification, selective engagement) employed by Cameroonian elites to navigate the challenges and exploit the opportunities presented by resource wealth within the international system.

2. **Nuancing Dependency:** The study provides a granular analysis of Cameroon’s simultaneous engagement with traditional Western powers and emerging actors (especially China), revealing a complex web of dependencies and counter-dependencies that defy simplistic neo-colonial categorizations. It shows how diversification itself becomes a foreign policy tool.

3. **Highlighting the Governance Nexus:** It rigorously establishes the primacy of domestic governance as the critical variable mediating the translation of resource wealth into effective foreign policy leverage and sustainable development outcomes, emphasizing that resources amplify existing institutional strengths and weaknesses.

4. **Focus on a Middle-Power Case:** By centering Cameroon, a significant but not dominant regional player with substantial resources, the research enriches the understanding of resource diplomacy beyond the usual focus on petro-states or major powers, offering insights relevant to similar African resource economies.

Ultimately, Cameroon’s experience underscores that natural resources are a potent factor in international relations, but their impact is profoundly shaped by the quality of domestic institutions and the strategic choices of national leadership. The country’s future trajectory in leveraging its subsurface wealth for enhanced international standing and development will depend critically on its ability to address persistent governance deficits within the resource sector and the broader polity.

Библиографический список / Reference

1. Frankel J.A. The Natural Resource Curse: A Survey. NBER Working Paper No. 15836, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 2010. 45 p.

2. U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries 2023. U.S. Geological Survey, Reston, VA, 2023. 210 p. // URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf>
3. Ross M.L. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton University Press, Princeton, 2012. 312 p.
4. Auty R.M. (Ed.). Resource Abundance and Economic Development. Oxford University Press, Oxford, 2001. 280 p.
5. Soares de Oliveira, R. Oil and Politics in the Gulf of Guinea. Columbia University Press – New York, 2007. 256 p.
6. Asiedu E. Foreign Direct Investment in Africa: The Role of Natural Resources, Market Size, Government Policy, Institutions and Political Instability. The World Economy. 2006. Vol. 29. № 1. P. 63-77.
7. Bayart J-F. The State in Africa: The Politics of the Belly. 2nd ed., Polity Press, Cambridge, 2009. 440 p.
8. Shaxson N. Poisoned Wells: The Dirty Politics of African Oil. Palgrave Macmillan – New York, 2007. 272 p.
9. Cameroon Extractive Industries Transparency Initiative (EITI). EITI Cameroon Reports. [Various Years]. // URL: <https://www.camerooneti.org/>
10. National Hydrocarbons Corporation (SNH). Annual Reports. [Various Years]. // URL: <https://www.snh.cm/>
11. Dannreuther R. International Security: The Contemporary Agenda. 2nd ed., Polity Press, Cambridge, 2013. 288 p.
12. Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. Monthly Review Press, New York, 1976. 440 p.
13. Basedau M., Lay J. Resource Curse or Rentier Peace? The Ambiguous Effects of Oil Wealth and Oil Dependence on Violent Conflict. Journal of Peace Research. 2009. Vol. 46. № 6. P. 757-776.
14. George A.L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. MIT Press, Cambridge, MA, 2005. 332 p.
15. Sachs J.D., Warner A.M. The Curse of Natural Resources. European Economic Review. 2001. Vol. 45. № 4-6. P. 827-838.
16. Yates D.A. The Scramble for African Oil: Oppression, Corruption and War for Control of Africa's Natural Resources. Pluto Press – London, 2012. 256 p.
17. Verschave F-X. La Françafrique: Le plus long scandale de la République. Stock – Paris, 1998. 380 p.
18. Corkin L. Uncovering African Agency: Angola's Management of China's Credit Lines. Ashgate, Farnham, 2013. 198 p.
19. Lee C.K. The Specter of Global China: Politics, Labor, and Foreign Investment in Africa. University of Chicago Press, Chicago, 2017. 288 p.
20. Klare M.T. Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict. Henry Holt and Company – New York, 2001. 289 p.
21. International Crisis Group. Cameroon's Anglophone Crisis: How to Get to Talks? Africa Report No. 272, 2019. 40 p. // URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/cameroon/272-camerouns-anglophone-crisis-how-get-talks>
22. Peyrouse S. China's Growing Influence in Central Africa: Cameroon Case Study. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Washington D.C. – Stockholm, 2015. 24 p.
23. U.S. Department of State. U.S. Security Cooperation with Cameroon. Fact Sheet, 2023. // URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-cameroon/>
24. African Development Bank Group. Cameroon - Lom Pangar Hydropower Project (LPHP). Appraisal Report, 2010. // URL: <https://www.afdb.org/en/documents/document/cameroon-lom-pangar-hydropower-project-lphp-appraisal-report-22115>
25. Brautigam D. The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford University Press, Oxford, 2009. 397 p.
26. Transparency International. Corruption Perceptions Index. [Annual Reports]. // URL: <https://www.transparency.org/en/cpi>
27. International Monetary Fund (IMF). Cameroon: Selected Issues. IMF Country Report No. 17/76 – Washington D.C., 2017. // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/03/27/Cameroon-Selected-Issues-44774>
28. Extractive Industries Transparency Initiative (EITI). The EITI Standard 2023. – Oslo, 2023. // URL: <https://eiti.org/document/standard>
29. Englebret P., Dunn K.C. Inside African Politics. Lynne Rienner Publishers, Boulder, CO, 2013. 422 p. (Chapters on State, Governance, Resources).
30. World Bank. Cameroon Economic Update: Investing in Human Capital for a More Resilient and Inclusive Future. Issue 15, 2022. // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/38378>

Эйамба А.Э.

Аспирант, кафедра истории международных отношений и внешней политики. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Торговля людьми и эксплуатация женщин и детей в Нигерии: социально-экономические факторы и стратегии предотвращения*

Аннотация. Число жертв торговли людьми среди женщин и детей растет, поскольку различные социально-экономические условия создают их уязвимость к эксплуатации. В этой статье рассматривается продолжающееся присутствие торговли людьми в Нигерии путем выявления социально-экономических условий, способствующих ей, включая бедность и безработицу, неграмотность и культурные обычаи. Система торговли людьми использует такие ситуации, одновременно обходя ограничения существующих правовых рамок и полицейских протоколов, которые не в состоянии эффективно решить эту проблему. В исследовании представлен обзор современных практик борьбы с торговлей людьми, а также представлены продуктивные решения, направленные на спрос и предложение на торговлю людьми. Борьба с торговлей людьми требует экономических программ и изменений в законодательстве, а также международных альянсов и инициатив в области просвещения населения. В исследовании подчеркивается необходимость укрепления социальных программ, которые помогают жертвам через услуги по реабилитации и реинтеграции, чтобы остановить их продолжающуюся виктимизацию. Устраняя факторы, лежащие в основе борьбы с торговлей людьми и эксплуатацией уязвимых слоев населения, Нигерия может добиться существенных сдвигов в борьбе с этими преступлениями. В этом исследовании рассматривалось, как проблемы бедности, неграмотности и безработицы влияют на жертв и эксплуатируемые группы (женщин и детей) в контексте торговли людьми в Нигерии.

Ключевые слова: торговля людьми, социально-экономические факторы, эксплуатация, нарушение прав человека, стратегии профилактики, НАРТИР Нигерия.

Eyamba A.E.

Postgraduate Student, Department of History of International Relations and Foreign Policy. Peoples' Friendship University of Russia.

* © Эйамба А.Э., 2025.

Human trafficking and the exploitation of women and children in Nigeria: socioeconomic drivers and prevention strategies

Abstract. Human trafficking victims among women and children are increasing because various socioeconomic conditions create their vulnerability to exploitation. This paper examines the ongoing presence of human trafficking in Nigeria by identifying socio-economic conditions that foster it including poverty and unemployment and illiteracy and cultural practices. The trafficking system exploits such situations while simultaneously exposing the limitations of current legal frameworks and policing protocols that fail to address the issue effectively. The research conducts a review of present-day human trafficking mitigation practices while presenting productive solutions which target trafficking supply and demand. The fight against human trafficking requires economic programs and changes to laws together with international alliances and public education initiatives. The research emphasized the necessity of strengthening social programs that assist victims through rehabilitation and reintegration services to stop their ongoing victimization. By resolving the underlying factors in the fight against human trafficking and exploitation of the vulnerable population, Nigeria can bring in substantial shifts in the battle against these crimes. This study examined how the issues of poverty, illiteracy, and unemployment affect victims and exploited groups (women and children) in the context of human trafficking in Nigeria.

Key words: human trafficking, socioeconomic drivers, exploitation, human rights violation, prevention strategies, NAPTIP Nigeria.

Introduction

Human trafficking is one of the biggest global problems that increase in size and suffering that is affecting the most vulnerable people which includes women and children (Osuigwe, 2017)¹. This is a current form of slavery in which people are transported and sold for the aim of providing services such as sexual exploitation, forced labour, and even organs trafficking. These forms of exploitation are reported to earn about \$150 billion every year (Anti-Trafficking Alliance, 2017)². As mentioned earlier, the traffickers target people through force, fraud, or coercion to labor and transport them within their countries and across borders, for the sole purpose of exploitation (United Nations, 2013)³. Unfortunately, this is

1 Osuigwe J. (2017). Nigeria's fight against human trafficking: A call for action. International Centre for Investigative Reporting. Retrieved May 2019 from info@icirnigeria.org

2 Anti-Trafficking Alliance. Beyond borders: Trafficking in the context of migrant labor and workers' rights. GAATW International Members Conference. 2017. // URL: <http://www.gaatw.org/publication/report.pdf>

3 United Nations. Global initiative to fight human trafficking: A regional response to trafficking in West Africa. 2013. // URL: <http://www.unfigh.org/ungift/en/stories/a-regional-response-to-trafficking-in-west-africa.html>

the situation globally, but Africa is at the frontline of this vice. Nigeria inclusive, whereby the country ranks highly with other countries in the continent having many human trafficking victims (Pathfinders-Justice Initiative, 2016)⁴. Nigeria is both a supplier and a receiving country for trafficked persons. Many victims are trafficked into Europe, especially Italy, for prostitution and other degrading practices (Okoli & Idemudia, 2022)⁵.

According to the United Nations, human trafficking entails the recruitment, transportation, transferal, harbouring, or receipt of a person with the intention of exploiting them through threat, force, abduction, fraud, or coercion (United Nations, 2013). This definition highlights the complexity of the crime, which typically involves three key elements: The act of movement, the way of coercion, and the goal of exploitation are the aspects that define this work.

The victims of trafficking are exposed to very hard physical and psychological impacts. The female victims are at higher risk of sexual abuse. According to the reports by International Labour Organization, (2017)⁶ available in 2016, 4 of every 100 women and girls are affected by this menace. 8 million women, girls, boys and other individuals subjected to commercial sexual exploitation currently worldwide (International Labour Organization, 2017). Additionally, Anti-Trafficking Alliance (2017) revealed percentage of forced marriage of female was 84% and 59%

of forced labourers were also female. Despite measures that have been put in place by Nigerian government to reduce this problem, through policies that involves partnerships with international organizations in combating the cases of human trafficking (Pathfinders Justice Initiative, 2016)⁷.

Qualitative descriptive research approach was used in this study to evaluate the intricate processes that lead to human trafficking in Nigeria and the socio-economic inequalities that exposes women and children to the risk of human exploitations⁸. Nominal data can be gathered in quantitative research in the form of overall percentages and a range of averages, which aids in obtaining a general

4 Pathfinders Justice Initiative. Nigeria: Trafficking factsheet. 2018. // URL: <http://www.devatip.org>

5 Okoli, N., & Idemudia U. Survivor's perceptions of human trafficking rehabilitation programs in Nigeria: Empowerment or disempowerment? *Journal of Human Trafficking*, 2022. № 8 (2). P. 211-229. // URL: <https://doi.org/10.1080/23322705.2021.1882295>

6 International Labour Organization (ILO). Reintegration of trafficked persons in Nigeria: Towards a strengthened approach. 2018. // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/af-rica/-/ro-addis_ababa/-/sroabuja/documents/publication/wcms_662599.pdf

7 Pathfinders Justice Initiative. (2018). Nigeria: Trafficking factsheet. <http://www.devatip.org>

8 Islam Md & Aldaihani Faraj. (2022). Justification for Adopting Qualitative Research Method, Research Approaches, Sampling Strategy, Sample Size, Interview Method, Saturation, and Data Analysis. *Journal of International Business and Management*. 5. 1-11. 10.37227/JIBM-2021-09-1494.

overview of human trafficking and the effectiveness of previously implemented preventive measures (Renjith et al, 2021)⁹.

The study will use secondary sources, such as reports from international organisations like the United Nations (2013)¹⁰ and the International Labour Organisation (2017)¹¹, peer-reviewed journal articles, government publications, and NGO reports, to collect pertinent data.

Feminist theory, which emphasizes the relationship between exploitation, power, and gender, provides the theoretical context for this investigation. Given that it highlights the ways in which gender inequality and patriarchal structures lead to the disproportionate vulnerability of women and children, feminist theory is especially pertinent when discussing human trafficking (Kingshott & Jones, 2016).¹² In order to fight trafficking, the Nigerian government has established international collaborations and regulations. However, feminist theory also permits a critical study of these initiatives, raising concerns about how well they consider the gendered aspect of the problem (Piscitelli, 2016)¹³. The Nigerian government has attempted to stop human trafficking by enacting anti-trafficking laws and partnering with foreign organisations, but these measures have not been sufficient to stop the issue. These attempts have been hampered by the continuance of poverty, unemployment, and poor literacy rates in many parts of Nigeria, as noted by the Pathfinders-Justice Initiative (2016)¹⁴, leaving substantial swaths of the populace susceptible to human trafficking. This research attempts to contribute to the creation of more potent, gender-sensitive preventative strategies that address both the systemic injustices that facilitate trafficking and the personal vulnerabilities that traffickers take advantage of by analysing the socioeconomic drivers of trafficking through the prism of feminist theory.

9 Renjith V., Yesodharan R., Noronha J.A., Ladd E., & George A. (2021). Qualitative Methods in Health Care Research. *International journal of preventive medicine*, 12, 20. https://doi.org/10.4103/ijpvm.IJPVM_321_19

10 United Nations. (2013). Global initiative to fight human trafficking: A regional response to trafficking in West Africa. <http://www.unfigh.org/ungift/en/stories/a-regional-response-to-trafficking-in-west-africa.html>

11 International Labour Organization (ILO). (2017). National child labour survey. <http://unicef.org/WCARD-Nigeria-factsheets-childtrafficking.pdf>

12 Kingshott B.F., & Jones T.R. (2016). Human trafficking: A feminist perspective response. Unpublished.

Naem M., Ozuem W., Howell K., & Ranfagni S. (2023). A step-by-step process of thematic analysis to develop a conceptual model in qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods*, 22. doi:10.1177/16094069231205789

13 Piscitelli A. (2016, April 21). Human trafficking, feminist perspectives on. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Gender and Sexuality Studies*, pp. 1–5. doi:10.1002/9781118663219.wbegss176

14 Pathfinders Justice Initiative. (2018). Nigeria: Trafficking factsheet. <http://www.devatip.org>

Human Trafficking in Nigeria

Abiodun et al. (2017)¹⁵ state that Nigeria is among the nations most impacted by human trafficking worldwide, with women and children falling prey to this social vice. Due to the growing drug problem in Italy, Nigerian women began to replace Italian sex workers in the late 1980s, and since then, the number of Nigerian women trafficked, particularly for prostitution, has constantly increased (Popoola, 2022). It is believed that each year, approximately 100,000 of these foreign-origin women are trafficked into Europe; Italy is a common destination, and Nigeria is one of the source countries (Lee, 2013). Fig 1 shows the rate of women trafficked into Italy

Source: UN Migration Agency (IOM) (2017) <https://www.iom.int/2017-edition>

Additionally, women are more likely to be trafficked. Italy is the main destination for these victims, with women from the Delta and Edo States being the most frequently targeted and trafficked to Europe for forced prostitution (Olanrewaju and to the., 2022)¹⁶.

This is one of the most consistent and well-organized human trafficking network. It is relatively challenging to identify and prosecute the perpetrators (UN, 2014). However, new figures shows that Nigerian victims of trafficking continue to rise. NAPTIP report (2022)¹⁶, estimated that 57% of trafficked individuals fatalities were women and children , while in 2016, 80.57% of the victims were females. The proportion dropped to 75.34% in 2017, but then increased to 80.54% in 2018 and 80.64% in 2019 (see fig 2 below).

Source: NAPTIP (2022) <https://naptip.gov.ng/>

In 2020, NAPTIP found 636 prospective victims and 181 victims of forced labour, while in the prior reporting period, it found 1,028 potential victims of trafficking and 126 victims of forced labour (NAPTIP, 2022). A total of 1,470 human tracking victims were reported by NAPTIP in 2021. The authorities started looking into 852 incidents in 2022, including 323 cases of sex trafficking, 168 cases of labour trafficking, and 361 cases that were not identified. In the past reporting periods, the government has been looking into 663 cases, including 247 labour trafficking cases and 416 sex trafficking cases (NAPTIP, 2022).

15 Abiodun A.K., George A., Chukwuma A.C., Gbenga O., & Iluno L.U. (2017). Human trafficking: A global challenge reflection on the challenges in Nigeria. *Journal of Law, Policy & Globalization*, 61, 192-203.

16 National Agency for the Prohibition of Trafficking in Persons (NAPTIP). (2022). National policy. <http://www.naptip.gov.ng/docs/National%20Policy%20-%20June%202018.pdf>

Nigeria is well-served by a very sophisticated trafficking networks with linkages to global crime. These networks frequently interact with locals who, in one way or another, entice victims into the trade by offering them jobs in Europe or the Middle East, particularly to those from rural areas (Akpmera, 2009)¹⁷. Because of how sophisticated the networks are, Edo State, and particularly Benin City, is home to among of the busiest hubs for human trafficking in Africa (Ukachi and Attoh, 2021)¹⁸. The victims are led by their captors to shrines where they are forced to participate in rites that involve taking an oath and having certain body parts, like fingernails or hair, chopped off. These rites very clearly warn the victim of the terrible or fatal consequences of breaking the promise (Siddhert, 2015). This kind of psychological blackmail prevents the victims from fleeing or reporting their exploiters to the authorities, giving the perpetrators authoritative power over them. According to information from the Nigerian National Agency for Prohibition of Traffic in Persons (NAPTIP), 2012, which Wilmot (2012)¹⁹ referenced, around 90% of Nigerian females who are trafficked to Europe are made to perform these rites prior to being sent to the foreign nation.

Furthermore, for the victims who are from other African nations, it serves as both their country of origin and their country of passage. Males are trafficked into Nigeria from other nations including Togo, Chad, and Cameroon, where they are forced to work as children in granite mines, while girls and women are forced into prostitution or domestic servitude (Amadasun, 2022)²⁰. It is difficult to eradicate the vice because the nation serves as a conduit for victims who are trafficked from other West African nations to Europe and the Middle East (Bello and Olutola, 2020)²¹.

Socioeconomic Drivers of Human Trafficking in Nigeria

Foua and Diriwari (2020)²², explore that human trafficking in Nigeria is not the only problem but also has several underlying socioeconomic, cultural, and

17 Akpimeru E.I. (2009). A critical evaluation of Nigerian policy on human trafficking. *Nigerian Journal of Public Policy*, 5(162), 48-63.

18 Ukachi N.B., & Attoh F. (2020). Trafficked women, patriarchy and social media: The case of Benin City, Nigeria. *Covenant Journal of Communication*.

19 Wilmot E. (2012, September 17). A bewitching economy: Witchcraft and human trafficking. *York Africa Press*. <http://thinkafricapress.com/society/a-problem-witchcraft-contemporary-slavery-human-trafficking-nigeria>

20 Amadasun S. (2022). Social work interventions for human trafficking victims in Nigeria. *International Social Work*, 65(2), 343-355. <https://doi.org/10.1177/00208728211026599>

21 Bello P.O., & Olutola A.A. (2020). The conundrum of human trafficking in Africa. In M. Lee (Ed.), *Modern slavery and human trafficking* (pp. 1-13). *IntechOpen*. <https://doi.org/10.5772/intechopen.93746>

22 Foua A., & Diriwari W. (2020). Cultural and legal perspectives on child protection in the context of child trafficking in Nigeria. *Beijing Law Review*, 11(1), 11–33. <https://doi.org/10.4236/blr.2020.111002>

institutional effects. Anurioha (2024)²³ this issue grew even more severe at the start of the 1990s as a result the number of sociopolitical variables, including the drug trade and the 419 scam (advance fee fraud). As Muhammed (2004)²⁴ noted, because of families losing their sources of money due to the mismanagement of oil earnings in the 1980s and 1990s, human trafficking—especially that of women—had become a means of survival. This can be explained by the following factors; however, poverty is by far the main one. According to data from the Nigerian Bureau of Statistics (2022)²⁵, 133 million of the 200 million people living in the country are multidimensionally poor. As per the National Multidimensional Poverty Index (MPI), the present value of 0.257 indicates that the impoverished population in Nigeria experiences somewhat more than 25% of the potential deprivations. A sizable fraction of the impoverished are still dispersed, with 65% of them, or 86 million people, residing in the North and 35%, or roughly 47 million, in the South.

In addition, ignorance and illiteracy fuel the spread of poverty and human trafficking. The NAPTIP (National Agency for the Prohibition of Trafficking in Persons) and Other Related Matters (2015)²⁶, many victims, especially women and girls, are unaware of the disadvantages waiting for them in their adopted nations. Due to their ignorance and desire for better employment, they are more likely to become the targets of human trafficking (Nwazuoke and Igwe, 2016)²⁷. According to Magashi (2015)²⁸, teenage females from large, polygamous families are vulnerable since they must find employment to support such huge families.

Failures in leadership and corruption are further factors contributing to the rise in human trafficking. High unemployment rates brought about by illegitimate leadership have forced men and women to use dangerous methods in their quest for higher-paying employment abroad. Low standards of legal protection against human trafficking, shoddy law enforcement, and dishonest authoritarian

23 Anurioha I.O. (2024). Child labor: The human trafficking exploitation in Nigeria. *International Journal of Research and Innovation in Social Science*, VIII(II), 2283–2293. <https://doi.org/10.47772/ijriss.2024.802163>

24 Mohammed R.E. (2004). The role of a non-governmental organization in the prevention of women trafficking in Benin City, Nigeria (Unpublished B.Sc. thesis, Anyigba, Kogi State University).

25 Nigerian Bureau of Statistics. (2022). Nigeria launches its most extensive national measure of multidimensional poverty. <https://nigerianstat.gov.ng/news/78>

26 National Agency for the Prohibition of Trafficking in Persons and Other Related Matters. (2015). Data on human trafficking in Nigeria. // URL: <https://www.naptip.gov.ng>

27 Nwazuoke A.N., & Igwe C.A. (2016). Worst forms of child labour in Nigeria: An appraisal of international and local legal regimes. *Beijing Law Review*, 7(1), 69–82. <https://doi.org/10.4236/blr.2016.71008>

28 Magashi S.B. (2015). Education and the right to development of the child in Northern Nigeria: A proposal for reforming the Almajiri institution. *Africa Today*, 61(3), 65–83. <https://doi.org/10.2979/africatoday.61.3.65>

officials who facilitate the transportation of trafficked persons into Nigeria's porous borders all contribute to the worsening of this crisis (Osumah & Enbunanae, 2012)²⁹. There is also a significant involvement of other conflict zones in Nigeria in the trafficking process. Due to the insurgency in Boko Haram-controlled regions, young girls and boys are abducted, trafficked, and sold to be used as housemaids or sex slaves, or they are coerced into becoming fighters (Anti-trafficking Alliance, 2017)³⁰. As noted by Ogunniyi (2024)³¹, these conflicts make certain people more susceptible to being exploited through human trafficking. The custom that permits parents to transport their kids to wealthier relatives or acquaintances in exchange for cash rewards is one of the other cultural practices that sustain human trafficking. Children are still trafficked despite efforts to improve their chances in life, since the offenders take advantage of these customs (Osumah & Enbunane, 2012)³². Furthermore, women and girls in northern Nigeria are pushed to drop out of school and enter into early marriage or domestic employment due to gender discrimination, which is another major element in the trafficking of women and children (Fetuga et al., 2005)³³. Since young girls cannot receive an education to become independent women like boys can, this ongoing gender discrimination makes them more susceptible to human trafficking (Udoh et al., 2020)³⁴.

Additional modes of transportation include of the system which is a type of religious education provided in the northern region of Nigeria (Magashi, 2015)³⁵. The system, which was initially intended to help boys learn their religious book has deteriorated to the point where the majority of teachers, are unable to provide for the needs of the students under their charge. As a result, these boys become the traffickers' dreams because they wind up on the streets, begging or

29 Osumah O., & Enaburene S. (2012). Women trafficking and violation of right to life in Nigeria. *Online Journal of Social Sciences Research*, 1(2), 62-68.

30 Anti-Trafficking Alliance. (2017). *Beyond borders: Trafficking in the context of migrant labor and workers' rights*. GAATW International Members Conference 2017. <http://www.gaatw.org/publication/report.pdf>

31 Ogunniyi D. (2024). Armed conflict-induced displacement and human trafficking in the Sahel: Organised crime, vulnerabilities, and the accountability of non-state armed groups. *Anti-Trafficking Review*, (22), 74-90. <https://doi.org/10.14197/atr.201224225>

32 Osumah O., & Enaburene S. (2012). Women trafficking and violation of right to life in Nigeria. *Online Journal of Social Sciences Research*, 1(2), 62-68.

33 Fetuga B.M., Njokama F.O., & Olowu A.O. (2005). Prevalence, types and demographic features of child labor among school children in Nigeria. *BMC International Health and Human Rights*, 5(1), 2. <https://doi.org/10.1186/1472-698X-5-2>

34 Udoh O.D., Folarin S.F., & Isumonah V.A. (2020). The influence of religion and culture on women's rights to property in Nigeria. *Cogent Arts and Humanities*, 7(1), 1750244.

35 Magashi S.B. (2015). Education and the right to development of the child in Northern Nigeria: A proposal for reforming the Almajiri institution. *Africa Today*, 61(3), 65-83. <https://doi.org/10.2979/africatoday.61.3.65>

performing other menial jobs to support themselves (Muhammad et al., 2020)³⁶. A study by Ahmad and Alkhali (2022)³⁷, the system, which is characterised by poverty and a lack of supervision, is to blame for the rise in child labour and trafficking instances in the area. Nigeria has a high rate of child labour in all its forms, which exacerbates the country's trafficking problem. A higher percentage of children, or 54% of those under the legal working age, were observed to have engaged in labour before the age of 17, based on a survey conducted in 2020. Certain forms of child labour are still permitted under cultural customs, particularly for low-income families; still, the children suffer psychologically, physically, and socially from dangerous working conditions, child trafficking, and other forms (Simkhada et al., 2018)³⁸. Change is required because children who are sexually exploited have an increased chance of developing sexually transmitted diseases, suffering psychological harm, and having their health compromised (Simkhada et al., 2018; Ottisova et al., 2018)³⁹.

The International Labour Organisation (ILO) and UNICEF have not been able to effectively combat human trafficking in Nigeria (International Labour Organisation, 2017⁴⁰; UNICEF, 2018)⁴¹. Although the fight against trafficking is still ongoing and can't be stooped immediately, it was decided in 2003 that Nigeria needed an agency to combat it. As a result, the NAPTIP (National Agency for the Prohibition of Trafficking in Persons) was established (NAPTIP, 2020)⁴². Raimi (2012)⁴³ notes that although borders are utilised for monitoring, traffickers are penalised, and victims are rescued, the effectiveness of these efforts is severely constrained by a lack of knowledge and inadequate enforcement.

36 Muhammad A.K., Beatrice U.A., & Gwandu A.A. (2020). Scaling-down domestic violence against children in Nigeria for sustainable national development. *International Journal of Educational Benchmark*, 15(1).

37 Ahmad M.A., & Alkali M.B. (2022). The crisis of national security: Implications of Almajiri in Northern Nigeria. *Port Harcourt Journal of History & Diplomatic Studies*, 9(1). www.pjhjds.com

38 Simkhada P., Van Teijlingen E., Sharma A., Bissell P., Poobalan A., & Wasti P.S. (2018). Health consequences of sex trafficking: A systematic review. *Journal of Manmohan Memorial Institute of Health Sciences*, 4(1), 130-150. <https://doi.org/10.3126/jmmihs.v4i1.21150>

39 Ottisova L., Smith P., Shetty H., Stahl D., Downs J., & Oram S. (2018). Psychological consequences of child trafficking: A historical cohort study of trafficked children in contact with secondary mental health services. *PLOS ONE*, 13(3), e0192321. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192321>

40 International Labour Organization (ILO). (2018). Reintegration of trafficked persons in Nigeria: Towards a strengthened approach. // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/africa/-/ro-addis_ababa/-/sroabuja/documents/publication/wcms_662599.pdf

41 UNICEF. (2018). Multi-indicator cluster survey, February 2018 (p. 223-224). <https://www.unicef.org/nigeria/media/1406/file/Nigeria-MICS-2016-17.pdf>.

42 National Agency for the Prohibition of Trafficking in Persons (NAPTIP). (2022). National policy. <http://www.naptip.gov.ng/docs/National%20Policy%20-%20June%202018.pdf>

43 Raimi L. (2012). Faith-based advocacy as a tool for mitigating human trafficking in Nigeria. *Humanomics*, 28(4), 297-310.

The Impact on human trafficking on Victims and Society

The problems associated with human trafficking, have a profound long-term impact on the victims, including families, communities, and society at large. Okoli and Idemudia (2022)⁴⁴, emphasized that minors are forcefully taken from their childhood, denied them chance to attend school, and forced are into forced hard labour or domestic service. This deprived them to grow and develop to the fullest and thus they remain in these cycles of poverty which has lasting effects on them, their families, and the society (Okoli and Idemudia, 2022). Many of the young people who have fallen as a prey or victims to human trafficking comes from mostly low-income families, particularly those in rural areas where offenders/perpetrators are always on the lookout for such vulnerable individuals, they can take advantage of financially. Adesina's (2014)⁴⁵ study found a strong correlation between child trafficking and Nigeria's high rate of poverty. Traffickers take advantage of the desperation felt by families living in extreme poverty to convince them to give up their children in exchange for jobs. This is the case since many of the families become even poorer than they were before, having lost the economic potential that these children may have brought in.

Human trafficking is a major factor in the social order's decline as well as the continuation of inequality and poverty in society. According to prior data, 63% of Nigerians, or around 133 million people, are poor. Of those, 65% reside in the country's north, where there is a higher incidence of human trafficking (Nigeria Bureau of Statistics, 2022).⁴⁶ Because of the extreme poverty, it is always easier for trafficking organisations to extort individuals and families who are trying to get away from these extreme poverty levels. Children in Northern system, where millions of children are left to fend for themselves in the streets with little or no care or schooling at all are easy prey for traffickers as pointed out by Ahmad and Alkali (2022)⁴⁷.

Human trafficking has negative effects on society and the economy in addition to undermining government and the rule of law when officials participate in it directly by accepting bribes to turn a blind eye or by actively engaging in the trafficking of people. Brunovskis and Surtees (2013)⁴⁸ have highlighted

44 Okoli N., & Idemudia U. (2022). Survivor's perceptions of human trafficking rehabilitation programs in Nigeria: Empowerment or disempowerment? *Journal of Human Trafficking*, 8(2), 211-229. <https://doi.org/10.1080/23322705.2021.1882295>

45 Adesina O.S. (2014). Modern-day slavery: Poverty and child trafficking in Nigeria. *African Identities*, 12(2), 165-179. <https://doi.org/10.1080/14725843.2014.881278>

46 Nigerian Bureau of Statistics. (2022). Nigeria launches its most extensive national measure of multidimensional poverty. <https://nigerianstat.gov.ng/news/78>

47 Ahmad M.A., & Alkali M.B. (2022). The crisis of national security: Implications of Almajiri in Northern Nigeria. *Port Harcourt Journal of History & Diplomatic Studies*, 9(1). www.pjhds.com

48 Brunovskis A., & Surtees R. (2013). Coming home: Challenges in family reintegration for

that the culture of impunity permits traffickers to operate with near impunity. Consequently, efforts to stop trafficking at its source are hampered. Nigeria has a number of domestic laws, such as the Child Rights Act of 2003, that regulate trafficking, but it is also a signatory to numerous international anti-trafficking agreements, such as the UN Convention on the Rights of the Child. Nonetheless, traffickers continue to sneak their goods through the roof by taking advantage of legal loopholes, while enforcement has remained comparatively lax (Nwazuoke & Igwe, 2016)⁴⁹. Edo State is also well-known for being a refuge for human traffickers, who purchase victims under the pretense of offering them legitimate job opportunities. Nevertheless, the victims are transported to other nations for the purposes of cheap labour or sexual exploitation (Braimah, 2013)⁵⁰.

In addition, psychological trauma that is likely to last for years is one of the more harmful outcomes of human trafficking, particularly regarding children. Ottisova et al. (2018)⁵¹ investigated the psychological repercussions of child trafficking and found that these kids suffer from PTSD, anxiety, and sadness, which makes it difficult for them to reintegrate into society. In the long run, these untreated mental health issues exacerbate the social and financial effects of human trafficking on the survivors. Just as significant is the detrimental impact human trafficking has on society. The persistent exploitation of the weak undermines their social standing, splits families, and fuels inequality and poverty (Olanrewaju, 2022)⁵².

The role of Nigerian government in addressing Human Trafficking

The Nigerian government has reached out in the fight against trafficking of persons, both in intra and international levels. Leading these efforts is the NAPTIP. It is important to note that the establishment of NAPTIP aligned with Nigeria's resolving to combat trafficking especially as it affects the most vulnerable groups in the society. It is an agency that enforces and advocate for change all rolled into one as NAPTIP. It investigates cases of trafficking, makes sure that perpetrators are brought to book and that victims are well

trafficked women. *Qualitative Social Work*, 12(4), 454-472. <https://doi.org/10.1177/1473325012441759>

49 Nwazuoke, I., & Igwe, O. (2016). Child trafficking in Nigeria: Implications for the Child Rights Act. *Journal of Law, Policy and Globalization*, 55, 49-54.

50 Braimah, T. (2013). Sex trafficking in Edo State: Causes and solutions. *Global Journal of Human Social Science*, 13(3), 17-29.

51 Ottisova, L., Smith, P., Shetty, H., Stahl, D., Downs, J., & Oram, S. (2018). Psychological consequences of child trafficking: A historical cohort study of trafficked children in contact with secondary mental health services. *PLoS One*, 13(3), e0192321.

52 Olanrewaju, A.F. (2022). Socio-cultural factors and human trafficking in Nigeria. In *Handbook of research on present and future paradigms in human trafficking* (pp. 131-142). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-8583-9>

taken care of and provided for (NAPTIP, 2021). Some of its responsibilities include having coordinated major sting Operation and Raids against Traffickers' rings (Okoye, 2019)⁵³. According to the agency in 2021, NAPTIP has Identified and Rescued 1,470 victims of human trafficking most of them were women and girls trafficked for the purposes of sexual exploitation and forced domestic work (NAPTIP, 2021). These figures show how prominent trafficking is in Nigeria especially in villages where women and children are illiterates and live in clumsily because of hunger. The Nigerian government has also come up with several legislative and policy interventions that relate to the issue of trafficking. For instance, Nigeria has ratified the United Nations Convention on the Rights of the Child, Convention on the Elimination of all forms of Discrimination Against Women. These are legal frameworks for the protection of women and children against trafficking (Nwazuoke & Igwe, 2016)⁵⁴. Subsequently, Nigeria has Child Rights Act of 2003 which was enacted to operationalize UNCRC in Nigeria having provisions through which children should be protected against all forms of exploitation such as trafficking.

Nonetheless, though these legislative frameworks are vital, the problem has been considered out of control because of the poor or rather incompetent mechanisms of law enforcement and embezzlement of funds. In the view of Degani & Ghanem, (2019)⁵⁵, the practice remains prevalent all over Nigeria since the counterpart can successfully navigate through legal mechanisms and complications and go scot-free. The criminals involve their victims in cross-border activities hence enabling traffickers to easily transfer their victims from one country to another making it harder for police forces around the world to arrest the traffickers and or bring them to book (UNODC, 2018). Lack of cross border cooperation is also a major factor that is mainly a thorny issue for the Nigerian government to deal with due to difference in laws and diplomacy in approach when it comes to dealing with other countries (Nzeako Ukhani et al, 2024)⁵⁶.

Prevention Strategies and Recommendations

This paper recommends that there is a need to enhance police and judicial

53 Okoye, V. (2019). Human trafficking and national security in Nigeria. *African Security Review*, 28(3), 266-280.

54 Nwazuoke, A.N., & Igwe, C.A. (2016). Worst forms of child labour in Nigeria: An appraisal of international and local legal regimes. *Beijing Law Review*, 7(1), 69-82. <https://doi.org/10.4236/blr.2016.71008>

55 Degani, P., & Ghanem, C. (2019). How does the European Union talk about migrant women and religion? A critical discourse analysis of the agenda on migration of the European Union and the case study of Nigerian women. *Religions*, 10(1), 27.

56 mi, E.I., Halidu, A., & Achudume, L.A. (2024). The role of the National Agency for the Prohibition of Trafficking in Persons (NAPTIP) in combating human trafficking in Nigeria. *Journal of Political Discourse*, 2(2), 1. <https://www.jopd.com.ng>

mechanism for dealing with human trafficking in Nigeria. This means that for organisations such as NAPTIP and other law enforcement organisations to be effective enough there must be adequate funding as well as adequate resources provided by the government. These agencies involve the need to undertake special training for officers in investigative methods suiting the human trafficking cases. Investment in personnel, training and equipment will also ensure better investigations of cases and enhancing the chances of arresting the traffickers. Besides, it is necessary to increase the capability of the judiciary in the efficient prosecution of the trafficking as the case should not be dragged in the court for long time. There should be severe consequences meted on the individuals convicted of trafficking in a bid to discourage other people from engaging in the vice. Additionally, there is a problem of corruption that is rampant in the law enforcement and judicial systems, which works against the fight against human trafficking (Shelley, 2010)⁵⁷. In the same vein, as Osuigwe (2017)⁵⁸ submits, the Nigerian campaign against trafficking must remain a constant project of legal enforcement and reshaping with adequate resources provided to relevant states. To combat trafficking, there needs to be robust policing to ensure that trafficking does not take place especially in the corrupted and countries with efflorescent judicial systems (Osumah & Enaburene, 2012)⁵⁹. Furthermore reforms should also seek to punish the traffickers while on the other hand protecting the victims within the system (Ogunniyi, 2024)⁶⁰. In addition, human trafficking is a transnational issue, that Nigeria alone cannot combat but through co-operation with the countries in the region and organizations worldwide. The high rate of mobility of human trafficking victims also poses a challenge since the traffickers are capable of exploiting any legal frameworks for cross border movements. Further support could be provided to Nigeria through involving the country in international programmes, prescribed by the UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime), International Organisation for Migration (IOM). UNODC. Bolstered collaboration with the syndicates in different parts of the globe will help Nigeria address emerging difficulties connected with trafficking networks better (Odumosu et al., 2013)⁶¹. This cooperation should also

57 Shelley, L. (2010). *Human trafficking: A global perspective*. Cambridge University Press.

58 Osuigwe, J. (2017). *Nigeria's fight against human trafficking: A call for action*. International Centre for Investigative Reporting. Retrieved May 2019 from info@icirnigeria.org

59 Osumah, O., & Enaburene, S. (2012). *Women trafficking and violation of right to life in Nigeria*. Online Journal of Social Sciences Research, 1(2), 62-68.

60 Ogunniyi, D. (2024). *Armed conflict-induced displacement and human trafficking in the Sahel: Organised crime, vulnerabilities, and the accountability of non-state armed groups*. *Anti-Trafficking Review*, (22), 74–90. <https://doi.org/10.14197/atr.201224225>

61 Odumosu, O. F., Odekunle, S. O., Bolarinwa, M. K., & Taiwo, O. (2013). *Manifestations of the Almajirai in Nigeria: Causes and consequences* (Doctoral dissertation, Nigerian Institute of Social and Economic Research (NISER)).

enhance the diplomatic relations with countries that are receiving trafficking since their culprits should be pursued irrespective of geographical proximity (Simkhada 2018)⁶².

Awareness campaigns are essential, particularly when it comes to vulnerable populations. Trafficking can be avoided through educating families about its risks and the tactics employed by traffickers. The perpetrators prey on people's ignorance and manipulation of information. Based on the results, the Nigerian government should increase its community outreach and public media initiatives through NAPTIP. Non-Governmental Organisations (NGOs) that already combat human trafficking in vulnerable communities can help put such measures into action (Perezniето et al., 2014)⁶³. Raimi (2012)⁶⁴ has identified community mobilisation and awareness-building as two of the success aspects of faith-based campaigning. Since young people are typically the group most affected, the government should also work to develop additional programs aimed at this demographic (Fetuga et al., 2005)⁶⁵. A society that is aware of the dangers of human trafficking and is able to recognise such activities in its midst will be developed with the help of such awareness programs (Ottisova et al., 2018)⁶⁶. According to Mohammed (2004)⁶⁷, the public's perspective through the various channels will help in battling deception and ending exploitation.

Supporting the victims is a crucial topic that needs to be given adequate consideration when it comes to these services. Reintegration, which aids in the survivors' recovery, and physical, social, and economic rehabilitation are additional crucial services. In order to provide victims the best chance for recovery, the government must provide greater funding for shelters, counselling, and employment programs. By demonstrating their expertise in enhancing the assistance provided to the victims, non-governmental organisations and international organisations

62 Simkhada, P., Van Teijlingen, E., Sharma, A., Bissell, P., Poobalan, A., & Wasti, P.S. (2018). Health consequences of sex trafficking: A systematic review. *Journal of Manmohan Memorial Institute of Health Sciences*, 4(1), 130-150. <https://doi.org/10.3126/jmmihs.v4i1.21150>

63 Perezniето P., Montes, A., Routier, S., & Langston, L. (2014). The costs and economic impact of violence against children. *Child Fund*.

64 Raimi L. (2012). Faith-based advocacy as a tool for mitigating human trafficking in Nigeria. *Humanomics*, 28(4), 297-310.

65 Fetuga B.M., Njokama, F.O., & Olowu, A.O. (2005). Prevalence, types and demographic features of child labor among school children in Nigeria. *BMC International Health and Human Rights*, 5(1), 2. <https://doi.org/10.1186/1472-698X-5-2>

66 Ottisova L., Smith, P., Shetty, H., Stahl, D., Downs, J., & Oram, S. (2018). Psychological consequences of child trafficking: A historical cohort study of trafficked children in contact with secondary mental health services. *PLOS ONE*, 13(3), e0192321. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192321>

67 Mohammed R.E. (2004). The role of a non-governmental organization in the prevention of women trafficking in Benin City, Nigeria (Unpublished B.Sc. thesis, Anyigba, Kogi State University).

can also make a substantial contribution to these efforts (International Organisation for Migration, 2021)⁶⁸.

Conclusion

Nigeria, like many other nations in the world, still has significant challenges related to human trafficking because of a variety of social and economic issues that make women and children more susceptible to exploitation. Due to their lack of resources, unemployment, and illiteracy, rural learners are particularly vulnerable to exploitation. Other cultural vices that increase this vulnerability include child labour and patriarchy, which are pervasive globally and lead to exploitation. Nigeria has taken steps to combat the vice, such as establishing the National Agency for the Prohibition of Trafficking in Persons (NAPTIP), but much more work needs to be done to lessen the conditions that give rise to trafficking. The other issue that needs to be addressed is the need to improve legal institutions. Even though there exist laws that classify human trafficking as a criminal activity and define the practice legally, these laws are not effectively enforced, and some law enforcement officials and judges are corrupt, which keeps victims from getting enough justice. It is imperative that these procedures be changed and that traffickers face harsher penalties.

Библиографический список / Reference

1. Оусйгве Д. Борьба Нигерии с торговлей людьми: призыв к действию. Международный центр исследовательской журналистики. 2017. Получено в мае 2019 г. из info@icirnigeria.org
2. Альянс по борьбе с торговлей людьми. Без границ: торговля людьми в контексте трудовых мигрантов и прав трудящихся. Международная конференция членов GAATW 2017. // URL: <http://www.gaatw.org/publication/report.pdf>
3. ООН. Глобальная инициатива по борьбе с торговлей людьми: региональный ответ на торговлю людьми в Западной Африке. 2013. // URL: <http://www.unfigh.org/ungift/en/stories/a-regional-response-to-trafficking-in-west-africa.html>
4. Правовая инициатива «Следопыты». Нигерия: Информационный бюллетень о торговле людьми. 2018. // URL: <http://www.devatip.org>
5. Околи Н., Идемудия У. Восприятие пострадавшими программ реабилитации жертв торговли людьми в Нигерии: расширение прав и возможностей или лишение прав? Журнал о торговле людьми, 2022. № 8 (2). С. 211-229. // URL: <https://doi.org/10.1080/23322705.2021.1882295>
6. Международная организация труда (МОТ). Реинтеграция жертв торговли людьми в Нигерии: на пути к усиленному подходу. 2018. // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--africa/--ro-addis_ababa/--sroabuja/documents/publication/wcms_662599.pdf
7. Правовая инициатива «Следопыты». Нигерия: Информационный бюллетень о торговле людьми. 2018. // URL: <http://www.devatip.org>
8. Ислам Мд, Алдайхани Фарадж. Обоснование принятия качественного метода исследования, исследовательских подходов, стратегии выборки, размера выборки, метода интервью, насыщения и анализа данных. Журнал международного бизнеса и менеджмента. 2022. № 5. С. 1-11. 10.37227/JIBM-2021-09-1494.
9. Ренджит В., Есодхаран Р., Норонья Д.А., Лэйд Э., Джордж А. Качественные методы в исследованиях в области здравоохранения. Международный журнал профилактической медицины, 2021. № 12. С. 20. // URL: https://doi.org/10.4103/ijpvm.IJPVM_321_19
10. ООН. Глобальная инициатива по борьбе с торговлей людьми: региональный ответ на торговлю людьми

68 International Organization for Migration (IOM). (2020). Nigeria: Trafficking in persons (TiP) report. // URL: <https://nigeria.iom.int/sites/default/files/publication/2020.03.17%20IOM%20Nigeria%20TiP%20Report%20-%20ENG.pdf>

- в Западной Африке. 2013. // URL: <http://www.unfgh.org/ungift/en/stories/a-regional-response-to-trafficking-in-west-africa.html>
11. Международная организация труда (МОТ). Национальное обследование детского труда. 2017. // URL: <http://unicef.org/WCARD-Nigeria-factsheets-childtrafficking.pdf>
12. Кингшотт Б.Ф., Джонс Т.Р. Торговля людьми: ответ с феминистской точки зрения. Неопубликованный. 2016.
13. Наим М., Озуем В., Хауэлл К., Ранфаньи С. Пошаговый процесс тематического анализа для разработки концептуальной модели в качественном исследовании. Международный журнал качественных методов, 2023. 22. – DOI: 10.1177/1609406923120578
14. Пишители А. Торговля людьми, феминистские взгляды на. Энциклопедия гендерных и сексуальных исследований Уайли Блэквелла, 2016, 21 апреля. С. 1-5. – DOI: 10.1002/9781118663219.wbegss176
15. Правовая инициатива «Следопыты». Нигерия: Информационный бюллетень о торговле людьми. 2018. // URL: <http://www.devatip.org>
16. Абиодун А.К., Джордж А., Чуквма А.С., Гбенга О., Илуно Л.У. Торговля людьми: глобальный вызов Отражение проблем в Нигерии. Журнал права, политики и глобализации, 2017. № 61. С. 192-203.
17. Национальное агентство по борьбе с торговлей людьми (НАПТИП). Национальная политика. 2022. // URL: <http://www.naptip.gov.ng/docs/National%20Policy%20-%20June%202018.pdf>
18. Акпимеру Э.И. Критическая оценка политики Нигерии в отношении торговли людьми. Нигерийский журнал государственной политики, 2009. № 5 (162). С. 48-63.
19. Укачи Н.Б., Атто Ф. Женщины, ставшие жертвами торговли людьми, патриархат и социальные сети: случай Бенин-Сити, Нигерия. Кованат Журнал Коммуникации. 2020.
20. Уилмот Э. Завораживающая экономика: колдовство и торговля людьми. Йорк: Африка Пресс. 2012, 17 сентября. // URL: <http://thinkafricapress.com/society/a-problem-witchcraft-contemporary-slavery-human-trafficking-nigeria>
21. Амадасун С. Мероприятия по социальной работе для жертв торговли людьми в Нигерии. Международная социальная работа, 2022. № 65 (2). С. 343-355. // URL: <https://doi.org/10.1177/00208728211026599>
22. Белло О., Олутола А.А. Загадка проблемы торговли людьми в Африке. В книге М. Ли (ред.), Современное рабство и торговля людьми, IntechOpen. 2020. С. 1-13. // URL: <https://doi.org/10.5772/intechopen.93746>
23. Фуа А., Диривари В. Культурные и правовые аспекты защиты детей в контексте торговли детьми в Нигерии. Пекинское юридическое обозрение, 2020. № 11 (1). С. 11-33. // URL: <https://doi.org/10.4236/blr.2020.111002>
24. Ануриоха И.О. Детский труд: эксплуатация торговли людьми в Нигерии. Международный журнал исследований и инноваций в социальных науках, 2024. VIII (II). С. 2283-2293. // URL: <https://doi.org/10.47772/ijris.2024.802163>
25. Мохаммед Р.Э. Роль неправительственной организации в предотвращении торговли женщинами в Бенин-Сити, Нигерия (неопубликованная В.Сс диссертация, Аньгиба, Государственный университет Когги). 2004.
26. Нигерийское бюро статистики. Нигерия запускает свой самый обширный национальный показатель многомерной бедности. 2022. // URL: <https://nigerianstat.gov.ng/news/78>
27. Национальное агентство по борьбе с торговлей людьми и по другим связанным с этим вопросам. Данные о торговле людьми в Нигерии. 2015. // URL: <https://www.naptip.gov.ng>
28. Нвазуоке А.Н., Игве К.А. Наихудшие формы детского труда в Нигерии: оценка международных и местных правовых режимов. Пекинское юридическое обозрение, 2016. № 7 (1). С. 69-82. // URL: <https://doi.org/10.4236/blr.2016.71008>
29. Магши С.Б. Образование и право на развитие ребенка в Северной Нигерии: предложение по реформированию института Альмаджери. Африка сегодня, 2015. № 61 (3). С. 65-83. // URL: <https://doi.org/10.2979/africatoday.61.3.65>
30. Осума О., Энабурене С. Торговля женщинами и нарушение права на жизнь в Нигерии. Онлайн-журнал исследований в области социальных наук, 2012. № 1 (2). С. 62-68.
31. Альянс по борьбе с торговлей людьми. Без границ: торговля людьми в контексте трудовых мигрантов и прав трудящихся. Международная конференция членов GAATW 2017. // URL: <http://www.gaatw.org/publication/report.pdf>
32. Огуннии Д. Перемещение населения в результате вооруженного конфликта и торговля людьми в Сахеле: организованная преступность, уязвимость и ответственность негосударственных вооруженных групп. Обзор по борьбе с торговлей людьми, 2024. № 22. С. 74-90. // URL: <https://doi.org/10.14197/atr.201224225>
33. Осума О., и Энабурене С. Торговля женщинами и нарушение права на жизнь в Нигерии. Онлайн-журнал исследований в области социальных наук, 2012. № 1 (2). С. 62-68.
34. Фегуга Б.М., Ньюкама Ф.О., Олову А.О. Распространенность, виды и демографические особенности детского труда среди школьников в Нигерии. ВМС Международное здравоохранение и права человека, 2005. № 5 (1). С. 2. // URL: <https://doi.org/10.1186/1472-698X-5-2>
35. Удо О.Д., Фоларин С.Ф., Исумона В.А. Влияние религии и культуры на права женщин на собственность

- в Нигерии. *Cogent Arts and Humanities*, 2020. № 7 (1). 1750244.
36. Магали С.Б. Образование и право на развитие ребенка в Северной Нигерии: предложение по реформированию института Альмаджери. *Африка сегодня*, 2015. № 61 (3). С. 65-83. // URL: <https://doi.org/10.2979/africanoday.61.3.65>
37. Мухаммад А.К., Беатрис У.А., Гванду А.А. Сокращение масштабов бытового насилия в отношении детей в Нигерии в целях устойчивого национального развития. *Международный журнал образовательных ориентиров*, 2020. № 15 (1).
38. Ахмад М.А., Алкали М.Б. Кризис национальной безопасности: последствия Альмаджери в Северной Нигерии. *Порт-Харкорт Журнал истории и дипломатических исследований*, 2022. № 9 (1). // URL: www.phjhds.com
39. Симхада Ван Тейлинген Э., Шарма А., Биссел Пубалан А., Васты С. Последствия торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации для здоровья: систематический обзор. *Журнал Мемориального института медицинских наук Манмохана*, 2018. № 4 (1). С. 130-150. // URL: <https://doi.org/10.3126/jmmihs.v4i1.21150>
40. Оттисова Л., Смит Шетти Х., Шгаль Д., Даунс Д., Орам С. Психологические последствия торговли детьми: историческое когортное исследование детей, ставших жертвами торговли людьми, контактирующих со вторичными службами психического здоровья. *ПЛОС ОДИН*, 2018. № 13 (3). e0192321. // URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192321>
41. Международная организация труда (МОТ). Реинтеграция жертв торговли людьми в Нигерии: на пути к устойчивому подходу. 2018. // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/africa/-/ro-addis_ababa/-/sroabu/ja/documents/publication/wcms_662599.pdf
42. ЮНИСЕФ. Многоиндикаторное кластерное обследование. 2018. С. 223-224. // URL: <https://www.unicef.org/nigeria/media/1406/file/Nigeria-MICS-2016-17.pdf>.
43. Национальное агентство по борьбе с торговлей людьми (НАПТИП). Национальная политика. 2022. // URL: <http://www.naptip.gov.ng/docs/National%20Policy%20-%20June%202018.pdf>
44. Рэйми Л. Религиозная адвокатура как инструмент борьбы с торговлей людьми в Нигерии. *Гуманомика*, 2012. № 28 (4). С. 297-310.
45. Околи Н., Идемудия У. Восприятие пострадавшими программ реабилитации жертв торговли людьми в Нигерии: расширение прав и возможностей или лишение прав? *Журнал о торговле людьми*, 2022. № 8 (2). С. 211-229. // URL: <https://doi.org/10.1080/23322705.2021.1882295>
46. Адесина О.С. Современное рабство: бедность и торговля детьми в Нигерии. *Африканская идентичность*, 2014. № 12 (2). С. 165-179. // URL: <https://doi.org/10.1080/14725843.2014.881278>
47. Нигерийское бюро статистики. Нигерия запускает свой самый обширный национальный показатель многомерной бедности. 2022. // URL: <https://nigerianstat.gov.ng/news/78>
48. Ахмад М.А., Алкали М.Б. Кризис национальной безопасности: последствия Альмаджери в Северной Нигерии. *Порт-Харкорт Журнал истории и дипломатических исследований*, 2022. № 9 (1). // URL: www.phjhds.com
49. Бруновски А., Сёртис Р. Возвращение домой: проблемы реинтеграции семей для женщин, ставших жертвами торговли людьми. *Качественная социальная работа*, 2013. № 12 (4). С. 454-472. // URL: <https://doi.org/10.1177/1473325012441759>
50. Нвазуоке И., Игве О. Торговля детьми в Нигерии: последствия для Закона о правах ребенка. *Журнал права, политики и глобализации*, 2016. № 55. С. 49-54.
51. Брайма Т. Секс-торговля в штате Эдо: причины и решения. *Глобальный журнал социальных наук о человеке*, 2013. № 13 (3). С. 17-29.
52. Оттисова Л., Смит Шетти Х., Шгаль Д., Даунс Д., Орам С. Психологические последствия торговли детьми: историческое когортное исследование детей, ставших жертвами торговли людьми, контактирующих со вторичными службами психического здоровья. *PLoS One*, 2018. № 13 (3). e0192321.
53. Оланреваджу А.Ф. Социально-культурные факторы и торговля людьми в Нигерии. В *Справочнике по исследованиям настоящих и будущих парадигм в торговле людьми IGI Глобальный*. 2022. С. 131-142. // URL: <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-8583-9>
54. Окойе В. Торговля людьми и национальная безопасность в Нигерии. *Обзор безопасности в Африке*, 2019. № 28 (3). С. 266-280.
55. Нвазуоке А.Н., Игве К.А. Наихудшие формы детского труда в Нигерии: оценка международных и местных правовых режимов. *Пекинское юридическое обозрение*, 2016. № 7 (1). С. 69-82. // URL: <https://doi.org/10.4236/blr.2016.71008>
56. Дегани, Ганем К. Как Европейский Союз говорит о женщинах-мигрантах и религии? Критический дискурсивный анализ повестки дня Европейского Союза в области миграции и тематическое исследование нигерийских женщин. *Религия*, 2019. № 10 (1). С. 27.
57. Ми Э.И., Халиду А., Ачудуме Л.А. Роль Национального агентства по борьбе с торговлей людьми (НАПТИП) в борьбе с торговлей людьми в Нигерии. *Журнал политического дискурса*, 2024. № 2 (2). С. 1. // URL: <https://www.jopd.com.ng>
58. Шелли Л. *Торговля людьми: глобальная перспектива*. Издательство Кембриджского университета. 2010.

59. Осуйгве Д. Борьба Нигерии с торговлей людьми: призыв к действию. Международный центр исследовательской журналистики. Получено в мае 2019 г. 2017. // URL: info@icirnigeria.org
60. Осума О., Энабурене С. Торговля женщинами и нарушение права на жизнь в Нигерии. Онлайн-журнал исследований в области социальных наук, 2012. № 1 (2). С. 62-68.
61. Огуннийи Д. Перемещение населения в результате вооруженного конфликта и торговля людьми в Сахеле: организованная преступность, уязвимость и ответственность негосударственных вооруженных групп. Обзор по борьбе с торговлей людьми, 2024. № 22. С. 74-90. // URL: <https://doi.org/10.14197/atr.201224225>
62. Одумосу О.Ф., Одекунле С.О., Боларинва М.К., Тайво О. Проявления Альмаджайра в Нигерии: причины и последствия (докторская диссертация, Нигерийский институт социальных и экономических исследований (NISER)). 2013.
63. Симхада, Ван Тейлинген Э., Шарма А., Биссел, Пубалан А., Васты С. Последствия торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации для здоровья: систематический обзор. Журнал Мемориального института медицинских наук Манмохана, 2018. № 4 (1). С. 130-150. // URL: <https://doi.org/10.3126/jmmihs.v4i1.21150>
64. Пережнието, Монтес А., Рутье С., Лэнгстон Л. Издержки и экономические последствия насилия в отношении детей. Детский фонд. 2014.
65. Рэйми Л. Религиозная адвокатура как инструмент борьбы с торговлей людьми в Нигерии. Гуманомика, 2012. № 28 (4). С. 297-310.
66. Фетуга Б.М., Ньюкама Ф.О., Олову А.О. Распространенность, виды и демографические особенности детского труда среди школьников в Нигерии. ВМС Международное здравоохранение и права человека, 2005. № 5 (1). С. 2. // URL: <https://doi.org/10.1186/1472-698X-5-2>
67. Оттисова Л., Смит, Шетти Х., Шталь Д., Даунс Д., Орам С. Психологические последствия торговли детьми: историческое когортное исследование детей, ставших жертвами торговли людьми, контактирующих со вторичными службами психического здоровья. ПЛОС ОДИН, 2018. № 13 (3). e0192321. // URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192321>
68. Мохаммед Р.Э. Роль неправительственной организации в предотвращении торговли женщинами в Бенин-Сити, Нигерия (неопубликованная В.Сс диссертация, Аньигба, Государственный университет Коти). 2004.
69. Международная организация по миграции (МОМ). Нигерия: доклад о торговле людьми (TiP). 2020. // URL: <https://nigeria.iom.int/sites/default/files/publication/2020.03.17%20IOM%20Nigeria%20TiP%20Report%20-%20ENG.pdf>
70. Шуупленков Н.О., Рябова Е.Л. Информационная культура – оценка современного состояния проблемы // Культура мира. 2023. Том 11. Вып. 1. (№ 30). С. 140-157.

Семенова С.А.

Младший научный сотрудник. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Сибирское отделение Российской академии наук), г. Якутск.

Становление и развитие сети автомобильных зимников в арктических районах*

Аннотация. Изучение развития сухопутных путей сообщения в последнее время приобретает особую значимость. Актуальность представляет исследование формирования такого вида сухопутного сообщения в Якутии, как автомобильные зимники, и их роли в истории региона. Со второй пол. XX в. происходит широкое распространение и формирование обширных наземных путей сообщения на территории арктических районов Якутии. Сухопутные артерии, в частности, сезонные автомобильные зимники, ледовые переправы и сегодня играют важную роль в грузовых и пассажирских перевозках, а также в обеспечении отдаленных арктических районов продовольствием и товарами первой необходимости. Методологической базой исследования выступают историко-генетический метод, использовавшийся для реконструкции процесса формирования и эволюции сети сухопутных путей сообщения (зимних дорог) на северо-востоке Якутии с советского периода по настоящее время, историко-диахронный метод, позволяющий наблюдать эволюцию автомобильных зимников в изучаемые хронологические этапы. Исследование показало, что история развития зимних сухопутных путей сообщения, а именно автомобильных зимников берет свое начало в советский период.

Ключевые слова: Якутия, Колымский тракт, пути сообщения, сезонные дороги, Арктика, промышленное развитие, грузооборот.

Seменова S.A.

Junior Researcher. Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk.

Formation and development of a network of automobile winter shelters in the arctic regions of Yakutia: a history of the issue

Abstract. The study of the development of land communication routes has recently become particularly important. The study of the formation of such a type of land communication in Yakutia as automobile winter roads and their role in the history of the region is relevant. From the second floor. In the 20th century, extensive land-based communication routes were widespread and formed in the Arctic regions of Yakutia. Land arteries, in particular, seasonal winter roads, ice crossings, still play an important role in freight and passenger transportation, as well as in providing remote Arctic regions with food and essential goods. The methodological basis of the study is the historical and genetic method used to reconstruct the formation and evolution of the network of land routes (winter roads) in the north-east of Yakutia from the Soviet period to the present, the historical and diachronic method, which allows us to observe the evolution of automobile winter roads in the studied chronological stages. The study showed that the history of the development of winter land routes, namely automobile winter roads, dates back to the Soviet period.

Key words: Yakutia, Kolyma tract, communication routes, seasonal roads, Arctic, industrial development, cargo turnover.

Автомобильные зимники, представляя собой сезонные транспортные артерии, проложенные по снегу и льду, исторически являлись и продолжают оставаться критически важным элементом жизнеобеспечения арктических и северных районов Якутии. Их функционирование обусловлено экстремальными климатическими условиями, сложным ландшафтом с множеством речных систем и отсутствием круглогодичных автомобильных дорог в удалённых районах. Целью исследования является формирование истории функционирования сети автомобильных зимников в арктических районах Якутии.

Особенности и сложности путей сообщения и гужевого транспорта в Колымском округе описывали еще в дореволюционное время. Г.Я. Седов о сложностях путешествия на Колыму описывал так: «...При переправе через незамерзшие наледи приходилось испытывать большие бедствия: некованные лошади скользили по льду и падали с кладью в воду, груз подмачивался и портился...» [23, С. 17].

Впервые о зимних дорогах и зимниках в рамках классификации писал в нач. XX в. И.Ф. Молодых. Зимник - это дорога, специально приспособленная для зимнего передвижения. От тропы её отличает наличие «зимовий», расположенных на определённом расстоянии друг от друга, около которых летом заготавливают сено, так как передвижение по таким дорогам осуществляется преимущественно на лошадях. Эти дороги, созданные в основном для грузовых перевозок, обычно прокладываются по кратчайшему маршруту, пересекая болота, реки и другие препятствия, которые преодолеваются зимой, когда дороги функционируют [17, С. 19].

В советский период развитие сухопутных путей сообщения Северо-Востока России в своих исследованиях рассматривали Ф.Г. Сафронов, М.М. Хатылаев, П.Л. Казарян, Б.В. Белинский. В их трудах затронуты история развития торговых взаимоотношений, промышленного развития и систематизированы сухопутные пути сообщения, что представляет собой важный этап в отечественной историографии освоения Якутии, изучения развития её транспортной сети и социально-экономической сферы. Однако, несмотря на обширную источниковую базу, в этих работах не был сделан конкретный акцент на изучение развития именно зимних путей сообщения в Якутии.

Более подробно стоит остановиться на особенностях автомобильных зимников как важных сезонных путей сообщения в историко-антропологическом разрезе, которые представлены в исследованиях А.А. Сулейманова [24, 25], М.Е. Осиповой [10], В.В. Куклиной [10], Л.И. Винокуровой [11], Н.С. Гончарова [3].

Одним из первых исследователей, обратившихся к изучению развития автомобильных зимников в транспортной системе Якутии является А.А. Сулейманов. Исследователь отмечает, что ключевым фактором развития сети зимников и транспортной инфраструктуры Якутии в целом являлась необходимость освоения стратегически важных месторождений полезных ископаемых союзного значения: золота, олова, алмазов. При этом автор подчеркивает, что наибольшее значение зимники имели для населения северных районов Якутии [24, С. 475]. В своей монографии исследователь рассматривает эволюцию практик использования «ресурсов холода» в транспортной системе региона в советский период. Несмотря на развитие альтернативных способов перевозки и интенсификацию авиасообщения, автомобильные зимники, как показывает автор, сохранили свою ключевую роль в транспортной инфраструктуре [25, С. 104].

В своей совместной работе исследователи Куклина В.В. и Осипова М.Е. анализируют роль автозимников в поддержании транспортной связанности северных и арктических территорий. Учёные также акцентируют внимание на социальном аспекте, а именно на том, как эти дороги влияют на взаимодействие между населением удалённых посёлков и административными центрами. Анализ позволил установить, что социальная значимость зимников выходит далеко за рамки простого перемещения. Эти трассы являются ключевым элементом всей системы жизнеобеспечения арктических улусов, напрямую определяя мобильность населения и доступность жизненно важных ресурсов [10, С. 111-112].

В статье авторов Г.П. Кулаковского, Л.И. Винокуровой рассматривается транспортное положение на момент 2013 г, ими отмечается, что «транспортная окказия» представлена не только на территории Северных районов,

но и по всем улусам республики. Так, еще длительное время в повседневности отдаленных якутских сел любой вид транспорта даже не разделялся на пассажирский и грузовой [11, С. 59]. Проблемы транспорта и снабжения населения арктических и северных районов Якутии освещены в социально-историческом и экономическом ракурсах. Подчеркнут гуманитарный компонент в функционировании транспорта на Севере и в Арктике. На основе анализа реальной ситуации предложена дорожная карта шагов для развития арктического транспорта Якутии [11].

Антропологический подход к изучению автомобильных зимников представлен в исследовании Н.С. Гончарова. Автомобильные зимники представлены как важный транспортный узел мобильности сельских сообществ Арктики, которые влияют на восприятие пространства. Изменения в транспортной инфраструктуре в постсоветском пространстве привели к трансформации восприятия окружающего социального пространства и административных границ. Исследователем отмечается, что для сельских сообществ автозимник интенсифицирует социальную и экономическую активность, требует напряжения сил для того, чтобы успеть завезти и вывезти ресурсы, съездить в отпуск, командировку или на лечение, отправиться в гости [3, С. 191].

XX век характеризуется для Якутской АССР временем активного промышленного освоения и индустриализации. Зимник являлся важным и наиболее гарантированным путем сообщения в грузоперевозках к нач. XX. С развитием золотопромышленности на территории Алдана был проложен первый зимник со стороны р. Лены от ст. Саняхтах, являющейся наиболее близким пунктом от Лены по прямой линии (280 верст). В течение зимы 1924-1925 гг. по тракту было переброшено казенных грузов 96 тыс. пудов, что составляет ко всей зимней доставке на прииски по всем путям (ок. 225 тыс. пудов) немного меньше половины. Второй зимник в ту же зиму 1924-1925 гг. начат проведением также исключительно на средства Якутии по Тоен-Арынскому направлению (до 370 верст) [1, С. 207].

К концу 1950-х гг. на территории Якутии сложились четыре ключевых промышленных очага: Алданский, Индигирский, Янский и Якутский [26, С. 76]. Несмотря на значительную роль автомобильных грузоперевозок в ее промышленных очагах, основным видом сухопутного транспорта первое время оставался - гужевой, осуществлявшийся на лошадях, оленях и волах. Так, например, в Нижнеколымском районе до 50-х гг. XX в. продукты, необходимые товары в село доставлялись на оленях и собачьих упряжках, каюрам приходилось проделывать долгий путь до Нижних Крестов (п. Черский). До установления зимней трассы многих продуктов питания не было, где-то к концу ноября приходил первый обоз оленьих упряжек, который доставлял продукты первой необходимости, свечи и др. товары. Одиноч-

ные пути всегда были по снегу. Даже Анюйскую ярмарку переносили в с. Пантелеиха, был путь с Чукотки [20].

Несмотря на трудности, роль автомобильного транспорта неуклонно росла. С 1953 по 1958 гг. в дорожную сеть было вложено более 46 млн руб., грузооборот увеличился в 2,5 раза, а парк пополнился мощными машинами (ЗИЛ, КРАЗ, МАЗ). В период семилетки (1959–1965 гг.) планировалось дальнейшее удвоение грузооборота. Техническое перевооружение позволило частично заменить оленьи упряжки тракторами и автомашинами для доставки грузов в северные поселки. Однако планы часто не подкреплялись ресурсами: Дорожное управление ЯАССР в 1959–1960 гг. практически не получало новой техники, что делало Семилетний план достаточно сложным [6, С. 67].

Важную роль в общем комплексе развития производительных сил отводилась транспорту в период семилетки (1959 – 1965 гг.). Грузооборот автомобильного транспорта к 1965 г. планировалось увеличить вдвое, а перевозки пассажиров автобусом – в четыре раза [7, С. 326]. В связи с постепенным ввозом техники стали применять тракторы с прицепами – тракторными санями, частично грузовых автомашин для доставки продовольствия и товаров с мест выгрузки в северные поселки позволило освободить оленеводческие колхозы и совхозы от обременительных перевозок на оленях [4, С. 52]. Так, в 1962 г. протяженность автомобильных дорог составляла 8003 км., в 1965 г. – 15 тыс. км., в том числе с твердым покрытием 500 км., автобусных линий – 4816 км [30, С. 15]. Грузооборот значительно увеличился, если, в 1950 г. он составлял 66,2 млн. т-км., то в 1965 г. составлял 823, 4 млн. т.км. [28, С. 48].

Так, промышленность и транспорт ЯАССР, как часть единого индустриального комплекса СССР увеличивала свой потенциал все более нарастающими темпами.

В советские годы автотранспорт прокладывался заинтересованными в прокладке дорог организациями и предприятиями самостоятельно с помощью своих тракторов, и вообще без всякой спецтехники, просто накатывая зимники грузовиками. В 1980-е гг. на предприятиях, в совхозах появились тракторы «Кировец» с бульдозерными отвалами, с их помощью начали прокладывать более комфортные автотранспортные зимники [19].

Для конца XX века были характерны системные трудности, связанные с подготовкой автотранспортников и вводом их в эксплуатацию. Знаковым событием, демонстрирующим кризисные явления в транспортной отрасли того периода, стало прекращение деятельности и последующее банкротство автобазы «Зеленый Мыс» (одно из первых автотранспортных предприятий на Нижней Колыме и Чукотке), что привело к дестабилизации рынка грузоперевозок в регионе [12, С. 2]. Проведенный анализ позволяет выделить

комплекс проблем, обусловивших данную ситуацию. Среди ключевых из них источники отмечают: хронические сложности с закупкой запасных частей и ГСМ, недостаточную подготовку подвижного состава к зимней эксплуатации, а также ослабление контрольных функций над деятельностью дорожных служб, что в совокупности негативно сказывалось на соблюдении сроков открытия зимних трасс.

Автомобильный зимник оставался ключевым элементом системы жизнеобеспечения арктических поселений. Вместе с тем, его функционирование нередко сталкивалось с системными трудностями управленческого и логистического характера. В качестве примера подобных вызовов можно рассмотреть ситуацию, сложившуюся в 1998 году в с. Андрюшкино. Согласно сообщениям периодической печати того периода, жители села столкнулись с задержкой получения товаров первой необходимости [12, С. 2]. Этот случай свидетельствует о наличии в конце XX века проблем межведомственной координации, когда даже при формальном наличии решений вышестоящих органов отсутствие локального административного акта парализовало всю цепочку поставок.

Кроме того, в прессе того времени часто отмечалась другая характерная проблема — хроническая нехватка средств у грузополучателей, которые не имели возможности оплатить ни стоимость самого груза, ни услуги по его перевозке [15, С. 1]. Отмечалась такая особенность логистики и экономики грузоперевозок указанного периода как широкое распространение бартерных расчетов [16, С. 1].

Дорожное ремонтно-строительное управление в 1997 г. почти полгода (из-за отсутствия финансирования) было законсервировано. Объем работ по содержанию и эксплуатации дорог составил 744 млн. руб. и сократился по сравнению с предыдущим годом на 63%. Дебиторская задолженность строительных организаций в течение года возросла на 55%, кредиторская на 83% и превысила дебиторскую на 710 млн. руб. [13, С. 2].

Нач. XXI в. ознаменовалось значительным обострением логистических трудностей, связанных с обеспечением северного завоза. Так, в 2010 г. для населения с. Андрюшкино выделил автобус «Урал», у которого проезд до с. Черского и обратно составлял 4400 руб., что касается билета на самолет из районного центра в Якутск – он составлял 20,5 тыс. руб. [15, С. 2].

По словам нашего информанта, закладкой автомобильных зимников в кризисные времена начали заниматься частные дорожно-строительные предприятия. Одним из таких предприятий вплоть до 2014 года являлось «Дороги Колымы», оно действовало на территории Среднеколымского улуса, обслуживала и прокладывала автозимники по всему району. Работала на старой технике, зачастую ремонтируя машины в непогоду в полевых условиях [22].

Автозимник «Арктика» обладает ключевой отличительной особенностью, заключающейся в его уникальной трассировке через территорию всех арктических районов Якутии, что делает его критически важным логистическим коридором для региона. Маршрут трассы берёт начало вблизи заброшенного посёлка Бурустах на федеральной автомобильной дороге «Колыма» (примерно в 1100 км от Якутска и 900 км от Магадана) и завершается в посёлке Черский, находящемся в приграничной с Чукотским автономным округом зоне.

Данная сезонная дорога выполняет жизненно важную функцию снабжения, обеспечивая транзитную перевозку дизельного топлива на Чукотку. В частности, предприятия Билибинского района Чукотского автономного округа используют логистические возможности Нижней Колымы для организации топливного запаса. Ключевыми акторами в осуществлении грузоперевозок выступают индивидуальные предприниматели, а также такие компании, как золотодобывающая «Артель старателей «Сияние» [14, С. 1].

В поисках эффективного механизма решения накопленных проблем Правительством РС(Я) был разработан план по формированию государственного дорожного предприятия. Практической реализацией данной политики стало издание в 2014 году распорядительного документа о создании Казенного предприятия «Дороги Арктики» (Председатель Союза дальнобойщиков Якутии Николай Мочкин: «С созданием предприятия «Дороги Арктики» мы, дальнобойщики севера, облегченно вздохнули» от 16 октября 2023 г. [Электронный ресурс] / Сайт Дорогиарктики.рф | URL: <https://дорогиарктики.рф/press-center/predsedatel-coyuza-dalnobojschikov-yakutii-nikolaj-mochkin-s-sozdaniem-predpriyatiya-dorogi-arktiki-my-dalnobojschiki-severa-oblegchenno-vzdokhnuli>).

Основной объем средств предусматривается на содержание автозимников. Под управлением республиканского предприятия «Дороги Арктики» находится более половины автозимников республики, пролегающих по территориям арктических и северных районов (Дороги жизни Арктики – автозимники: как влияет изменение климата на автозимники Якутии, как и сколько времени строят новые – GoArctic.ru – Портал о развитии Арктики. URL: <https://goarctic.ru/news/dorogi-zhizni-arktiki-avtozimniki-kak-vliyaet-izmenenie-klimata-na-avtozimniki-yakutii-kak-i-skolko-/>).

Автоперевозки имеют значительную роль в развитии социально-экономического развития Арктических районов. Основной грузооборот прослеживается с открытием автозимника с декабря по май месяцы. Социально-значимые продовольственные товары в районы завозятся по линии АО «Якутоптторг». В 2018 году в период навигации завезено 132,4 тн. Также АО «Якутоптторг» выполняет «Зеленые рейсы» с расширенным ассорти-

ментом продовольственных товаров. Также были завезены овощи и фрукты в объеме 17,9 тн., планировалось на 2018 г. – 2 рейса, фактически выполнено – 3 рейса.

Таким образом автомобильные зимники являлись и продолжают оставаться критически важным элементом транспортной и жизнеобеспечивающей инфраструктуры арктических и северных районов Якутии. Их формирование и эволюция, изначально обусловленные экстремальными климатическими условиями и сложным ландшафтом. Проведённый историко-ретроспективный анализ автомобильных зимников демонстрирует, что развитие сезонных дорог исторически было тесно связано с экономическими и политическими задачами государства в XX в. (индустриального освоения месторождений полезных ископаемых). В постсоветский период, на фоне сокращения иных видов сообщения, значение автомобильных зимников для обеспечения «северного завоза» и социальной стабильности в изолированных сообществах ещё более возросло.

Библиографический список:

1. Аммосов М.К. В гущу событий: статьи, письма, телеграммы, речи, беседы: 1920–1928 гг. / М.К. Аммосов; [составитель Л.Е. Винокурова; ответственный редактор В.Н. Иванов]; Институт гуманитарных исследований, Академия наук Республики Саха (Якутия). – Якутск: Издательство ЯНЦ СО РАН, 2007. 367 с.
2. Белинский Б.В. Экономико-географические проблемы комплексного развития транспорта в Янском бассейне Якутской АССР: Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. геогр. наук / Иркут. ун-т им. А.А. Жданова. – Якутск, 1964. 23 с.
3. Гончаров Н.С. Связывая пространство: практики и стратегии жизнеобеспечения северных сообществ Республики Саха (Якутия): [моногр.] / отв. ред. В.Н. Давыдов. – СПб.: МАЭ РАН, 2024. 416 с.
4. Гурвич И.С. О путях дальнейшего переустройства экономики и культуры народов Севера // Советская этнография. 1961. № 4. С. 45–57.
5. Дороги жизни Арктики – автотимники: как влияет изменение климата на автотимники Якутии, как и сколько времени строят новые – GoArctic.ru – Портал о развитии Арктики. // URL: <https://goarctic.ru/news/dorogi-zhizni-arktiki-avtozimniki-kak-vliyaet-izmenenie-klimata-na-avtozimniki-yakutii-kak-i-skolko/> (Дата обращения: 20.02.2025).
6. Дороги Якутии в цифрах и фактах. Якутск: М-во трансп., связи информатизации РС(Я), 2003. 108 с.
7. История Якутской АССР. Т.3. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 364 с.
8. Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII – 1920 г.): монография. – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. 147 с.
9. Колесов М.И. История Колымского края. Ч. 1. Досоветский период (1642 – 1917 гг.). – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1991. С. 99.
10. Куклина В.В., Осипова М.Е. Роль зимников в обеспечении транспортной доступности арктических и субарктических районов республики Саха (Якутия) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2018. № 2 (47). С. 107–112.
11. Кулаковский Г.П., Винокурова Л.И. Транспорт и снабжение населения арктических районов Якутии: повседневность, проблемы, перспективы // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 5 (308). С. 57–62.
12. Курило А. В Год Арктики проблемы обострились // Колымская Правда. – 1998а. – 29 (5478) (7 апреля). С. 2.
13. Курило А. В зеркале статистики // Колымская Правда. – 1998б. – № 28 (5477) (2 апреля). С. 2.
14. Курило А. Началась перевозка топлива на Чукотку // Колымская Правда. – 2019. – № 4 (7609) (18 января). С. 1.
15. Курило А. Пробились-таки в Андрушкино // Колымская Правда. – 1994. – № 9 (4961) (1 февраля). С. 1.
16. Курило А. Тише едешь. Дальше будешь? // Колымская Правда. – 1998в. – № 35 (5484) (28 апреля). С. 1.
17. Молодых И.Ф. Пути сообщения Якутии. Ленинград: Изд-во Акад. наук, 1927. 99 с.
18. Нижнеколымский район 90 лет. – Якутск: Цумори Пресс, 2022. С. 132–161.

19. Полевые материалы автора (ПМА-1). РС(Я), г. Якутск, Слепцов Н.Е. 2025.
20. Полевые материалы автора (ПМА-2). РС(Я), г. Якутск. Суржанинова Е.А., 2025.
21. Председатель Союза дальнобойщиков Якутии Николай Мочкин: “С созданием предприятия “Дороги Арктики” мы, дальнобойщики севера, облегченно вздохнули” от 16 октября 2023 г. // URL: <https://дорогиарктики.рф/press-center/predsedatel-coyuza-dalnobojshchikov-yakutii-nikolaj-mochkin-s-sozdaniem-predpriyatiya-dorogi-artiki-my-dalnobojshchiki-severa-oblegchenno-vzdokhnuli> (Дата обращения: 20.02.2025).
22. Рудых Т.М. Автотрасса Арктика: сотни километров испытаний. [О проблемах содержания зимней автомобильной дороги Нижнеколымского улуса] // Якутия. 2010. 10 марта. С. 2.
23. Седов Г.Я. Путешествия в Колыму и на Новую землю в 1909-10 гг. Петроград: Типография морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1917. 42 с.
24. Сулейманов А.А. Автомобильные зимники в транспортной системе Якутии в начале 1930-х – 1991 годов // Научный диалог. – 2022а. Т. 11. № 7. С. 467-482. – DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-467-482.
25. Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – XX в.: Историко-антропологический очерк. – Новосибирск: Наука, 2022б. 136 с.
26. Федорова Е.Н., Пахомов Е.А. Административно-территориальное устройство Якутии: прошлое и настоящее. – Новосибирск: Наука, 2011. 145 с.
27. Хатылаев М.М. Промышленное освоение Якутии: от истоков до 1946 г. / М.М. Хатылаев; [ответственный редактор доктор исторических наук С.И. Боякова]; ГУ “Академия наук Республики Саха (Якутия)”. – Якутск: Сфера, 2010. 287 с.
28. Якутия за 70 лет: Стат. сборник. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. 96 с.
29. Якутия на защите Отечества = Саха сирэ аҕа дойду көмүскэлигэр: 1941–1945: [книга-альбом] / составители: А.А. Петров, В.Н. Луковцев, Н.С. Степанова, Н.С. Николаев; авторы текстов: Н.И. Бурнашева, М.Э. Грязнухина. – Якутск: Айар, 2025. 313 с.
30. Якутская АССР в условиях развитого социализма: (исторический очерк). – Якутск: Якутское книжное издательство, 1982. 179 с.

Reference

1. Ammosov M.K. In the thick of things: articles, letters, telegrams, speeches, conversations: 1920–1928. / M.K. Ammosov; [compiled by L.E. Vinokurova; executive editor V.N. Ivanov]; Institute for Humanitarian Studies, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). – Yakutsk: Publishing house YSC SB RAS, 2007. 367 p.
2. Belinsky B.V. Economic and geographical problems of integrated development of transport in the Yana basin of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic: Abstract of thesis. for the scientific competition. Ph.D. degrees geogr. Sciences / Irkut. University named after A.A. Zhdanova. – Yakutsk, 1964. 23 p.
3. Goncharov N.S. Linking Space: Livelihood Practices and Strategies of the Northern Communities of the Sakha Republic (Yakutia): [monograph] / ed. V.N. Davydov. – St. Petersburg: MAE RAS, 2024. 416 p.
4. Gurvich I.S. On the Paths for Further Restructuring the Economy and Culture of the Peoples of the North // Soviet Ethnography. 1961. № 4. P. 45-57.
5. Arctic Life Roads – Winter Roads: How Climate Change Affects Yakutia’s Winter Roads, How and How Long Are New Ones Being Built – GoArctic.ru – Portal on the Development of the Arctic. // URL: <https://goarctic.ru/news/dorogi-zhizni-artiki-avtozimmniki-kak-vliyaet-izmenenie-klimata-na-avtozimmniki-yakutii-kak-i-skolko/> (02.20.2025).
6. Roads of Yakutia in facts and figures. Yakutsk: M-vo transport, communications of informatization of the Republic of Sakha (Yakutia), 2003. 108 p.
7. History of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Vol.3. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 364 p.
8. Kazaryan P.L. Land communications of North-Eastern Russia (XVII – 1920): monograph. – Yakutsk: Publishing house. NEFU House, 2012. 147 p.
9. Kolesov M.I. History of the Kolyma region. Part 1. Pre-Soviet period (1642 – 1917). – Yakutsk: Yakut book publishing house, 1991. P. 99.
10. Kuklina V.V., Osipova M.E. The role of winter roads in ensuring transport accessibility of the Arctic and subarctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) // Society. Wednesday. Development (Terra Humana). 2018. № 2 (47). P. 107-112.
11. Kulakovskiy G.P., Vinokurova L.I. Transport and supply of the population of the Arctic regions of Yakutia: everyday life, problems, prospects // Economic analysis: theory and practice. 2013. № 5 (308). P. 57-62.
12. Kurilo A. In the Year of the Arctic, Problems Have Worsened // Kolymskaya Pravda. - 1998a. - 29 (5478) (April 7). P. 2.
13. Kurilo A. In the Mirror of Statistics // Kolymskaya Pravda. - 1998b. - № 28 (5477) (April 2). P. 2.
14. Kurilo A. Fuel Transportation to Chukotka Has Begun // Kolymskaya Pravda. - 2019. - № 4 (7609) (January 18). P. 1.

15. Kurilo A. We Finally Made It to Andryushkino // *Kolymская Pravda*. - 1994. - № 9 (4961) (February 1). P. 1.
16. Kurilo A. The Slow and Easy Gets the Farther? // *Kolymская Pravda*. - 1998c. - № 35 (5484) (April 28). P. 1.
17. Molodykh I.F. Communication routes of Yakutia. Leningrad: Publishing House Acad. Sciences, 1927. 99 p.
18. Nizhnekolymsky district 90 years. - Yakutsk: Tsumori Press, 2022. P. 132-161.
19. Author's field materials (PMA-1). RS (Y), Yakutsk, Sleptsov N.E. 2025.
20. Author's field materials (PMA-2). RS (Y), Yakutsk. Surzhaninova E.A., 2025.
21. Chairman of the Yakutia Truckers' Union Nikolai Mochkin: "With the creation of the Arctic Roads enterprise, we, northern truckers, breathed a sigh of relief" dated October 16, 2023 // URL: <https://дорогиарктики.рф/press-center/predsedatel-coyuz-a-dalnobojshchikov-yakutii-nikolaj-mochkin-s-sozdaniem-predpriyatiya-dorogi-arktiki-my-dalnobojshchiki-severa-oblegchenno-vzdokhnuli> (February 20, 2025).
22. Rudykh T.M. Arctic Winter Road: Hundreds of Kilometers of Testing. [On the Problems of Maintaining the Winter Automobile Road of the Nizhnekolymsky Ulus] // *Yakutia*. 2010. March 10. P. 2.
23. Sedov G.Ya. Travels to Kolyma and Novaya Zemlya in 1909-10. Petrograd: Printing House of the Naval Ministry, in the Main Admiralty, 1917. 42 p.
24. Suleimanov A.A. Winter Roads in the Yakutia Transport System in the Early 1930s-1991 // *Scientific Dialogue*. 2022a. Vol. 11. № 7. P. 467-482. - DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-467-482.
25. Suleimanov A.A. "Cold Resources" in the Life Support System of Rural Communities of Yakutia. Second Half of the 19th-20th Centuries: Historical and Anthropological Essay. - Novosibirsk: Science, 2022b. 136 p.
26. Fedorova E.N., Pakhomov E.A. Administrative-territorial structure of Yakutia: past and present. - Novosibirsk: Nauka, 2011. 145 p.
27. Khatylaev M.M. Industrial development of Yakutia: from origins to 1946 / M.M. Khatylaev; [Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences S.I. Boyakova]; State Institution "Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)". - Yakutsk: Sfera, 2010. 287 p.
28. Yakutia for 70 years: Stat. collection. - Yakutsk: Book publishing house, 1987. 96 p.
29. Yakutia in defense of the Fatherland = Sakha sira a5a I will reach komyskeliger: 1941-1945: [book-album] / compilers: A.A. Petrov, V.N. Lukovtsev, N.S. Stepanova, N.S. Nikolaev; text authors: N.I. Burnasheva, M.E. Gryaznukhina. - Yakutsk: Ayar, 2025. 313 p.
30. Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic in conditions of developed socialism: (historical sketch). - Yakutsk: Yakut book publishing house, 1982. 179 p.

Филипповская Л.В.

Учёный секретарь Учёного Совета, соискатель кафедры истории, Кыргызско-Российский Славянский университет, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

Вузовская наука Кыргызстана в постсоветский период: политико-экономические предпосылки трансформации (1991–2000 гг.)*

Аннотация. В статье рассматриваются политические и экономические факторы, определившие развитие вузовской науки в Кыргызской Республике в первый десятилетний период после обретения независимости (1991–2000 гг.). Анализируются последствия распада СССР для системы высшего образования и научных исследований, включая утрату централизованного финансирования, разрушение межреспубликанских научных связей и необходимость формирования национальной законодательной базы. Освещается влияние политической нестабильности 1990-х годов на разработку и реализацию долгосрочных научно-образовательных стратегий. Рассматриваются последствия экономического кризиса и сокращения бюджетных расходов на науку, приведшие к оттоку кадров и снижению научной активности. Анализируется роль международных организаций в поддержке научных направлений и модернизации инфраструктуры вузов. Показано, что, несмотря на сложные условия, в указанный период были заложены основы для последующего институционального укрепления вузовской науки и интеграции Кыргызстана в мировое научное сообщество.

Ключевые слова: Кыргызстан, постсоветский период, высшее образование, вузовская наука, политическая трансформация, экономический кризис, международное сотрудничество.

Filippovskaia L. V.

Scientific Secretary of the Scientific Council, Candidate for the Chair of History, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Higher education science in Kyrgyzstan in the post-Soviet period: political and economic prerequisites for transformation (1991–2000)

Abstract. The article examines the political and economic factors that determined the

* © Филипповская Л.В., 2025.

development of university science in the Kyrgyz Republic in the first decade after independence (1991–2000). It analyses the consequences of the collapse of the USSR for the higher education and research system, including the loss of centralised funding, the destruction of inter-republic scientific ties, and the need to form a national legislative framework. The influence of political instability in the 1990s on the development and implementation of long-term scientific and educational strategies is highlighted. The consequences of the economic crisis and budget cuts for science, which led to an outflow of personnel and a decline in scientific activity, are examined. The role of international organisations in supporting scientific fields and modernising university infrastructure is analysed. It is shown that, despite the difficult conditions, the foundations were laid during this period for the subsequent institutional strengthening of university science and the integration of Kyrgyzstan into the global scientific community.

Key words: Kyrgyzstan, post-Soviet period, higher education, university science, political transformation, economic crisis, international cooperation.

Введение

Распад СССР в 1991 году коренным образом изменил развитие всех сфер жизни в постсоветских странах. Для Кыргызстана это означало не только обретение суверенитета, но и глубокую трансформацию институциональной и экономической системы, резкий разрыв научно-технических связей и необходимость формирования национальной образовательной и научной политики в условиях экономического кризиса.

До 1991 года вузовская наука была частью единой союзной системы, где исследования координировались на уровне министерств и академических институтов, финансировались централизованно и включали как фундаментальные, так и прикладные проекты. Такая система обеспечивала стабильность и доступ к ресурсам, но ограничивала автономию вузов и учитывала мало региональные потребности. После распада СССР прежние механизмы поддержки прекратили существование, в частности, оборвались межреспубликанские цепочки, устарела материально-техническая база, сократилось финансирование. Университетам пришлось сохранять кадровый потенциал, перестраивать организацию исследований и искать внебюджетные источники финансирования. Экономический кризис и отсутствие стратегии развития науки усложняли эти задачи.

Тем не менее, в этот период закладывались основы модернизации, а именно, формировалась законодательная база, развивалось взаимодействие с международными фондами и университетами, вузовская наука постепенно приобретала автономию в выборе приоритетов и форм организации исследований, что создавало предпосылки для интеграции в мировое научное пространство.

Цель статьи — выявить ключевые политические, экономические и

институциональные предпосылки трансформации вузовской науки Кыргызстана в 1991–2000 гг., оценить последствия этих изменений и определить факторы, повлиявшие на дальнейшее развитие научного потенциала, включая адаптацию вузов, поиск альтернативных источников финансирования и установление первых устойчивых международных связей.

1. Геополитический и институциональный контекст (1991–2000 гг.)

Период становления независимости Кыргызской Республики был сопряжён с необходимостью перестройки всей системы государственного управления, в том числе сферы высшего образования и науки. В советское время вузовская наука Кыргызстана была встроена в единую союзную научную систему, в рамках которой значительная часть исследовательской инфраструктуры, кадрового обеспечения и планирования научных проектов зависела от союзных министерств и академических центров в Москве, Ленинграде, Новосибирске и других научных центрах СССР. Финансирование шло по линии Государственного комитета по науке и технике СССР, Академии наук СССР, а также отраслевых НИИ, что обеспечивало стабильность и долгосрочность проектов.

После распада Советского Союза страна оказалась перед необходимостью формирования собственных научных институтов, самостоятельного планирования исследований и построения новой законодательной базы. Одной из ключевых проблем стало отсутствие готовых национальных механизмов управления наукой. Министерство образования и науки Кыргызской Республики в первые годы вынуждено было одновременно выполнять функции, ранее распределённые между несколькими союзными структурами, что приводило к перегрузке и непоследовательности в выработке решений [6; 7].

Первые годы независимости (1991–1994) характеризовались отсутствием единой стратегии научного развития: государственные приоритеты часто менялись под влиянием политических кризисов и экономических трудностей. Лишь отдельные нормативные акты, такие как Конституция 1993 года и Закон «Об образовании» 1992 года, формально закрепили автономию высших учебных заведений и право на самостоятельное определение научных приоритетов [3; 4]. Однако фактическая реализация этих норм ограничивалась крайне скудным финансированием и отсутствием специализированного закона о науке, который был принят только в начале 2000-х годов.

Политическая нестабильность — частая смена правительств (три смены кабинета министров в течение десятилетия), кризисы середины (1994–1995 гг.) и конца 1990-х (1998–1999 гг.) годов — препятствовала формированию долгосрочных планов в сфере науки. Программы поддержки научных ис-

следований, инициированные правительством, в большинстве случаев имели краткосрочный характер и ограниченный охват: финансирование выделялось на один-два (реже три) года, что исключало возможность комплексных многолетних исследований.

Тем не менее, в этот период были предприняты первые попытки институциональной перестройки. Так, в 1997 году в Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына при поддержке и финансировании Министерства образования и науки Кыргызской Республики открывают Институт фундаментальных наук (ИФН). Институт создан с целью проведения исследований по актуальным фундаментальным и прикладным проблемам естественных наук [10]. В его задачи входит также формирование предложений по практическому применению результатов научных изысканий в народном хозяйстве, сфере культуры и образования, а также в образовательной деятельности и обеспечение потребностей общества, государства и бизнеса в услугах, связанных с научной деятельностью. Институт принял активное участие в международной исследовательской программе INTAS, представив два крупных научных проекта, один из которых посвящен изучению озонового слоя атмосферы, другой – сейсмологическим исследованиям [10].

Перед наукой Кыргызстана стояли серьезные вызовы, связанные с ее реформированием и возрождением. Для достижения этой цели было необходимо внедрение новых методов, таких как развитие конкуренции в научной среде и создание гибких механизмов материального стимулирования. Важнейшим шагом к совершенствованию управления наукой стало введение открытого конкурсного отбора научно-исследовательских проектов комитетом по науке и новым технологиям (в последующем Министерством образования и науки). Реформирование научной сферы было направлено на обеспечение ее конкурентоспособности и сбалансированности, чтобы наука могла генерировать и передавать знания, востребованные для устойчивого развития страны, а также повышать престиж научной деятельности [6; 7]. Особое внимание уделялось практической направленности исследований для нужд экономики.

Институт фундаментальных наук (ИФН) при Кыргызском Национальном университете им. Ж. Баласагына играл ключевую роль в решении этих актуальных задач.

В этом же университете в 1995 году был создан Научно-исследовательский центр по изучению социально-экономических процессов, ориентированный на прикладные исследования в области переходной экономики. В Кыргызско-Турецком университете «Манас» активно развивались лаборатории по аграрным наукам и экологии, что стало одним из примеров интеграции в международные исследовательские сети ещё в условиях неста-

бильного финансирования.

Параллельно происходила постепенная диверсификация организационных структур вузовской науки: появились научно-образовательные центры, объединявшие преподавателей, аспирантов и студентов для совместных проектов; начали внедряться гибкие формы управления — например, распределение исследовательских тем по принципу проектного менеджмента. Хотя масштабы этих изменений были скромными, именно они заложили основу для последующей модернизации научной системы страны.

2. Экономические вызовы и адаптационная динамика

Экономическая ситуация в Кыргызстане в 1990-е годы была критической. Переход к рыночной экономике проходил при отсутствии необходимых институтов, что привело к глубокому спаду. По данным Всемирного банка, ВВП в 1995 году составлял около 45 % от уровня 1990 года. Разрыв хозяйственных связей с бывшими республиками СССР, прекращение централизованных поставок и сокращение экспортных возможностей лишили страну экономической стабильности.

Особую угрозу представляла гиперинфляция, которая в 1993 г. превысила 800 %, в 1994 г. оставалась выше 100 %, что обесценило средства образовательных учреждений и осложнило долгосрочное планирование научных проектов. Падение промышленного производства к концу десятилетия превысило 50 %, сокращая заказы на прикладные исследования, традиционный источник финансирования науки. Финансирование вузовской науки резко сократилось. Так, доля расходов на НИР упала с 0,9 % ВВП в 1991 г. до 0,17 % в 1999 г., что делало системное развитие науки практически невозможным [5; 12]. Массовый отток научных кадров привёл к снижению численности исследователей с 3,8 тыс. в 1991 г. до 2,0 тыс. в 2000 г., при этом доля молодых учёных до 35 лет упала с 28 % до менее 15 %, что нарушило преемственность научных школ.

Вузы искали альтернативные источники финансирования. Расширились платные образовательные услуги, в частности, вечерние и заочные отделения, увеличивались контрактные места, внедрялись ускоренные программы подготовки специалистов [6; 7]. Международные гранты стали важной поддержкой: ПРООН (1997–1999) финансировала 15 проектов по модернизации лабораторий и повышению квалификации преподавателей [8], Фонд Сороса поддерживал гуманитарные и социальные исследования, издание монографий и конференций [11].

Программы Европейского Союза — TEMPUS и TACIS — способствовали модернизации учебных планов, развитию связей с бизнесом и управлению научными проектами [1; 11]. Международная помощь позволяла запускать новые исследования, актуальные для страны, такие как изучение

переходной экономики, этнокультурных процессов, экологических рисков и стратегий региональной безопасности, а также интегрировать кыргызских учёных в международные сети.

Таким образом, 1990-е годы стали временем вынужденной адаптации вузовской науки Кыргызстана, когда выживание зависело от поиска внешних ресурсов, диверсификации финансирования и изменения организационных подходов к исследованиям. Этот опыт заложил основу для дальнейших реформ и новых моделей развития науки.

3. Инициативы и первые сигналы трансформации

Вторая половина 1990-х годов стала периодом первых системных попыток модернизации вузовской науки Кыргызстана. Несмотря на финансовые трудности, проявлялись структурные изменения, направленные на интеграцию в мировое научное пространство, развитие академической мобильности и повышение качества исследований [12].

Ключевым фактором стало расширение сотрудничества с международными организациями и зарубежными университетами. Заключались долгосрочные партнёрства, формировались устойчивые исследовательские коллективы, способные работать в многоэтапных грантовых программах [1; 5]. Значимую поддержку оказывали МНТЦ, АЙРЕКС, АКССЕЛС, ПРООН, ЮСАИД, TEMPUS/TACIS, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ [1; 9]. Примером стала открытие Регионального отделения Международного научно-технического центра (МНТЦ) на базе Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина 21 декабря 1999 г., поддерживавшего проекты, гранты, международные конференции и коммерциализацию результатов [9]. За 1994–2020 гг. было профинансировано 105 проектов на сумму 31,76 млн долл., поддержано 1,533 учёных, включая 91 человека в 2020 г. на сумму 202,135 тыс. долл. [2]. Проекты МНТЦ обеспечили поступление уникального оборудования: для анализа воздуха и почвы, сейсмических исследований, высокопроизводительных вычислений и мониторинга атмосферы, что существенно развило научный потенциал страны [9].

Фонд Сороса финансировал исследования в области права, социологии, политологии, экономики, включая полевые работы, издание монографий и проведение конференций [11]. Например, в 1998 г. в Кыргызском Национальном университете им. Ж. Баласагына прошёл первый научный форум по формированию гражданского общества с участием исследователей из Кыргызстана, Казахстана, России и Турции.

Сотрудничество с ЮНЕСКО способствовало развитию культурологических исследований и подготовке специалистов по сохранению нематериального наследия, включая проекты в Бишкекском гуманитарном университете [13]. ПРООН модернизировала лаборатории, повышала

квалификацию преподавателей и внедряла информационные технологии в образовательный процесс [8]. Европейские программы TEMPUS и TACIS поддерживали модернизацию учебных планов, внедрение кредитно-модульной системы, управление проектами и привлечение инвестиций [1; 7].

Появились устойчивые партнёрские программы с зарубежными вузами. Кыргызско-Турецкий университет «Манас» развивал обмен студентами и преподавателями с Турцией, Кыргызский технический университет (ныне Кыргызский государственный технический университет имени И. Раззакова) сотрудничал с вузами Германии по инженерным и экологическим проектам, Ошский Государственный университет — с вузами Казахстана и России, включая совместные аспирантские программы.

К концу десятилетия формировалась новая модель вузовской науки — более автономная, проектно-ориентированная, способная адаптироваться к социально-экономическим условиям, искать внешние источники финансирования и участвовать в международных научных сетях.

Заключение

Десятилетие 1991–2000 гг. стало периодом серьёзных испытаний для вузовской науки Кыргызстана. После распада СССР прекращение финансирования, разрушение кооперационных связей и массовый отток кадров поставили под угрозу многие направления, а также создали «разрыв поколений» в научных школах.

В то же время формировалась законодательная база (Закон «Об образовании», Конституция 1993 г.) и расширялась автономия вузов, что создавало предпосылки для будущих реформ. Университеты начали сотрудничество с международными фондами и университетами (ПРООН, Фонд Сороса, ЮНЕСКО, TEMPUS, TACIS), что позволило модернизировать лаборатории, обеспечить доступ к публикациям и академическую мобильность, сохранив активность в гуманитарных, социально-экономических, экологических и технических направлениях. Наука стала обязательной частью образовательного процесса, а международные контакты открыли доступ к новым методикам, образовательным технологиям и публикационным каналам. Таким образом, 1991–2000 гг. стали временем утрат и накопления опыта, формируя основу для дальнейшего развития и интеграции кыргызской вузовской науки в глобальное пространство.

Библиографический список:

1. Асанов Б. Трансформация системы образования Кыргызстана в 1990-е годы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2001. Т. 1. № 2. С. 45-53.
2. Годовой отчет МНТЦ за 2020 год., стр. 7.
3. Закон Кыргызской Республики «Об образовании» от 30 апреля 1992 г. № 636-ХП // Собрание законода-

тельства Кыргызской Республики. 1992. № 5. С. 18-28.

4. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г. // Собрание законодательства Кыргызской Республики. 1993. № 5. С. 1-15.

5. Кулова А. Роль международных организаций в развитии образования Кыргызстана в постсоветский период // Образование и наука. 2002. № 4. С. 102-110.

6. Национальная программа «Билим» (1996-2000 гг.) / Министерство образования и науки Кыргызской Республики. – Бишкек, 1996. 74 с.

7. Об Основных направлениях Национальной образовательной программы «Билим»: Указ Президента Кыргызской Республики. 20 марта 1996 г. // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/46439/edition/315268/ru> (Дата обращения: 1.07.2025).

8. Программа поддержки высшего образования в Кыргызской Республике. Итоговый отчёт / ПРООН. – Бишкек, 1999. 56 с.

9. Сайт МНТЦ. О деятельности центра. // URL: <https://www.istc.int/ru/about>. (Дата обращения: 30.12.2021)

10. Токтомышев С.Ж. Университет будущего. Кыргызский государственный Национальный университет - прошлое, настоящее, шаги в XXI век. – Бишкек: Изд. КГНУ, 1997. 149 с., стр. 56-57.

11. Фонд Сороса - Кыргызстан. Отчёт о деятельности 1995-2000 гг. – Бишкек, 2000. 48 с.

12. National Human Development Report: Kyrgyzstan 1997 / UNDP. – Bishkek: UNDP Office, 1997. 156 p.

13. UNESCO Programme in Kyrgyzstan: 1995-2000. – Paris: UNESCO, 2001. 112 p.

Reference

1. Asanov B. Transformation of the Education System of Kyrgyzstan in the 1990s // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2001. Vol. 1. № 2. P. 45-53.

2. ISTC Annual Report for 2020., p. 7.

3. Law of the Kyrgyz Republic “On Education” of April 30, 1992 № 636-XII // Collection of Legislation of the Kyrgyz Republic. 1992. № 5. P. 18-28.

4. Constitution of the Kyrgyz Republic of May 5, 1993 // Collection of Legislation of the Kyrgyz Republic. 1993. № 5. P. 1-15.

5. Kulova A. The Role of International Organizations in the Development of Education in Kyrgyzstan in the Post-Soviet Period // Education and Science. 2002. № 4. P. 102-110.

6. National Program “Bilim” (1996-2000) / Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic. - Bishkek, 1996. 74 p.

7. On the Main Directions of the National Educational Program “Bilim”: Decree of the President of the Kyrgyz Republic. March 20, 1996). // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/46439/edition/315268/ru> (July 1, 2025).

8. Higher Education Support Program in the Kyrgyz Republic. Final Report / UNDP. - Bishkek, 1999. 56 p.

9. ISTC Website. About the Center’s Activities. // URL: <https://www.istc.int/ru/about>. (30.12.2021)

10. Toktomyshev S.Zh. University of the Future. Kyrgyz State National University – Past, Present, Steps into the 21st Century. - Bishkek: KSNU Publ., 1997. 149 p., P. 56-57.

11. Soros Foundation - Kyrgyzstan. Report on Activities 1995-2000. – Bishkek, 2000. 48 p.

12. National Human Development Report: Kyrgyzstan 1997 / UNDP. – Bishkek: UNDP Office, 1997. 156 p.

13. UNESCO Programme in Kyrgyzstan: 1995-2000. – Paris: UNESCO, 2001. 112 p.

Аннотации

Долгенко А.Н.

Мурашко С.Ф.

Рудакова С.В.

Политкорректность в английском языке: между инклюзивностью и свободой слова

Политическая корректность как лингвистический феномен играет важную роль в формировании современного социального дискурса. В английском языке это выражается в желании сделать общение более уважительным и безопасным для всех участников. Однако это создает напряженность между необходимостью учитывать чувства маргинальных групп и правом на свободу выражения. Статья исследует исторические корни политкорректности, ее влияние на лексическую и грамматическую структуру английского языка, ее культурные и социальные последствия, критику, содержит примеры изменений в терминологии, использования местоимений и редактирования текстов в средствах массовой информации и образовании. Анализ основан на работах ведущих исследователей в области лингвистики, социологии и философии.

Ключевые слова: английский язык, политкорректность, инклюзивность, свобода слова, лингвистическое изменение, гендерная нейтральность, расовая терминология, инвалидность, социально-экономические термины, языковая эволюция, дискриминация, этические аспекты.

Зяблова О.А.

Системообразующие признаки специальных подсистем языка и их соотносимость

В данной статье рассматривается проблема о соотношении специальных подсистем языка: общеупотребительного языка, языка для специальных целей и функционального стиля. Автор анализирует тождественные и отличительные признаки этих языковых явлений. В этом контексте логично рассматриваются концептуальные признаки понятий языковых явлений, определяющих смыслы, структуру и признаки тождества и отличий языковых феноменов, их корреляцию.

В статье представлены выводы о соотношении общеупотребительного языка, специальных языков и функциональных стилей, функционирующих как неразрывная связь общего и частного и механизме их использования в речемыслительной деятельности людей в процессе их общения между собой.

Ключевые слова: общий язык, язык для специальных целей, функциональный стиль, подсистема языка, денотативно-сигнификативные функции.

Павлова Е.К.

Цитирование древнекитайских текстов в современном политическом дискурсе Китая как демонстрация исторической преемственности власти

В данной работе представлены результаты прагмалингвистического анализа использования политическим руководством Китая цитат из древнекитайских текстов в современном политическом дискурсе. Были исследованы случаи цитирования письменных источников, датированных периодом с 770 года до н.э. по 420 год н.э. Показано, что потребность в цитировании древнекитайских текстов прагматически обусловлена желанием продемонстрировать ценность многотысячелетней политической культуры Китая, приверженность современного руководства традициям этой культуры, а также показать личную образованность участника дискурса и глубокое знание им истории и культуры Китая. Выявлены трудности перевода таких цитат с китайского на русский язык. Предложены методы перевода, позволяющие минимизировать проблемы перевода.

Ключевые слова: политический дискурс, прагмалингвистика, цитирование, вэньянь, Китай, перевод.

Лыскова И.В.

Итин Д.А.

Футбольная метафора как рефлектор политической напряженности в современном мире

В статье рассматриваются примеры метафорических образований из языка футбола, а именно их прагматика и особенности употребления в современной немецкоязычной прессе. В теоретической части статьи акцент делается на особенностях профессиональных жаргонизмов и современном взгляде на термины известных ученых-терминоведов. Также показаны причины популярности футбола в Германии и отражение этого явления в языке средств массовой информации. Собраны многочисленные примеры метафорического употребления жаргонизмов из языка футбола, объяснено происхождение значительного количества футбольных терминов из языка военных и показано на выдержках из немецкоязычных газетных статей, как заимствования из языка футбола оживляют публицистический стиль и наглядно, образно и оригинально описывают актуальные внешнеполитические и внешнеэкономические события.

Ключевые слова: эвристическая функция метафоры, когнитивная спортивная и политическая метафора, футбольные профессиональные жаргонизмы, метафорообразование, практика преподавания языка немецких газет.

Шамуродова Газына

Национально-культурные особенности эпоса «Гёроглы» и лингвокультурные аспекты его перевода на русский и английский языки

В статье рассматриваются национально-культурные особенности эпоса «Гёроглы», отражающие уникальные традиции, обычаи и мировоззрение туркменского народа. Особое внимание уделяется лингвокультурным реалиям, выраженным через фольклорные элементы, символику и идиоматические выражения, которые формируют культурный код эпоса. Анализируются проблемы и специфические трудности, возникающие при переводе «Гёроглы» на русский и английский языки, связанные с передачей культурно обусловленных смыслов и национального колорита. Автор выделяет основные методы и стратегии перевода, направленные на сохранение культурной идентичности произведения при адаптации для русскоязычной и англоязычной аудитории. В статье приводятся примеры трансформации лингвокультурных единиц, иллюстрирующие как переводчики решают задачу балансирования между точностью и доступностью текста. Работа направлена на расширение представлений о взаимосвязи языка, культуры и перевода, а также на повышение компетенции переводчиков в области фольклорного наследия тюркских народов. Результаты исследования способствуют углубленному пониманию механизмов лингвокультурной передачи и подчеркивают важность учета национальных особенностей при переводе эпических произведений.

Ключевые слова: эпос Гёроглы, национально-культурные особенности, лингвокультура, перевод, культурные реалии, фольклор, традиции, символика, идиоматические выражения, культурный код, русский язык, английский язык, переводческие стратегии, адаптация, культурная аутентичность, туркменский фольклор, межкультурная коммуникация, трансформация лингвокультурных единиц, национальный колорит, эпические произведения.

Шавлохова Е.С.

Кошокова С.Я.

Чарказян П.Ш.

Бережнов И.Р.

Эволюция образа «внешнего врага» в советской пропаганде 1920-1930-х годов: идеологические и международные аспекты

В предлагаемом исследовательском обзоре изложены перемены в трактовке концеп-

ции «внешнего врага» внутри советских пропагандистских материалов, охватывающих 1920–1930-е гг. Опираясь на значительный массив исторических свидетельств, включающих архивные фонды, газетные издания, учебные пособия, прослеживается переход от обобщённого «мирового капитализма» к конкретным зарубежным системам, включая фашистскую доктрину. Обнаруженные закономерности подтверждают, что порождение рассматриваемой конструкции отражало международную напряжённость, демонстрируя параллельно внутрисполитические преобразования, сопряжённые с созданием мобилизационной модели общества. Специальное внимание отведено методическим приёмам, равно как идеологическим постулатам, внедрявшим у населения осознание «внешнего противника» как фактора коллективного консолидационного резерва. Изменения в трактовке «внешнего врага» в советском информационном пространстве 1920–1930-х гг. заключали в себе сложное переплетение идеологических схем, дипломатических реалий и актуальных вопросов внутрисполитического управления. В рассматриваемой среде изменялась риторика. Развитие образа «внешнего врага» в 1920-1930-е гг. было сложным явлением, определяло особенности советской системы и формировало сознание население.

Ключевые слова: советская пропаганда, образ врага, идеология, капиталистическое окружение, фашизм, международные отношения, 1920-1930-е гг.

Борисова-Лебедева М.Ю.

Культурно-просветительские проекты Петербургского/Петроградского Общества Изыщных Искусств (географический аспект)

Статья знакомит читателя с одной из страниц истории культурно-просветительской организации Санкт-Петербурга – Петрограда – Общества Изыщных Искусств, созданного в начале XX века. Известно, что Общество главной своей задачей видело приобщение к искусству широких масс населения. Однако, подробно история формирования и его деятельность в специальной литературе малоизучена. Автор проанализировал широкий круг архивных источников, газетных публикаций и литературы по истории объединения. В итоге были выявлены, систематизированы и описаны городские места, в которых проходили мероприятия объединения. Материалы по деятельности и структуре Общества изыщных искусств являются важным источником для исследователей по изучению работы общественных организаций художественного направления в России в начале XX века. Представленные в статье документы вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Российская империя, Общество Изыщных Искусств, интеллигенция, культурно-просветительские организации, дореволюционный период.

Борисочкин С.Б.

Британская военная миссия в Заполярье: начало сотрудничества на Северном театре военных действий

В статье рассматривается начальный этап советско-британского военно-морского сотрудничества на Северном театре военных действий в 1941 году, значительная часть исследования посвящена роли и деятельности британской военной миссии, направленной в Заполярье. На основе анализа ранее неопубликованных архивных материалов и воспоминаний участников реконструируется структура миссии, освещаются ее основные задачи, включавшие координацию действий с Северным флотом, обеспечение безопасности союзнических конвоев и обмен опытом. Особое внимание уделено организации взаимодействия между советским и британским командованием, логистическому обеспечению британских кораблей и анализу первых совместных операций. Показано, что эффективное взаимодействие с советскими коллегами обеспечивалось не только формальными договоренностями, но и личными контактами и взаимопониманием между ключевыми фигурами британской

миссии и командования Северного флота. Статья показывает, как развертывание миссии положило начало практическому сотрудничеству, несмотря на различия в подходах к ведению боевых действий, и способствовало укреплению союзнических отношений в критический период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Заполярье, Северный флот СССР, советско-британские отношения, координация действий, Британская военно-морская миссия.

Бузанова Н.А.

Щербинина Ю.В.

Хабарова Е.И.

Административные функции земских участковых начальников по контрреформе Александра III

Цель статьи рассмотрение деятельности земских участковых начальников, введенных контрреформами Александра III, которые сосредотачивали в своих руках широкие административные полномочия. Их задача заключалась в том, чтобы стимулировать активное участие крестьян в самоуправлении, поддерживая при этом порядок и законность. Важным моментом их работы была оценка решений волостных судов, направленных на разрешение конфликтов, что требовало от начальника не только юридической грамотности, но и высокой степени дипломатии. В статье с помощью современных методов исследования рассмотрен контроль со стороны нововведенных должностных лиц над деятельностью крестьянского самоуправления, над утверждением решений сельских сходов. Основная цель работы – на конкретных примерах показать взаимоотношения земских начальников с органами крестьянского самоуправления, в частности, с сельским старостой, волостным старшиной и письмоводителем. Именно введение должности земских участковых начальников действительно привело к появлению на местах эффективной власти, способной предъявлять населению законные требования и применять меры воздействия в случае их невыполнения. Это позволило улучшить ситуацию в деревнях в первое десятилетие после реформы 1889 г. Земские начальники смогли установить порядок и бороться с злоупотреблениями, что является несомненным достижением. С течением времени, земские начальники начали превышать свои полномочия, выходя за рамки, установленные законом. Они стали осознавать свою власть и возможность вмешиваться во все аспекты жизни населения. Это привело к злоупотреблениям и нарушениям прав граждан.

Ключевые слова: земский участковый начальник, административные функции, органы крестьянского самоуправления, письмоводитель, староста, волостной старшина, ревизии.

Гольцов А.Н.

Деду Е.И.

Воздушная пропаганда Первой мировой войны: зарождение инструмента влияния в условиях правового вакуума

Статья посвящена исследованию феномена воздушной пропаганды в период Первой мировой войны как нового инструмента информационно-психологического воздействия. Рассматривается генезис данного явления, возникшего на стыке развития авиационных технологий и тотального характера конфликта. Основное внимание уделяется анализу правового вакуума, сложившегося в отношении регулирования пропагандистской деятельности, направленной на гражданское население и войска противника с использованием воздушных средств. Результаты исследования демонстрируют, что отсутствие четких международно-правовых норм, запрещавших или регламентировавших подобные действия, стало ключевым фактором, позволившим воздушной пропаганде быстро институализироваться и превратиться в эффективное оружие. На основе анализа отчетов, статистических данных

и архивных материалов, размещённых в открытом доступе, раскрываются различия в подходах стран Антанты и Германии к данному виду военных действий, последствия правового противостояния вокруг статуса пропагандистских миссий.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, Германия, Великобритания, Франция, воздушная пропаганда, агитационный материал, психологическая война, международное законодательство, правовой вакуум.

Евлоева Л.М.

Евлоева Ф.Р.

Кулбужева Т.А.

Трансформация гендерных ролей ингушских мужчин в современном обществе

В современном мире традиционные гендерные роли подвергаются значительным изменениям под влиянием глобализации, урбанизации, экономических преобразований и цифровизации. Эти процессы затрагивают и ингушское общество, где исторически сложилась строгая патриархальная система с четким распределением мужских и женских ролей. Данное исследование направлено на анализ трансформации гендерных ролей ингушских мужчин, выявление ключевых факторов, способствующих этим изменениям; изучению реакции традиционного общества на новые модели маскулинности.

В работе рассматриваются такой аспект, как влияние ислама на формирование мужской идентичности, а также постепенная модернизация представлений о мужских обязанностях и поведении. Внимание уделяется конфликту между традиционными ценностями, требующими от мужчины роли защитника, кормильца и духовного лидера семьи, и новыми социальными ожиданиями, связанными с вовлеченностью в воспитание детей и профессиональной самореализацией. Эмпирическую основу исследования составляют данные социологических опросов, интервью с представителями разных поколений ингушских мужчин. Результаты показывают, что, несмотря на сопротивление консервативной части общества, изменения неизбежны: молодое поколение все чаще пересматривает жесткие гендерные рамки, что приводит к постепенной, но заметной трансформации мужских ролей. Исследование позволяет глубже понять динамику социокультурных изменений в ингушском обществе и может быть полезно для дальнейшего изучения гендерных трансформаций в традиционных сообществах Северного Кавказа.

Ключевые слова: гендерные роли, маскулинность, ингушские мужчины, традиционное общество, социальная трансформация, мужская идентичность, современность, глобализация, урбанизация, культурные изменения.

Кручинский Д.А.

Культурный досуг детей как инструмент воспитания и важная часть формирования образа жизни населения посёлка Ленино города Иркутска во второй половине XX в.

В статье рассматривается роль культурного досуга в формировании образа жизни детей и подростков в посёлке Ленино города Иркутска во второй половине XX в. На основе анализа архивных данных раскрываются основные направления деятельности детского сектора Дома культуры, включая массово-политическую работу, художественное воспитание, техническое творчество и организацию досуга по месту жительства. Подчеркивается важность раннего воздействия на детей с помощью системы культурного пространства, а также преемственность поколений: как заложенные в юности идеалы и навыки находили отражение в будущей профессиональной и общественной деятельности молодых людей. Работа содержит выводы о ценности советского опыта организации детского досуга как модели социализации и формирования ценностей.

Ключевые слова: детский сектор, культурный досуг, воспитание, посёлок Ленино, техническое творчество, художественная самодеятельность.

Микуленок А.А.

Цифровизация архивов в РФ и зарубежом: общее и особенности

Статья посвящена деятельности архивной службы в России и за границей. Особое внимание уделяется современным – цифровым технологиям в архивном деле. В статье рассматривается опыт и особенности цифровизации архивов в России и за границей, какие особенно работы архивной службы онлайн есть у разных стран, какое направление при цифровизации является приоритетным, а какие нет.

Ключевые слова: цифровизация, архивы, сохранение памяти, архивное дело, оцифровка.

Моисеева Т.А.

Моисеев А.Н.

Отдельные аспекты становления ЧОН Марийской области

В период Гражданской войны широкое распространение получили и использовались в повседневной деятельности по окончании её специальные военные подразделения – отряды (части) особого назначения ЧОН. Эти военно-партийные отряды создавались при партийных комитетах всех уровней (от губернского до волостного) на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для выполнения задач по охране стратегически важных объектов, борьбе с контрреволюционными выступлениями и участия в боевых операциях в составе частей РККА.

В статье рассматриваются значение и проблемы формирования специальных отрядов, а также отдельно взятые аспекты из истории создания ЧОН ПриВО в Марийской области в период 1919–1921 гг. Изучение этих подразделений важно, так как части особого назначения сыграли немаловажную роль в жизни молодой Советской Республики. Они, наряду с Красной армией, Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК) и милицией, послужили инструментом, позволившим большевикам сохранить и консолидировать свою власть. Вместе с тем анализ опыта регионального строительства, связанного с деятельностью советских и партийных структур, позволяет обнаружить особые черты и неповторимость в формировании советской власти.

Ключевые слова: военно-партийные отряды, Отряды Особого Назначения (ОСНАЗ), части особого назначения (ЧОН), чоновцы, коммунары, Совет ЧОН (СовЧОН), Центральный комитет РКП(б), Округезд.

Мякотин А.А.

Документальная коммуникация власти и общества (на примере общественной приемной депутата А.Е. Хинштейна)

В статье проблематика информационного взаимодействия власти и населения исследуется на материалах Общественной приемной депутата Государственной Думы РФ А.Е. Хинштейна. Эффективность «обратной связи» в государственном управлении определяется, в значительной мере, совершенством механизмов документирования и передачи информации. Поэтому основное внимание уделено функционированию делопроизводства по обращениям граждан. Рассматриваются направления деятельности депутатской приемной, ее организационная среда, штатный состав. Для сбора информации были использованы методы: анализ делопроизводственных документов (локальных актов, учетных баз данных, переписки и т. д.), наблюдение, опрос сотрудников, фотография рабочего дня. Проведен аудит бизнес-процесса «работа с обращениями», определены его статистические параметры, потенциал совершенствования; предложен комплекс мер по оптимизации. Прием, обработка и исполнение обращения является главным — профильным — рабочим процессом депутатской приемной. Делопроизводственный процесс содержит элементы дезорганизации, обусловленные слабостью локальной нормативной регламентации.

Ключевые слова: государственное управление, политический институт, приемная депутата, обращения граждан, делопроизводство, локальный нормативный акт, бизнес-процесс, аудит, документопоток, объем документооборота, петиция, должностная инструкция.

Торунов В.А.

Дискуссии о правовом положении крестьянина в трудах местных комитетов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (на примере Самарской, Симбирской и Саратовской губерний)

В статье рассматривается позиция представителей Самарской, Симбирской и Саратовской губерний по вопросу правового положения крестьянства на основе материалов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1903 гг.). Анализируются ключевые требования уездных комитетов и отдельных членов. Вывод, к которому пришёл автор, заключается в том, что, несмотря на единодушное признание остроты проблемы правового бесправия крестьян на местах, сопротивление губернских властей и бюрократический скепсис заблокировали конструктивные предложения, предвосхитившие будущие реформы, но оставшиеся нереализованными в рамках Совещания.

Ключевые слова: особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, крестьянство, правовой статус, С.Ю. Витте, Самарская губерния, Симбирская губерния, Саратовская губерния.

Орлов Е.И.

Тактический альянс против Версаля: Советско-Германское сотрудничество в 1920–1933 гг.

Статья анализирует опыт советско-германского сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х годов, возникшего на фоне международной изоляции обоих государств после Первой мировой войны. Автор прослеживает эволюцию этих отношений от Рапалльского договора 1922 года, восстановившего дипломатические и экономические связи. Подчёркивается, что альянс был основан на прагматичном совпадении стратегических целей преодолеть внешнеполитическую блокаду и получить доступ к передовым технологиям. В статье доказывается, что, несмотря на взаимную выгоду, союз был обречён из-за идеологической непримиримости, что и привело к его резкому свёртыванию после прихода к власти в Германии нацистов, взявших курс на конфронтацию с СССР.

Ключевые слова: Советско-германские отношения, Рапалльский договор, Версальский договор, международная изоляция, секретное военно-техническое сотрудничество, рейхсвер, РККА, Веймарская республика.

Гольцов А.Н.

Дедиу Е.И.

Особенности становления протекционистских механизмов в британской финансовой системе в условиях экономического кризиса 1929 года

Статья посвящена изучению особенностей развития протекционистских механизмов в британской финансовой системе в период глобального экономического кризиса 1929 – 1933 годов. Проведенный анализ показывает, что Великобритания, ранее являвшаяся сторонником свободы торговли и минимального вмешательства государства в экономические процессы, была вынуждена адаптироваться к новым условиям и начать разработку комплекса защитных мер для поддержания стабильности национальной экономики. Авторы рассматривают причины принятия решений о введении протекционистских инструментов, характеризуют механизм реализации соответствующих реформ и оценивают их эффективность применительно к ситуации 1920-х – начала 1930-х годов. В работе подчёркивается важность изучения британского опыта адаптации к экономическим кризисам для понимания закономерностей эволюции ми-

ровой финансовой системы и выработки рекомендаций для современных условий управления финансово-экономическими процессами.

Ключевые слова: Британская империя, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Германия, империализм, колонии, геополитика, Pax Britannica, протекционизм, экономический кризис, финансовая система, периферизация.

Идонго Нлате Жан Мартьяль

Геополитические изменения: США и Россия после избрания Трампа — путь к сотрудничеству или усиление конкуренции?

Отношения между США и Россией остаются одним из ключевых факторов глобальной стабильности в многополярной международной системе. Победа Дональда Трампа на президентских выборах 2024 года, возвращающая к власти лидера с непредсказуемым и прагматичным внешнеполитическим курсом, ставит актуальные вопросы о возможной траектории двусторонних отношений. Цель исследования – провести комплексный анализ вероятных сценариев развития российско-американских отношений в среднесрочной перспективе, с особым вниманием к урегулированию конфликта на Украине, контролю над вооружениями, кибербезопасности, санкционной политике и экономическому взаимодействию. Применение системного, сравнительного и институционального анализа позволяет выявить ключевые внутренние и внешние факторы, определяющие динамику отношений, оценить влияние политических и экономических изменений на внешнеполитический курс США и спрогнозировать потенциальные последствия для глобальной безопасности. Статья исследует внешнеполитические стратегии администраций Трампа (2017–2021) и Байдена (2021–2025) в контексте российско-американских отношений. Использование сравнительного, дискурс-, институционального и системного анализа позволяет выявить трансформации риторики, оценить влияние внутренней политики США и определить ключевые факторы динамики двусторонних отношений. Научная новизна исследования заключается не в провозглашении известных тезисов, таких как «прагматизм Трампа» или «структурные противоречия», а в комплексном применении системного, сравнительного, дискурс- и институционального анализа для изучения конкретного, краткого, но крайне динамичного периода – первых лет нового срока президентства Дональда Трампа. В отличие от работ, сосредоточенных на долгосрочных трендах или анализе предыдущих администраций, исследование направлено на выявление причинно-следственных связей между оперативными действиями администрации Трампа и реакцией российской стороны. Такой подход позволяет оценить непосредственное влияние внутренних и внешних факторов на двусторонние отношения, прогнозировать возможные последствия для глобальной стабильности и глубже понять трансформацию внешнеполитического курса США в условиях быстро меняющейся международной среды.

Ключевые слова: геополитика, США, Россия, президентские выборы, Трамп, сотрудничество, соперничество, внешняя политика, конфликт на Украине, контроль вооружений.

Ансари Рамзи Исмаил Махмуд

Пространственно-временной анализ развития инфраструктуры и демографических изменений на территориях Западного берега реки Иордан (2000–2024 гг.): картографическое исследование

Территориальные изменения с помощью инфраструктуры поселений представляют механизмы демографической реконфигурации – процессов, которые изменяют распределение населения/этнический состав на спорных территориях. Разработка комплексной картографической методологии оценки воздействия инфраструктуры поселений на демографический баланс/системы территориального контроля на территориях Западного берега (2000–2024 гг.); составление корреляционных матриц между инфраструктурными проектами и демографиче-

скими сдвигами. Анализ разновременных спутниковых снимков (Sentinel-2/WorldView-3; 12 временных срезов), интегрированных с демографическими данными из PCBS/CBS/UNRWA; пространственный анализ с использованием ArcGIS Pro Network Analyst, ENVI/Google Earth Engine для многоспектральной классификации, статистической среды R (пакеты *sf/spatstat/geoR*) для корреляционного моделирования; Каждый факт проверялся тремя способами: по спутниковым снимкам, отчетам с мест и официальным документам. Застроенные территории увеличились на 88,1 % (312 км² – 587 км²); население поселений выросло на 160 % (193 000 – 502 000 жителей); протяженность дорог “только для поселенцев” увеличилась с 812 км до 1 347 км; число контрольно-пропускных пунктов возросло с 38 до 147; время в пути палестинцев увеличилось на 280 %. Методологические основы позволяют проводить международно-правовые оценки – картографические данные соответствуют международным стандартам документирования.

Ключевые слова: пространственный анализ, демографические изменения, инфраструктура, землепользование, водные ресурсы, дистанционное зондирование, транспортные сети.

Демидов А.В.

Россия и Прибалтика: историческая ретроспектива. Часть первая: Русь и прибалтийские народы в Средние века

В материале рассматриваются некоторые аспекты исторических корней отношений между Древней Русью, с одной стороны, и ливами (предками латышей) и эстами (предками эстонцев), с другой. Обращается внимание на фактор проникновения в регион Прибалтики немцев (священников и воинствующих рыцарей). Рассматривается взаимодействие русских, ливов и эстов в оказании отпора немецкой экспансии.

Ключевые слова: Прибалтика, ливы, эсты, Полоцк, Великий Новгород, священники, епископы, рыцари-пилигримы, Орден меченосцев, феодалы, Иван IV Васильевич.

Кун Вэйжань

Изучение устной истории смешанных китайско-русских семей с точки зрения микроистории

В статье рассматривается методологический потенциал микроисторического подхода к изучению устной истории смешанных китайско-русских семей. Автор анализирует специфику межкультурной семейной памяти, механизмы трансмиссии культурных кодов и стратегии адаптации в условиях культурного пограничья. Исследование основано на анализе имеющихся научных работ, а так же на полевых материалах, собранных в приграничных регионах Дальнего Востока России. Предлагается типология семейных нарративов и модель анализа межпоколенческой трансмиссии культурной памяти в бивкультурных семьях.

Ключевые слова: микроистория, устная история, смешанные браки, китайско-русские семьи, культурная память, межкультурная коммуникация.

Миланду Бретнель К.Р.

САДК и избирательный процесс 2011 года в Демократической Республике Конго. Признак того, что приверженность общества демократии иссякает?

В исследовании представлена информация о САДК и избирательный процесс 2011 года в Демократической Республике Конго (ДРК)» охватывает ключевые аспекты политической ситуации в стране в контексте проведения президентских и парламентских выборов. В 2011 году в ДРК состоялись выборы, которые были важным этапом для молодой демократии, но также сопровождалась рядом проблем, таких как обвинения в фальсификациях, насилии и недостаточной прозрачности. Важную роль в организации и мониторинге этих выборов сыграла Система Активного Демократического Контроля (САДК), которая включала в себя как

национальные, так и международные организации, направленные на обеспечение честности и прозрачности избирательного процесса. Несмотря на усилия по контролю за выборами, результаты были оспорены, и ситуация привела к политической нестабильности в стране. В аннотации рассматриваются как роль САДК, так и влияние этих выборов на внутреннюю политику ДРК, в том числе на отношения между различными политическими силами, гражданским обществом и международным сообществом.

Ключевые слова: САДК, Демократическая Республика Конго (ДРК), Президентские выборы 2011 года, Парламентские выборы 2011 года, международный мониторинг, политическая стабильность, демократизация, гражданское общество, политический конфликт, манипуляции с результатами, социально-политическая ситуация.

Нгойе С.Т.

Военное сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Ангола: наследие холодной войны и новые направления

В данной статье рассматривается развитие военных отношений между Россией и Анголой с акцентом на историческое наследие, произошедшие изменения и недавние события. Отношения между Россией и Анголой, которые берут свое начало в период холодной войны, основывались на решительной поддержке Советским Союзом Ангольского народно-освободительного движения (МПЛА) с 1975 года. Эта поддержка привела к постоянной зависимости от советского военного оборудования и способствовала формированию ангольской политической и военной элиты. После распада Советского Союза это сотрудничество пережило период упадка, характеризующийся подъемом Китая и растущим влиянием западных держав на экономику Анголы.

С 2014 года, столкнувшись с растущей напряженностью между Москвой и Западом, Россия стремится вновь укрепить свое партнерство с Анголой, уделяя особое внимание технической поддержке (техническое обслуживание, поставки оружия, обучение) и новым экономическим проектам в нефтяной и горнодобывающей промышленности. Однако эта динамика сталкивается с проблемами, связанными со структурными ограничениями российской экономики и конкуренцией со стороны других международных игроков.

В целом военное сотрудничество между Россией и Анголой представляет собой прагматичное и взаимодополняющее партнерство, которое носит скорее символический, чем фундаментальный характер и иллюстрирует современную многополярную логику. Оно также отражает намерение Анголы диверсифицировать свои союзы, при этом финансирование со стороны Китая и Запада остается приоритетом.

Ключевые слова: отношения между Российской Федерацией и Республикой Ангола, военное сотрудничество, наследие холодной войны, партнерство в области обороны, поставки оружия, геополитика Африки, постсоветская Россия, сотрудничество в области безопасности, многополярность, стратегическое партнерство.

Ндонго Нлате Жан Мартваль

Влияние нефти и минеральных ресурсов на внешнюю политику: анализ международных отношений Камеруна и привлечение инвестиций

Предмет исследования: влияние нефтяных и минеральных ресурсов Камеруна на формирование его внешнеполитического курса, международные отношения и привлечение иностранных инвестиций. Метод, методология исследования: исследование основано на качественной методологии, включающей анализ документов (официальные отчеты, международные соглашения, статистика), применение теорий ресурсной дипломатии и анализа зависимостей (dependency theory), а также сравнительный анализ. Новизна исследования, выводы: научная новизна заключается в детальном анализе конкретных стратегий Камеруна по

использованию ресурсов во внешней политике, выходя за рамки общих тезисов о «ресурсном проклятии». Исследование выявляет, что Камерун стремится диверсифицировать партнерства, используя ресурсы как инструмент для повышения стратегической автономии и привлечения инвестиций в инфраструктуру, хотя проблемы управления ресурсным сектором остаются существенным ограничивающим фактором. Основной вывод: ресурсы выступают значимым, но не единственным детерминантом внешней политики, чье влияние опосредуется внутренними институтами и стратегическим выбором элит.

Ключевые слова: Камерун, Внешняя политика, Ресурсная дипломатия, Зависимость от нефти, Минеральные ресурсы, Прямые иностранные инвестиции (ПИИ), Ресурсное проклятие, Экономическая диверсификация, Международные отношения, Африка.

Эйамба А.Э.

Торговля людьми и эксплуатация женщин и детей в Нигерии: социально-экономические факторы и стратегии предотвращения

Число жертв торговли людьми среди женщин и детей растет, поскольку различные социально-экономические условия создают их уязвимость к эксплуатации. В этой статье рассматривается продолжающееся присутствие торговли людьми в Нигерии путем выявления социально-экономических условий, способствующих ей, включая бедность и безработицу, неграмотность и культурные обычаи. Система торговли людьми использует такие ситуации, одновременно обнажая ограничения существующих правовых рамок и полицейских протоколов, которые не в состоянии эффективно решить эту проблему. В исследовании представлен обзор современных практик борьбы с торговлей людьми, а также представлены продуктивные решения, направленные на спрос и предложение на торговлю людьми. Борьба с торговлей людьми требует экономических программ и изменений в законодательстве, а также международных альянсов и инициатив в области просвещения населения. В исследовании подчеркивается необходимость укрепления социальных программ, которые помогают жертвам через услуги по реабилитации и реинтеграции, чтобы остановить их продолжающуюся виктимизацию. Устраняя факторы, лежащие в основе борьбы с торговлей людьми и эксплуатацией уязвимых слоев населения, Нигерия может добиться существенных сдвигов в борьбе с этими преступлениями. В этом исследовании рассматривалось, как проблемы бедности, неграмотности и безработицы влияют на жертв и эксплуатируемые группы (женщин и детей) в контексте торговли людьми в Нигерии.

Ключевые слова: торговля людьми, социально-экономические факторы, эксплуатация, нарушение прав человека, стратегии профилактики, NAPTIP Нигерия.

Семенова С.А.

Становление и развитие сети автомобильных зимников в арктических районах

Изучение развития сухопутных путей сообщения в последнее время приобретает особую значимость. Актуальность представляет исследование формирования такого вида сухопутного сообщения в Якутии, как автомобильные зимники, и их роли в истории региона. Со второй пол. XX в. происходит широкое распространение и формирование обширных наземных путей сообщения на территории арктических районов Якутии. Сухопутные артерии, в частности, сезонные автомобильные зимники, ледовые переправы и сегодня играют важную роль в грузовых и пассажирских перевозках, а также в обеспечении отдаленных арктических районов продовольствием и товарами первой необходимости. Методологической базой исследования выступают историко-генетический метод, использовавшийся для реконструкции процесса формирования и эволюции сети сухопутных путей сообщения (зимних дорог) на северо-востоке Якутии с советского периода по настоящее время, историко-диахронный метод, позволяющий наблюдать эволюцию автомобильных зимников в изучаемые хронологические этапы.

Исследование показало, что история развития зимних сухопутных путей сообщения, а именно автомобильных зимников берет свое начало в советский период.

Ключевые слова: Якутия, Колымский тракт, пути сообщения, сезонные дороги, Арктика, промышленное развитие, грузооборот.

Филипповская Л.В.

Вузовская наука Кыргызстана в постсоветский период: политико-экономические предпосылки трансформации (1991–2000 гг.)

В статье рассматриваются политические и экономические факторы, определившие развитие вузовской науки в Кыргызской Республике в первый десятилетний период после обретения независимости (1991–2000 гг.). Анализируются последствия распада СССР для системы высшего образования и научных исследований, включая утрату централизованного финансирования, разрушение межреспубликанских научных связей и необходимость формирования национальной законодательной базы. Освещается влияние политической нестабильности 1990-х годов на разработку и реализацию долгосрочных научно-образовательных стратегий. Рассматриваются последствия экономического кризиса и сокращения бюджетных расходов на науку, приведшие к оттоку кадров и снижению научной активности. Анализируется роль международных организаций в поддержке научных направлений и модернизации инфраструктуры вузов. Показано, что, несмотря на сложные условия, в указанный период были заложены основы для последующего институционального укрепления вузовской науки и интеграции Кыргызстана в мировое научное сообщество.

Ключевые слова: Кыргызстан, постсоветский период, высшее образование, вузовская наука, политическая трансформация, экономический кризис, международное сотрудничество.

Abstracts

Dolgenko A.N.

Murashko S.F.

Rudakova S.V.

Political correctness in the English language: between inclusivity and freedom of speech

Political correctness as a linguistic phenomenon plays an important role in shaping modern public discourse. In the English language, it manifests itself in the effort to make communication more respectful and safe for all participants. However, this creates tension between the need to consider the feelings of marginalized groups and the right to freedom of speech. This article examines the historical roots of political correctness, its influence on the lexical and grammatical structure of the English language, its cultural and social consequences, as well as criticism of the phenomenon. Examples of changes in terminology, pronoun usage, and text editing in media and education are provided. The analysis is based on works by leading researchers in the fields of linguistics, sociology, and philosophy.

Key words: English language, political correctness, inclusiveness, freedom of speech, linguistic change, gender neutrality, racial terminology, disability, Socio-economic terms, language evolution, discrimination, ethical aspects.

Zyablova O.A.

The system-forming features of special subsystems of the language and their correlation

This article discusses the problem of the relationship of special subsystems of language: common language, language for special purposes and functional style. The author analyzes the identical and distinctive features of these linguistic phenomena. In this context, it is logical to consider the conceptual features of the concepts of linguistic phenomena that determine the meanings, structure and signs of identity and differences of linguistic phenomena, their correlation.

The article presents conclusions about the relationship between common language, special languages and functional styles, functioning as an inseparable link between general and private, and the mechanism of their use in people's speech-thinking activities in the process of their communication with each other.

Key words: common language, language for special purposes, functional style, language subsystem, denotative-meaningful functions.

Pavlova E.K.

Citation of ancient Chinese texts in contemporary Chinese political discourse as a demonstration of historical continuity of power

This paper presents the results of a pragmalinguistic analysis of the use of quotations from ancient Chinese texts by the Chinese political leadership in modern political discourse. The cases of quoting written sources dating from 770 BC to 420 AD were examined. It is shown that the need to quote ancient Chinese texts is pragmatically determined by the desire to demonstrate the value of China's multi-thousand-year political culture, the commitment of the modern leadership to the traditions of this culture, as well as to show the personal education of the discourse participant and his deep knowledge of the history and culture of China. The difficulties of translating such quotations from Chinese into Russian are revealed. Translation methods that help minimize translation problems are proposed.

Key words: political discourse, pragmalinguistics, quotation, wenyan, China, translation.

Lysikova I.V.

Itin D.A.

The football metaphor as a reflector of political tension in the modern world

This article explores examples of metaphorical constructs derived from the language of football,

focusing on their pragmatics and patterns of usage in the modern German-language press. The theoretical section highlights the features of professional jargon and presents contemporary perspectives on terminology from well-known scholars in the field. The article also examines the reasons behind football's popularity in Germany and its reflection in media discourse. Numerous examples of the metaphorical use of football-related jargon are collected and analysed, the military origins of many football terms are explained, and excerpts from German-language newspaper articles demonstrate how borrowings from football terminology enrich journalistic style and offer vivid, figurative, and original portrayals of current foreign policy and international economic developments.

Key words: heuristic function of the metaphor, cognitive sports and political metaphor, football-related professional jargon, metaphor formation, practice of teaching the language of German newspapers.

Shamuradova Gazina

National and cultural features of the epic “gerogly” and linguo-cultural aspects of its translation into Russian and English

The article explores the national-cultural features of the epic “GörOgly,” reflecting the unique traditions, customs, and worldview of the Turkmen people. Special attention is given to the linguo-cultural realities expressed through folklore elements, symbolism, and idiomatic expressions that form the cultural code of the epic. The study analyzes the challenges and specific difficulties encountered when translating “GörOgly” into Russian and English, related to conveying culturally conditioned meanings and national color. The author identifies key translation methods and strategies aimed at preserving the cultural identity of the work while adapting it for Russian-speaking and English-speaking audiences. The article provides examples of transforming linguocultural units, illustrating how translators balance accuracy and accessibility of the text. This work aims to expand understanding of the relationship between language, culture, and translation, as well as to improve translators' competence in the field of Turkic peoples' folklore heritage. The research results contribute to a deeper understanding of linguocultural transmission mechanisms and emphasize the importance of considering national specifics when translating epic works.

Key words: epic of Geroogly, national-cultural features, linguoculture, translation, cultural realities, folklore, traditions, symbolism, idiomatic expressions, cultural code, Russian language, English language, translation strategies, adaptation, cultural authenticity, Turkmen folklore, intercultural communication, transformation of linguocultural units, national color, epic works.

Shavlokhova E.S.

Koshkova S.Y.

Charkazyan P.S.

Berezhnov I.R.

The evolution of the image of the “external enemy” in soviet propaganda of the 1920s-1930s: ideological and international aspects

The proposed research review outlines the changes in the interpretation of the “external enemy” concept within Soviet propaganda materials covering the 1920s-1930s. Based on a significant body of historical evidence, including archival collections, newspaper publications, and educational materials, the study traces the transition from a generalized “world capitalism” to specific foreign systems, including fascist doctrine. The identified patterns confirm that the generation of this construct reflected international tensions while simultaneously demonstrating internal political transformations associated with the creation of a mobilization model of society. Special attention is devoted to methodological techniques as well as ideological postulates that instilled in the population an awareness of the “external enemy” as a factor of collective consolidational reserve. Changes in the interpretation of the “external enemy” in the Soviet information space of the 1920s and 1930s included a complex

interweaving of ideological schemes, diplomatic realities, and topical issues of domestic political governance. The rhetoric changed in the environment under consideration. The development of the image of the “external enemy” in the 1920s and 1930s was a complex phenomenon that determined the features of the Soviet system and shaped the consciousness of the population.

Key words: Soviet propaganda, enemy image, ideology, capitalist encirclement, fascism, international relations, 1920s-1930s.

Borisova-Lebedeva M.Y.

Cultural and educational projects of the St. Petersburg/Petrograd Society of Fine Arts (geographical aspect)

The article introduces the reader to one of the pages of the history of the cultural and educational organization of St. Petersburg – Petrograd – the Society of Fine Arts, which was established at the beginning of the 20th century. It is known that the Society’s main goal was to introduce art to the general public. However, the history of its formation and activities has been poorly studied in specialized literature. The author has analyzed a wide range of archival sources, newspaper publications, and literature on the history of the association. As a result, the author has identified, systematized, and described the city locations where the association’s events were held. The materials on the activities and structure of the Society of Fine Arts are an important source for researchers studying the work of public organizations of the artistic direction in Russia at the beginning of the 20th century.

The documents presented in the article are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Russian Empire, Fine Arts Society, intelligentsia, cultural and educational organizations, pre-revolutionary period.

Borisochkin S.B.

The British military mission in the Arctic: The beginning of cooperation in the Northern Theater of Military operations

The article examines the initial stage of Soviet-British naval cooperation in the Northern Theater of Military Operations in 1941. A significant part of the research is devoted to the role and activities of the British military mission sent to the Arctic. Based on the analysis of previously unpublished archival materials and memoirs of participants, the structure of the mission is reconstructed, its main tasks are highlighted, which included coordinating actions with the Northern Fleet, ensuring the safety of Allied convoys and sharing experiences. Special attention is paid to the organization of interaction between the Soviet and British commands, the logistical support of British ships and the analysis of the first joint operations. It is shown that effective interaction with Soviet colleagues was ensured not only by formal agreements, but also by personal contacts and mutual understanding between key figures of the British mission and the command of the Northern Fleet. The article shows how the deployment of the mission marked the beginning of practical cooperation, despite differences in approaches to the conduct of hostilities, and contributed to the strengthening of allied relations during the critical period of the Great Patriotic War.

Key words: The Great Patriotic War, the Arctic, the Northern Fleet of the USSR, Soviet-British relations, coordination of actions, the British naval mission.

Buzanova N.A.

Shcherbinina Yu.V.

Khabarovsk E.I.

Administrative functions of zemstvo district chiefs under the counter-reform of Alexander III

The purpose of this article is to examine the activities of the zemstvo district chiefs, who were introduced by Alexander III’s counter-reforms and held extensive administrative powers. Their task was to encourage active participation of the peasants in self-government while maintaining order and legality.

An important aspect of their work was the evaluation of the decisions made by the volost courts aimed at resolving conflicts, which required not only legal expertise but also a high level of diplomacy. The article uses modern research methods to examine the control exercised by the newly appointed officials over the activities of peasant self-government and the approval of decisions by village assemblies. The main goal of the article is to use specific examples to demonstrate the relationship between the zemstvo chiefs and the peasant self-government bodies, particularly the village elder, the volost elder, and the clerk. The introduction of the position of zemstvo district chiefs played a significant role in this process.

Key words: zemstvo district chiefs, administrative functions, peasant self-government bodies, headman, volost foreman, audits.

Goltsov A.N.

Dediu E.I.

Aerial Propaganda of the First World War: the emergence of an instrument of influence in a legal vacuum

The article investigates the phenomenon of air propaganda during World War I as a new tool for information and psychological influence. It examines the genesis of this phenomenon at the intersection of aviation technology development and the total nature of the conflict. Special attention is paid to analyzing the legal vacuum that emerged regarding the regulation of propaganda activities aimed at civilian populations and enemy troops using aerial means. The study results demonstrate that the absence of clear international legal norms prohibiting or regulating such actions was a key factor enabling air propaganda to quickly institutionalize and become an effective weapon. Based on analysis of reports, statistical data, and archival materials available in open access, differences in approaches between the Entente countries and Germany towards this type of military activity are revealed, along with the consequences of the legal confrontation surrounding the status of propaganda missions.

Key words: First World War, Triple Entente, Germany, United Kingdom, France, air propaganda, agitation material, psychological warfare, international legislation, legal vacuum.

Evloeva L.M.

Evloeva F.R.

Kulbuzheva T.A.

Transformation of gender roles of ingush men in modern society

In the modern world, traditional gender roles are undergoing significant changes under the influence of globalization, urbanization, economic transformation and digitalization. These processes also affect Ingush society, where historically there has been a strict patriarchal system with a clear distribution of male and female roles. This study is aimed at analyzing the transformation of gender roles of Ingush men, identifying key factors contributing to these changes, as well as studying the reaction of traditional society to new models of masculinity.

The work examines such aspect as the influence of Islam on the formation of male identity, as well as the gradual modernization of ideas about male responsibilities and behavior. Special attention is paid to the conflict between traditional values that require men to play the role of protector, breadwinner and spiritual leader of the family, and new social expectations related to involvement in parenting and professional self-realization.

The empirical basis of the study consists of data from sociological surveys and interviews with representatives of different generations of Ingush men. The results show that, despite the resistance of the conservative part of society, changes are inevitable: the younger generation is increasingly reviewing the rigid gender framework, which leads to a gradual but noticeable transformation of male roles.

The study provides a deeper understanding of the dynamics of socio-cultural changes in Ingush society and may be useful for further study of gender transformations in traditional communities of the North Caucasus.

Key words: gender roles, masculinity, Ingush men, traditional society, social transformation, male identity, modernity, globalization, urbanization, cultural change.

Kruchinskii D.A.

Cultural leisure of children as a tool of education and an important part of the formation of the lifestyle of the population of the village of Lenino in the city of Irkutsk in the second half of the 20th century

The article examines the role of cultural leisure in shaping the lifestyle of children and adolescents in the village of Lenino in Irkutsk in the second half of the 20th century. Based on the analysis of archival data, the main areas of activity of the children's sector of the House of Culture are revealed, including mass-political work, artistic education, technical creativity and organization of leisure at the place of residence. The importance of early influence on children with the help of the system of cultural space, as well as the continuity of generations are emphasized: how the ideals and skills laid down in youth were reflected in the future professional and social activities of young people. The work contains conclusions about the value of the Soviet experience of organizing children's leisure as a model of socialization and formation of values.

Key words: children's sector, cultural leisure, education, Lenino village, technical creativity, amateur performances.

Mikulenok A.A.

Digitalization of archives in Russia and abroad: general and special function

The article is devoted to the activities of the archival service in Russia and foreign countries. Particular attention is paid to modern – digital technologies in archival affairs. The article examines the experience and features of digitalization of archives in Russia and abroad, what special works of the online archival service are in different countries, which direction in digitalization is a priority, and which are not.

Key words: digitalization, archives, memory preservation, archiving, digitization.

Moiseeva T.A.

Moiseev A.N.

Individual aspects of becoming ChON of the Mari region

During the Civil War, special military units – special forces detachments (units) - were widely used and used in daily activities after its end. These military party detachments were created under party committees of all levels (from provincial to volost) on the basis of the decree of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) dated April 17, 1919 to carry out tasks of protecting strategically important facilities, combating counterrevolutionary actions and participating in combat operations as part of the Red Army units.

The article examines the significance and problems of the formation of special detachments, as well as individual aspects from the history of the creation of the Chong PriVO in the Mari region in the period 1919-1921. Studying these units is important, as special forces units played an important role in the life of the young Soviet Republic. They, along with the Red Army, the All-Russian Emergency Commission (CHEKA) and the militia, served as a tool that allowed the Bolsheviks to maintain and consolidate their power. At the same time, an analysis of the experience of regional construction related to the activities of Soviet and party structures reveals special features and uniqueness in the formation of Soviet power.

Key words: military party detachments, Special Purpose Detachments (OSNAZ), special purpose units (CHON), Chon members, communards, CHON Council (Sovchon), Central Committee of the RCP(b), Okr Congress.

Myakotin A.A.**Documentary communication between government and society (on the example of the public reception of deputy A.E. Khinshtein)**

The article examines the problems of information interaction between the government and the population based on the materials of the Public Reception of the Deputy of the State Duma of the Russian Federation A.E. Khinshtein. The effectiveness of feedback in public administration is largely determined by the perfection of the mechanisms for documenting and transmitting information. Therefore, the main attention is paid to the functioning of office work on citizens' appeals. The directions of activity of the deputy's office, its organizational environment, and staff are considered. The following methods were used to collect information: analysis of office records (local acts, accounting databases, correspondence, etc.), monitoring, interviewing employees, and photographing the working day. The audit of the business process "handling appeals" was conducted, its statistical parameters and potential for improvement were determined; a set of optimization measures was proposed. The reception, processing and execution of the appeal is the main workflow of the deputy's office. The office management process contains elements of disorganization due to the weakness of local regulatory regulations. The organization lacks office management instructions and other important regulations. The efficiency of office work can be improved by introducing consistent functional specialization of employees and updating job descriptions. It is advisable to change the methodology of analytical and statistical work and develop templates for reports (analytical reports, summaries) on handling appeals.

Key words: public administration, political institution, deputy's office, citizens' appeals, office work, business process, local regulatory act.

Torunov V.A.**Discussions on the legal status of peasants in the works of local committees of the special conference on the needs of the agricultural industry (using the example of the Samara, Siberian and Saratov provinces)**

This article examines the positions of representatives from the Samara, Simbirsk, and Saratov provinces on the legal status of the peasantry, based on the materials of the local committees of Witte's Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1903). It analyzes key demands put forward by district committees and individual members. In conclusion, the author argues that while the acute problem of peasant legal disenfranchisement at the local level was universally acknowledged, constructive proposals, which prefigured future reforms, were blocked by the resistance of provincial authorities and bureaucratic skepticism, and thus remained unimplemented by the Conference.

Key words: special meeting on the needs of the agricultural industry, peasant, legal status, S.Yu. Witte, Samara province, Simbirsk province, Saratov province.

Orlov E.I.**The tactical alliance against Versailles: Soviet-German cooperation in 1920-1933**

The article analyzes the experience of Soviet-German cooperation in the 1920s and early 1930s, which arose against the background of the international isolation of both countries after the First World War. The author traces the evolution of these relations from the Rapallo Treaty of 1922, which restored diplomatic and economic ties. It is emphasized that the alliance was based on a pragmatic convergence of strategic goals to overcome the foreign policy blockade and gain access to advanced technologies. The article proves that, despite the mutual benefits, the union was doomed due to ideological intransigence, which led to its abrupt collapse after the Nazis came to power in Germany, heading for confrontation with the USSR.

Key words: Soviet-German relations, Rapallo Treaty, Versailles Treaty, international isolation, secret military-technical cooperation, Reichswehr, Red Army, Weimar Republic.

Goltsov A.N.

Dediu E.I.

Features of the formation of protectionist mechanisms in the British financial system during the economic crisis of 1929

The article is devoted to the study of the development features of protectionist mechanisms in the British financial system during the global economic crisis of 1929 – 1933. The conducted analysis shows that Britain, which previously advocated free trade and minimal state intervention into economic processes, was forced to adapt to new conditions by developing a set of protective measures aimed at maintaining national economic stability. The authors examine the reasons for introducing protectionist instruments, describe the implementation mechanism of relevant reforms, and assess their effectiveness with respect to the situation of the late 1920s – early 1930s. The paper emphasizes the importance of studying the British experience of adaptation to economic crises for understanding the patterns of evolution of the global financial system and formulating recommendations for modern conditions of managing financial-economic processes.

Key words: British Empire, United Kingdom, United States of America, Germany, imperialism, colonies, geopolitics, Pax Britannica, protectionism, economic crisis, financial system, peripheralization.

Ndongo Nlate Jean Martial

Geopolitical changes: the US and Russia after Trump's election – a path to cooperation or increased competition?

Relations between the United States and Russia remain a key factor in global stability in the multipolar international system. Donald Trump's victory in the 2024 presidential election, returning to power a leader with an unpredictable and pragmatic foreign policy, raises pressing questions about the possible trajectory of bilateral relations. This study aims to conduct a comprehensive analysis of probable scenarios for the development of Russian-American relations in the medium term, with a particular focus on the settlement of the conflict in Ukraine, arms control, cybersecurity, sanctions policy, and economic cooperation. The use of systemic, comparative, and institutional analysis allows us to identify key internal and external factors determining the dynamics of relations, assess the impact of political and economic changes on US foreign policy, and forecast potential consequences for global security. This article examines the foreign policy strategies of the Trump (2017–2021) and Biden (2021–2025) administrations in the context of Russian-American relations. The use of comparative, discourse, institutional, and systemic analysis allows us to identify transformations in rhetoric, assess the impact of US domestic policy, and identify key factors driving the dynamics of bilateral relations. The research's novelty lies not in the promulgation of well-known theses, such as “Trump's pragmatism” or “structural contradictions,” but in the comprehensive application of systemic, comparative, discourse, and institutional analysis to examine a specific, brief, yet highly dynamic period—the first years of Donald Trump's new presidency. Unlike studies that focus on long-term trends or analyze previous administrations, this study seeks to identify causal relationships between the Trump administration's immediate actions and Russia's response. This approach allows us to assess the immediate impact of domestic and external factors on bilateral relations, predict potential consequences for global stability, and gain a deeper understanding of the transformation of US foreign policy in a rapidly changing international environment.

Key words: geopolitics, USA, Russia, presidential elections, Trump, cooperation, rivalry, foreign policy, conflict in Ukraine, arms control.

Ansari Ramzi Ismail Mahmoud

Spatio-temporal analysis of infrastructure development and demographic changes in the West Bank territories (2000–2024): a cartographic study

Territorial changes through settlement infrastructure represent mechanisms of demographic reconfiguration – processes that alter population distribution/ethnic composition in disputed terri-

tories. Developing a comprehensive cartographic methodology for assessing the impact of settlement infrastructure on the demographic balance/systems of territorial control in the West Bank territories (2000-2024); compiling correlation matrices between infrastructure projects and demographic shifts. Analysis of multi-temporal satellite images (Sentinel-2/WorldView-3; 12 time slices) integrated with demographic data from PCBS/CBS/UNRWA; spatial analysis using ArcGIS Pro Network Analyst, ENVI/Google Earth Engine for multispectral classification, the R statistical environment (*sf/spatstat/geOR* packages) for correlation modeling; Each fact was verified three ways: using satellite images, field reports, and official documents. The built-up area increased by 88.1% (312 km² – 587 km²); the settlement population increased by 160% (193,000 – 502,000 residents); the length of “settler-only” roads increased from 812 km to 1,347 km; the number of checkpoints increased from 38 to 147; and Palestinian travel time increased by 280%. The methodological framework allows for international legal assessments – cartographic data complies with international documentation standards.

Key words: spatial analysis, demographic change, infrastructure, land use, water resources, remote sensing, transport networks.

Demidov A.V.

Russia and the Baltic States: a historical retrospective. Part One: Russia and the Baltic peoples in the middle ages

The article examines certain aspects of the historical roots of relations between Ancient Russia, on the one hand, and the Livs (the ancestors of Latvians) and Estonians (the ancestors of Estonians), on the other. Attention is drawn to the factor of penetration of Germans (priests and militant knights) into the Baltic region. The article considers the interaction of Russians, Livs and Estonians in resisting German expansion.

Key words: Baltic States, Livs, Estonians, Polotsk, Veliky Novgorod, priests, bishops, knights pilgrims, Order of the Sword, feudal lords, Ivan IV Vasilyevich.

Kun Weiran

A study of oral history of mixed Chinese-Russian families from a microhistorical perspective

The article examines the methodological potential of the microhistorical approach to studying the oral history of mixed Sino-Russian families. The author analyzes the specifics of intercultural family memory, the mechanisms of transmission of cultural codes and adaptation strategies in the conditions of cultural borderland. The study is based on the analysis of existing scientific works, as well as on field materials collected in the border regions of the Russian Far East. A typology of family narratives and a model for analyzing the intergenerational transmission of cultural memory in bicultural families are proposed.

Key words: microhistory, oral history, mixed marriages, Sino-Russian families, cultural memory, intercultural communication.

Milandu Bretnel C.R.

SADC and the 2011 elections in Democratic Republic of the Congo. Is this a sign that society's commitment to democracy is waning?

Democratic Republic of Congo (DRC)' covers key aspects of the political situation in the country in the context of the presidential and parliamentary elections. The 2011 elections in the DRC were an important milestone for the young democracy, but were also accompanied by a number of challenges, such as allegations of fraud, violence and lack of transparency. The System of Active Democratic Control (SADC), which included both national and international organisations aimed at ensuring the integrity and transparency of the electoral process, played an important role in organising and monitoring these elections. Despite efforts to control the elections, the results were contested and the situation led to political instability in the country. The abstract examines both the role of SADC and the impact of these elections on the internal politics of the DRC, including on relations between

different political forces, civil society and the international community.

Key words: SADC, Democratic Republic of the Congo (DRC), 2011 presidential elections, 2011 parliamentary elections, international monitoring, political stability, democratization, civil society, political conflict, manipulation of results, socio-political situation.

Ngoye S.T.

The military cooperation between the Russian Federation and the Republic of Angola: legacies of the Cold War and new directions

This article examines the development of military relations between Russia and Angola, focusing on historical heritage, changes that have taken place, and recent events. Relations between Russia and Angola, which date back to the Cold War, were based on the Soviet Union's decisive support for the Angolan People's Liberation Movement (MPLA) from 1975 onwards. This support led to a continued dependence on Soviet military equipment and contributed to the formation of the Angolan political and military elite. After the collapse of the Soviet Union, this cooperation went through a period of decline, characterised by the rise of China and the growing influence of Western powers on the Angolan economy.

Since 2014, faced with growing tensions between Moscow and the West, Russia has been seeking to re-strengthen its partnership with Angola, with a focus on technical support (maintenance, arms supplies, training) and new economic projects in the oil and mining industries. However, this dynamic faces challenges related to the structural constraints of the Russian economy and competition from other international players.

Overall, military cooperation between Russia and Angola represents a pragmatic and complementary partnership that is more symbolic than fundamental in nature and illustrates the contemporary multipolar logic. It also reflects Angola's intention to diversify its alliances, while financing from China and the West remains a priority.

Key words: relations between the Russian Federation and the Republic of Angola, military cooperation, Cold War legacy, defense partnership, arms supplies, African geopolitics, post-Soviet Russia, security cooperation, multipolarity, strategic partnership.

Ndongo Nlate Jean Martial

The influence of oil and mineral resources on foreign policy: examining Cameroon's international relations and investment attraction

This article investigates the complex interplay between Cameroon's substantial hydrocarbon and mineral endowments and its conduct in international affairs. Utilizing a qualitative methodology grounded in resource diplomacy theory and dependency analysis, it examines how these assets shape diplomatic engagements, alliance formations, and foreign investment flows. While acknowledging arguments emphasizing the constraints of resource dependency, the study posits that Cameroon actively leverages its resources for strategic autonomy and development partnerships. Key findings reveal a pattern of diversified partnerships mitigating traditional dependency risks, though governance challenges persist. The research contributes novel insights by dissecting Cameroon's specific strategies within the broader "resource curse" discourse and its implications for middle-power resource states in Africa.

Key words: Cameroon, Foreign Policy, Resource Diplomacy, Oil Dependence, Mineral Resources, Foreign Direct Investment (FDI), Resource Curse, Economic Diversification, International Relations, Africa.

Eyamba A.E.

Human trafficking and the exploitation of women and children in Nigeria: socioeconomic drivers and prevention strategies

Human trafficking victims among women and children are increasing because various socioeconomic conditions create their vulnerability to exploitation. This paper examines the ongoing presence

of human trafficking in Nigeria by identifying socio-economic conditions that foster it including poverty and unemployment and illiteracy and cultural practices. The trafficking system exploits such situations while simultaneously exposing the limitations of current legal frameworks and policing protocols that fail to address the issue effectively. The research conducts a review of present-day human trafficking mitigation practices while presenting productive solutions which target trafficking supply and demand. The fight against human trafficking requires economic programs and changes to laws together with international alliances and public education initiatives. The research emphasized the necessity of strengthening social programs that assist victims through rehabilitation and reintegration services to stop their ongoing victimization. By resolving the underlying factors in the fight against human trafficking and exploitation of the vulnerable population, Nigeria can bring in substantial shifts in the battle against these crimes. This study examined how the issues of poverty, illiteracy, and unemployment affect victims and exploited groups (women and children) in the context of human trafficking in Nigeria.

Key words: human trafficking, socioeconomic drivers, exploitation, human rights violation, prevention strategies, NAPITIP Nigeria.

Semenova S.A.

Formation and development of a network of automobile winter shelters in the arctic regions of Yakutia: a history of the issue

The study of the development of land communication routes has recently become particularly important. The study of the formation of such a type of land communication in Yakutia as automobile winter roads and their role in the history of the region is relevant. From the second floor. In the 20th century, extensive land-based communication routes were widespread and formed in the Arctic regions of Yakutia. Land arteries, in particular, seasonal winter roads, ice crossings, still play an important role in freight and passenger transportation, as well as in providing remote Arctic regions with food and essential goods. The methodological basis of the study is the historical and genetic method used to reconstruct the formation and evolution of the network of land routes (winter roads) in the north-east of Yakutia from the Soviet period to the present, the historical and diachronic method, which allows us to observe the evolution of automobile winter roads in the studied chronological stages. The study showed that the history of the development of winter land routes, namely automobile winter roads, dates back to the Soviet period.

Key words: Yakutia, Kolyma tract, communication routes, seasonal roads, Arctic, industrial development, cargo turnover.

Filippovskaia L.V.

Higher education science in Kyrgyzstan in the post-Soviet period: political and economic prerequisites for transformation (1991–2000)

The article examines the political and economic factors that determined the development of university science in the Kyrgyz Republic in the first decade after independence (1991–2000). It analyses the consequences of the collapse of the USSR for the higher education and research system, including the loss of centralised funding, the destruction of inter-republic scientific ties, and the need to form a national legislative framework. The influence of political instability in the 1990s on the development and implementation of long-term scientific and educational strategies is highlighted. The consequences of the economic crisis and budget cuts for science, which led to an outflow of personnel and a decline in scientific activity, are examined. The role of international organisations in supporting scientific fields and modernising university infrastructure is analysed. It is shown that, despite the difficult conditions, the foundations were laid during this period for the subsequent institutional strengthening of university science and the integration of Kyrgyzstan into the global scientific community.

Key words: Kyrgyzstan, post-Soviet period, higher education, university science, political transformation, economic crisis, international cooperation.

Авторы

Ансари Рамзи Исмаил Махмуд - аспирант кафедры востоковедения и Африканистики. Институт гуманитарных и социальных наук, Российский Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Бережнов И.Р. - студент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Борисова-Лебедева М.Ю. - старший научный сотрудник, ФГБУК Музей политической истории России, г. Санкт-Петербург.

Борисочкин С.Б. - аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. Научный консультант, Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев», г. Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0005-0351-3092

Бузанова Н.А. - кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, кафедра истории и философии Факультета истории, политологии и филологии.

Гольцов А.Н. - аспирант кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Деду Е.И. - старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Демидов А.В. - кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук, доцент. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Евлоева Л.М. - кандидат исторических наук. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас, Республика Ингушетия. SPIN-код: 7085-9463

Евлоева Ф.Р. - кандидат философских наук, доцент, Ингушский государственный университет, г. Магас, Республика Ингушетия. SPIN-код: 3312-7922

Зяблова О.А. - доктор филологических наук, профессор, доцент. Дипломатическая академия МИД России. SPIN-код: 1789-5756

Итин Д.А. - студент 4-го курса Факультета мировой экономики. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел России.

Кошкокова С.Я. - кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Кручинский Д.А. - аспирант. Иркутский государственный университет. ORCID: 0009-0008-7455-7529

Кулбужева Т.А. - Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас, Республика Ингушетия.

Кун Вэйжань - аспирант, Исторический факультет, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

Лыскова И.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел России.

Микуленок А.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Северо-Кавказский Филлиал Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Краснодар.

Миланду Бретнель К.Р. - аспирант 1 первого курса. Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы.

Моисеев А.Н. - ФГКОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Г. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Сызрань.

Моисеева Т.А. - кандидат исторических наук, ФГКОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Г. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Сызрань.

Мурашко С.Ф. - кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Мякотин А.А. - кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени Ак. С.П. Королева (кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения). Самарский государственный медицинский университет (кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук).

Нгойе С.Т. - аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. ORCID: 0009-0003-9873-5549

Ндогго Нлате Жан Мартваль - ассистент кафедры Теории и истории международных отношений. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Орлов Е.И. - магистрант, Сибирский Федеральный Университет, г. Красноярск. SPIN-код: 1142-1688

Павлова Е.К. - доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Рудакова С.В. - кандидат психологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Семенова С.А. - младший научный сотрудник. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Сибирское отделение Российской академии наук), г. Якутск.

Торунов В.А. - аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский государственный университет имени С.П. Королева, г. Самара.

Филипповская Л.В. - учёный секретарь Учёного Совета, соискатель кафедры истории, Кыргызско-Российский Славянский университет, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

Хабарова Е.И. - учитель истории и обществознания ОУЧ «Школа» «Лидер» с углубленным изучением английского языка в Московской области, г. Истра.

Чарказян П.Ш. - студент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Шавлохова Е.С. - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Шамуродова Газына - аспирант, Министерство просвещения Российской Федерации. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования. Государственный университет просвещения. Кафедра теории языка, англистики и прикладной лингвистики.

Щербинина Ю.В. - кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, кафедра истории и философии Факультета истории, политологии и филологии.

Эйамба А.Э. - аспирант, кафедра истории международных отношений и внешней политики. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Authors

Ansari Ramzi Ismail Mahmoud, Postgraduate student of the Department of Oriental and African Studies, Institute of humanities and social sciences. Peoples' friendship university of Russia.

Berezhnov I.R., Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Borisochkin S.B., Post-Graduate student of the Department of Russian History, A.S. Pushkin Leningrad State University; scientific consultant, Foundation for the Preservation of Historical Memory "International Center for Northern Convoys", St. Petersburg. ORCID: 0009-0005-0351-3092

Borisova-Lebedeva M.Y., Senior Researcher, Museum of Political History of Russia, St. Petersburg.

Buzanova N.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Department of History and Philosophy of the Institute of Education and Social Sciences.

Charkazyan P.S., Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Department of History. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Demidov A.V., Candidate of Political Science, Associate Professor. Moscow University of Humanities and Economics.

Dolgenko A.N., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Evloeva F.R., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia. SPIN-code: 3312-7922

Evloeva L.M., Candidate of Historical Sciences. Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev. Magas, Republic of Ingushetia. SPIN-code: 7085-9463

Eyamba A.E., Postgraduate Student, Department of History of International Relations and Foreign Policy. Peoples' Friendship University of Russia.

Filipovskaia L.V., Scientific Secretary of the Scientific Council, Candidate for the Chair of History, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Goltsov A.N., Postgraduate student of the Department of History. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Itin D.A., 4th-year student, Faculty of World Economy. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Khabarovsk E.L., History and Social Studies teacher at the Leader School with advanced English language studies in the Moscow Region, Istra.

Koshokova S.Y., PhD in History, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Kruchinskii D.A., Postgraduate student. Irkutsk State University. ORCID: 0009-0008-7455-7529

Kulbuzheva T.A., Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev. Magas, Republic of Ingushetia.

Kun Weiran, Graduate Student, Faculty of History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Lysikova I.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of European Languages. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Mikulenok A.A., PhD in History, Associate Professor, the department of Social, Humanitarian and Natural Science Disciplines. North Caucasus Branch of Russian State University of Justice.

Milandu Bretnel C.R., Post-graduate student. People's Friendship University of Russia.

Moiseev A.N., Federal State Educational Institution of Higher Education “Military Educational and Scientific Center of the Air Force “Air Force Academy named after Professor N.G. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin”, Syzran.

Moiseeva T.A., Candidate of Historical Sciences. Federal State Educational Institution of Higher Education “Military Educational and Scientific Center of the Air Force “Air Force Academy named after Professor N.G. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin”, Syzran.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Myakotin A.A., PhD in History, Associate Professor. Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Department of World History, International Relations, and Archival Studies). Samara State Medical University (Department of National History, Medicine, and Social Sciences).

Ndongo Nlate Jean Martial, Assistant lecturer at the department of Theory and History of International Relations. People’s Friendship University of Russia.

Ngoye S.T., Postgraduate student. Peoples’ Friendship University of Russia. ORCID: 0009-0003-9873-5549

Orlov E.I., Master’s student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk. SPIN-code: 1142-1688

Pavlova E.K., Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for humanities faculties of the Faculty of Foreign Languages and regional studies of Lomonosov Moscow State University.

Rudakova S.V., Candidate of Psychological Sciences, Docent. Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Semenova S.A., Junior Researcher. Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk.

Shamuradova Gazina, Postgraduate Student. Ministry of education of the Russian Federation. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “State University of Education”. Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics.

Shavlokhova E.S., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Political Science, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Shcherbinina Yu.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Department of History and Philosophy of the Institute of Education and Social Sciences.

Torunov V.A., Postgraduate Student, Department of Russian History and Historiography, Samara National Research State University named after S.P. Korolev, Samara.

Zyablova O.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. SPIN-code: 1789-5756

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru